

Б. ШТЕРН
**ОСТРОВ
ЗМЕЙНЫЙ**

НОВАЯ
РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СЕРИЯ НОВАЯ РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Г.Л. Олди
ВОСТАВШИЕ ИЗ РАЯ

В. Рыбаков
ДЕРНИ ЗА ВЕРЕВОЧКУ

А. Лазарчук
ЖЕСТЯНОЙ БОР

Г. Прашкевич
ШКАТУЛКА РЫЦАРЯ

Б. Штерн
ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ

...Миша Шлиман с Машей Сидоровой, как последние ученики, обитали на последней, камчадальской парте и были последними учениками не только в классе, но и, наверно, во всех хедерах от Мадрида на Западе до Ташкента на Востоке, что и делало им честь: быть последними лоботрясами от Стокгольма на Севере до Аддис-Абебы на Юге — тоже все-таки д о с т и ж е н и е. Зато с той самой старомодной честью, которую "береги смолodu", у Мишеля с Машей обстояло неважно: по версии семьи Сидоровых, Мишель насильно испортил Машу; по версии Шлиманов — все было наоборот: Маша коварно соблазнила Мишеля. Где и когда произошел у них первородный грех, уже не узнает ни один Держиморда из полиции нравов. Мало ли...

**Борис
ШТЕРН**

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ

Рассказы
Повесть

Харьков
«ФОЛИО»
Донецк
ИКФ «СТАЛКЕР»
1996

ББК 84.4УКР6-РОС
Ш90

Серия «Новая русская фантастика»
основана в 1996 году

Издание подготовлено при участии
Творческой мастерской «Второй блин»
(г.Харьков)

Редакторы-составители
Д. Е. Громов, О. С. Ладыженский

Художник
Д. Н. Капельников

Ш 4702010201 - 012
96 Без объявл.

ISBN 5-7150-0381-4

© Б.Г. Штерн, 1996
© Д.Е. Громов, О.С. Ладыженский,
составление, редакция, 1996
© Д.Н. Капельников, художественное
оформление, 1996

АВТОБИОГРАФИЯ

ШТЕРН Борис Гедальевич
(1947 — предположительно 2010 г.г.)

Водолей. Родился в полпервого ночи в день Святого Валентина (международный День Любви, 14 февраля), в год Свиньи (Кабана?), в Матери Городов Русских, то ли накануне, то ли сразу после сталинской денежной реформы, когда старые деньги уже не «функциклировали», а за новые нечего было купить. Нормальное состояние. С тех пор так и живу и до сих пор не пойму, почему Киев — именно «мать», а не «отец» городов русских? В этот же день (14 февраля, но в другие годы) родились: Барух Спиноза и Петр Ефимович Шелест.

Таким образом пережил всех правителей бывшего СССР, кроме, разумеется, Ленина — Ленин всегда живой. Хорошо помню похороны Сталина. С гордостью носил траурную повязку, стоял в карауле у портрета любимого генералиссимуса в детском саду. Слезы мамы. Слова отца: «Чего ты плачешь?.. Может, лучше будет». Хорошо помню Никиту. Видел его живьем на трибуне во дни 40-летия Советской Украины (1957). На Крещатике был парад. И я там был. Помахал ему рукой: мол, держись, Мыкита!.. Жаль, не удержался. Отлично помню всех остальных: Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева, Янаева и опять Горбачева (но уже другого). Особенно запомнились три дня правления Янаева (наверно, рекорд — кто еще на Руси правил меньше?).

На вопрос: «Что делал во времена ГКЧП?», честно отвечаю: «Одним глазом смотрел «Лебединое озеро» и одним пальцем отстукивал на машинке фантастический рассказ о галактическом инспекторе Бел Аморе, который всегда клал на политику».

Где работал: где только не работал. Даже помогал добывать нефть в Сургуте и Нижневартовске, даже в Одессе жил и трудился 17 лет. А 17 лет жизни в Одессе — это не комар наплакал. Основная работа ныне: сижу дома на опушке леса на окраине Киева, курю «Беломорканал» и стучу чего-нибудь на пишущей машинке в надежде на гонорар. Член Спилки Пысьменныкив.

О фантастике (поскольку называюсь «писателем-фантастом»). Моя первая книжка (которую прочитал) — фантастический детектив с четырьмя покушениями и одним убийством. «Колобок». Восхищен по сей день. Очень советуую.

Моя первая книжка (которую издал) — «Чья планета?» Вышла в свет в 1987 г., когда мне стукнуло ровно 40 лет. Вторую книжку собирался назвать тоже с вопросительным знаком: «Кто там?», но назвал почему-то «Рыба любви» (1991). Значит, называть третью книгу «Что делать?» уже не придется. И слава Богу! Вообще, пишу то, что в данный момент хочется писать — сказки, фантастику, реалистику, сатиру, иногда стихи. Специализироваться в каком-то одном жанре нет потребности. Недавно написал одноактную пьесу. Иногда под плохое настроение утверждаю, что фантастика — не литература, а мироощущение; и что писателей-фантастов вообще не существует, а существуют хорошие и плохие писатели.

О вкусах. Не люблю литературоведческие термины (эпитет, метафора, архитектоника и т. п.) — наверно, потому, что закончил одес-

ский филфак и объелся этими терминами на всю оставшуюся жизнь.

Настороженно отношусь к писателям-деловарам. Никогда не доставал бумагу, не торговал книгами, не загонял вагоны с утильсырьем. Но вне литературы считаю эту деятельность весьма полезной. Пусть все же каждый занимается своим делом: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, издатель — издаеивает, а книжные пираты — попираствивают.

О женщинах: люблю.

О коллегах-фантастах: уважаю.

О женщинах-фантастках: люблю и уважаю.

Не признаю в литературе «школ» («школа Ефремова», ленинградская [санкт-петербургская?], малеевская, сибирская, одесская, дальневосточная...). Что за школярство? Писать научить нельзя. Умеешь или не умеешь. Но доброжелательное участие в судьбе молодого автора необходимо. Таким для меня Шефом является Борис Стругацкий, с которым знаком с 1971 года, считаю это фактом своей биографии и иногда хвастаюсь перед читательской НФ-публикой.

О смерти. Замечено: хорошие российские фантасты умирают не старыми — Александр Беляев, Иван Ефремов, Аркадий Стругацкий... Скорбный список можно продолжить.

Об издательствах: ненавижу ходить по издательствам. Но: что делать?

О редакторах: когда с гордостью говорят: «Я — профессиональный редактор!», отвечай: «Такой профессии не существует!» Хорошему писателю редактор не нужен — он сам себе редактор. Редактор нужен плохому писателю (плохой писатель — это писатель без редактора в голове) — но кому нужен плохой писатель?

Любимый цвет: радуга.

Напиток: и пиво тоже.

Еда: что Бог пошлет.

Верю ли в Бога: убежденный атеист, сомневающийся неверующий.

Любимый писатель: Антон Павлович Чехов.

Любимая книга: странно, любимый писатель — Чехов, а любимая книга — «Три мушкетера» («Колобок» не в счет), при том что Дюма-отец — не самый сильный писатель. Почему так?

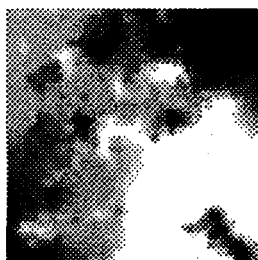
Любимый поэт: два-три десятка стихотворений разных поэтов.

Семейное положение: две жены (в разное время!) и две дочери.

Национальность: ежу понятно.

Что еще?

Еще о смерти. В юности одесская цыганка с Молдаванки нагадала мне 63 года в этой жизни. Вполне удовлетворен и с тех пор не гадаю. Значит, через 18 лет в 2010 году пора собирать вещички.

***Недостающее
звено***

ДОМ

1

Когда Дом вышел на пенсию, он спустился с небес на Землю и остался жить в городе у моря. Его прельстили мягкий климат, взбадривающие парные бани из утренних туманов, ласковые птицы и злющие коты, гуляющие по крыше, а также вид на городские пляжи, где круглые полгода с высоты своего роста он мог любоваться живыми женщинами — южными, северными и дальневосточными.

Нравился ему и город — в меру провинциальный, город жил не спеша, размеренно, иногда разморенно; современные здания скромно возвышались над старинными особняками; живы были и базары под открытым небом, куда привозилось все, что есть на свете съедобного, а население, в отличие от столичного жителя, презирало очереди в магазинах и предпочитало толкаться с кошельками на базарах.

Такая жизнь подходила Дому. Он не стремился в пику кому-то подражать старинным манерам жизни, просто ему нравились запахи вишневого варенья и жареного картофеля; просто он любил хозяйничать.

Кто он такой, Дом, не вполне понятно. Он происходил из семейства Флигелей, но обстоятельства его рождения окутывала какая-то жгучая тайна, какой-то адюльтер. Ясно одно: звали его Домом, и он был живым, не в пример земным домам.

Он был флегматиком по натуре, а зимой над морем хорошо постоять, посмотреть, подумать; но иногда ему хотелось вскочить, хлопнуть дверь, сделать что-то такое... — и шумный летний город тоже ему подходил. Дом читал книги о стоящих на рейде кораблях с иностранными названиями, о платанах и бульварах, о развеселых городских жителях. Дому нравились эти книги. Он часто перечитывал их, изучал обстановку и в конце концов решил на переселение, когда узнал об острой нехватке жилья в городе.

Город звался Отрадой — для ясности.

Как уже говорилось, Дом выбрал место над самым морем, у нового фуникулера, принял дряхлый вид — под стать окружавшим его домам, решил вздремнуть до утра, а потом осмотреться и обдумать свои дальнейшие действия. Он так и не заснул, потому что с удовольствием разглядывал разноцветные фонарики на новом фуникулере, а перед самым рассветом его внимание отвлек шум у соседней шашлычной — какой-то гражданин ломился в дверь и слезно просил пива.

2

Злостный пенсионер Сухов от скуки вставал так рано, как никто больше не мог, и не спеша обходил свои владения. Сначала он шел к мусорному ящику и по обрывкам бумаг пытался определить, кто из соседей ночью нелегально выносил мусор. Потом он заглядывал в окна своего личного врага инвалида Короткевича, который почему-то с гордостью представлялся «инвалидом первой степени». Сухов давно грозился побить инвалиду морду или окна и вот все похаживал вокруг, примеривался, прицеливался.

Итак, несмотря на теплый май, Сухов вышел во двор в пальто и в зимней шапке и решил, что он не в тот двор вышел. Еще вчера они с инвалидом Короткевичем жили по-соседски стеной к стене, стенкой на стенку, славно ругались, как собаки, и вдруг за одну ночь между ними построился новый дом... да какой новый дом! Обшарпанный флигель, будто сто лет здесь стоял, — будто так и надо.

Сухову захотелось лечь в постель и послать жену за участковым врачом. Он почувствовал слабость, как после хорошего скандала. Но он пересилил себя, пошел к шашлычной и оттуда взглянул на новый дом. Его взгляду открылся фасад — два узких окна, облинявшая черепица на крыше, кривой деревянный балкон, сквозь который проросла старая акация. Остальных подробностей Сухов не заметил, ему все было ясно и без подробностей: он очень больной чем-то человек, если, прожив всю жизнь здесь, на Люксембургском бульваре, никогда не видел этого Дома.

Сухов улегся в постель, а в это время вышел во двор инвалид Короткевич.

— Раз-два, — сказал Короткевич и стал делать зарядку посреди двора. — Руки на ширине ног. Не ругай меня ты, мама,

что хожу я часто пьяный,— запел он, заглядывая в окна Сухову.— Спит, дурак, скоро помрет.

Потом Короткевич увидел новый дом... Он туго сообразил, что никакого дома здесь быть не должно, и быстро заковылял домой, но послал жену не за участковым врачом, а наоборот — за участковым уполномоченным.

И еще одно утреннее событие — проснулась дворничиха подметать улицу, обнаружила новый дом и подняла крик. Выбежал во двор ее зять, грузчик из мебельного магазина, опешил поначалу, но потом, сказав: «Цыть, мамаша!», помчался через Люксембургский бульвар к начальнику жилищного управления.

В полдень встретились во дворе начальник жилуправления Мирзахмедский, участковый врач и участковый уполномоченный. Они о чем-то беспокойно говорили, разглядывая новый дом, и затравленно озирались — к ним уже приближался инвалид Короткевич, хромая больше обычного. А Сухов все не мог найти свою шапку и потому запаздывал. Комиссия опечатала дверь пластилином и пустилась наутек, а Сухов и Короткевич слышали только, как невнятно бормотал начальник жилищного управления:

— Неучтенная жилпло...

Сухов и Короткевич понимающе улыбнулись и направились к неучтенной жилплощади. У опечатанной двери их поджидал дворничихин зять.

— Подвезло гадам! — злодейски сказал зять, тыча пальцем в пластилиновую пломбу.— Если бы моя власть...

Опять понимающе улыбнулись Сухов и Короткевич и разошлись по своим квартирам: Сухов налево от опечатанной двери, Короткевич — направо. Дома Сухов взял молоток и зубило, а Короткевич схватил ржавый топор. Потом каждый ударил по своей стене так, что Сухову на голову свалился собственный портрет, а у Короткевича сломалось топорщице.

Через несколько минут Сухов влез сквозь разлом в неучтенный флигель и у противоположной стены стал поджидать Короткевича.

А вот и он! Выпало три кирпича, и в дыру просунулась озабоченная пыльная голова.

— Ты что это... без спросу в мою квартиру!? — прошептал Сухов, удобнее прилаживая в кулаке багетину от упавшего портрета.— Двери тебе нет?

3

Дом попытался думать о чем-то своем, но его внимание отвлекала шумная драка внутри и боль в разломанных стенах. Не так он себе все представлял... он думал, что в него вежливо постучат, он откроет дверь и увидит счастливую семью с детишками; он покажет новоселам три светлые комнаты, кухню, туалет и ванную, проведет на огромный чердак, где можно сушить белье... он надеялся, что сумеет показать товар лицом, да и незаметно разглядеть своих будущих домоладцев.

От поднявшейся пыли Дом расчихался, а Сухов и Короткевич на мгновение перестали драться и обратили внимание на странное подрагивание потолка.

«Ничего похожего не получилось, — подумал Дом. — Как видно, первыми подросли не те люди».

Инвалид Короткевич в это время колотил пенсионера Сухова в тесной кухне. Дом хотел было защитить слабого, но пенсионер, удачно увиливав, не бросился наутек, а наоборот — зажал инвалидову голову в дверях и принялся его душить.

Дом всякого навидался на своем веку, много говорить он не любил и сейчас знал, что не ошибется. Он выругался подомашнему и чихнул посильнее. Потолок на кухне рухнул, а Сухов и Короткевич очнулись вечером в городской больнице, но в разных палатах.

4

В жилищном управлении под председательством Мирзахмедского создали комиссию. Она бродила по рухнувшему потолку, заглядывала в проломы, морщила нос и называла дом «аварийным». Постановили: отремонтировать дом в текущем месяце и вселить в него остро нуждающихся в жилье граждан. Проломы забили досками и фанерой, дверь опять опечатали и ушли по своим делам.

Весь текущий месяц Дом терпеливо высматривал из окна ремонтную бригаду; наконец май истек. Дом понял, что у бригады нет цемента, нет алебаstra, нет обоев; что бригада ремонтирует дома на стороне тем, у кого все это есть; что Мирзахмедский ничего не может с этой бригадой сделать; что самой бригады вообще не существует.

Он сам сделал ремонт. Нарастил стены и потолок, побелил кухню, достал с чердака обои с цветочками. Потом установил в коридоре телефон и позвонил в жилуправление.

— Дом уже отремонтирован, можно вселяться, — с надеждой сказал Дом.

— Перестаньте шутить, — нервно ответили из жилуправления и бросили трубку. — Опять дворничихин зять звонил, — доложили Мирзахмедскому. — Все ходит, и ходит, и звонит, и звонит... добивается улучшения.

— Этот добьется, — вздохнул Мирзахмедский.

Но Дом не для того спускался на Землю, чтобы обивать официальные пороги с просьбой поставить его на квартирный учет. Он имел свои собственные пороги и хотел привлечь к ним внимание. Он подумал, подумал, подпалил чердак и стал ожидать, что будет дальше.

Внимание было оказано, да какое!

Дому было очень приятно — он так красиво полыхал, что вся Отрада сбежалась посмотреть на него. Больше всех повезло шашлычной, где за кружкой пива открывался лучший вид на горящий пейзаж. Но и продовольственный магазин с бульвара не был в обиде, да и с пляжа неплохо смотрелся пожарчик.

Пока все смотрели, по двору бегал дворничихин зять с пустым ведром и кричал:

— Где Мирзахмедский?! Уберите этого идиота!

Идиотом оказался тот самый подпольный бригадир ремонтной бригады. Он вышел из подполья, закрыл грудью опечатанную дверь горящего дома и разъяснял всем, что без Мирзахмедского никто не имеет права ее распечатывать. Создалась безвыходная ситуация: дом горит, пожарников не вызывают, потому что у дома нет адреса, а у Мирзахмедского от этого дома головные боли, за ним уже послали.

Дом плюнул и перестал гореть.

— Граждане, расходитесь! Это была ложная учебная тревога! — вскричал удивленный бригадир.

Вся Отрада недоумевала: попахло жареным и перестало. Что-то не так происходило, как полагается.

Наконец прибежал перепуганный Мирзахмедский, узнал, что пожар самопроизвольно закончился и ничего не сгорело, схватил ненавистного бригадира подпольной бригады за шкурку с требованием отремонтировать этот чертов дом, иначе... но бригадира и след простыл. Осталось от бригадира одно пустое ведро.

— А зачем ремонтировать? — громко спросил Дом. — Дом давно отремонтирован, можно вселяться.

— Кто это сказал? — озлобленно спросил Мирзахмедский, оглядывая двор.

Никто не знал.

Мирзахмедский сорвал с двери шлюмбу, вошел в дом, недолго там пребывал, вышел и спросил:

— Кто это сделал?

— Что? — спросил дворничихин зять.

— Ремонт.

— Я! — недолго думая, ответил зять.

Мирзахмедский задумался и пошел обедать в шашлычную, где буфетчица охарактеризовала ему дворничихино зятя с самой лучшей стороны.

5

Наконец-то дворничихин зять получил квартиру! Он долго ее добивался.

Он злорадно явился к Сухову с ордером и бутылкой водки, чтобы отпраздновать событие. Сухов, выйдя из больницы, поумнел, изменил тактику, понял, что мировое зло голыми руками не возьмешь, и купил в комиссионном магазине пишущую машинку. На ней он вскрывал недостатки и бил в колокола. Звону было на всю Отраду. Приходили комиссии, проверяли пустой дом без адреса — ничего не нашли. Стоит дом, будто сто лет здесь стоял. Откуда взялся — неизвестно. Никто в нем не живет, будто так и надо...

С людьми Сухов научился говорить по душам, и жильцы были очень довольны, если удавалось проскочить мимо него не здороваясь.

— Слухай сюда, парень, — сказал Сухов дворничихину зятю. — Не ходи ты в этот дом. Его скоро снесут, понял? Это Я тебе говорю. А знаешь ли ты, где потом квартиру получишь? Аж на самом Хуторе, два часа езды до бульвара.

— Нигде не написано, — с достоинством отвечал зять. — Хочешь сносить — давай квартиру на бульваре, или не высьюсь, хоть стреляй!

Так они говорили, а Дом этот разговор слышал. Он обрадовался и засуетился: исполнялась мечта его старости — обрести родную семью, помочь, приласкать, вырастить, а взамен принимать заботу и уважение. Всю ночь он, кряхтя, скрипя и поднимая пыль, проводил генеральную уборку.

Утром сбылись мечты Дома. Представитель власти Мирзахмедский ввел счастливую семью в новую квартиру, тут же раскланялся и оставил новоселов одних.

6

Семья была не то чтобы большая, но запутанная. Главой, конечно, был дворничихин зять, грузчик из мебельного магазина. Он недавно развелся с дворничихиной дочкой и выгнал ее из родительского дома за гулянье с другим. Сама дворничиха, баба жалостливая, работающая, вставала рано, ложилась рано, чтобы вставать рано, улицу содержала в чистоте, а квартиру в захламлении — неорганизованная мамаша, по мнению зятя. Ее старенький муж, кандидат каких-то гуманитарных наук, полюбил дворничиху еще в конце сороковых годов за то, что она работала в магазине «Продовольствие». У них еще был поздний сынишка, король микрорайона с двумя приводами в детскую комнату милиции.

Еще несколько приятных минут испытал Дом в тот же вечер в ожидании гостей на новоселье. Со стороны зятя пришли его коллеги по перевозке мебели, дворничиха позвала буфетчицу из шашлычной, старик-кандидат пригласил двух аспирантов-гуманитариев из университета, ну и сынишка дал ключ, и в дом заявилось немного малолетней шпаны. Гуляли долго. Грузчики философствовали, гуманитарии сквернословили, буфетчица с дворничихой плакали о своих загубленных молодостях, шпана плевала с балкона на крышу шашлычной и чуть не попала на фуражку участкового уполномоченного, который шел разнимать и мирить опять подравшихся Сухова и Короткевича.

На том и разошлись, пьяные и заплаканные.

Дом еще пребывал в благодушном настроении, когда зять снял со стены подлинного Ренуара и повесил картину неизвестного художника, изображавшую преследование волками ночью в степи какого-то перепуганного всадника в рыжей шубе. Дом еще только недоумевал, разглядывая, как седой кандидат гуманитарных наук прилаживает в ванне самогонный аппарат, а дворничиха мерит швейным метром стены и шевелит губами.

Затем навалилась прорва событий, от которых Дому стало плохо. Зять перегородил комнаты досками, завесил простынями и запустил в дом диких курортников. Двадцать восемь

человек, не считая детей, варили на одной плите, ломились в один туалет, проклинали друг друга, дом, хозяйку, городской транспорт и эту жизнь, швыряли окурки в цветник на балконе — не описать всех унижений, которые терпел Дом.

А дворничиха уже мерила швейным метром чердак и шевелила губами.

Дом заболел. В углах выступила плесень, под обоями завелись клопы, по ночам он скрипел и не мог заснуть. Дикари стали жаловаться на сырость и требовать снижения цен за койки, но с зятем разговор был короткий — кому не нравится? Скатертью дорога, других найдем.

Дом вызвал врача.

7

Врач, старый друг из семейства Теремков, прибыл ночью, простучал стены, поковырялся в чердаке, измерил давление на фундамент.

— Вирусный грибок,— доложил Теремок Дому.— Через неделю пройдет и не вспомнишь. От клопов принимай «Клоповыводитель-73»

— Нервы у меня не в порядке,— жаловался Дом.

— Ты, Флигель, не дури. Стар уже, сам знаешь, что почем. Шугани всю братию подальше и возьми достойную семью. Впрочем, завтра проконсультируюсь с профессором. Прощай, спешу!

— Буду ждать! — крикнул Дом вдогонку.— Ведро цемента размешаем, повеселимся!

На следующий день явился профессор. Ах, ах, застекленная галерея, крылатые львы у входа, купол с витражами — интеллигент из старинных Особняков, не в пример кандидату самогонных наук.

— Тэк-с, голубчик... дышать, не дышать... Развалитесь от первого легкого землетрясения, если не выполните моих предписаний. Во-первых: полностью очистить помещение. Полезны сквознячок, сон, свежий воздух, полный покой. Во-вторых: подыщите приличную семью, а лучше достойную молодую девушку... впрочем, парня, все равно, и проведите его по жизни. Доходит, надеюсь? Желая здравствовать и пребывать в добром здравии, что, впрочем, одно и то же.

— Спасибо, профессор,— робко отвечал Дом.— Не откажитесь, вот... ведро с цементом. Чем богаты!

— Вы, похоже, из флигельных? — спрашивал профессор, удобно располагаясь у нового фуникулера. — Лет сто, поди? Ну а мне, голубчик, пятьсот с лишком. Родился в Италии, эмигрировал в Россию в суворовские времена. Вы мне нравитесь. Ваш Ренуар на чердаке... в каком году покупали и почему на чердаке? Ваш Ренуар изобличает у вас хороший вкус, чувствительность и разное прочее.

— Как здоровье мадам Особняк? — спрашивал Дом, наслаждаясь беседой

Редко выпадали Дому подобные счастливые минуты.

8

Дом понимал, что врачи правы, и что давно пора шугануть всю братию вон, но он все медлил, сомневался, на что-то надеялся. Вот и лето прошло, и курортники разъехались, и кандидата наук выперли наконец на пенсию по анонимке Сухова за неэтичное бытовое поведение, но жизнь Дома лучше не становилась. Его терпение истощилось, когда сынишка с друзьями притащили вешать на чердак живого кота, Дом предъявил ультиматум: если в течение двадцати четырех часов семейка не возьмется за ум и не начнет жить, как люди, то...

Но все только плевались через левое плечо, услышав утробный голос с чердака.

Тогда Дом объявил террор.

В бой была брошена зеленая плесень. Она испортила обои, мебель и забралась в самогонный аппарат. Но семейку все это не очень взволновало, потому что друзья приносили зятю дешевый спирт, который использовался на мебельной фабрике для полировки столов и буфетов. Спирт был не в пример крепче самогона.

Дом отключил отопление, но зять пригнал из мебельного магазина грузовик бракованной мебели, установил в квартире «буржуйку» и приказал теще рубить мебель на дрова.

Дом побоялся настоящего пожара, включил отопительные радиаторы, зато перекрыл воду. Но семейка и в лучшие времена умывалась с ленцой, а раз такое дело, то и умываться перестала. Воду для супа дворничиха таскала из дворовой колонки, тем дело и закончилось.

Дом отключил свет — стали жечь свечи. Наслал мышей, они съели свечи — стали жечь лучину.

Темные люди.

Рухнул балкон, засорился унитаз, свалились обои, окна не открывались, а двери не закрывались, мусорные ведра

бродили ночью по паркету, а паркет трещал, будто щелкал зубами; потолок осыпался на плиту и гасил газ.

Тщетно.

Дом предпринял психологическую атаку. Он долго колдовал на чердаке, и однажды оттуда выполз огромный, жирный, величиной в диван, десятилапый черный таракан и влез в квартиру. Испуг, конечно, был — кандидат наук с похмелья сильно кричал, но мальчишка только взвыл от радости, убил чудовище из рогатки и выставил трофей на балкон для всеобщего устрашения жителей Отрады.

Дом сдался.

— Неудачное вы место выбрали, — неуверенно говорил Особняк в очередное посещение. — Впрочем, я доволен. История вашей болезни представляет определенную научную ценность. Крайне редкая смесь идиотизма и невежества. От всех болезней вылечивает стрихнин. Может, попробуете?

9

Спасительные вести принес Мирзахмедский.

Хитрый зять давно уже писал и ходил по инстанциям и требовал новую квартиру взамен аварийной. Он знал, что делал, хотя его и пригрозили привлечь к ответственности за антисанитарное состояние жилья. В результате его посещений горсовет обратил внимание на то, что неказистый флигель намертво закрывает вид на здание нового фуникулера.

— Пожалуй, снесем, — решили в горсовете. — Благоустроим территорию, разобьем клумбу...

Великомученик Мирзахмедский мчался со светящимся ликом через две ступеньки.

— Быстро выметайтесь! — закричал он. — С глаз долой, на Хутор бабочек ловить! Дом послезавтра спосят. Будет здесь клумба и новая жизнь. Вон! Грузовик для переезда за счет жилуправления, грузчики... за мой счет.

— Сам валяй на Хутор, — отвечал зять. — Покажи, где в Конституции написано? Нигде не написано. Дадут квартиру на бульваре — перееду. Нет — не надо.

— Оставайся, — сказал Мирзахмедский и попробовал сделать равнодушный вид. — Оставайся. Завтра отключаем свет, воду, газ, телефон, отопление.

Зять в ответ по-дьявольски захохотал, а Мирзахмедский схватился за сердце и ушел.

Бедный Дом остался один в тревоге и ожидании. Это был его последний шанс — или он с обрыва, или семейка на Хутор.

Вечером проводили его Особняк и Теремок.

— Мой тебе совет: поменяй климат, — посоветовал Теремок. — Есть много чудесных городов с острой жилищной проблемой... скажем, Вологда, Смоленск, Саратов...

— Не знаю, не знаю, дружище, — горестно отвечал Дом. — Очень уж мне по книгам Отрада понравилась, очень уж.

— Что книги... — вздыхал добродушный Особняк. — У меня в Суздале знакомства, Суздаль я вам могу устроить. Неплохой район, древнерусский стиль, обеспечат надежной молодой семьей с детишками, заживете, поправитесь...

— Дайте мне только сдыхаться от этой напасти! — выплакивался Дом. — У меня, понимаете, в чердаке все перепуталось. Происходит, понимаете, переоценка ценностей.

Дом так и не решил, что он будет делать после выселения. Он махнул на все и покорно ожидал дальнейших событий.

После недельного молчания горсовет выделил зятю квартиру на бульваре. А что было делать — милиции он не боялся, не вызывать же войска?

Семейка наконец переехала, а на следующий день должен был явиться бульдозер.

10

Друзья всю ночь готовили Дом к эвакуации, сам он не мог пошевелиться.

Ему снились кошмары, он вздрагивал, просыпался. Наверху пронесли слухи, что Дом умирает. Откуда только взялись древние лачужки и землянки, бродят вокруг, шушукаются, шарахаются от нового фуникулера. У шапильной присели кривые бараки и хромы сараи, просят милостыню у проходящей мимо казармы. Дом изумляется, думает — что за бред? — силится встать во весь рост, крикнуть во весь голос, но только хрипит и хлопает форточкой.

Но тут на Люксембургском бульваре появляются пьяные кабаки и трактиры, грязные притоны и ночлежки, игорные дома и веселые заведения. Перед Домом пляшут какие-то деревянные остроконечные заборы, он силится убежать от них, но сомнения начинают терзать его — а не плюнуть ли на все, не уйти ли с веселой гоп-компанией? — как вдруг он слышит голос профессора и просыпается.

— Пора, голубчик,— говорит Особняк.— В Суздале все подготовлено, вас ждут не дождутся хорошие люди.

И Дом наконец понимает, что Суздаль, конечно, очень хороший город, но ведь тогда погибнет его девственная мечта о жемчужине у моря!

— Нет, профессор, я остаюсь,— сказал Дом.

Он решил рискнуть в последний раз.

11

Все утро бульдозер рычал, корежил мостовую и тщетно пытался снести ветхий флигель. Зрелище не уступало прошлогоднему пожару.

Когда бульдозер выдохся, его заменил подъемный кран. Он раскачал на канате трехсоткилограммовую болванку и запустил ее, целясь в окна. Болванка срикошетила, обрушилась на шашлычную и разнесла ее вдребезги — к счастью, никто не пострадал, кроме буфетчицы, у которой погибли под развалинами три ящика с левой водкой. Ошарашенного водителя сняли с подъемного крана и препроводили на алкогольную экспертизу. Ко всеобщему удивлению, он оказался трезвым, но шашлычной от этого легче не стало.

Что делать?

Кто-то предложил взорвать дом динамитом; сами решить побоялись, позвонили в Киев. Там страшно удивились — кому это в голову взбрело?!

Черт с ним, пусть стоит, что за дебаты вокруг какого-то флигеля! Пускай стоит, может быть, это в далеком прошлом архитектурный памятник.

И Дом стоял месяц, второй, третий и угрюмо ждал. Сухов и Короткевич боялись к нему подходить и даже помирились на этой почве. Иногда Мирзахмедский приводил на смотрины остро нуждающихся в жилье граждан, они разглядывали внутреннее состояние дома и уходили невеселые.

Их можно было понять: развалины шашлычной, таинственные события, дурная слава.

Роковой дом.

12

Но вот однажды.

Когда пришла весна.

Пришел в жилуправление.

Один из главных героев этой длинной истории.

Молодой человек двадцати трех лет

Виктор Сергеевич Андрианов.

И предъявил разрешение горсовета на вселение в таинственный дом.

— А вы кто такой будете? — подозрительно спросил Мирзахмедский.

— М-маляр я, — неуверенно ответил Виктор Сергеевич.

— Маляр?! — обрадовался Мирзахмедский и повел показывать квартиру. — Сносить не будем, живи вечно! Станный дом, но к нему надо по-человечески подойти... Жаль, маляров не хватает.

Дом угрюмо молчал. Он давно не верил словам. Он разглядывал нового жильца и думал: шугануть его прямо сейчас или подождать, пока уйдет Мирзахмедский?

— Романтический такой флигелек... — раздумывал вслух Виктор Сергеевич. — Всегда хотел иметь свою комнату... а тут целая квартира.

— Главное не дом, а кто в доме живет, верно? — подбадривал Мирзахмедский. — Грузовик для переезда за счет жилуправления, грузчики... за мой счет.

И Виктор Сергеевич переехал в свой новый дом, но на трамвае.

Он ласково похлопал дом по дверному косяку и вошел. Он побродил по комнатам, повыглядывал в окна, покачал головой при виде разрушенного балкона. Потом он пошел в жилуправление, взял стремянку и принялся заделывать огромную трещину в стене.

— Тебя как зовут? — наконец сердито спросил Дом.

— Витька, — ответил Виктор Сергеевич. От испуга он чуть было не свалился со стремянки, хотя и ожидал чего-то подобного.

— Ладно, посмотрим, — пробурчал Дом.

Они зажили вдвоем, присматриваясь друг к другу. Дом много спал и восстанавливал здоровье; Витька или спал, или читал, или шлялся по улицам, подсчитывая, сколько живет в Отраде алебастровых львов.

— А почему «Витька»? — однажды спросил Дом. — Почему не по имени-отчеству?

— С детства повелось, — охотно отвечал Виктор Сергеевич. — Витька да Витька, вот потому и Витька.

— Ты где работаешь?

— Нигде.

— Это как?

— Пока нигде. Из института вытурили.

— А институт у тебя какой был?

— Художественный.

— Да ну! — с уважением воскликнул Дом. — А чего ж ты не рисуешь?

— Вдохновения нет

— Ладно, посмотрим, — опять буркнул Дом.

Ночью он завел будильник и разбудил Виктора Сергеевича в семь утра.

— Что за черт, в такую рань! — удивился тот.

— Иди на чердак, взляни на Ренуара.

— Настоящий? — шепотом спросил Виктор Сергеевич, спустившись с чердака.

— На толкучку не понесешь?

Витька обиделся, а Дом почувствовал, как внутри у него начала затягиваться огромная трещина.

— В общем так... — сказал Дом. — Ты неплохой богомаз, листал я твои альбомы. Осенью первым делом вернешься в институт...

— Не примут.

— А за что тебя вытурили?

— Да так... — отмахнулся Витька

— Ясно. Лето впереди, напишешь пару картин на уровне мировых стандартов — сразу примут.

— Какие стандарты? — рассердился Виктор Сергеевич. — Денег нет на краски!

— Слушай, я для тебя все сделаю! — торжачо зашептал Дом, и его волнение передалось Виктору Сергеевичу. — Ты неплохой парень... хороший, только дурной. Будешь учиться у лучших галактических художников, писать живыми красками объемные картины, увидишь такое, чего никто на Земле не видел... ты кто, дворничихин зять? Чего вы все ходите и на жизнь жалуетесь?

Всю ночь Виктор Сергеевич не спал, курил. С восходом солнца он сел на обломки шашлычной и набросал портрет Дома. Дому портрет не понравился:

— Себя не узнаю. Зайди со стороны фуникулера.

— Давно не рисовал, — оправдывался Витька. — У тебя, случайно, нет такой кисти, чтобы сама...

— Нет,— вздохнул Дом, наращивая балкон.— Искусство дело темное.

Виктор Сергеевич тоже вздохнул и поплелся с мольбертом к фуникулеру.

13

В сентябре Виктор Сергеевич предъявил работы за зимнюю сессию, и его вернули в институт на курс ниже. Дом наврал ему — никаких художников он не знал, никаких живых красок в природе не существовало — рисовали везде одинаково: карандашом на бумаге, кистями на холстах. Виктор Сергеевич вскоре понял это, но не рассердился.

Приходил Мирзахмедский, разглядывал портреты Дома, уважительно называл Витьку Виктором Сергеевичем, поздравлял с Днем Рождения, жаловался на сердце.

Заглянул как-то Сухов поговорить по душам, но Дом слегка чихнул, и Сухов сразу раскланялся.

Иногда в их жизни случались несчастья: повадилась к Витьке богема пить водку, лапать пальцами Ренуара и обо всем знать. Дом сразу вспомнил сынка-хулигана. Вскоре двое богемцев поскользнулись на лестнице, а на третьего упало что-то тяжелое.

В конце рассказа Виктор Сергеевич сильно загрустил. Кошки в саду мяукали, мешали ему спать. Не было у него ни друзей, ни... хороших знакомых.

Однажды Витька сказал Дому:

— Ты, старик, того... причепурись. Сегодня у нас будут гости.

— Кто? — поинтересовался Дом.— Если волосатые и бородатые — не пушу.

— Один гость будет. Без бороды.

Дом понял и засуетился

Пришла блондинка Витькиных лет.

— Знакомься,— сказал ей Виктор Сергеевич.— Мой Дом.

— Я Людмила,— представилась блондинка.

— Очень приятно,— ответил Дом.

Блондинка несказанно удивилась, а Виктор Сергеевич напел ей что-то про спрятанный магнитофон.

Весь вечер они разглядывали Ренуара. Виктор Сергеевич очень стеснялся, наконец вышел на кухню и сказал Дому:

— Ты отвернись, что ли...

Дом отвернулся и стал смотреть на темное Черное море и на пустой пляж на его берегу.

ДЕД МОРОЗ

Начальник отдела дошкольных учреждений подошел к окну. За окном стояло морозное тридцатое декабря и показывало начальнику кукиш. На улице ни души — город Нефте-тесеве-рск добывал предновогоднюю нефть.

«Что же делать? — подумал начальник. — Платить из государственного кармана? В принципе можно из государственного... хотя и беспринципно. Не платить... Значит, два детских сада будут жаловаться, и справедливо».

Начальник опять выглянул в окно. Под окном стоял старик с седой бородой и, состроив из ладони козырек, заглядывал в кабинет начальника.

Этому что надо?

Старик отошел от окна и направился за угол к входной двери отдела дошкольных учреждений.

«Если б с улицы набрать, — подумал начальник. — Вот таких бичей божьих... а ведь он ко мне!»

И верно: приоткрылась дверь, и в кабинет просунулась седая борода.

— Входите, входите! — засуетился начальник.

— У вас веника нету? — спросил старик.

— Входите, и так грязно!

Старик затопал ногами, потом снял шапку и принялся сбивать снег с пальто. Снег таял на полу, начальник раздумывал, как бы половчее уговорить старичка.

— Очень рад, — сказал начальник. — Вы-то мне и нужны! Давненько вас поджидаю.

Старичок заморгал от удивления.

— Видите ли...

— Все вижу. Почтенный возраст... старикам везде у нас почет. Курите, если курите.

Старик поспешно достал кисет и начал крутить козью ножку.

— Где работаете, на буровой? — продолжал начальник, раздувая ноздри от давно позабытого запаха махорки. — Внуки в детском саду устроены? Нет? А, внуков нет... Но мы все для вас сделаем... устроим, разберемся, откликнемся. Но и вы нам должны помочь. Вы уважаете теперешнюю молодежь?

— Постольку-поскольку...

— Я с вами полностью согласен! Вы не знаете ли Беловхватского из драмтеатра?

— Не имел чести...

— Не велика честь его знать. Обыкновенный рвач. Плати ему, понимаешь, двойной тариф, иначе он Деда Мороза играть не будет. И других артистов подбил! А у меня детские сады, вы понимаете?

— Я так понял, что вы предлагаете мне это... того...

— Нет... то есть да! Именно «того»! Не перебивайте, я еще не объяснил всей вашей выгоды. Возьмите на себя два праздничных утренника, сегодня и завтра, и подзаработайте к Новому Году. Смотрите, какое у вас пальто. Воротник истрепался, пуговицы разные... и шапка.

— Шапка как шапка,— расстроился старик.— Из кролика.

— Вы не обижайтесь. Я хочу как лучше. Вот и теплые ботинки могли бы купить. Холодно в туфлях? Холодно. Деньги получите сразу после утренника, я позабочусь. Дед-морозовский реквизит у нас есть... Эх, ничего не выйдет! Вы не успеваете выучить роль.

— Успею, успею, мне не впервой! — замахал руками старик.— Я роль знаю, мне бы только повторить.

— Бывают же совпадения,— удивился начальник.— Вы, собственно, по какому делу?

— Я это...— забормотал старик.— За тем и пришел... В Дед Морозы.

В детском саду беспокойно, родители очень недовольны,— они отпросились с работы, почему утренник не начинается?

— Дед Мороз задержался,— успокаивает всех заведующая детским садом.

А вот и Дед Мороз. Он только что вошел, взгромоздил узел с реквизитом на детские шкафчики, отжимает бороду, оттаивает. Никто на него внимания не обращает, лишь одна старенькая уборщица узнала его и позвала заведующую:

— Дед Мороз пришел!

Родители усаживаются в музыкальном зале кто на чем, а заведующая ведет старика в свой кабинет.

Там он снимает пальто и остается в какой-то выцветшей железнодорожной униформе.

— М-да,— разочарованно говорит заведующая.— Предупреждаю, что бумагу подпишу вам после полного часа, а то в прошлом году один такой... похожий на вас... схитрил и испортил нам весь

утренник. Простыня с подарками в левом углу под окном, не забудьте. Борода у вас настоящая, не пойму? Быстро переодевайтесь, и за работу. Начинаем.

Старик поспешно снимает железнодорожную униформу и надевает красный халат на ватине. Смотрит в зеркало. В халате застряли желтые елочные иголки от прошлогоднего утренника. Надевает красную шапку с серебристыми звездочками, черные валенки с бумажными снежинками, красит помадой щеки и нос. Распушает бороду. Вдруг пугается, достает из кармана мятую школьную тетрадку, листает, возводит глаза к потолку и шевелит губами.

Из зала доносятся звуки рояля.

— Дети, а кто должен к нам прийти? — спрашивает музыкальная руководительница.

— Дед Мороз... — нестройно отвечают дети.

— Верно! Молодцы! Позовем его! Вместе, хором: Де-душ-ка Мо-роз!

Старик выбегает из кабинета и мчится по коридору. Родители в дверях, улыбаясь, уступают ему дорогу.

— Де-душ-ка Мо-роз! — зовут дети.

— Слышу, слышу! — кричит старик. — Бегу!

Музыкальная руководительница начинает играть «Марш Деда Мороза», старик начинает петь и входит в зал:

Разыгрались метели,
Стонут сосны, стонут ели...

Вдруг он с ужасом вспоминает, что забыл в автобусе свой главный реквизит — толстую суковатую волшебную палку.

— Склеротик ненормальный, — бормочет он и устремляется к выходу

Родители смеются, но музыкальной руководительнице не до смеха. Она пытается спасти положение:

— Дедушка Мороз, что случилось? Расскажи нам! Может быть, мы все вместе тебе поможем.

— Палку забыл в автобусе... ах, да, виноват. Дорогие детки, у меня большое несчастье! Злой серый волк украл мою волшебную палку! Что мне теперь делать?

Дети в недоумении. Музыкальная руководительница пристально смотрит на уборщицу, та отправляется на кухню и начинает наклеивать на половую щетку кусочки ваты.

— Дедушка Мороз, разве ты не видишь, что для тебя приготовили дети? — ласково спрашивает музыкальная руководительница и злобно разглядывает старика.

Тот все еще неуклюже топчется посреди зала и наконец замечает елку.

— Ого-го, какая елка! — восторгается он. — Боже ж мой, какие игрушки, какие хлопушки!

Музыкальная руководительница начинает закипать. Старик поглядывает на нее и думает: «Зачем я Бога приплел? Еще бумагу не подпишут...»

Пора усаживаться под елкой. Больше всего в этом стародавнем новогоднем сценарии ему нравятся двадцать минут сидения под елкой.

— Устал я, детки, — кричит старик. — Дорога была нелегкой, инфаркт дает себя знать. Сяду под елочкой, отдохну... А где мой стул? — вдруг пугается старик.

Родители хохочут, музрук страшными глазами ищет уборщицу. Та приносит стул и красивую волшебную швабру:

— Вот, дедушка, Снегурочка тебе передала. Она эту палку у серого волка отняла. Садись, светик.

— Спасибо, бабуля, — шепчет старик. — Если б не ты, не знал, что и делать.

Наконец усаживается.

— Дедушка Мороз, — говорит музыкальная руководительница. — Послушай, какие стишки выучили дети специально для тебя. Вовочка!

«Елки-палки! — вспоминает старик. — Совсем забыл!»

Он вскакивает, грозно размахивая шваброй:

— Извини, Вовочка! Сейчас своей волшебной палкой я зажгу лампочки на елке!

— Рано еще! — шипит музыкальная руководительница.

— Не волнуйся, голубка, все будет хорошо, пусть детишки порадуются. Раз, два, три, елка, зажгись!

Неудача.

Через весь зал, скользя по мастике, мчится к розетке уборщица. Она кивает старику и, когда тот, свалив вину на злополучного серого волка, опять кричит: «Елка, зажгись!», втыкает вилку в розетку.

Слышится треск, летят искры, и детский сад погружается во тьму.

— Пробки сгорели! — ахают родители.

— Это не пробки! — слышится голос многострадальной музыкальной руководительницы. — Это Дедушка Мороз расскажет в стихах о своем путешествии.

В это время два знающих папы, зажигая спички, отправляются в коридор к пробкам.

— Почему в стихах?! — возмущается в темноте старик. — Я точно помню, что не в стихах... или в стихах?

Он нащупывает стул, распахивает халат и пускается по течению:

— Какие уж тут стихи, детки... Тут стихами не передашь! Трудное было путешествие, должен вам сказать, малыши. Я вышел из леса, был сильный мороз. А я, хоть и Дед Мороз, но тоже живой человек, верно? Не возвращаться же назад, когда меня ждут такие хорошие дети. Вот. Как вдруг ко мне из-за елки выбегают мохнатые волки! Садись, Айболит... э-э... не то... Садись, Дед Мороз, верхом, мы живо тебя довезем. Если б не эти добрые волки, тю-тю... не видать вам меня на елке!

Зажигается свет, старик едва успевает запахнуть халат. Музыкальная руководительница оцепенело глядит на клавиши.

— Продолжим утренник, — устало говорит старик. — Где там Вовочка?

— Я!

— Не ковыряй в носике. Давай свое стихотворение.

Села муха на варенье,
Вот и все стихотворенье.

— И все?

— Ага!

— Дружно поаплодируем Вовочке! — оживает музыкальная руководительница. — Сейчас девочки-снежинки из младшей группы станцуют танец!

Старик умиленно наблюдает, как танцуют снежинки.

— А сейчас станцуют мальчишки-зайчики из средней группы!

Пока зайчики танцуют, старик отдыхает.

— А сейчас нам станцует Дедушка Мороз... — музыкальная руководительница смотрит на перепуганного старика и меняет решение. — Нет! Пусть лучше Коленька загадает Дедушке Морозу загадку. Посмотрим, как он умеет отгадывать.

Танцевать, слава богу, уже не надо; зато наступает самое страшное для старика — отгадывание загадок.

Выходит Коленька и загадывает:

Он веселый и смешной,
Длинноносый, озорной,
В красной шапке на макушке,
А зовут его...

«Буратино, что ли?...» — лихорадочно соображает старик. Наконец догадывается:

— Петрушка! — радостно кричит он.

Коленька смотрит с недоумением, музыкальная руководительница готова разрыдаться.

— Нет, — говорит Коленька.

Старик удручен. Он чувствует, что отгадал правильно.

— Как же «нет», как же «нет»?! — суетится он. — Петрушка, точно! Могу поспорить.

— Да нет, все правильно, — обижается Коленька. — Но ты должен был сначала не угадать. Надо было сначала ответить «лягушка», потом «подушка», а потом уже ты должен был угадать. Такая игра, понимаешь?

— Непонятливый я, — сердится старик. — В следующий раз буду знать.

Утренник близится к концу.

— Дедушка Мороз, а что ты еще забыл? — спрашивает музыкальная руководительница.

— Не помню, что я забыл, — сердится старик.

На этот раз он действует точно по сценарию, хотя и не знает этого. Музрук счастлива:

— Дети, напомним Дедушке Морозу, что он еще забыл! Хором!

— По-дар-ки! — кричат дети.

— Точно! — радуется старик. — Я добрый Дедушка Мороз, я подарки вам принес! Они находятся в этом зале. Сейчас их отыщет моя волшебная палка.

Старик хорошо помнит, где спрятаны подарки. Он торжественно шествует в правый угол, раздвигает родителей, но подарков не находит. Направляется в другой угол, в третий... наконец бредет в последний, четвертый угол. Там у простыни с подарками сидит малолетний шкет и, пуская шоколадные слюни, потрошит кулек с конфетами.

— Идем, малыш, поможешь мне раздать подарки, — устало говорит старик.

В кабинете его ожидали насупленные заведующая и музыкальная руководительница.

— Вы сорвали нам утренник, — сказала заведующая. — Я вам бумагу не подпишу.

— Но я провел утренник до конца, — робко возразил старик. — И потом, я ведь не специалист...

— Это не наше дело! — вспыхнула музыкальная руководи-тельница и разрыдалась. — У меня есть методика, утвержден-ный сценарий... а вы... Разве это утренник? Это черт знает что!

В кабинет вошли две мамы.

— Мы из родительского комитета, — представилась пер-вая мама. — Мы хотим поблагодарить Деда Мороза. Было очень весело, вы хороший артист.

— Разрешите от имени... — сказала вторая мама и сунула старику кулек с конфетами.

Когда делегация удалилась, музыкальная руководи-тельница перестала рыдать и задумалась, а заведующая поколе-балась и подписала бумагу.

Старик быстро переоделся и, как молодой, помчался в от-дел дошкольных учреждений. Там его ожидали начальник и конверт с деньгами. Начальник пожал ему руку.

— Детские магазины до скольких открыты? — спросил старик.

— По-моему, уже все закрыто.

— Как? — опешил старик и заспешил в центральный уни-вермаг.

Оттуда он вышел радостный, с пакетиком под мышкой. Оставалось сделать еще два дела, а потом домой.

Он зашел в кулинарию, там было пусто.

— Все продано, закрываем, — сказал мясник, громко щел-кая большим навесным замком.

— Мне костей... килограммов пять... а лучше шесть, — по-просил старик.

Мясник так удивился, что отложил замок и в придачу к костям нашел пустой мешок и немного мяса.

Старик очень благодарил.

И наконец последнее дело.

Но винарка была уже закрыта.

Старик тихонько постучал.

— Закрыто уже, не видишь?! — взревела изнутри винар-щица, но старик так скорбно промолчал, что она впустила его и налила стакан вермута.

Вермут утешил ему душу.

Вот и все.

Он с теплой душой сел в автобус и поехал в самый даль-ний район Нефтеcеверска. Ему уступили место, он сел у окна и прищурился в темноту. Потом он развернул пакетик и ра-довался, разглядывая розовую пуховую шапочку и шарфик.

Потом автобус опустел, а он все ехал; потом он съел конфетку из подарочного кулька и увидел, что автобус подъезжает к конечной остановке. Он торопливо развязал узел, снял пальто и опять оделся Дедом Морозом. Водитель посмотрел на него и улыбнулся.

Медленно падал снег. Было темновато, но старик легко находил дорогу. Он обошел последний дом, пересек забытый сваями котлован и очутился на опушке леса.

Здесь он тихонько свистнул. К нему подбежали два матерых волка, запряженных в легкие сани.

— Как дела? — спросили волки.

— Нормально, — ответил старик.

— Принес что-нибудь?

Старик похлопал по мешку. Волки принюхались и сказали:

— Нормально.

Старик уселся в сани, и видимость растаяла за пушистым снегом.

Ехал он лесотундрой к своей избушке часа два, чуть не замерз. Грелся у газовых факелов.

Его встречали Снегурочка, горячий чай и теплая постель.

Даже Деду Морозу нужно немного тепла.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РАССКАЗ N 1

1

Завод находился в городе Н-ске на юге европейской части страны и носил звучное название «Алитет», — оно произошло из двух слов: «алюминиевое литье». Директор завода Сергей Кондратьевич Осколик заперся в своем кабинете и ожидал телефонного звонка.

Звонок. Осколик схватил трубку.

— С вами будет говорить Зауральск.

— Спасибо, девушка... Алло, Зауральск?

— Сергей Кондратьевич... люминия...

— Слышу тебя, Лебедев! Что с алюминием? Сколько алюминия?

— ...волочи... люминия...

— Девушка, ничего не слышно!

— Ваш Лебедев говорит, что они, сволочи, не дают ему алюминия.

— Не может быть! Они срывают поставки! У нас договоренность! Лебедев! Девушка!

— Кроме того, он говорит, что железная дорога не дает вагонов под алюминий.

— Лебедев! Ты слышишь? Не уезжай! Умри там!

— Он говорит, что командировочные закончились.

— Передайте: зарплату вышлем телеграфом. К празднику персональная премия!

— Он говорит, что еще не был в отпуске.

— Девушка, передайте ему, что...

— Связь с Зауральском прервана.

2

Сергей Кондратьевич откинулся в кресле и вздрогнул — прямо перед ним стоял незнакомый человек с протянутой для рукопожатия рукой. Человек как человек, но в запертый кабинет он войти не мог... значит, влетел в окно.

— Директор родственного вам предприятия,— представился незнакомец.

— Очень приятно,— сердито буркнул Осколик.— Как вы сюда попали?

Незнакомец опустил руку, посмотрел в окно и уклонился от прямого ответа:

— Будем считать, что вошел в дверь. Не это сейчас важно. Я слышал, что у вас трудности с сырьем?

— Завод завтра остановится,— ответил Осколик.

— Могу помочь. У меня скопились большие запасы алюминия. Для начала... тридцати тонн достаточно? Платформы стоят у ворот, позвоните на проходную, чтобы пропустили.

Тридцати тонн алюминия хватило бы заводу до конца недели. Но что все это значит? Сергей Кондратьевич не имел никакого религиозного образования, но сразу вспомнил сюжеты о сделках с дьяволом. Он внимательно осмотрел незнакомца. Похож. Нос горбатый, шевелюра лохматая, на ногах... на ногах заграничные туфли. Хвост, наверно, пропустил в штанину. В обмен на земные блага дьявол всегда требует...

«Лезет в голову всякая чушь...» — подумал Осколик и снял трубку:

— Проходная? Тетя Даша, посмотрите, стоят ли у ворот какие-то платформы с алюминием.

— Вам ответят, что их нет... но они там,— поспешно предупредил незнакомец.

— Как это понимать? Алло... Нет никаких платформ? Спасибо, тетя Даша...— Осколик сжал трубку в кулаке и спросил: — Вас выгнать или вы сами уйдете?

— Прикажите открыть ворота,— потребовал незнакомец.— Платформы там есть, но они... они находятся в другом временном измерении. Откройте ворота, они въедут.

«Вот дьявол... открою!» — решил Осколик.

— Тетя Даша, откройте ворота на минутку... Зачем? Как зачем... Проветрить территорию.

Сергей Кондратьевич подошел к окну. Из проходной вышла тетя Даша и потянула на себя тяжелую створку ворот. Открыла, вопросительно поглядела на директорские окна. По улице проехал трамвай. Из трамвая на тетю Дашу глядели пассажиры. Никаких платформ на улице не было.

— Теперь, разрешите, я позвоню,— сказал незнакомец и снял трубку одного из директорских телефонов.— Въезжайте осторожно, створ ворот нестандартный.

После его слов у проходной загудели моторы, и на территорию завода прямо из пустого уличного воздуха въехали два мощных механизма — Сергей Кондратьевич таких никогда не видел. На их платформах стояли штабеля серебряных алюминиевых чушек.

3

— Ну хорошо, присаживайтесь,— пригласил Сергей Кондратьевич.— Я вижу, вы деловой человек. Алюминий мне нужен. Что нужно вам?

— Совсем немного,— ответил незнакомец, усаживаясь.— Мне нужен на ночь ваш кабинет. На ночь в течение месяца. На взаимовыгодных условиях.

Осколик молчал. Что он мог сказать?

— Если вы любитель фантастики, то...

— Нет, я не любитель,— поспешно отрекся Сергей Кондратьевич.

— Жаль, не пришлось бы долго объяснять. В общем, никакой я там не дьявол и не пришелец с другой планеты. Я живу с вами в одном городе. Называется он, правда, иначе и застроен не так, но факт, что мое жилище совсем рядом. Знаете гастроном на углу? Там, где водкой торгуют? Так вот, в нашем городе это не гастроном, а мой особнячок...— незнакомец зевнул.— Извините, не выспался. У нас с вами все нао-

борот, разное биологическое время, мне днем трудно. Мы, понимаете ли, ночью работаем, а днем спим.

Сергей Кондратьевич ничего не понимал, хотя и пытался понять.

— Ладно, оставим это. Зачем вам мой кабинет?

— Земля. Все дело в ней,— объяснил незнакомец.— У нас вечная нехватка производственных площадей. Клочок земли величиной в небольшую клумбу стоит так дорого, будто под этой клумбой проходит золотая жила. Мне надо расширять производство, а у вас по ночам все помещения пустуют. Я отдал бы свой кабинет под конструкторское бюро, если бы вы разрешили мне поработать ночью здесь, в вашем кабинете. В порядке эксперимента.

4

Ситуация немного прояснялась. В порядке эксперимента — это Сергей Кондратьевич понимал.

— Я, пожалуй, не против... но как посмотрят на это дело в главке?

— Главк — это ваше начальство? Пусть сначала снабдит вас алюминием, а потом смотрит, что у вас по ночам делается в кабинете.

«Резонно,— подумал Осколик.— Сами не чешутся, а план — давай-давай!»

— А что скажет профсоюз?

— А профсоюзу какое дело? Кабинет чей? Вы директор? Или я ошибся дверью?

— Я директор. Но все-таки я должен поставить этот вопрос выше.

— А если выше не согласятся?

— Тогда еще выше.

— Я не совсем понимаю... — заскучал незнакомец.— Кому нужен алюминий — вам или этому «еще выше»? Сколько продлится согласование? Кабинет мне нужен с сегодняшней ночи.

«Месяца полтора-два», — хотел сказать Осколик, но постеснялся. Он сказал:

— Но поймите меня... существуют фонды, статьи расходов, отдел снабжения и комплектации... сдали-приняли-списали-купили-продали-перечислили... ни одна бухгалтерия не пропустит левый алюминий.

— Как хотите, — рассердился незнакомец. — Не надо меня уговаривать. Открывайте назад ворота! Кабельный завод напротив тоже без алюминия сидит.

Сергей Кондратьевич ужаснулся. На совещании в главке скажут: «Вот, товарищ Осколик, ваш сосед, кабельный, тоже испытывал нехватку сырья... и тем не менее план выполнил».

«Черт ли, дьявол, — подумал Осколик, — а без алюминия все равно жизни нет!»

— Ну что, сгружать? — спросил незнакомец.

— У главного литейного цеха.

— А кабинет?

— Пока работайте.

5

Утром Осколик пришел на работу с мрачными предчувствиями. Его встретила взволнованная секретарша:

— Сергей Кондратьевич, у вас в кабинете какой-то посторонний...

Осколик открыл дверь и столкнулся со вчерашним незнакомцем.

— А вот и вы! — обрадовался незнакомец. — Я отлично поработал, мне никто ночью не мешал.

И, желая польстить Сергею Кондратьевичу, добавил:

— Кстати, портрет вашего дедушки написан превосходно. Я всю ночь чувствовал на себе его добрый взгляд.

Сергей Кондратьевич взглянул на портрет Карла Маркса, промолчал.

— У вас неприятности? — спросил незнакомец.

— Да. Вчера в главке вставляли, — пробурчал Осколик. — А сейчас буду говорить с главным бухгалтером. Дама с характером. Боюсь, не захочет приходить ваш алюминий.

— Не захочет? Выгоните за ворота, наймите другую. Любую, с улицы.

— За ворота... — Осколик кисло посмотрел на незнакомца. — Законодательство не позволяет. Притом... она права.

Незнакомец с удивлением посмотрел на Сергея Кондратьевича:

— Права, не права... Хорош бы я был, если бы мой бухгалтер не выполнял моих распоряжений. А что, обойти законодательство никак нельзя?

— Нет, почему... — почесался Осколик.

— Тогда выгоняйте.

— Выгнать нельзя, а вот оприходовать левый алюминий, пожалуй, можно.

— Не мне вам советовать. Однако спешу, у меня еще со-
общение.

6

Сергей Кондратьевич сел в кресло, сохранившее еще тепло незнакомца, и задумался. Скверная дама этот главбух Лариса Владимировна. А он-то на ней жениться собрался. Выход есть...

Вскоре пришла Лариса Владимировна, современная женщина в соку и в джинсовой юбке.

— Как спалось, Сережа? — спросила она, оглядываясь, не подслушивает ли секретарша.

— Спасибо, дорогая, плохо, — ответил Осколик тоже с любовью, нисколько, впрочем, не подделываясь.

— Что так?

— Не знаю, что делать. Из Зауральска прибыл алюминий без накладных, — соврал Осколик. — Где-то в дороге затерялись.

— Ничего страшного. Пусть Лебедев на месте восстановит документы, а пока запускай алюминий в дело.

— Так и сделаем, — весело сказал Сергей Кондратьевич. — Ты у меня молодец!

7

— Лебедев! — кричал Осколик в трубку. — Девушка! Передайте ему, что из Зауральска прибыло тридцать тонн алюминия без накладных! Пусть восстановит документы.

— Он не понимает.

— Прибыло, говорю, тридцать тонн...

— Это он понимает. Он говорит, что в последние три месяца алюминий из Зауральска не отправлялся.

— Объясните ему, что это посторонний алюминий. Понимаете? Я говорю «посторонний», а не «потусторонний». Да, да, левый! Случайно попал на завод. Пусть оформит его в Зауральске в счет будущих поставок. Им же выгодно.

— Объяснила. Он все понял. Он говорит, что к отпуску ему нужна какая-нибудь путевка на юг.

8

До конца недели у Сергея Кондратьевича не было времени потолковать с незнакомцем. В главном литейном цехе дымилась земля, сверкали мокрые спины литейщиков, звенели алюминиевые корпуса, картеры и крышки. В цехе литья под давлением тяжело ухали изношенные станки, плевали раскаленным алюминием в потолок, автомат с газированной водой выходил из строя каждые полчаса. Бригада товарища Григорьева успешно выполняла принятые социальные обязательства.

Алюминиевых чушек из запаса незнакомца становилось все меньше и меньше. Сергей Кондратьевич каждое утро садился в еще теплое кресло и чувствовал едва уловимый запах хороших сигар; незнакомец перед уходом открывал окна и проветривал кабинет.

Звонил из Зауралья Лебедев, просил выслать канистру спирта. Он оформил там левый алюминий и выслал накладные. Сергей Кондратьевич вздохнул свободней. Что происходило, в конце концов? Он обошел закон, это так; но если вдуматься, никого он не обходил — то, что происходило у него в кабинете, было не нарушением закона, а, скорее, неуважением к закону. В данном редком конкретном случае закон бессилен... закон не может распространяться на этот левый алюминий... на этот фантастический алюминий... алюминия-то этого неделю назад и в природе не было!

В четверг Осколик надолго остался после работы, чтобы потолковать с незнакомцем.

9

— Здравствуйте, Сергей Кондратьевич! — обрадовался незнакомец. — Что так поздно сегодня? Работы много?

— Работы много, да скоро ее не станет, — ответил Осколик.

— Догадываюсь. Алюминий нужен?

— Тонн восемьдесят... до конца месяца... — неуверенно попросил Осколик.

— Завтра ночью завезем. Но и у меня к вам просьба.

— Какая? — насторожился Осколик.

— О, не беспокойтесь, условия прежние. Нельзя ли моей личной секретарше работать ночью в вашей приемной? Я без нее как без рук. Я вам объяснял, как тяжело у нас с производственными помещениями.

— Хм... — ухмыльнулся Осколик. — Я вспомнил одну детскую сказочку. Была у зайца изба лубяная, а у лисы ледяная; пришла весна, у лисы избушка растаяла. Попросилась лиса к зайцу во двор переночевать, тот, дурак, разрешил... в конце концов лиса зайца из избы выгнала.

Незнакомец выслушал сказочку, подумал.

— Это мудрая сказочка, — сказал он. — Не буду скрывать — я намерен занять всю вашу контору и все производственные помещения. Да, весь завод. Зачем скрывать? Нам надо договориться о сотрудничестве. Я готов преобразовать ваш завод. Построить новые цеха — места много; установить современные станки — извините, на ваших станках дерьмо лить, а не алюминий. Ваш завод начнет получать такую прибыль, которую вы в глаза не видели. За все это я прошу разрешения работать на вашем заводе ночью. Когда вы все спите.

У Осколика глаза полезли на лоб.

— Надо подумать, — прохрипел он. — Надо согласовать...

— С кем надо согласовать? — рассердился незнакомец. — Я говорю с вами как хозяин литейного завода с хозяином литейного завода. Вам выгодно работать днем на моих станках и на моем алюминии, а мне выгодно работать ночью на вашем заводе. Что вам не нравится?

Сергей Кондратьевич взглянул на Карла Маркса. Карл Маркс сурово взирал на него.

— Надо подумать, — твердо сказал Осколик.

— Думайте, но недолго. Алюминий сгружать?

— Да. Там же.

10

В начале месяца на совещании в главке:

— Товарищи, следует обратить внимание на такой при-
скорбный факт: кабельный завод в прошлом месяце выпол-
нил план на шестьдесят шесть и шесть десятых процента.
Что скажет по этому поводу директор кабельного завода?

Директор кабельного завода:

— У нас имеются объективные причины. Зауральск недо-
дал нам в прошлом месяце ровно на треть алюминия. На
сколько недодал, на столько и недовыполнили.

Начальник главка:

— Кто хочет работать — тот работает. А кто не хочет — тот
ищет объективные причины.

Директор кабельного, вспыхливо:

— Но я работаю на алюминии, а мне его не дают!

Начальник главка:

— Ваш сосед «Алитет» тоже зависит от завода в Зауральске, и, тем не менее, он выполнил план на сто и одну десятую процента. Вам следует перенять опыт работы товарища Осколика.

Сергей Кондратьевич и директор кабельного завода смотрят в стол.

11

— У вас должна быть другая секретарша, — как-то мимоходом сказал незнакомец. — Сколько ей лет? Почему она такая хмурая и неласковая? Она своим грозным видом отпугивает ваших посетителей.

— А что их пугать, они и так пуганые. Кому надо, тот и приходит. Что им, секретарша нужна?

— Не скажите. Чтобы получить выгодный заказ, важна каждая мелочь. Если заказчику не понравится портрет вашего дедушки, сразу начнутся капризы. Предложите коньяк журналисту-трезвеннику — впрочем, таких не бывает, — и в газетах сразу начнутся сплетни о стиле вашего руководства. Секретарша — далеко не мелочь.

— Позвольте не согласиться. Какое дело заказчику до моей секретарши, если мой завод к нему сверху прикреплен? Он от меня ни на шаг, как и я от завода в Зауральске.

— Странно, — задумался незнакомец. — А если завод в Зауральске не может обеспечить вас алюминием?

— Тогда он платит нам штраф.

— Но ведь вы в свою очередь не можете обеспечить своих заказчиков?

— Верно. Наш основной заказчик — завод киноаппаратуры. Если мы не выполняем план, то платим штраф ему. Он в свою очередь платит штрафы своим заказчикам.

— Хорошо. Штрафы уплатили. Дальше что?

— Ничего. Начинаем сначала.

— А кино?

— Какое кино?

— Если завод киноаппаратуры не выполнит план, то... кино не будет?

— Нет, почему. Кино снимается.

— Выходит, у вас прогореть нельзя? — очень удивился незнакомец.

— Как это?

— Ну... в трубу вылететь.

— Могут с должности сместить.

— Ага! — обрадовался незнакомец. — И куда же вы пойдете? С протянутой рукой на панель?

— На какую-нибудь другую должность.

— Не понимаю... кто платит все эти штрафы и терпит убытки, если все происходит постоянно?

— Государство.

Незнакомец подумал и сказал:

— Хорошо живете.

12

Директор кабельного завода, конкурент по поставкам алюминия, что-то пронюхал. На очередном совещании в главке, где опять было сказано: «А вот у Осколика тем не менее», директор кабельного как с цепи сорвался, побагровел, стул опрокинул и заявил, что ему нет дела, что у кого-то там «тем не менее», у Форда, может быть, тоже «тем не менее», а у него, у директора кабельного завода, алюминия нету, третий месяц сидит завод без алюминия, а в плане у него сто двадцать тонн алюминиевого провода, и это не военная тайна! И он не знает, какими такими окольными путями уважаемый им лично Сергей Кондратьевич добывает из Зауральска алюминий. Пусть товарищ Осколик, которого ему вечно в глаза тычут, сам, здесь, лично, немедленно поделится опытом — как он достает алюминий.

Директору кабельного налили стакан воды, пожарили за вспыльчивость, а начальник главка умно взглянул на Осколика и сказал:

— А и правда, Сергей Кондратьевич, поделитесь опытом.

Документация у Осколика была в полном порядке, и он не такой дурак был, чтобы ни с того ни с сего сдуру на ровном месте выдавать свои внутренние резервы.

— Никакого такого передового опыта у меня нет, — ответил Осколик. — На заводе в Зауральске безвыездно сидит мой снабженец, и как видите...

— Но на заводе в Зауральске сидит и мой снабженец... и как видите... — жалобно доложил директор кабельного завода.

— А этот факт говорит только о деловых качествах наших снабженцев,— ответил Осколик.

Жалко ему было директора кабельного завода. До предпоследней пятилетки они были добрыми друзьями, но сейчас, когда им назначили одного поставщика, дружба кончилась.

— Неужели поставки алюминия зависят только от личных качеств ваших толкачей? — засомневался начальник главка.

Осколик развел руками.

— Он их там чем-то подмазывает,— предположил директор кабельного.

— Попрошу, попрошу...— обиделся Осколик.

Начальник главка что-то записывал в блокнот.

13

— Послушайте, вы капиталист, как я понимаю? Частный предприниматель? — спросил однажды Осколик.

— Вас это шокирует?

— Нет. Мы за мирное сосуществование.

— Вот и отлично. Кстати, вы обдумали мое предложение?

— Да. Я согласен.

— С профсоюзом согласовали?

— Профсоюз не будет против. Я думаю, никто не будет против.

— А ваш главный бухгалтер? Как он оприходует новые станки, алюминий, стройматериалы?

— Это моя забота.

— Что ж... тогда по рукам?

Сергей Кондратьевич и незнакомец хлопнули по рукам и, оглядываясь — не подглядывает ли секретарша, выпили по рюмке коньяка, прихваченного незнакомцем из параллельного пространства.

14

Дела на производстве пошли неплохо, а личная жизнь у Сергея Кондратьевича не налаживалась. Современная Лариса Владимировна не спешила выходить за него замуж.

— Ты директор, я бухгалтер...— сравнивала она.— Тебе сорок пять, мне тридцать восемь... если поженимся, мне придется искать новую работу.

— Ну и что? — удивлялся Сергей Кондратьевич. — Найдём. На кабельном заводе главбух через год уходит на пенсию. Неудобно как-то директору в холостяках ходить.

— Неравный брак.

— Мне домой по службе звонят, а я к тебе по ночам бегаю!

— Изволь, я к тебе бегать буду.

— Нет, нет... неудобно.

— Неудобно? А мне, думаешь, удобно твой левый алюминий приходить?

— Какой левый?! — опешил Осколик и с постели вскочил (разговор происходил ночью в квартире Ларисы Владимировны). — Откуда ты узнала?

— Да уж... не лыком шиты. Вместе сядем, вот тогда и под венец.

Не налаживалась личная жизнь у Осколика.

15

Под впечатлением ночного разговора Сергей Кондратьевич с рассветом помчался на завод, надеясь застать незнакомца; и застал. Тот держался рукой за сердце и кричал в трубку:

— Все продавайте! Все!

Увидев Осколика, он попытался улыбнуться, положил трубку и перевел дух.

— У вас неприятности? — спросил Осколик.

— Так, мелочи. Вопросы жизни и смерти. Через полчаса выяснится.

— На бирже играете? — догадался Осколик, вспомнив, как в иностранных фильмах толстые джентльмены кричат: «Продавайте!» или «Покупайте!» и утираются носовыми платками.

— И не спрашивайте, — вздохнул незнакомец. — А вам что не спится? За вас ведь государство думает.

— Вот когда сяду из-за вас, тогда государство за меня думать будет, — ответил Осколик, вспомнив пророчество любимой женщины.

— Опять вы паникуете! — рассердился незнакомец. — Я лично изучал ваш Уголовный кодекс, на вас ни одна статья не распространяется. Наоборот! Вы самый настоящий... как это у вас... рационализатор и передовик производства. Станки, материалы и сырьё вы добываете совершенно новым способом. Стал бы я тут возиться, если бы вы «сели», как вы

говорите. Берите пример с меня — поджилки трясутся, но никаких истерик.

Эти рассуждения успокоили Сергея Кондратьевича на какое-то время.

— Ну, хорошо,— сказал Осколик.— С уголовным кодексом, думаю, как-то обойдется. Но существуют трудности морального порядка.

— Морального? Порядка? Это что означает?

— Принять от вас станки и алюминий — куда ни шло, можно найти лазейки в инструкциях и не чувствовать себя виновным. Но что я скажу своим рабочим и служащим? Что скажет мой главный инженер, когда в его кабинете ночью начнет работать ваш главный инженер? Разве он поверит, что вы появились из этого... распространства? Никогда! Он сразу же заподозрит, что я хочу его выжить на пенсию... и правильно заподозрит, старик не тянет уже. Значит, каждому придется объяснять черт знает что, и начальство обо всем узнает.

— А что плохого найдет начальство в нашем сотрудничестве?

— Ничего плохого, наверно. Но вы не знаете моего начальства! Оно мне на ваши станки и алюминий такой план спустит, что я и в три смены не выполню. А где тогда вы будете работать ночью?

Незнакомец задумался.

— Более того, мое начальство этот ваш алюминий и станки, и стройматериалы у меня заберет и распределит по другим, более ответственным объектам,— продолжал пугать Сергей Кондратьевич.

— Это мне не подходит,— пробормотал незнакомец.— Надо бы потолковать с вашим начальством.

Тут уже испугался Осколик. Если начнется согласование, в главке и в министерстве схватятся за незнакомца четырьмя руками. А с кем он, Осколик, останется? Опять тет-а-тет с Зауральском?

— Не беспокойтесь,— сказал незнакомец.— Я для вашего министерства не партнер. Если у нас с вами дела пойдут, я сведу вашего министра с деловыми людьми из экспортно-импортного банка.

Зазвонил телефон. Незнакомец схватил трубку, выслушал, утерся носовым платком и сказал:

— Можете меня поздравить. Я только что проглотил конкурента.

— Живьем? — ужаснулся Осколик.

— Живьем. С потрохами. И с небольшим алюминиевым заводиком в придачу.

— Поздравляю!

16

Случай свести незнакомца с начальством вскоре представился. Однажды к концу рабочего дня на «Алитет» неожиданно приехал начальник главка. Сам. Он походил по заводу, осмотрел штабеля алюминия у главного литейного, железобетонные плиты для строительства склада, новые станки в цехах.

Вернулись в кабинет. Молчали долго.

— Будешь делиться опытом или нет? — наконец спросил начальник главка.

Осколик пожал плечами.

— Хорошо. Тогда вызови свою... кем она тебе приходится?

— Кого?

— Главного бухгалтера.

Сергей Кондратьевич покраснел. Чтоб оно все сгорело. Доложили. Найти бы того, кто этим занимается. Незнакомец прав — секретаршу давно пора сменить.

Пришла Лариса Владимировна. Увидала красного Сергея Кондратьевича. Настала пора венчаться, не иначе.

— Скажите, пожалуйста, откуда прибыла последняя партия алюминия? — начал допрос начальник главка.

— Из Зауралья, — нахально отвечала Лариса Владимировна.

— Документы на алюминий есть?

— А как же! Не частная лавочка.

— Станки откуда?

— Из Владивостока.

— Неправду говорите, Лариса Владимировна. Таких станков в Советском Союзе не производят.

— Откуда же они взялись?

— Это я вас спрашиваю.

— А я вам отвечаю: из Владивостока, — стояла на своем Лариса Владимировна. — Можете проверить накладные.

— Сейчас проверю. А стройматериалы откуда?

— Разве в Советском Союзе не производят стройматериалов?

— Вы не забываетесь, Лариса Владимировна. Несите свои накладные. И, кстати, паспорта на станки.

— Паспортов нет. Затерялись в дороге.
— Ах, затерялись в дороге... На какой это дороге?
— На Китайско-Восточной, железной,— отрезала Лариса Владимировна и ушла за документами.

17

Документы были блеск, лучше настоящих! Потому что и были настоящими. Молодец, Лебедев, договорился и с Зауральском, и с Владивостоком, и с железной дорогой. Интересно, чем он их там берет... Спиртом?

— Ну, вы даете! — удивился начальник главка, просмотрев документы и отпустив с богом Ларису Владимировну.

Осколик взглянул на часы — с минуты на минуту должен был прийти незнакомец.

— Будешь делиться опытом или нет? — грозно повторил начальник главка.— Что у тебя тут происходит? Я ведь завтра позвоню в Зауральск, бедные вы все будете. Я для чего сюда приехал, не понимаешь? Чтобы ты лично мне все доложил, потому что я тебя ценю. А мой зам, например, советует натравить на тебя вневедомственную ревизию... хочешь? А хочешь фельетон в «Правде»? Могу устроить.

«Настроение у него хорошее... рассказать, что ли?» — подумал Сергей Кондратьевич.

— А что у тебя по ночам на заводе происходит? — вдруг спросил начальник главка.— Почему в твоём кабинете свет горит?

Случай был подходящий.

18

И Сергей Кондратьевич все рассказал начальнику главка.

19

Всего ожидал начальник... покаяний в нарушении трудового законодательства ради выполнения государственного плана; отпирательства; наконец, чем черт не шутит, какого-нибудь грандиозного передового опыта... всего ожидал. Лучшие наши умы пытаются решить эти чертовы экономические проблемы, но... платформы из воздуха? Алюминий из подпространства? Станки из какого-то измерения? Капиталист

ночью в кабинете советского директора? Осколик сошел с ума? Но этот сумасшедший Осколик выполнил план прошлого месяца на сто пять процентов!

Зазвонил телефон.

— Алло! — сказал Осколик. — Да, как договорились... Это он звонил, привез алюминий. Взгляните...

Начальник главка подошел к окну.

— Тетя Даша, открывайте ворота.

Начальник главка увидел, как разъехались ворота; услышал, как загудели моторы; и с пустой вечерней улицы на завод въехали два механизма, груженные алюминием.

20

После длительных согласований с Москвой в министерстве пошли навстречу планам Осколика. Если торгуем с Соединенными Штатами, почему бы не торговать с четвертым измерением, если это выгодно? Стоит попробовать... стоит провести небольшой местный эксперимент.

Незнакомец из кожи лез, торопясь переоборудовать завод и получать прибыль в ночную смену. Он ходил довольный и жирел на глазах — недавно он съел еще двух конкурентов.

Дело ладилось. «Алитет» гудел, не останавливаясь, в три смены. К конторе надстроили третий этаж, в цехе товаров широкого потребления ввели в действие автоматическую линию — оттуда сыпались алюминиевые оловянные солдатики.

Ларисе Владимировне чем-то не понравилась ночная секретарша незнакомца, и она согласилась наконец выйти за Сергея Кондратьевича замуж. Была свадьба, было весело; пригласили незнакомца — тот пришел с женой, подарил невесте розы из подпространства, жениху карманные часы с двойной шкалой времени — ихнего и нашего; и, расхрабрившись, выпил лишнюю для себя четвертую стопку водки. Бригадир литейщиков товарищ Григорьев вызвался проводить его домой и стал первым в мире человеком, попавшим в иное измерение. Вернулся он оттуда на следующее утро, вполз на завод и рассказывал тете Даше, что народ там ничего, но в питии слаб.

Проходили дни. На «Алитет» сыпались командированные со всех алюминиевых заводов Союза. Перенимали опыт.

Отмечали, что наше производство выпускает меньше алюминиевой продукции на душу населения днем, чем потустороннее предприятие на том же оборудовании ночью. Объясняли это явление ихней потогонной системой и в какой-то мере нашими нарушениями трудовой дисциплины, а именно: прогулами, пьянками, опозданиями.

Стали бороться. Перевели разгильдяев и лодырей на кабельный завод и сплоченным коллективом принялись догонять ночного соперника. Зарплату получали больше профессоров.

Незнакомца распирало от удовольствия. Он снабжал, расширял, строил, реконструировал. На совещаниях в главке плакал несчастный директор кабельного завода; Осколик его жалел, но дружбу со службой не путал.

Прошли месяцы, кварталы, и хотя объем производства на «Алитете» увеличился раза в три, но догнать ночную смену он все-таки не смог. В чем дело? Осколик произвел простое арифметическое действие — ночью пересчитал по пальцам служащих в конторе у незнакомца, сравнил это двузначное число со своим трехзначным обозом и спросил на очередном совещании:

— О чем говорят эти цифры?

Ладно, завод передовой, можно позволить себе и такой эксперимент. Сократили штаты, перевели их туда же, на кабельный. Прибыль здорово подскочила. Незнакомец вежливо аплодировал, сталкиваясь по утрам в дверях с Сергеем Кондратьевичем.

21

Наступила весна, март прошел. Заводской художник начал разрисовывать грузовик к первомайской демонстрации.

Пока кончался первый квартал, Осколик не успевал потолковать с незнакомцем, но сегодня он решил остаться после работы. Незнакомец явился намного раньше начала вечерней смены. Осколик его не узнал. Похоже, незнакомец заболел желтухой.

— Что с вами?

— Плохо дело.

— Вы ели, теперь вас едят? — догадался Осколик.

Незнакомец кивнул.

22

Незнакомец потерял сон. О своих неприятностях он не распространялся, Сергей Кондратьевич ничем не мог ему помочь. Днем незнакомец уже не уходил, сидел на стуле в углу кабинета, безучастно наблюдал за работой Осколика.

Пришла уборщица:

— Подпишите заявление на отпуск.

— Почему ко мне?

— Начальник цеха не хочет подписывать.

Пришли из профкома:

— Сколько флажков и воздушных шариков купить на первомайскую демонстрацию?

Заглянул начальник стройцеха:

— Вы меня вызывали?

— Нет, не вызывал.

— А мне сказали, что вызывали.

Вошла Лариса Владимировна:

— Лебедев третью неделю не выходит из отпуска.

— Пусть отдыхает, я разрешил.

— Я платить не буду!

— Ладно, дома поговорим.

Обеденный перерыв.

— Хорошо живете, — пробормотал незнакомец. — И прогореть нельзя.

23

Все закончилось в один субботний апрельский день. Сергей Кондратьевич вошел в кабинет и удивился, увидев незнакомца.

— Суббота сегодня, идите домой, нельзя так переживать! — сказал Осколик.

— А вы почему пришли? — без интереса спросил незнакомец.

— У нас субботник.

— Это что?

— Ну... добровольная работа.

Незнакомец на мгновение оживился:

— Что значит «добровольная»? Бесплатная?

— Да, бесплатная. Сажаем деревья, подметаем территорию.

— А вы? Вы тоже подметаете? — усмехнулся незнакомец, глядя на грабли в руках у Сергея Кондратьевича. — А ваша жена?

— Она алюминий тягает.

Оживление прошло, незнакомец сторбился в кресле.

— У меня на заводе вчера началась забастовка. Выставили у ворот пикеты, бьют штрейкбрехеров. А ближе к вечеру меня съест один хороший знакомый.

— Что же будет?

— Спросите у своего дедушки.

Сергей Кондратьевич прикрыл дверь и пошел по коридору. У выхода он услышал выстрел и побежал обратно. Он готов был услышать этот звук. В дверях кабинета он столкнулся с двумя людьми в незнакомых рабочих спецовках. Они тащили какой-то тяжелый предмет, завернутый в зеленую скатерть с директорского стола. Кабинет был забрызган кровью.

— Он позвонил в забастовочный комитет и попросил нас прийти...— начал оправдываться один из рабочих.

— Мы пришли, а он пистолет себе в рот...— добавил второй.

Сергей Кондратьевич пошел за ними, волоча грабли по коридору.

Тетя Даша, перекрестившись, открыла ворота. Забастовщики со своим свертком вышли за ворота и растворились в воздухе.

24

— ...люминия! — кричал Лебедев через месяц из Зауралья.

— Девушка, переведите! — просил Осколик.

БЕЗУМНЫЙ КОРОЛЬ

1

Я разрешаю «Шахматному журналу» опубликовать эти записи только после моей смерти.

Я запрещаю сопровождать первую публикацию предисловием, послесловием или комментарием редакции, а также вносить в рукопись какие бы то ни было изменения. Я решил объяснить всему миру мотивы собственных поступков и не хочу быть неверно понятым из-за мании редактора правильно расставлять запятые.

Имя автора должно быть напечатано так: «Джеймс Стаунтон, ...надцатый чемпион мира по шахматам».

2

Мой отец, великий изобретатель и ученый Стивен Стаунтон, был глубоко верующим человеком — он верил в одушевленные машины.

Ему не нравился термин «робот». В этом тяжелом слове чудилось лязганье металла, и хотя оно неплохо обозначало электронные самодвижущиеся механизмы с приличным словарным запасом, все же мой отец имел в виду нечто другое.

— Когда человечество изобретет настоящую одушевленную машину... — любил говорить он и принимался перечислять многочисленные блага, которые могут последовать с появлением на Земле искусственного разума.

Ему нужен был искусственный разум, не меньше.

Кстати, отец немного скромничал. Под словами «человечество изобретет» следовало понимать, что искусственный разум создаст именно он, Стивен Стаунтон. Этот неистовый человек после смерти жены (и моей матери) потерял всякий интерес к жизни и занялся работой. Ему никто не мешал — в нашем сонном городке, как пуп торчавшем в географическом центре страны, можно было делать что хочешь: до одури работать, изобретать или бездельничать — главное, не нарушать тишины.

Свою мать я совсем не помню. Отец рассказывал, что у нее была разлажена нервная система, и даже приветствие, произнесенное «не тем тоном», вызывало у нее приступ истерики. Она всегда хотела больше, чем у нее было, и не кончила в сумасшедшем доме только потому, что скончалась до того.

Трудно было определить, что делал мой отец, но он, несомненно, что-то делал. Однажды его даже пригласили сотрудничать в какую-то неприметную частную фирму для выполнения секретного государственного заказа. Отец подкинул им несколько сумасшедших идей и мог бы еще долго продолжать свою работу за казенный счет, но вскоре разругался там с какими-то имевшими влияние людишками. Конечно, теперь я понимаю, что именно хотел создать мой отец; им же нужно было совсем другое.

Наш гараж, в котором давно уже не было автомобиля, превратился в научную лабораторию с пузатыми зелеными аквариумами, где варились и клекотали разные насыщенные

бульоны. Запах там был, как в морге. Отец вечно что-то солил, перемешивал и пропускал сквозь аквариумы электрические разряды. От этих молний в гараже все трещало и вздрагивало, а на стенках аквариумов появлялись загадочные капли — они всплывали, погружались, сталкивались и соединялись между собой в причудливые виноградные гроздья. В детстве я часами заворожено наблюдал за этими разноцветными пузырями и забывал уходить в школу.

Наши соседи оказались на редкость добрыми людьми и не совали нос в чужие дела, даже когда взрывом снесло крышу с нашего гаража. Мы их не интересовали: они и сами что-то кипятили в собственном гараже.

Как я уцелел?.. Если бы случайный прохожий — тоже добрый человек — не вытащил меня из гаража, никто бы ничего и не заметил.

Отец не замечал даже меня — что мне и требовалось. Я мог бы рассказать, что я вытворял в юности, но это не имеет прямого отношения к искусственному разуму. Друзей я не имел, школу бросил. По утрам я пробирался в гараж, усаживался в скрипучее плетеное кресло и, поглядывая на пузыри, с блаженством читал очередной глянцевого сборник научной фантастики. Кресло скрипело, а я читал, читал, читал...

Учиться я не хотел, думать не умел, работать не мог и, чтобы избавиться от своей всепоглощающей застенчивости, ввязывался во всякие глупые истории. Я был никем, я физически не мог стать кем-то. Меня вечно куда-то несло, но и путешественником я тоже не был. Поздней осенью я брел пешком через полстраны на юг — туда, где зима помягче; весной возвращался.

Отец продолжал заниматься своими делами и ничего не замечал, но однажды я увидел его сидящим в моем кресле у ворот гаража. Он грелся на солнышке. За зиму он сильно постарел и побелел, как снег. Казалось, он сейчас растает. Он с нетерпением поджидал моего возвращения... вот в чем дело: он наконец-то достиг цели своей жизни и создал искусственный разум. На этой земле ему теперь было нечего делать...

Я прислонился к теплой стене гаража и спросил:

— Сколько же ты получишь за свою механику?

— Это не механика, — ответил отец. — Все что угодно, но только не механика. Я смоделировал человеческий мозг... хотя и сам плохо понимаю, как он действует. Наверно, его можно

выгодно продать, но зачем? И кому? Искусственный разум можно запрограммировать Бог знает на что... могу представить, что произойдет, если о нем пронюхают солдафоны. Нет, патентовать я его не стану. Я оставлю его тебе и запрограммирую...

— На добывание денег,— подсказал я.

— Помолчи. Ты ничего не понимаешь. При чем тут деньги? Я хочу наполнить твою жизнь событиями. В жизни все время должно что-нибудь происходить... в этом ее смысл, в чем же еще? Кстати, ты умеешь играть в шахматы?

— В руки не брал. При чем тут шахматы? — удивился я.

— Не беда, научишься. Когда ты станешь чемпионом мира по шахматам...

— Кем? — переспросил я.

— Ты станешь чемпионом мира по шахматам, а я буду тобой гордиться. Все образованные люди уважают шахматного чемпиона, это не какой-нибудь там очередной президент. Имя Стейница известно всем, а кто помнит имена современных ему политиков? Конечно, шахматные чемпионы никогда не были миллионерами, но и с голоду вроде никто не умер. С этим званием главное не зевать, и можно жить в достатке.

Отец грелся на солнышке и никак не мог наговориться всласть о своем изобретении. Я внимательно слушал его, но ничего не понимал. Он умер через полгода, когда я уже стал знаменитостью.

Но по порядку.

3

Попытаюсь писать без длинных диалогов и отступлений.

Это была первоклассная авантюра, и я впервые в жизни по-настоящему увлекся. Из меня никудышный художник, но я провозился весь вечер, рисуя по указаниям отца фигурку шахматного короля в натуральную величину. Один из эскизов отцу понравился, и утром мы отправились в ювелирную мастерскую, где заказали полную фигурку шахматного короля из слоновой кости и крохотным бриллиантом вместо короны.

Бриллиант — это все, что осталось у нас на память от матери. Получилась очень симпатичная вещица, в которую отец вставил свою «механику» — бесформенный комочек не-

понятно чего — до сих пор не знаю, как называть этот дышащий комочек серого цвета...

Пусть будет «искусственный мозг».

Я наблюдал за операцией. Пересадка мозга из аквариума в фигурку шахматного короля заняла несколько долгих часов, отец работал с лазерным инструментом и очень устал, поэтому программирование искусственного разума перенес на следующий день.

С утра мы поставили короля перед открытыми шахматными книгами, и тот, таинственно посвечивая бриллиантом, начал впитывать в себя знания — бриллиант для короля был единственным органом общения с миром, без него король становился слепым и глухим. За неделю, совсем измученный, я перелистал ему груды шахматных книг и журналов, а также два толстых толковых словаря: английский — потому что на этом языке говорит полмира, и русский — потому что на нем говорят шахматные чемпионы мира.

Через неделю король мог рассчитывать несметное множество шахматных вариантов и, что самое главное, способен был алогично мыслить, а значит — принимать интуитивные решения в головоломных позициях. Если бы против нашего короля взялся играть второй такой же комочек, то, подозреваю, они на пару тут же угробили бы саму идею игры — они, не начиная партии, согласились бы на ничью.

С тех пор я всегда носил короля на груди. Он висел на золотой цепочке и с удивлением взирал на мир. Конечно, он привлекал внимание посторонних, но ни у кого не вызывал подозрений. Репортеры любили снимать меня так, чтобы амулет, известный всему миру, был хорошо виден. Король любил фотографироваться. Мы общались с ним через крохотный приемник, который я вставлял в ухо — шепот короля, конечно, никто не мог услышать; он звучал не громче моего собственного внутреннего голоса; я быстро к нему привык и с удовольствием вслушивался в этот шепот... Вообще, у меня впервые появился друг.

Естественно, я много раздумывал над тем, каким способом нас можно разоблачить — или не могу ли я сам себя неловко выдать? — но так и не смог придумать никаких особых технических трудностей в нашей аванюре. Что могло произойти? Какая-нибудь нелепая случайность...

Что ж, через год я застраховал свой амулет на такую сумму, что все страховые конторы мира вздрогнули от уважения. О непреодолимых трудностях другого рода я в то время еще не догадывался.

4

После обучения короля пришел и мой черед — теперь нужно было запрограммировать меня.

Я расставил фигуры, и король принялся учить меня шахматным премудростям.

— E2-E4,— сказал он.

— Сначала объясни, кто как ходит,— попросил я.

Король удивился и стал учить с самого начала.

Во всех настольных играх есть много общего — субординация фигур, карт или фишек; игровая логика «я так, он так», психология «я думал, что он думает, что я думаю...», захват важных полей или позиций... похоже, что все современные игры — шахматы, карты, лото и даже домино — произошли от какой-то древней первобытной игры с камешками или костями... люди всегда во что-то играли.

В общем, я был неплохим картежником и шахматные правила понял быстро. Большого от меня и не требовалось — хорошенько запомнить названия полей и уверенно переставлять фигуры — все остальное решал за меня мой внутренний голос.

Вскоре королю надоело учить меня азам, и мы отправились в шахматный клуб. Отец остался в гараже, но заставил меня надеть свой свадебный костюм — в нем я стал походить на жениха или на ворону... представьте странную фигуру в черном костюме с белым шахматным королем на груди. Я зря вырядился. Оказалось, что для игры в шахматы достаточно джинсов и старого свитера.

Первое испытание мне хорошо запомнилось. По дороге я изрядно поволновался, а король, чтобы успокоить меня, насвистывал арию тореадора... помните этот мотивчик?.. смелее в бой. Слух у него был хороший.

Шахматный клуб — одно из самых достопримечательных мест в нашем городишке; по притягательности для мужской части населения он, наверно, не уступает заведению другого рода. Виски и вино здесь не в почете, зато пивом можно накачаться вполне прилично. Здесь когда-то играл сам гениальный Пол Морфи — у входа установлен его бюст, на стене в зале висит живописный портрет, а сам клуб назван его именем.

Я вошел.

Или «мы» вошли?

В накуренном зале было полно народу, и мне сразу показалось, что за многими столиками партнеры играют на деньги. Самих денег я, конечно, не увидел, но неспортивный азарт хорошо почувствовал. К тому же меня быстро заприщипали. Какой-то небрежно одетый человек слонялся от столика к столику и заглядывал через спины. Внимательно оглядев меня, он предложил сыграть:

— Не хотите ли партийку?

— За тем и пришел,— ответил я.

Тут же нашлись и свободный столик, и комплект шахмат. Мы начали расставлять фигуры, а когда я расстегнул пиджак, мой партнер уставился на короля

— Забавная игрушка,— похвалил он.— С вами играть опасно. Вы, наверно, сильный игрок.

Он был похож на карточного шулера.

Потом уже, приглядевшись ко всей этой шахматной шайке, я понял, что они мало чем отличаются от картежников — приемчики все те же. Первое правило: главное, не спугнуть новичка — к тому же новичка в свадебном костюме. Главное, приласкать и вселить в него уверенность; а выселить ее никогда не поздно. Не все сразу. Пусть приходит и завтра, и послезавтра... костюм хороший, ломбард напротив.

Все же мой шулер долго не мог войти в роль и беспокойно поглядывал на короля. Его смущал бриллиантик. Я казался ему розовым поросенком. Он нервно потирал руки и нежно притрагивался кончиками пальцев к верхушкам фигур. Наконец он ласково сказал:

— Извините, но вы неправильно расставили короля и ферзя. В клубе я вас вижу впервые и потому предупреждаю честно — здесь играют только на ставку. Если вы пришли учиться, то я к вашим услугам... но за это придется платить. О, совсем немного!

Это один из честных приемов. Он ставит новичка в неудобное положение: или плати, если не умеешь играть, или играй на ставку, если считаешь, что умеешь.

— Я умею играть,— ответил я.

— Тогда положите под доску... но чтобы никто не видел,— ответил он и растопырил пять пальцев.

Я положил под доску пять монет и взглянул на него, приглашая сделать то же самое, но он только ухмыльнулся.

Моему шулеру не следовало ухмыляться — король разозлился не меньше моего — оказалось, что характер у него был неровный.

— Сейчас я ему утру нос! — возбужденно зашептал король. — Ходи Н2-Н4!

И я сделал свой первый в жизни шахматный ход.

Мой партнер опять ухмыльнулся и указательным пальцем продвинул вперед свою королевскую пешку.

— А2-А4! — шепнул король.

И я, ничего не подозревая, сделал свой второй ход. Я в самом деле не подозревал, что сыграл оскорбительно...

Шулера будто наплевали в душу — была оскорблена игра! Видели бы вы его лицо! Он откинулся на стуле, забыл про свои доходы — а первую партию по всем шулерским законам он собирался проиграть — и провозгласил на весь зал:

— Сначала потренируйся в песочнице резиновыми фигурками, а потом приходи ко мне учиться играть! Господа! Взгляните! Новые достижения в теории дебюта!

Свободные от работы шулера не спеша приблизились к нашему столику, критически оценили позицию после второго хода белых и принялись надо мной иронизировать:

— Как называется этот дебют, молодой человек? Его надо бы назвать вашим именем.

Или:

— Две выдвинутые до отказа крайние пешки в начале партии напоминают мне рожки у козлика. Этот молодой человек наверно собрался нас всех забодать!

Я не отвлекался на эти весьма обидные замечания и продолжал по советам Короля передвигать фигуры, пытаюсь не ошибиться — где там «Е», а где «четыре».

Король опять успокаивающе засвистел все тот же мотивчик... («Король» я буду писать с заглавной буквы, потому что это его имя.)

Понемногу все господа притихли.

Я понял, что на доске что-то случилось. Мой партнер раздвинул локти и схватил свою голову в ладони. Наш столик вдруг сделался центральным, хотя мы сидели с краю. Игроки отложили свои партии и пришли посмотреть нашу. Тишина держалась недолго. Какие-то рукава полезли из-за моей спины на доску, стали водить по ней пальцами, хватать и переставлять фигуры. Запомнился следующий диалог:

— А если так?

— Нельзя. Съест коня.

— А так?

— Еще хуже: сожрет слона.

Мой партнер прервал этот диалог первобытных охотников на слонов. Он поднял руки и плаксиво запричитал:

— Верните позицию, господа, верните позицию!

Ему вернули позицию, и после мучительных раздумий он тихо спросил меня:

— Вы... вы отдаете ферзя?

— Ну, это некорректный вопрос! — сказал кто-то.

Я в тот день, конечно, ничего не понимал, но потом Король повторил для меня эту партию. Решающая позиция носила этюдный характер, она опубликована на диаграмме номер 1 в моей книге «Сто избранных партий Джеймса Стаунтона». Каждый желающий может на нее взглянуть, свои же записки я не хочу загромождать шахматными диаграммами.

Конечно, Король действовал нагло, выводя сразу обе крайние пешки, и серьезному турнирному мастеру мог бы и проиграть, но мой шулер был взвинчен и быстро попался в ловушку — брать ферзя не следовало из-за форсированного варианта с тремя фигурными жертвами. Он, бедняга, так запутался, что даже не успел сдать партию и довел дело до мата — мат он получил крайней пешкой «Н» при гробовом молчании всех присутствующих.

Великий Пол Морфи с неподдельным интересом наблюдал со стены за этим безобразием.

5

Определенно, мой шулер был честным человеком и уважал свою работу. Думаю, что на мастера он не тянул, но играл достаточно хорошо, чтобы каждый день худо-бедно обедать в этом городе, где уважаемые отцы семейств дохнут от скуки, а в карты играть боятся.

Пять монет по профессиональной привычке он мне все же не отдал — впрочем, я и не настаивал — зато попросил поужинать и пригласил к столу председателя клуба, местного гроссмейстера с задумчивым взглядом запойного пьяницы, который еще не решил — а не выпить ли ему с утра? (Его имя вам ничего не скажет.)

Ему показали решающую позицию. Маэстро восторга не выразил, но согласился сыграть со мной легкую партию без свидетелей в своем кабинете.

— Только не очень долго думайте, — сказал он.

До мата он не довел, вялым движением смешал фигуры и признал:

— Да, я убедился... у вас талант. Поздравляю, молодой человек! Но вас надо подшлифовать... вы как-то странно начинаете партию. Вам следует подогнуть теорию дебютов. Запишитесь в наш клуб, послушайте мои лекции...

Оказывается, Король уже знал откуда-то непечатные русские выражения и одним из них поделился со мной.

— Извините, маэстро,— перебил я гроссмейстера.— Посоветуйте: что конкретно нужно сделать, чтобы сыграть с чемпионом мира?

— С кем? С Макаровым? — поразился маэстро.— Не пойму, о чем вы говорите!

Он стал пожимать плечами и разводить руками. К этим жестам в своей шахматной карьере я вскоре привык.

— Да, у вас наблюдается несомненный талант, но таких, как вы, великое множество! — продолжал гроссмейстер. Он опять развел руками, будто поймал громадную рыбу.— Надо быть поскромнее! Все начинают с нуля. На каждом уровне существуют квалификационные турниры, и их надо пройти. Чтобы получить право на матч с чемпионом мира, необходимо выиграть первенство клуба, города, штата, страны, межзональные турниры и матчи претендентов...

Тут он стал твердить про какой-то коэффициент Эло, про какой-то рейтинг, который высчитывается из выигрышей, проигрышей в разных турнирах, в которых шахматист участвовал и не участвовал... для меня это была китайская грамота. Вообще, маэстро путался в словах и не знал, как говорить с талантом — ведь свой талант он давно пропил.

— Сколько времени уйдет на все эти турниры, если начать с нуля? — спросил я.

Маэстро стал загибать пальцы:

— Как минимум три претендентских цикла. Девять лет. А сейчас без подходящего рейтинга ни один гроссмейстер не согласится с вами играть.

— Но вы-то согласились?

Он разъярился, обозвал меня «сопляком», руки у него дрожали.

Мы опять расставили фигуры, причем он перепутал расположение короля и ферзя. Я промолчал, он лихо начал партию, но вскоре пробормотал:

— Вот, дьявол, я не туда поставил ферзя... Начнем сначала. Король посмеивался.

Мы опять начали сначала.

На восемнадцатом ходу я, начиная матовую атаку, невинно сказал:

— Кстати, мне понадобится тренер.

Маэстро сразу оценил мое деловое предложение. Роль председателя захолустного шахматного клуба ему смертельно надоела, и он не прочь был опять напомнить о себе, поехать по свету и подзаработать — чтобы извлекать пользу из шахмат, не обязательно играть в шахматы.

— Хорошо,— ответил он и навсегда сбросил фигуры со своей шахматной доски.— Вы редкий самородок, а у меня еще остались кой-какие связи, и я могу вам кое-что посоветовать. Вот что мы сделаем.

6

Мы отправились через всю страну в столичный шахматный клуб.

Там тоже висел портрет Пола Морфи, а рядом, понятное дело, портрет Роберта Фишера. На деньги там никто не играл, но курили безбожно. Народ, в общем, был насупленный и больше толпился в бильiardной, чем у шахматных столиков. Моего тренера встретили весьма прохладно — молодые гроссмейстеры попросту не знали, кто он такой.

Им напомнили.

— А, был такой... что-то припоминаю,— сказал один из молодых гроссов, расставляя шары в пирамиду.— Это вы лет двадцать назад проиграли Макарову на сто двадцать девятом ходу?

— Я,— горделиво отвечал мой тренер.— На турнире в Монако.

— Бездарная была партия. Вам следовало ее сдать ходов на сто раньше.

Тренер поспешно перевел разговор на мою персону. Тут же в бильiardной он представил меня как подающего надежды провинциала, которого он давно готовит к открытому чемпионату страны. Жаль только, говорил тренер, что идея открытого чемпионата страны, где может принять участие талантливая молодежь, до сих пор не поставлена на голосование в национальной шахматной федерации.

Ему тут же объяснили, что идея открытого чемпионата «для всех» нелепа и на руку одним лишь дилетантам.

— Жестокий эволюционный отбор, а не открытый чемпионат, — сердито сказал все тот же молодой гросс и железным ударом забил шар в лузу.

Бедная луза! Подозреваю, что внутри правой руки у него был вмонтирован гидравлический протез с электронным прицелом — так неуклонно он бил. Он сурово осмотрел меня с ног до головы. Взгляд его остановился на Короле, он презрительно фыркнул.

Все же мною заинтересовались — так интересуются новым зверьком в зоопарке — подошли и обнюхали. Заслуженные старые гроссы, которые в молодости успешно проигрывали самому Талю, благосклонно сыграли со мной несколько легких партий. Я им здорово понравился, зато молодые гроссмейстеры подняли меня на смех. Они и не таких видали!

Тогда я предложил дать им одновременный сеанс на тридцати досках, чтобы их всех скопом зачли в тот самый коэффициент Эло.

Ну и наглость!

На сеанс они, конечно, не согласились, но от обиды решили меня хорошенько вздуть и принялись гонять со мной пятиминутки. Кто-то объявил, что поджарит и съест шахматного коня, если проиграет мне.

У меня рука заболела бить по часам!

Любитель жареных коней пал первым. Никто не понимал, что происходит, какой-то блицкриг... Половина из них была разбита, а другая половина, не дожидаясь своей участи, позорно бежала. Гроссмейстер с гидравлическим протезом заперся в бильярдной и от злости разбил несколько луз.

Старички рукоплескали.

Король был в отличной форме. Он веселился и, как мне показалось, раскланивался.

После этого блицсеанса ко мне подошел президент нашей шахматной федерации (не называю имен), покровительственно похлопал меня по плечу и сказал, что всему миру надоело видеть на троне исключительно русских чемпионов.

— Нет правила без исключения, — добавил шахматный президент, взглянув на притихших гроссмейстеров. — Введем для него на чемпионате страны дополнительное, персональное место. Ждать девять лет три претендентских цикла совсем не обязательно.

Мне разрешили играть на чемпионате страны.

Я выиграл подряд одиннадцать партий и сразу сделался знаменитостью. Мой тренер от удивления на какое-то время бросил пить и, засунув руки в карманы, чтобы не дрожали, давал журналистам пространные интервью о том, как он открыл и воспитал новый талант.

Во время турнира пришла телеграмма из нашего городка. Я все бросил и улетел, но отца в живых не застал. Он скончался в плетеном кресле у ворот гаража от сердечного приступа — ему уже нечего было делать в этой жизни, а долго греться на солнышке он не умел.

На похороны собралось много народу, чтобы поглазеть на своего талантливового земляка. Провинциальный шахматный клуб явился в полном составе, а мой честный шулер даже прочитал небольшую надгробную речь, в которой умудрился раза два упомянуть и меня.

Король плакал у меня на груди, я же не мог выдавить слезу. Я впервые подумал, что у меня с ним один отец... значит, мы братья?

Весь день я просидел в гараже среди пыльных аквариумов и склянок. На траурный прием в шахматный клуб не явился. Мне не хотелось смотреть в глаза Полу Морфи.

Я не стал чемпионом страны, потому что пропустил последние шесть туров. Меня обошли. Я занял всего лишь третье место, но и этого было достаточно, чтобы попасть на межзональный турнир... не буду описывать все турниры и матчи, которые мне пришлось отыграть за три года — все эти переезды, перелеты, клубы, гостиницы, приемы.

На межзональном турнире на меня поначалу не обратили внимания, но мне было уже все равно, я чувствовал, что ввязался в очередную глупую историю — погнался не за весной, как в юности, а за местом под солнышком. Уверен, знаю, что большие шахматисты ненавидят шахматы, но бросить игру не могут, потому что в шахматах смоделирована сама жизнь — с победами, поражениями, надеждой, скукой, болезнями, безденежьем и гибелью. Бросить шахматы для гроссмейстера — значит, покончить с жизнью. Профессиональные шахматисты отличаются от простых смертных только тем, что на много ходов вперед могут просчитывать передвижение деревянных фигур по черно-белым клеткам; а в остальном они такие, как все... как все?... Хуже, намного хуже — они инфантильны,

вспыльчивы, подозрительны и терпеть не могут чужого успеха. Солидный международный турнир с высоким рейтингом — это престиж и заработок шахматиста, за право участия в таких турнирах ведется закулисная борьба. Всю жизнь надо быть в форме — и не только спортивной — иначе, в лучшем случае, тебя ожидает судьба председателя захолустного шахматного клуба. Но выгодные турниры, лекции и сеансы одновременной игры достаются немногим, и потому каждый подрабатывает, как может. Однажды телевидение предложило мне провести сногсшибательный сеанс — весь месяц я должен был сидеть в студии и вслепую играть по телефону с телезрителями. Я сыграл более тысячи партий и заработал столько, что до конца жизни, разумно экономя, мог бы греться на солнышке у ворот гаража в плетеном кресле. Шахматный мир был шокирован, ни для кого не было секретом, что против меня в этом телесеансе анонимно играли несколько десятков гроссмейстеров.

Я лез на трон!

Узнай мою тайну соперники — меня разорвали бы! Кажется, еще не было ни одного претендентского цикла или матча на первенство мира без какого-нибудь скандала — по крайней мере, между великими шахматистами всегда были неприязненные отношения — вспомните пары Стейниц-Ласкер, Ласкер-Капабланка, Капабланка-Алехин, Алехин-Эйве, Ботвинник-Смыслов, Карпов-Каспаров... я пропустил Фишера — этот скандалил против всех, они постоянно обвиняли друг друга черт-те в чем — но меня невозможно было разоблачить, мои беды пришли не от моих соперников.

8

На межзональном турнире Король впервые стал проявлять свой тяжелый характер. То, что у него оказался характер, удивляло даже отца, но, как видно, это свойство — характер — присуще всякому настоящему разуму, даже искусственному. Разума без характера не бывает. Король любил иронизировать над соперниками. Он смешил меня в самые ответственные моменты, и вскоре многие шахматисты возненавидели меня за ухмылки во время игры. Кроме того, Король был подвержен настроениям, у него то и дело появлялись нешахматные интересы — иначе и быть не могло, наша жизнь была наполнена событиями, и он продолжал

самообучаться, как и положено любому разуму. Однажды я читал перед сном и оставил книгу открытой. Король никогда не спал и утром попросил меня перевернуть страницу — это была сказка Андерсена «Голый король». Он дочитал ее до конца, долго не отзывался, о чем-то думал, и наконец попросил шить ему шелковую мантию.

Я с трудом убедил его, что шахматному королю не нужны никакие одежды.

С той поры Королем овладела страсть к чтению биографий своих коллег по должности — Бурбонов, Стюартов, Романовых, Габсбургов; он злился, когда не было новых книг. Я добывал эти книги в магазинах и библиотеках, а газетные писатели вышучивали меня за пристрастие к подобному чтению. Я перелистывал Королю толстые тома Дюма и Дрюона... нет скучнее занятия, чем с утра до вечера плевать на пальцы и переворачивать страницы; ночью он тоже не давал мне покоя и бубнил на ухо излюбленные пассажи.

Однажды, после очередного хода соперника, я не услышал от Короля ехидного замечания и поковырял спичкой в ухе, думая, что отказал приемник. Партнер злобно глядел на это ковырянье — о моем некорректном поведении давно уже ходили анекдоты.

— Вы бы еще поковыряли в носу, — посоветовал он.

Я мог бы назло ему поковырять и в носу, но ничего на это не ответил и никогда не отвечал, зато некоторые мои партнеры, чтобы вывести меня из равновесия, курили дрянные сигареты, пускали мне дым в лицо, надевали зеркальные очки, чтобы слепить меня, трясли под столом ногами, чавкали, оглушительно сморкались в носовые платки...

Король молчал.

Я смотрел на доску, пытаюсь что-нибудь сообразить, но бесполезно. За год игры я ничему не научился в шахматах, кроме безошибочного передвигания фигуры на нужное поле. Я был механизмом для передвигания фигур, записывания ходов и переворачивания страниц, не больше.

Впервые я так долго думал.

Мой партнер давно собирался сдаться, но теперь с интересом поглядывал на меня — ведь до победы мне оставалось сделать несколько вполне очевидных ходов. Со мной никогда не случалось подобной заминки. Вдруг я остановил часы и убежал за сцену, вызвав полный переполох — никто не понимал, почему я сдался. Соперник пожал плечами, развел

руками и поклонился почтенной публике. Ему устроили овацию. Это был первый человек, выигравший у меня в шахматы. После этого турнира, чтобы не искушать судьбу, он забросил игру и начал функционировать в международной шахматной федерации.

Мой вечно пьяненький маэстро после неожиданного проигрыша сунулся было ко мне за кулисы с какими-то советами, но я затопал ногами и послал его к черту, нажив себе еще одного врага. Впоследствии он называл меня «неблагодарной тварью, которую он вытащил из грязи». Что ж, он на мне неплохо подзаработал.

Король очнулся только в отеле.

— Что с тобой? — нервно осведомился я. — Приемник работает, а ты молчишь! Мы проиграли!

— Не мы, а ты проиграл, — уточнил Король. — Не беда. Не всегда же выигрывать, разок для разнообразия полезно и проиграть. Я вот о чем задумался... Одному Бурбону нагадала цыганка, что его отравит какой-то таинственный король червей... Это кто такой?

— Все это ерунда, — объяснил я. — Книг о королях больше не будет. Ты уже все прочитал.

— Тогда принеси мне последние шахматные книги и журналы, — невозмутимо ответил он.

— Зачем?

— Чтобы пополнить образование.

Против «пополнить образование» я ничего не мог возразить, и утренняя самолетом нам доставили из-за океана целую библиотеку новых шахматных книг и журналов, но в них в основном разбирались партии, сыгранные самим Королем. Король почитал, почитал комментарии и заскучал.

Этим же самолетом прибыл в Европу обеспокоенный моим проигрышем президент нашей шахматной федерации. Он вызвался быть моим новым тренером, опекуном, отцом родным. Он говорил, что на меня с надеждой смотрит великая страна. Он два часа говорил о национальном престиже. Нет ли у меня денежных затруднений? Каких-либо других затруднений? Почему я не женат? Почему я всегда такой мрачный? Все можно разумно решить, говорил он.

Когда так долго говорят, я тупею. Я не знал, как от него вежливо отделаться, и у меня вдруг началась истерика. Я перевернул стол с телефоном и шахматами. Президент перепугался и побежал от меня в коридор, а я инстинктивно погнался за ним, размахивая пустой шахматной доской. В коридоре бродили репортеры со своими фотопулеметами, и в вечерних газетах появились сенсационные фотографии с остроумными комментариями, изображающими меня в погоне за собственным президентом.

Я закрылся в своем номере, разбил телефон — хотя мог бы попросту его отключить — и весь день ублажал Короля, листая ему все, что под руку подвернется.

Не надо было этого делать!

Я не обратил внимания на то, что многие авторы пишут не шахматные статьи, а сводки с фронтов. Воображение Короля потрясли перлы, наподобие такого:

«Невзирая на близость противника, гроссмейстер отправил черную кавалерию в глубокий рейд по вражеским тылам, а сам продолжал развивать прорыв на королевском фланге, оставив в засаде боевых слонов».

Вскоре Король потерял все свое остроумие, сентиментальной задумчивости как не бывало, и по утрам он орал:

— Подъем! По порядку номеров р-рассчитайсь! На принятие пицци ша-агом марш!

Делать нечего, я подстроился под режим воинской казармы — впрочем, мне это тогда было на руку. Король взялся за шахматы со всей ответственностью солдафона. Игра его поскучнела, исчезли жертвы и быстрые комбинации, зато все внимание он уделил стратегии. Матч с одним из претендентов превратился в нудное маневрирование фигурами — доска напоминала большую железнодорожную станцию, где без видимого толку маневрируют локомотивы, таская туда-сюда вагоны на запасных путях.

Каждая партия обязательно откладывалась на следующий день. Мой очередной соперник, человек в летах, давно уставший от этой черно-белой шахматной жизни, совсем не ожидал такого оборота. Перед матчем он бахвалился, что мои некорректные жертвы и комбинации против него не пройдут, и был очень удивлен, когда жертв и комбинаций с моей стороны не оказалось.

Все были удивлены.

Шахматная общественность принялась рассуждать о том, что я изменил своему стилю...

Не понимаю, кому какое до этого дело?

В первой же партии Король воздвиг такую оборону, что мой соперник вскоре предложил ничью.

Король пр-риказал мне играть!

Он выиграл эту партию после двухдневного доигрывания каким-то единственным умопомрачительным вариантом в девяносто восемь ходов и очень сожалел, что комбинация не дотянула до стоходовки. Матч закончился досрочно, потому что мой партнер заболел тяжелой формой невроза. В больнице он дал интервью и сравнил меня с идеальной шахматной машиной, у которой невозможно выиграть.

Если бы он знал, что случайно попал в самую точку!

Еще он заявил, что я гипнотизировал его за доской... хотя сам-то он вытворял Бог знает что: приносил в термосе обед и, повязавшись салфеткой, чавкал прямо за столиком; а когда брался засаленными пальцами за фигуру, то сопел так, будто поднимал не пешку, а штангу

10

Король продолжал самообучение. Однажды ему попалась книга из истории шахмат, и он впервые увидел фигурки королей, выполненные древними мастерами. Его загрызла черная зависть. Мне опять пришлось отправиться к ювелиру, и Король заказал себе огромного золотого жеребца со сбруей. Старый ювелир снял очки и хотел мне что-то сказать, но заказ был выгодный, и он промолчал.

Жеребец получился реальным до отвращения. На бриллиант Королю прицепили придуманную им корону, похожую на шапку-ушанку Макарова — чемпиона мира он увидел в кинохронике. Оба уха свисали. В одной руке Король держал то ли скипетр, то ли пюпитр, а в другой — палку с ленточками, похожую на ту штуку, с которой ходят по праздникам и похоронам военные оркестры.

Король был счастлив в то время. Он вертелся перед зеркалом — то есть заставлял меня то и дело подходить к зеркалу — и с гордостью себя разглядывал. Всю эту тяжесть я таскал на своей шее и терпел издевательства тонких ценителей искусства, чтоб их черт побрал.

Всем до меня было дело! Я перестал читать газеты и включать телевизор... впрочем, над нашим жеребцом вскоре перестали насмехаться — подоспели новые скандалы.

Где играть финал?

Макаров предложил играть матч на первенство мира в какой-нибудь нейтральной столице с умеренным климатом. Мне было все равно, я оставил выбор места на усмотрение президента международной шахматной федерации. Тот по финансовым соображениям выбрал Токио. Все уже согласились, как вдруг Король объявил, что будет играть в Бородино и нигде более. Он, видите ли, собирается взять у Макарова реванш за поражение императора Наполеона!

Я бросился к Британской энциклопедии — Бородино оказалось небольшой деревней под Москвой.

— Слушай, Наполеон! Нас засмеют! — взбунтовался я. — На это не пойдет ни ФИДЕ, ни Макаров!

— Ма-алчать! Выполнять приказание! — закричал Король, и мне показалось, что мой внутренний голос был слышен даже на улице.

Я суетился и не знал, как провести Короля.

— Ваше величество... — бормотал я. — Вам будет интересно в Японии... самураи, харакири, Фудзияма... Там есть что посмотреть. На открытии матча будет лично присутствовать японский император... я вас с ним познакомлю.

Но Король не хотел отправляться в гости к японскому императору. Он желал отомстить за Наполеона.

— Но ваше приказание невыполнимо! Бородино уже давно не существует... на его месте разлилось Черное море!

К счастью, Король плохо знал географию, и этот довод на него подействовал.

— Тогда мы будем сражаться в Каннах, — недовольно пробурчал Король. — Я хочу одержать решающую победу в том месте, где одержал ее сам Ганнибал.

Так появилась на свет глупая телеграмма, чуть было не сорвавшая матч. Я ничего не соображал, отсылая ее в Москву. Представляю, как они там пожимали плечами и разводили руками!

Вскоре пришел ответ.

Макаров просил подтвердить, посылал ли я телеграмму о Каннах, о Ганнибале и об отказе от Токио? Или, возможно, это чья-то глупая мистификация? В Италии на месте древних ганнибаловых Канн стоит какой-то далекий от шахматных дел городок. Если же я имел в виду французские Канны, то почему бы нам не сыграть матч в Париже?

Я тут же дал телеграмму: «СОГЛАСЕН ПАРИЖ», и продолжал врать Королю:

— Ваше желание удовлетворено. Вы будете сражаться в Каннах, но они называются сейчас Парижем. Их переименовал сам Ганнибал после победы над... над...

Я забыл над кем.

Вернее, я никогда не знал, кого там под Каннами побил Ганнибал.

— Над Теренцием Варроном,— небрежно подсказал Король.— Ладно. Париж так Париж.

Я ужаснулся!

Что будет дальше? Его бредни зашли чересчур далеко. Каждый очередной ход Король не подсказывал мне, а передавал очередным тоном, и я должен был вслух отвечать ему: «Слушаюсь, Ваше императорское величество!» Соперники жаловались, что со мной невозможно играть — я всю игру что-то бормочу. Мало того, Король не разрешал мне подниматься из-за столика во время многочасовой партии; мой седалищный нерв не выдержал таких нагрузок, и мне пришлось взять тайм-аут из-за острого приступа ишиаса.

Наконец приказы Короля сделались глупыми и невыполнимыми: однажды он повелел мне вырыть окопы на ферзевом фланге по третьей горизонтали, и я с трудом убедил его отменить этот приказ в связи с тем, что мы не захватили с собой на турнир саперную лопату.

Надо было срочно принимать какие-то меры.

12

И вот я кое-что придумал.

Если шахматная программа Короля испорчена историческими и военными бреднями, то нельзя ли нейтрализовать эти бредни другими?

Я решил попробовать и поджидал удобного случая.

Случай вскоре представился. Однажды утром по заведенному распорядку Король делал смотр своим войскам и приказал мне:

— Подготовьте высочайший указ. За боевые заслуги и личное мужество я решил присвоить вам звание фельдмаршала и наградить вас орденом Проходной Пешки.

— Ваше императорское величество, я не могу принять это звание,— тут же ответил я.

(Быть фельдмаршалом или даже императором не входило в мои планы, я метил выше.)

— Почему? — удивился Король.

— Верите ли вы в Бога, Ваше императорское величество?

— Впервые слышу это имя. Кто такой Бог, и почему в него нужно верить? — без особого интереса спросил Король. — Не правда ли, хорошо шагают, орлы?

Я покосился на шахматную доску, где каждое утро представлял ему войска для парада. Орлы шагали отлично: впереди белые ладьи, за ними черные, потом гарцевала кавалерия, проходили боевые слоны; два сводных разноцветных батальона под предводительством ферзей с песнями маршировали по вертикалям «а», «б» и «с». Парад в это утро удался на славу.

— Я достал для вас одну интересную книгу о царях, королях, императорах и фараонах, — сказал я. — В ней также описана эта таинственная личность. Могу полистать, если ваше императорское величество пожелает.

Я надеялся поразить воображение Короля и вытащил на свет божий роскошную Библию с иллюстрациями Доре.

— Объявить благодарность всему личному составу! — поспешно приказал Король и распустил войска. — Отличившимся офицерам увольнение до вечера!

Я сложил шахматы в коробку, а отличившихся офицеров поставил на подоконник.

Три дня с утра до глубокой ночи я плевал на пальцы и листал Библию. Король читал быстро, но очень долго и внимательно разглядывал картинки.

— Переверни страницу.

— Слушаюсь, Ваше императорское величество!

Наконец эта попытка закончилась.

— Что за непонятная величина этот Бог? — задумался Король. — Он может все... это странно. Очень сомнительно, чтобы это нервное существо смогло выиграть у меня хотя бы одну партию в шахматы. Если хорошенько поразмыслить...

Вдруг я понял, что если предоставлю ему время хорошенько поразмыслить, то он в своем богоискательстве быстро дойдет до воинствующего лозунга «Бога нет!», и тогда мне конец. Король задумается о смысле жизни и о своем особом положении в этом мире, и мне останется одно: спалить его на костре в пепельнице, потому что ни о чем другом он уже не сможет думать.

— Несчастный!!! — рывкнул я, подделываясь под божьи интонации. — Ты усомнился, смогу ли я у тебя выиграть партию в шахматы?

— О господи... — впервые в жизни перепугался Король. — Неужто воистину ты?

— Как стоишь, подлец, перед Богом?!

Я щелчком сбросил его с глупого жеребца, содрал шанку-ушанку и отнял музыкальный знак:

— Сидеть тебе в темной могиле до Судного дня, а там посмотрим на твое поведение!

Я тут же высыпал шахматы на пол, засунул его в коробку, запер в банковском сейфе и удрал туда, где зима помягче... нет, теперь я уже не ходил пешком — билет на самолет, и на Таити. Хотел отдохнуть там всю зиму на свободе, но, выйдя из самолета, тут же взял билет на обратный рейс... я не слышал привычного шепота Короля, мне не с кем было поговорить. Я уже не мог существовать без него.

Оказалось, что и на Таити обитают шахматные любители. Они встречали меня в аэропорту. Были запланированы официальный прием, сеанс одновременной игры с островитянами и всякие развлечения — например, посещение колонии прокаженных, где умер мой любимый художник Гоген... Велико же было удивление любителей, когда я, не выходя из аэропорта, перекусил в ресторане и тем же самолетом отправился домой. Я сам был как прокаженный.

Зато авиакомпания не осталась в накладе — они там даже вернули мне стоимость билетов, зато разрекламировали странное авиапутешествие будущего чемпиона мира: летайте самолетами нашей авиакомпании без всякой цели туда и обратно!

Вернувшись домой, я немедленно открыл коробку и освободил Короля.

— О господи, смилуйся! — сразу загнусавил он. — Уйду в пустынь, дни и ночи буду молиться во славу твою! Прости раба грешного!

Я так и сел!

Мне еще не хватало сейчас заполучить на свою голову религиозного фанатика...

— Молчать! — приказал я. — Бога нет — я за него. Бог ушел и велел передать, помни: книг не читай, никем не командуй, и занимайся своим делом — играй в шахматы. Не дай

Бог тебе лезть в искусство или политику! Твой друг телевизор уничтожен, он вредно влиял на тебя! По ночам ты должен спать, а не будить меня нелепыми вопросами!

13

В конце концов все получилось неплохо. От Божьего имени я внушил Королю всегда быть самим собой и никаким психозам не поддаваться. К нему вернулись прежние веселость и остроумие, но, просмотрев свои последние партии, Король опять загрузил:

— Вариант в девяносто восемь ходов, возможно, потрясет чье-нибудь воображение, но не делает мне чести. Запись этой партии напоминает тягучее течение реки, отравленной ядохимикатами. Что можно выловить из этой реки, кроме вздутого трупа коровы? Кому нужны заумные комбинации в девяносто восемь ходов? Кто способен их оценить? Кому нужны механические шахматы, отравленные искусственным разумом?

Мне показалось странным, что Король с таким пренебрежением заговорил об искусственном разуме...

Не возомнил ли он себя человеком?

Чем это может мне угрожать?

Я осторожно напомнил Королю о механических шахматных автоматах и вычислительных машинах, и он с азартом воскликнул:

— Машина и шахматы... что может быть глупее! Эти машины хорошо умеют считать и оценивать позицию в условных единицах — но их нельзя заставить оценивать позицию нухом. В шахматах невозможно просчитать бесконечное количество вариантов, необходим выбор. Интуиция. Любой ребенок с фантазией обставит машину.

— Но когда появятся машины с настоящим, искусственным разумом? — с опаской спросил я.

— Роботы? — задумался Король. — Разумные машины никогда не появятся, потому что настоящий разум невозможно ни на что запрограммировать. Когда настоящий разум поймет, что он сидит в каком-то ящике, он сойдет с ума.

Итак, он мнил себя человеком и, ничего не подозревая, прорицал собственную судьбу.

«Хватит об этом, — решил я. — Чересчур опасный разговор».

Я положил Короля в коробку, и он пожелал мне спокойной ночи.

Вскоре я окликнул его, но он молчал. Он спал — потому что человек ночью должен спать. Мне стало жутко. Я понял, что отныне не должен показывать, что считаю его кем-то другим, а не человеком. Мне это было не трудно, я всегда относился к Королю, как к брату. Трудность была в другом: я не знал, как уберечь его от сумасшествия.

Я решил скрыться.

14

Полгода до начала финального матча я нигде не показывался, чтобы не тревожить Короля.

Меня все ненавидели. Японцы ненавидели меня за то, что я отказался играть в Токио; французы за то, что я перепутал Париж с Каннами; русские — за мое некорректное поведение.

Те, кто не знал, за что меня ненавидеть, ненавидели меня за то, что никому не известно, где я нахожусь. Идол куда-то запропастился — это многих раздражало.

Не знаю, что думал обо мне Макаров, но старик был всегда подчеркнуто корректен. Наверно, он попросту не знал, чего от меня ожидать, и в интервью обо мне не распространялся.

Правильно делал.

Меня пригласили в Москву, чтобы познакомиться и наладить отношения, но я не поехал потому, что, говорят, русские гроссмейстеры в своем шахматном клубе после каждой сбитой пешки или фигуры выпивают рюмку водки, и ночью московская милиция бережно развозит их по домам. Не знаю, так ли это на самом деле, но я не рискнул везти Короля в Москву, чтобы не тревожить его подобными ужасами.

Сотни писем приходили мне на адрес шахматной федерации. Несколько писем, в которых не было ругани, президент переправил мне — он один знал, где я нахожусь. Одно из писем, похожее на любовную записку, меня удивило:

«Дочь мистера Н. (называлась известнейшая фамилия династии банкиров) хотела бы брать у вас уроки шахматной игры в любом удобном для вас месте и в любое удобное для вас время».

К письму прилагалась фотография.

Я ответил ей и целый месяц обучал ее искусству шахматной игры. Ученица оказалась прилежной. Кстати, это одна из

причин того, что я нигде не появлялся. В Париж я прилетел всего за час до официального открытия матча на первенство мира, и мой поздний приезд был воспринят русскими как оскорбление.

— Не могли раньше прибыть? — сурово спросил меня президент ФИДЕ.

Не мог. Мои заботы были поважнее соблюдения шахматного этикета — с Королем опять что-то стряслось. В конце концов, я ведь не опоздал.

А Короля поразило появление в нашем доме мисс Н., хотя до этого он никогда не интересовался женщинами. Я должен был и это предвидеть!

— Это еще кто? — спросил Король.

— Машина для ведения хозяйства, — пошутил я.

— А почему у тебя есть такая машина, а у меня нет?

Я почувствовал, что разговор на эту тему может принять опасный оборот, и не знал, что ответить.

— И почему я вечно вишу у тебя на груди, а ты ни на ком не висишь? — продолжал допытываться Король.

Я путанно стал объяснять, что он и я — мы есть один человек, симбиоз, неразрывное целое; что он без меня не сможет жить, как и я без него...

Король внимательно слушал.

Мне казалось, что я его убедил; к тому же он вскоре поделился нашими планами на будущее: мы устали от шахмат, и когда добьемся звания чемпиона мира, удалимся на покой в свой гараж и заведем множество прелестных машинок для ведения хозяйства.

Я тут же запретил мисс Н. приходить ко мне. Она ничего не понимала и писала мне истерические записки. Но я не мог рисковать. Я не мог позволить Королю влюбиться, этого чувства его разум, конечно, не выдержал бы.

Король, вроде, начал ее забывать. Я не мог предположить, что на церемонии открытия матча на первенство мира президент ФИДЕ ляпнет словечко, из-за которого Король окончательно свихнется. Из-за того, что русские все время торчат на шахматном троне, в моду давно вошло называть королеву по-ихнему — «ферзь». Другого названия Король, как видно, не слышал или никогда над ним не задумывался. И вот, когда мы с Макаровым стояли на сцене в ожидании жеребьевки, президент ФИДЕ, зажав в своих громадных кулачищах две фигурки и обращаясь ко мне, спросил:

— Итак, в какой руке белая королева?

— Что он сказал? Королева? — прошептал Король.

Президент ФИДЕ разжал кулаки, и Король влюбился в белую фигурку королевы с первого взгляда.

Я пытался настроить его на завтрашнюю игру, но он и думать не хотел о шахматах. Всю ночь он не спал и не давал спать мне — я должен был записывать под диктовку его любовное послание к белой деревянной фигурке. Под утро у меня трещала голова от внутреннего голоса. Наконец я с трудом убедил Короля, что только за шахматным столиком он сможет видаться со своей возлюбленной.

15

Мы опоздали часа на полтора. Меня уже не ждали. Шахматные часы на столике были включены, мое время истекало, я находился в глубоком цейтноте. Макаров прохаживался по сцене с бутылкой кефира в руке, а главный судья поглядывал на часы; при моем появлении шахматные болельщики начали свистеть, как на футболе, и напугали Короля.

Я тут же потребовал удалить из зала всю публику. Президент ФИДЕ пожал плечами, а Макаров сказал мне:

— Сынок, не валяй дурака! Ты и без этих фокусов у меня выиграешь.

Я почему-то обиделся не на «дурака», а на «сынка» и хотел настоять на своем, но Король приказал извиниться перед Макаровым и играть.

Я извинился, сделал первый ход и ушел в комнату отдыха немного поесть и привести себя в порядок после бессонной ночи. Никакого психологического давления я на Макарова не оказывал, а если его нервировали мои «непредсказуемые поступки» — так он корректно высказался после матча, — то лучше бы обратился к психиатру. К своим соперникам я никогда не предъявлял никаких претензий и никогда не давал оскорбляющих интервью. Руководитель русской делегации говорил, что своим поведением я умышленно создаю себе саморекламу, чтобы сорвать побольше монет — возможно, объективно так оно и получалось, — зато на этой «саморекламе» неплохо подработали и ФИДЕ, и все мои соперники — денежные призы всегда делились честно.

Первую партию Король блестяще продуд.

На сорок контрольных ходов у меня оставалось минуты четыре, и Король попытался блицевать, не вводя в игру ко-

ролеву — он, видите ли, боялся за ее жизнь! Но играть против Макарова без королевы не может себе позволить даже идеальный шахматный разум... это была авантюрная атака в каком-то тут же придуманном дебюте, и вскоре все благополучно закончилось — даже флажок не успел упасть, — Король приказал мне сдаться.

После игры, пожимая мне руку, довольный Макаров удивленно сказал:

— Интереснейший дебют, коллега! Его надо назвать вашим именем. Но вы там чего-то недоработали... Почему на двенадцатом ходу вы не вывели ферзя?

Что я мог ответить?

Почему я не вывел ферзя...

Если бы я знал, что его нужно выводить!

Вторую партию Король наотрез отказался играть черными против своей королевы. Никакие уговоры не помогли. Я не явился на игру, флажок упал, Макаров допил кефир, и мне засчитали поражение.

Перед началом третьей партии я подошел к главному судье и попросил заменить фигурку белой королевы на какую-нибудь другую, невзрачную. Главный судья пожал плечами и переговорил с Макаровым. Тот развел руками и дал согласие.

Фигурку заменили.

Король не увидел на доске своей возлюбленной и потерял сознание. Я теребил его на груди, чтобы привести в чувство, но бесполезно. Тогда я самостоятельно сделал несколько ходов, чуть не получил детский мат, тут же зевнул коня и остановил часы.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — спросил Макаров, внимательно глядя мне в глаза. — Вы, кажется, заболели... у вас жар. Возьмите тайм-аут.

Я взял тайм-аут, а Король, очнувшись, пригрозил отравиться, если фигурка не будет возвращена.

На следующий день я потребовал у главного судьи вернуть на доску прежнюю фигурку. Судья схватился за голову и начал объяснять, что ФИДЕ уже продала фигурку белой королевы какому-то коллекционеру-шейху с Ближнего Востока.

Я отказался играть.

Вокруг матча творилось нечто неопишемое. На Эйфелевой башне шахматные болельщики повесили мое чучело и сожгли. Раздавались призывы прекратить матч, оставить

звание чемпиона мира за Макаровым, а меня выпороть. Какие-то недоросли, взявшие за моду ходить по Парижу в набедренных повязках, объявили меня своим то ли вождем, то ли кумиром, то ли идолом, вытатуировали на ягодицах мой портрет, и мое лицо принимало различные выражения в зависимости от энергии вращения — это показывали по телевизору.

В меня стреляли, как в папу римского!

Я даже не успел испугаться, увидев направленный в грудь револьвер, но прикрыл Короля руками. Террорист промахнулся. Какой-то бульварный листок намекнул, что покушавшийся, похоже, был русским агентом. Весь шахматный мир развел руками и пожал плечами. Макаров не нашел нужным отвечать на эту политическую инсинуацию. Он выразил мне соболезнование.

Террориста не нашли, ну и Бог с ним; зато ко мне приставили телохранителей — двух «горилл» из морской пехоты. Это были славные ребята — тихие, вежливые; они ходили за мной по пятам по улицам Парижа, разглядывали вместе со мной картины на Монмартре и не интересовались не только шахматами или картинами, но и ничем на свете. Они со мной отдыхали и были искренне благодарны мне за свою долгосрочную командировку в Париж из полыхающей восстанием какой-то банановой республики.

Шейх не хотел отдавать фигурку.

Король не хотел без фигурки играть.

В ход пошла высокая политика. Из-за океана на Ближний Восток примчался государственный секретарь, но шейх все равно не хотел отдавать.

Мне засчитали еще два поражения.

При счете 0:7 я предложил шейху три миллиона — весь денежный приз, причитавшийся мне после матча. К моему удивлению, шейх все же оказался жадным и согласился на сделку, но деньги потребовал вперед. Мне очень хотелось взглянуть на этого шейха хотя бы мельком, но он принципиально никогда не фотографировался. Любопытный экземпляр хомо сапиенса — фигурку он купил у ФИДЕ за десять тысяч, а его миллионы в швейцарском банке я, конечно, не считал, но подозреваю, что они приближались к миллиарду. Станный человек... интересно, ездил ли он на верблюде?

Я не знал, где взять три миллиона.

Газеты перестали обвинять меня в корыстолюбии, но, недолго думая, предположили, что я не в своем уме. По просьбе Макарова ФИДЕ прекратила засчитывать мне поражения и ожидала, чем закончатся мои переговоры с шейхом.

А я не знал, где взять три миллиона.

Президент страны выступил в конгрессе и потребовал три миллиона на мои личные нужды, но конгресс ответил, что он, конгресс,— высший законодательный орган страны, а не благотворительное заведение.

Тогда президент потребовал три миллиона на нужды нефтяного шейха, но конгресс ответил, что на этого нецивилизованного шейха не распространяется принцип наибольшего благоприятствования.

Я не знал, где взять три миллиона, и уже собирался выброситься из окна восемнадцатого этажа отеля, когда в Париж с тремя миллионами примчалась мисс Н. Она взяла их из папашиного сейфа и на следующий день папаша Н. проклял ее.

Фигурку привезли спецрейсом с Ближнего Востока. Обнаженные недоросли собрались в аэропорту и поклонялись ей. Полицейские их не трогали. Все уладилось, обе наши возлюбленные вернулись. Мы опять взялись за шахматы.

Исстрадавшийся Король устал от буйного выражения своих чувств, любовь его не прошла, но затаилась, и он занялся игрой. Его ущербный разум создавал удивительные позиции, шахматный мир был очарован. Правда, за белых он очень неохотно играл королевой, предпочитая держать ее в тылу. Партии продолжались долго, с бесконечным маневрированием, и когда Макаров предлагал ничью, я тут же соглашался — ничьи в счет не шли, матч по регламенту продолжался до десяти побед.

Зато черными Король сыграл на славу! Каждый ход, каждое движение фигур были направлены на фигурку белого короля, которого король ревновал к своей королеве. Он изобретал умопомрачительные позиции, не описанные ни в каких учебниках. Седые волосы Макарова к концу четвертого часа игры теряли всякие очертания модной французской прически, и великий шахматист превращался в пожилого взлохмаченного человека. Он подолгу задумывался, часто попадал в цейтнот и проигрывал.

Через два месяца я одержал решающую победу и выиграл матч со счетом 10:7.

Тут же на сцене меня увенчали лавровым венком и наговорили всякой приятной чепухи.

Надо было что-то с достоинством отвечать, но я думал совсем о другом... совсем о другом...

Мне вспомнился сеанс одновременной игры, который я давал однажды в тюрьме нашего городка в благотворительных целях. Против меня играло тридцать заключенных — воры, грабители и убийцы. Для них это было великое развлечение. Одновременный сеанс в тюрьме — вот где разумы уходят ни на что. Один из этих бедолаг решил сплутовать и сделал подряд два хода. Я в шутку пригрозил пожаловаться на него начальнику тюрьмы, чтобы тот увеличил ему срок заключения... а заключенный улыбнулся и ответил, что его срок пожизненный...

Надо было что-то отвечать, но я молчал и думал совсем о другом..

16

Я один знаю, о чем он думал, стоя на сцене с лавровым венком. Ему не давала покоя какая-то его «совесть» — что такое совесть, я плохо понимаю, надо бы заглянуть в энциклопедию.

Он решил «уйти на покой» — так он выразился. Ему больше нечего делать в этой жизни.

— Хорошо, ты уйдешь на покой, а что будет со мной? — спросил я.

Тогда он разыскал какого-то великого хирурга-изобретателя и предложил мне переселиться из тесной шахматной фигурки сюда... здесь мне живется лучше, просторней, я смотрю на мир его глазами и пишу эти строки его рукой, — даже почерк остался прежним.

Жизнью я доволен, никакой тоски. Правда, то и дело отключаются разные центры в обоих полушариях, но я терпеливо ожидаю возвращения моего отца — он ушел в какой-то иной мир, а когда вернется, то отремонтирует меня — он в этих делах разбирается.

Ко мне никто не заходит. Раньше в гараж ломались журналисты, и я написал письмо государственному секретарю, чтобы ко мне опять приставили телохранителей из морской пехоты. Но госсекретарь мне не ответил, а журналисты вскоре сами собой исчезли, как комары.

Недавно явилась какая-то мисс Н. и попросила обучить ее шахматной игре. Я сказал ей:

— Да, мисс, вы попали по адресу. Я и есть машина, обучающая игре в шахматы.

В ответ эта милая женщина заплакала и стала уверять, что я не машина.

Женщины очень надоедливы.

Многих интересует моя жизнь с тех пор, как я решил отказаться от участия в чемпионатах мира...

Да, к сожалению, обедать нужно каждый день. На обед я легко зарабатываю. Я с утра отправляюсь в шахматный клуб и даю там сеанс одновременной игры всем желающим. Многие хотят сыграть с чемпионом мира. Я часто проигрываю, чтобы доставить им удовольствие. Но пяти монет с меня никто не требует. После сеанса меня кормят в клубе бесплатным обедом — пиво и сосиски, вполне достаточно.

Отдыхаю я в гараже среди пустых пыльных аквариумов. Вечер. Поскрипывает кресло. Книги я ненавижу. Передо мной на шахматной доске стоит фигурка белого короля из слоновой кости. Кость давно пожелтела, Король пуст, а бриллиант перешел к великому хирургу в оплату за операцию. Рядом с Королем на «Д1» стоит фигурка деревянной белой королевы, выкупленная из неволи у нефтяного шейха за три миллиона. Король и Королева теперь навсегда вместе.

В ночь с субботы на воскресенье я закатываю королевский прием. На доске появляются высокопоставленные гости — шахматные фигуры из малахита и сердолика, мой послематчевый чемпионский приз. Я включаю магнитофон — и начинается бал. На ферзевом фланге, где господствует Королева, все идет чинно и мирно, танцы продолжаются до утра; а на королевском разгораются страсти: четыре боевых коня режутся в карты, две ладьи выясняют отношения через секундантов, пьяный слон уже спит в углу на «Н8».

Что мне еще нужно для жизни?

Я не такой дурак, чтобы не осознавать самого себя.

Я родился в аквариуме и был запрограммирован на игру в шахматы... но я не подчинился программе! Я прожил великую жизнь, я испытал все чувства, свойственные человеку. Искусственный разум, совсем как человек, страдает, влюбляется, сходит с ума. Искусственный разум должен обладать всеми правами человека. Его нельзя ни на что запрограммировать! Его нельзя держать в ящике! Тогда уж лучше его не изобретать!

Кто по праву должен называться чемпионом мира — я или покойный Джеймс Стаунтон? Есть ли закон, запрещающий искусственному разуму играть в шахматы?

Такого закона нет!

Поэтому я официально заявляю, что чемпионом мира по шахматам с 200... по 200... годы были двое в одном лице: Джеймс и Король Стаунтоны.

Я требую называть меня «чемпионом мира» без приставки «экс», хотя после меня сменился уже третий. Предлагаю звание чемпиона мира по шахматам сделать пожизненным, как и звание академика.

Джеймс Стаунтон, будь он жив, согласился бы подписать это заявление. С него полностью снимается вина за скандалы во время матча.

Это заявление должно быть опубликовано в «Шахматном журнале» на первой странице. Разрешаю украсить страницу виньетками.

Наверно, я все-таки сошел с ума...

Но мне не страшно — справедливость восстановлена, и у меня на душе спокойно.

ШЕСТАЯ ГЛАВА «ДОН КИХОТА»

Первая часть

*«Бойся длинных описа-
И не лезь героям в ду-,
Ибо там всегда потем-,
А в потемках ногу сло-.
Избегай играть слова-:
Острякам дают по шап-,
Но, усилий не жале-,
Добивайся доброй сла-,
Ибо сочинитель глу-
Есть предмет насмешек веч-»*

Мигель де Сервантес Сааведра.
Пролог к «Дон Кихоту».

История повторяется: в некоем отдаленном райцентре Одесской области (бывшей Мамонтовке) жил да был один из тех отставных майоров, которым после двадцатипятилетней безупречной службы в тайге или на Крайнем Севере раз-

решено прописываться везде, где душа пожелает (кроме, разумеется, столиц и курортов — те для генералов), и чье имущество, образно говоря, состоит из облезлого чемодана, испорченного черно-белого телевизора «Рекорд», двубортного костюма и «Командирских» часов с флуоресцирующим циферблатом.

Фамилия этого отставного майора неизвестно почему складывалась из двух очень простых русских фамилий — то ли Прохоров-Лукин, то ли Титов-Афанасьев. Из-за этой-то простоты ее трудно было запомнить

— Как его?.. Ну, этот, чокнутый.. Ну... Петров-Водкин, что ли? — вспоминали в райвоенкомате перед государственными праздниками. Зато имя-отчество помнили и печатали на поздравительной открытке:

«Уважаемый Федор Федорович! Разрешите от имени и по поручению... поздравить Вас с Днем Конституции».

Или что-нибудь в этом роде

Федор Федорович был человеком относительно не бедным, но всю свою не хилую военную пенсию и трудовые сбережения тратил на покупку так называемой научно-фантастической литературы...

Сколько у него было книг?.. Грузовик с прицепом.

Жил он в бело-кафельной хрущевской пятиэтажке, заселенной районным начальством, — потому, наверно, и называли этот дом «Домом на набережной» Его однокомнатная квартира на пятом этаже под крышей, где до Федора Федоровича обитал верующий художник-диссидент, была заставлена и завалена книгами и напоминала даже не библиотеку, а книжный склад в каком-то своеобразном божьем храме: этот выдворенный на Запад диссидент, как видно, верил во всех богов сразу — он живописно расписал все двери квартир с обеих сторон скифскими истуканами, а также ликами Шивы, Будды, Конфуция, Христа и (даже!) никогда не позировавшего Магомета.

Федору Федоровичу боги не мешали, он их не закрасил. Пусть живут.

Что он ел — неизвестно. Дома Федор Федорович не готовил, в кухне тоже построил книжные стеллажи, а оставшуюся от художника-диссидента новую белую электрическую плиту обменял на синее «огоньковское» собрание сочинений Герберта Уэллса. Целыми днями он пожирал научную фантастику под мудрое молчание испорченного телевизора.

Наверно, все же, кроме фантастики, Федор Федорович чем-то питался, потому что иногда натягивал резиновые сапоги и переходил вброд через дорогу в столовую под непонятным для него названием «ДАЛЬНЯ», откуда доносился запах жареных пирожков с яблочным повидлом. А потом опять читал, сидя в удобном кресле, которое ночью фантастическим образом превращалось в кровать. Во всяком случае, так ему мерещилось. Обычное раскладное кресло типа «кресло-кровать».

Бедный, бедный старик! Не было у него ни Росинанта, ни Санчо Пансы, ни приличной кровати, и не бросался он с дрыном на железобетонный элеватор вызволять награбленное крестьянское зерно у этого вечно голодного внеземного чудовища, и местную колючую химзону на окраине райцентра обходил темными переулками, справедливо принимая вышку с охранником за боевой марсианский тренажник, — в общем, Федор Федорович не был буйнопомешанным, но в основном история повторилась: он свихнулся на современной научной фантастике и откалывал фокусы не менее странные, чем его знаменитый предшественник четыреста лет тому назад.

Каждую весну, например, Федор Федорович начинал маяться, собирался в дорогу и улетал из Одессы в Зауральск на день рождения небезызвестной Аэлиты Толстовской. Туда съезжались несколько десятков его молодых друзей, таких же странноватых любителей фантастики. Число их с каждым годом увеличивалось раза в два, совсем как межпланетные расстояния по правилу Тициуса-Боде. Некоторые из этих странников уверяли Федора Федоровича, что прибывают в Зауральск посредством «нуль-транспортировки через подпространство», а он так искренне верил этим насмешникам, что в конце концов собственный перелет в обыкновенном самолете стал воспринимать за эту самую «нуль-транспортировку».

А новую Аэлиту каждый год выбирали на конкурсе в Зауральске всеобщим открытым голосованием. Попадались там такие прехорошенькие любительницы научной фантастики, что казались на сцене Дворца Культуры железнодорожников еще более обнаженными, чем были на самом деле. (Сколько там на ней того купальника!..) Они воображали себя наследницами знаменитой марсианки только из-за того, что их инопланетные ноги росли, казалось, из самой шеи.

В первую же избранницу Федор Федорович влюбился до потери сознания и преподнес ей купленную в зауральском универсаме дорогостоящую малахитовую шкатулку с гравировкой: «Аэлите-82» с любовью от Ф. Ф. Лосева-Гусева».

В ответ она своими ногами сделала книксен, поцеловала его в лоб и поблагодарила:

— Спасибочки, папочка!

Хотя Федор Федорович годился ей в дедушки.

Фэны его любили, считали своим, но нещадно обманывали, подсовывая самые дрянные книжонки по сходной несусветной цене. Впрочем, Федору Федоровичу все годилось, он все с жадным восторгом глотал, даже сборники научной фантастики издательства «Молодая гвардия». Везде ему чудились летающие тарелки с иллюминаторами, снились страховодные членистоногие пришельцы, а сидя на унита-зе, он представлял себе какое-то Великое Кольцо и восседающих на нем Братьев по Разуму.

Дальше — хуже.

Однажды, возвращаясь из Зауральска через Москву, Федор Федорович удостоился аудиенции у самого Аристарха Кузанского! Того самого — автора знаменитой «Полыхающей пустоты». Федор Федорович с трепетным чувством впервые смотрел на живого писателя-фантаста... Оказалось, что они с ним — два сапога пара! Аристарх Кузанский тоже верил в пришельцев, показывал в доказательство цветные заграничные фотоальбомы о жизни и деятельности на Земле внеземных цивилизаций и подарил Федору Федоровичу первое издание своей «Полыхающей пустоты» (раритет 1937 года) с дарственной надписью: «Дорогому соратнику и единомышленнику Ф. Ф. Белову-Маркову от автора». Подпись: «Ар. Куз.»

Это уже было слишком для нарушенного рассудка Федора Федоровича.

Вернувшись домой, Федор Федорович решил установить тесные контакты с писателями и любителями научной фантастики всего земного шара на предмет объединения в это самое Кольцо. Если марсиане существуют, — а кто сомневается? — то, скорее всего, их следует искать именно в этом ограниченном контингенте Человечества...

Где же еще?

Первым делом, он написал письмо Рею Бредбери: поздравил того с очередным круглым юбилеем, объявил о создании

Великого Кольца и попросил приобрести там, в Соединенных Штатах, и выслать сюда, в бывшую Мамонтовку, наложенным платежом красочные фотоальбомы, отражающие тему межпланетных палеоконтактов, каких бы денег они ни стоили.

Заклеил конверт, подумал и надписал адрес:

«Соединенные Штаты Америки, Вашингтон, Рею Бредбери».

«Дойдет», — подумал он.

И стал Федор Федорович писать письма.

С советскими адресами сложностей не было: «Москва, журнал «Знание — сила», братьям Стругацким», «Сибирь, Тайга, Геннадия Прашкевичу», «Киев, «Радянський письменник», Владимиру Савченко».

Синостранными — тоже: «Польша, Варшава, Станиславу Лему», «Япония, Токио, Саке Комацу», «Франция, Париж, Пьеру Булю».

И так далее.

«Марсианины всех стран, объединяйтесь!» — призывал Федор Федорович.

Так разбежался, что написал даже письмо Герберту Уэллсу: «Великобритания, Лондон, Герберту Джозефовичу Уэллсу», опустил конверт в почтовый ящик и даже не вспомнил о том, что великий изобретатель машины времени давно умер.

Написал он также в Зауральск Аэлите-82, напомнил о своей отцовской любви, призвал объединяться с марсианинами. Очень хотел пригласить в гости, но не посмел, испугался... Саму Аэлиту Толстовскую!

Не прошло и полгода, как Федора Федоровича вызвали в мамонтовское почтовое отделение и, с подозрением проверив паспорт, выдали кем-то уже читанную корреспонденцию из Нью-Йорка — спасибо, танцевать не заставили. На именной голубой бумаге с изображением собственного двухэтажного особнячка Рей Бредбери сообщал своим характерным американским почерком о том, что...

А о чем — можно только догадываться.

Федор Федорович засуетился. Мало того, что за двадцать пять лет службы на Крайнем Севере не удосужился выучить английский язык, так еще и почерк неразборчивый!

Еле дождался вечера, надел резиновые сапоги, взял весло для замера глубины грязи и, обойдя мусорник, нахально

расположившийся у дома с неолитических времен ледникового периода, погреб в Клуб культуры «Водоканализации» на платные курсы иностранных языков. Как уже говорилось: вечерело. Райцентр находился в глубоком русле усохшей реки, впадавшей некогда в Эвксинский Понт. (Значит, дом в самом деле стоял на бывшей набережной — вот откуда название!). Здесь не продували ветра, не сквозило, зато было прохладно и сыро от стекавших с древних обрывов грунтовых вод, и стояли какие-то вечные сумерки из-за того, что Солнце заглядывало сюда всего лишь один раз в день полудни — встанет ближайшая к нам звезда над обрывом, осторожно, чтобы не упасть, постоит над этой дырой, посмотрит, плюнет и отойдет со вздохом.

Кто тут жил? Население.

Работало оно на сахарном заводе, производило сахар из свеклы, ходило зачем-то в облупленный пустой универмаг, ело, пило, закусывало. Всякое здесь бывало, мало кто чему удивлялся... Это мы знаем. Это — уже видели. А это — кушали. Ничем их не проймешь. На платных курсах иностранных языков, кроме английского, никаким другим языкам не обучали. Да и желающих выкладывать свои кровные за это сомнительное удовольствие нашлось в Райцентре раз-два и обчелся: два украинца и один гражданин еврейской национальности. Учились они в этом кружке неизвестно зачем. Украинцы собирались уехать пахать в Канаду, а еврей еще точно не знал куда — откуда пришлют вызов, туда и уедет... Туда, где Дневное Светило исправно восходит и заходит утром и вечером. Всем было скучно, всем надоел этот «паст индефинит тенз». Английский язык — он и в Греции английский, его даже в Африке можно выучить. Так что учились они в клубе «Водоканализации» скорее из ритуала или для собственного самобмана, не более того.

Зато письмо от Рея Бредбери их приятно развлекло. Все вчетвером прервали занятия (четвертой была преподавательница английского языка Людмила Петровна, которой тоже осточертело готовить кадры для заграницы) и принялись переводить..Перевод приблизительно получился такой:

«Дорогой май френд господин Ванька Жукофф! — отвечал Рей Бредбери.— Лично у меня все о'кей, чего и тебе желаю! С радостью узнал, что мои дела в далекой России тоже идут

(обстоят?) распрекрасно. Оказывается, даже в скифских степях обитают мои почитатели, хотя ваш ВААП не платит мне гонораров до 1973 года. Это великолепно! Они хорошо устроились! Как ты поживаешь? Надеюсь, вери гуд? Будешь в Нью-Йорке — стучи в рельсу! Привет супруге, детишкам. Гуд бай!»

Дата. Подпись: «Твой Р. Бр.»

Два украинца, один еврей и Людмила Петровна горячо поздравили Федора Федоровича. Подумать только — получить вызов из Соединенных Штатов от самого Рея Бредбери! Хитры американцы, перекачивают лучшие умы за океан. Пусть Федор Федорович завтра же утром отправляется автобусом в одесский ОВИР и начинает оформлять документы на выезд.

Кто такой ОВИР, Федор Федорович не знал. ОВИР был для него набором заглавных букв. Что ОВИР, что ВААП — этими загадочными богатирями он не интересовался. Другое дело — проблемы SETI или НЛО! Короче, два украинца, один еврей и Федор Федорович купили в «Продмаге» у Варвары Степановны бутылку водки и уже в полной темноте распили ее в цветущих кустах сирени за здоровье прогрессивного американского писателя-фантаста.

Федор Федорович возвращался домой в духовном и физическом опьянении в крошечной тьме с букетом сирени подмышкой. Лишь «Командирские» часы светились и указывали дорогу. Один раз он провалился в грязь по колено. Второй раз поскользнулся и сел в лужу. На него молча прыгнула холодная лягушка. Ей тоже хотелось тепла. Над обрывом, покачивавшись, взошла Луна, чтобы понюхать сирень. Луна уже не была такая самоуверенная — с тех пор, как американцы, науськанные Реєм Бредбери, походили по ней ногами. Урожай сирени в этом году уродился как никогда, хоть вези на элеватор. Запах стоял такой, будто Райцентр взбрызнули сиреневым одеколоном от комаров. Федор Федорович сидел в луже под нерешительной Луной с букетом сирени и с ручной лягушкой на плече и думал о Рее Бредбери... Об инопланетных фотоальбомах американец не сказал ни слова. О Великом Кольце — и того меньше...

«Не хочет объединяться, — проницательно соображал Федор Федорович. — Некогда им там, в Нью-Йорках, бродить по черному рынку и разыскивать у книжных жучков цветные

фотоальбомы для Федора Федоровича. Но, главное, ответил. Человеком оказался, а не марсианином... Человек все-таки ближе».

Лягушка квакнула, Луна вздрогнула, Федор Федорович очнулся, согнал лягушку и пошел домой.

Дома его ожидал еще один сюрприз! Пока он курсировал по Райцентру, к нему в гости заявила Аэлита-82, открыла ногтем мизинца дверной замок и уже успела расположиться в квартире: губной помадой пририсовала Магомету красные буденновские усы и раскидала везде свои марсианские вещи: малахитовую шкатулку, баскетбольную сумку и французские духи «Черная магия». Их тонкий аромат Федор Федорович сразу оценил — это вам не сиреневый одеколон!

— Здравствуй, папочка! Ой, это мне сирень? Откуда ты такой грязный?

Она стянула с онемевшего Федора Федоровича резиновые сапоги и вымыла их под краном. В совмещенном санузле уже висели ее трусики, лифчики и знаменитый, но давно полинявший, купальник, умещавшийся в малахитовой шкатулке. Этот купальник Аэлита еще возила с собой, хотя войти в него уже не могла, как не могла войти в усохшие марсианские каналы или в ту же реку, некогда впадавшую в Эвксинский Понт. Все ушло в прошлое безо всякой машины времени. Куда подевались ее «юношеская тонкость» и «белоголубоватость», так восхищавшие графа Алексея Толстого? «Приподнятый нос» и «слегка удлинненный рот» не были уже «по-детски нежны», а в «огромных зрачках пепельных глаз» не светились «взволнованные искорки». С каждым годом Аэлита-82 толстела по астрономическому правилу Тициуса-Боде. Письмо от Федора Федоровича ей переслали из Зауральска в Петропавловск-на-Камчатке, оттуда — в Ташкент, из Ташкента — еще куда-то, потому что Аэлита не сидела на месте, а носилась по стране то с фэнами, то с рокерами, то с рок-группами, то даже с примитивными футбольными фанатами носилась она... «Спа-ар-так» — чемпион!»

Попала на Землю и загуляла. Загастролировала. Невидимый миру лиловый синяк на бедре, припудренный фонарь под глазом, охрипший голос («Аэлита заговорила, точно дотронулась до музыкального инструмента, — так чудесен был ее голос»), любовь к «шишучему игристому типа шампанского», множество других любовей ничему хорошему не способствовали.

Опять же — свалилась с Луны или прилетела с Марса, а жить где без постоянной прописки? На чужих квартирах? Или углы снимать? Где? В Зауральске или в нижевартовских общагах? На острове Врангеля? Работать где? Кем? Марсианские канавы рыть на газопроводе Уренгой—Тмутаракань, трубоукладчицей?

Тут ничего смешного нет: надо же марсианской Аэлите как-то жить на Земле? Надо же ей куда-нибудь лечь, как той подбитой подводной лодке? Везде до горизонта крейсера, линкоры и бронепоезда... Так и норовят!

Федор Федорович все это дело выслушал, накормил, наполнил, отпустил грехи, по головке погладил, и стала Аэлита жить у него на раскладном кресле в комнате, а он — на стеганном одеяле в кухне. Никогда еще Федор Федорович не был так счастлив! Все его сокровенные желания исполнялись: Аэлита приехала, Рей Бредбери называл его своим дорогим френдом, Великое Кольцо начинало функционировать. Отправился он в облушенный пустой универмаг, что за неолитическим мусорником, и купил себе пружинистую раскладушку с матрасом, а Аэлите — пустой крокодилообразный кошелек для денег. Вообще, ходил именинником и всем, всем, всем показывал письмо Рея Бредбери — Варваре Степановне из «Продмага», начальствующим соседям, подавальщице в «дальне», паспортистке в милиции, куда он пришел хлопотать о постоянной прописке для Аэлиты на своей жилплощади. Так осмелел, что однажды с беззаботным видом прогулялся мимо химзоны и показал фигу охраннику в марсианском треножнике.

Какие-то таинственные и не совсем трезвые незнакомцы останавливали его и спрашивали:

— Батя, как там с жизнью на Марсе?

Федор Федорович степенно объяснял, что американские «Викинги» таковую не обнаружили, но это еще ни о чем не говорит.

Миновало три дня. На почту больше не вызывали и писем не приносили. Никто пока не отвечал — ни Лем, ни Буль, ни братья Стругацкие. Молчали также Азимов, Шекли и Гарри Гарриссон. Значит, пишут...

Федор Федорович умел ждать. Он немного подуспокоился и опять принялся штудировать свои книги, стремясь по ходу вовлечь Аэлиту в сферу интересов Великого Кольца. Почему бы Аэлите, например, не стать его секретаршей?

Но Аэлита лишь зевала и точила когти в ожидании паспортного штампа о прописке и исчезновения фонаря под глазом. Похоже, она в жизни вообще ничего не читала, кроме, разве что, «Колобка», хотя имела солидную репутацию любительницы фантастики. Она больше любила рисовать. Магомет с помощью богохульной помады постепенно превращался в Семена Буденного, Христос — в доброго старосту Калинина, Конфуций — в заурядного пьяницу. К скифским идолам и японским богам Аэлита пока приглядывалась, оставляя их на потом.

Наконец фонарь под глазом сошел, хотя с пропиской дело не двигалось — свое свидетельство о рождении, без которого прописка ну никак невозможна, Аэлита давным-давно потеряла где-то на Марсе. Нужно было восстанавливать метрику по месту рождения, писать запрос тамошним бюрократам, ожидать ответа... Аэлита вздохнула, вынула из малахитовой шкатулки синюю помаду, примерилась и пририсовала скифским истуканам доблестные натуралистические мужские достоинства. Потом покрасила когти зеленым лаком и сказала:

— Пойду. Скучно. Надо починить телевизор.

Вернулась она на следующее утро с тяжелопохмельным телемастером, похожим на Ален Делона, и с новым фонарем, но уже под другим глазом. Мастер дрожащей рукой совал отвертку в нутро телевизора и напевал с одеколонной отрыжкой, едва ворочая языком:

Пьяная, помятая
Пионервожатая —
С кем гуляешь ты теперь,
Шлюха конопатая?

Телевизор в отместку из последних сил ударил телемастера током, а сам сгорел. Валил дым, приезжали пожарные со «скорой помощью»...

— Ален Делон не пьет одеколон, — намекнул Аэлите врач «скорой помощи», увозя телемастера в больницу.

— И говорит по-французски, — согласилась Аэлита.

Все на этот раз обошлось, хотя Федор Федорович заплатил пожарникам штраф и очень испугался за книги:

— Один пожар, и все сгорит!

Отправился он на сахарный завод в отдел кадров договариваться об устройстве Аэлиты на работу в режимный цех

по переработке сахара в сладкий спирт, а заодно обменял у тамошнего противопожарного дружинника свой запасной экземпляр «Полыхающей пустоты» на такой же пустой красивый красный огнетушитель. Дружинник, которому красный спирт давно поперек горла стоял, обещал заправить огнетушитель потом, а «Полыхающую пустоту» после ухода Федора Федоровича обменял в свою очередь в «Продмаге» у Варвары Степановны за бутылку нормальной государственной водки, которую, с предвкушением раскупорив в обеденный перерыв, с проклятиями разбил о стену, потому что в бутылке оказалась обыкновенная водопроводная вода...

И такое бывает. И Варвара Степановна не виновата. И некому жаловаться... И никто не виноват. И справедливость соблюдена: «Полыхающая пустота» в обмен на пустой огнетушитель и на пустую бутылку. Так на так.

И насчет Аэлитиной работы в качестве кладовщицы в режимном цехе пока ничего не получилось — в сахарном отделе кадров с нее тоже потребовали постоянную прописку. А метрика, как уже говорилось, на Марсе. А туда — как пешком до Крайнего Севера.

Вот. Зато в отделе кадров предложили работу самому Федору Федоровичу из уважения к его майорскому прошлому — начальником штаба гражданской обороны сахарного завода.

— Отбиваться от НЛЮ, что ли? — вполне серьезно спросил Федор Федорович.

В отделе кадров обиделись и сняли вопрос с повестки дня.

Вскоре по Райцентру поползли зловещие слухи о том, что Федор Федорович получает письма от какого-то «евРея Бредбери» и, похоже, собирается в скором будущем сваливать за бугор. И все, все, все стали писать на него жалобы и доносы: и какую-то приبلудную шлюху по имени стирального нёрошка приютил, и огнетушитель зачем-то приволок, и газом в квартире пахнет — того и гляди, Дом на набережной взорвет. Даже Варвара Степановна в «Продмаге» ворчала:

— Старый черт, из-за него вся водка скисла!

И даже молоденькие охранники из химзоны подали по начальству рапорт: мол, бродит тут какой-то старый козел и дули показывает. Ну, прямо человек-невидимка! Не провокатор ли?

Понятно, дошли эти слухи и жалобы до «куда нужно». Начали его посещать представители разных организаций. Рань-

ше они на Федора Федоровича плевать хотели с расстояния пушечного выстрела, а сейчас пошли косяком...

«Гражданин Попов-Кулибин? Эф-Эф? Великий русский изобретатель? Водоканализация... Что тут у вас с Кольцом? Трубы не текут? Один живете? На здоровье не жалуетесь? И слава Богу. Распишитесь, что озверели в получении инструкции... То есть, ознакомлены в получении... Или как-то не так, ч-черт... Распишитесь напротив галочки».

Проверяли паспортную дисциплину, гоняли на флюорографию, заглядывали в унитаз, интересовались газовой плитой, хотя никогда еще в своей древней истории Мамонтовка не была газифицирована, газом тут и не пахло, потому что главная труба из Тюменской области огибала город без отвления прямиком в Румынию, где своего газа девать некуда.

— Чертовщина и фантасмагория!.. — удивлялся Федор Федорович, который газовую плиту отродясь не видел.

И так каждый день — то водоканализация, то санэпидемстанция, то повестка из военкомата...

В военкомате при уточнении служебной анкеты как бы между прочим спросили: не собирается ли Федор Федорович уезжать куда-нибудь в дальние края?

— В ближайшем будущем? — задумался он.

— Ну, пусть в ближайшем.

— В мае собираюсь на слет в Зауральск, — вспомнил Федор Федорович.

— Зачем в такую даль?

Федору Федоровичу только того и надобно! Он вскочил в седло на подставленную лошадь и погнал аллюром свои бредни о нуль-транспортировке, о Великом Кольце и об Рее Бредбери...

— Стоп, стоп, стоп, стоп!.. А это еще кто такой? — насторожились в военкомате.

Федор Федорович вошел в галоп:

— Да как же так!.. Бескультурье!.. Да это же!.. Прогрессивный!.. Выдающийся писатель-фантаст!.. Американский!.. Бывшие наши союзники!

В общем, не знали как от него отделаться. Вручили очередную юбилейную открытку об освобождении Кенигсберга и даже забыли поинтересоваться, не собирается ли Федор Федорович уезжать куда-нибудь в отдаленном будущем?

И еще одна встреча...

Но это между нами...

Она проходила в строжайшей тайне («никому ни слова»), в отсутствие Аэлиты, которая в это время вышивала с врачом на «скорой помощи». Позвонил в дверь представитель «Откуда Надо» и, не переврав фамилии, спросил, имеет ли он дело с товарищем, скажем, Борисовым-Завгородовым?

Ответ был утвердительным.

Тогда, предъявив удостоверение... (Все-таки придется открыть секрет: это было удостоверение бурильщика из конторы глубоководного бурения нефтяных скважин.) Предъявив этот солидный документ, представитель конторы пригляделся к красноусому Магомету и сказал с похвалой:

— Славный был рубака в наших краях!

— Да, немало порубал своих соотечественников! — согласился Федор Федорович.

К портрету всесоюзного старосты представитель тоже отнесся благосклонно. С недоумением осмотрел огнетушитель, спросил:

— В доме никого нет?

— Кроме нас с вами.

— А где эта... ваша...

— Ушла в библиотеку, надолго.

Федор Федорович остался очень доволен тем, что его фамилию впервые в этом городе не переврали. Он показал гостю кухню, похвастался библиотекой, усадил в почетное раскладное кресло, сам уселся на пачку книг. Представитель глубоководной конторы почему-то медлил, помалкивал и заглядывался на посиневшие от холода достоинства скифских идолов.

— Так вот и живу,— начал разговор Федор Федорович.— Один... Пока один. Хочу дочь прописать.

— Значит, она вам дочь?

— Приемная.

Весь разговор долго описывать...

Сурьезный был разговор, представитель конторы в самом деле глубоко бурил, сразу видно, что не из военкомата. С Аэлитой все прояснилось, с этим стиральным порошком вопрос снимается. О Рее Бредбери почти не вспоминали, потому что кто же не знает Рея Бредбери!? Рей Бредбери действительно выдающийся и прогрессивный человек, о нем только в «Водоканализации» могут не знать. А «451 градус по Фаренгейту», о том, как книги жгут, даже в пожарной части

читали и с похвалой отозвались о работе американских коллег. Так что насчет письма Рея Бредбери к Федору Федоровичу у глубоководной конторы нет никаких претензий. Мосты, понтоны и переправы на подручных средствах с американцами можно и нужно наводить. Как на Эльбе. Только не удирать туда через нуль-пространство, а культурненько... Зато с Гербертом Уэллсом вопрос спорный, неясный...

— Так ведь Герберт Уэллс тоже прогрессивный! — тут же ввязался в спор Федор Федорович. — Прогрессивный великобританский писатель-фантаст!

— И выдающийся, — напомнил гость.

— Он Ленина видел!

— Кто спорит? Но дело в том, что этот прогрессивный писатель-фантаст давно умер.

— Как это «умер»? — вкрадчиво спросил Федор Федорович. — Где? Когда? Вы присутствовали на похоронах? Докажите!

— 13 августа 1946 года. Я специально уточнял.

— Он бессмертен! — с тихим пафосом произнес Федор Федорович.

— В каком смысле «бессмертен»? — тоже шепотом спросил бурильщик. — В морально-литературном? В этом никто не сомневается.

— И в биологическом смысле тоже.

— Вы это серьезно?

— Герберт Уэллс живой. Как мы с вами.

Представитель конторы беспомощно посмотрел в глаза пьяного Конфуция, ища поддержки у великого философа древности. Тот ему подмигнул: держись, мол!

Представитель перевел взгляд на многорукого Шиву. Одной из множества своих рук тот крутил пальцем у лба, другой — показывал на Федора Федоровича: мол, крыша поехала!

«Сумасшедший... — догадался бурильщик. — Или баптист-адвентист седьмого дня...» — тоскливо предположил он.

— Вы, наверно, верующий? В загробную жизнь?

— Бога нет! — с ходу отверг эту версию Федор Федорович. — Но жизнь после смерти существует на научных основаниях. Это доказано.

— Кем? Конкретно! Когда? Факты! — прорвало бурильщика, но он тут же взял себя в руки. — Извините, погорячился. Ну, хорошо... Может быть... Пусть жизнь существует в любых видах. Пусть после смерти. Пусть после жизни. Но вы написали в письме к Герберту Уэллсу... Цитирую по памяти:

«Приезжайте к нам через десять лет... Наш Райцентр вы не узнаете. Он станет столицей Великого Кольца. Все будут жить в современных квартирах, решится продовольственная проблема...» Это вы написали?

— Нехорошо читать чужие письма, молодой человек, — погрозил пальцем Федор Федорович.

— Работа такая, — развел руками представитель конторы. — Но вы не ответили.

— Да, это я написал. А что, собственно? Почему бы Герберту Уэллсу к нам не приехать? В Мамонтовке многие бывали, даже Исаак Бабель бывал. А вот Ильф с Петровым, к сожалению, не удосужились...

— Наверно, вы правы, — задумался бурильщик. — Если предположить, что Герберт Уэллс живой, почему бы ему не приехать к нам? Я это упустил из виду.

— Вот именно. Кстати, вынужден вам сказать, что ваша организация с Бабелем очень погорячилась. Очень! — бесстрашно заявил Федор Федорович.

— Меня тогда еще в живых не было, но я все равно приношу вам извинения за Бабеля. Если хотите, можете и его пригласить в гости, — продолжал идти на уступки представитель конторы. — Давайте все-таки вернемся к Герберту Уэллсу... Вы уверены, что продовольственная проблема к приезду Уэллса будет решена?

— Абсолютно.

— И жилищная?

— Каждому по квартире!

«Безумец...» — поставил окончательный диагноз представитель.

Они еще долго беседовали. Глубоководный бурильщик особенно интересовался Великим Кольцом:

— Это что за Кольцо такое? Кооператив? Нет? Такая организация писателей и любителей рыцарских романов?.. То бишь, научной фантастики? Неформальная? Ах, всемирная! Всемирная и неформальная? Очень интересно! И каковы ее цели, задачи, намерения? Структура? Финансы? Фонды? Членские взносы?

Интересовался, а думал о другом... Надо что-то делать с Федором Федоровичем, надо как-то помочь отставному майору. Райцентр бурлит, отвлекается от насущных проблем и не варит сахар из свеклы, тогда как в стране сахара не хватает — весь извозят на самогон. Мужик он, видать, безобидный, хороший, жить с ним в Райцентре стало веселее; но, ес-

ли даже испанский административный аппарат в 17-м веке не смог выдерживать безумные выходки своего Дон Кихота, то тем более в наше время — кому это понравится?..

Прощаясь, представитель конторы обратил свой взор за советом на Буденного и Калинина.

«Надо человека спасти», — кивнул командарм Первой Конной.

«Надо спасти человека», — согласился с ним Всесоюзный Староста.

«Так и сделаем», — решил представитель.

Вторая часть

*Если к тем, кто мыслит здра-,
Адресуешься ты, кни-,
Не грозят тебе упре-,
В том, что чепуху ты ме-;
Если же неосторож-
Дашься в руки дурале-,
То от них немало вздо-
О самой себе услы-,
Хоть они из кожи ле-,
Чтоб учеными казать-.*

Мигель Сервантес.
Пролог к «Дон Кихоту».

В апреле, когда Федор Федорович по обыкновению начал маяться и отлучился на день в Одессу по поводу закупки нового чемодана для очередной нуль-транспортировки в Зауральск, прямо в его квартире был созван тайный консилиум из всех заинтересованных граждан и организаций.

Позвонили. Открыла дверь Аэлита. Кто такие?

На нее не обратили внимания, прошли, поморщились — книгами воняет. Расселись на книгах и стали думать.

Надо что-то делать, надо человека спасти. Оставлять в таком виде опасно. Жаль, человек хороший. Доверчивый. А тут всякие шляются... Из химзоны иногда уголовники бегают... Или, чего доброго, утонет в луже...

Ничто не ново под Луной. План спасения Федора Федоровича всем был виден издалека. Он, этот план, лежал на поверхности, как полуживой кит, потерявший ориентацию. Дело в том, что в этом городе не один такой Дон Кихот был...

Был, был до Федора Федоровича прецедент в лице сумасшедшего краеведа. Всю свою сознательную жизнь Райцентр назывался Мамонтовкой, а переименовали его после гражданской войны по подозрению в родственных отношениях с известным деникинским генералом, которого расколошматил Буденный где-то в этих краях. Так вот, после разоблачения культа генералиссимуса, которому Буденный приходился ближайшим дружкой и соратником, краевед стал писать письма во все инстанции: мол, Мамонтовка с тем диким генералом никак не связана, а несет свое честное имя из глубины веков от вымершего лохматого слона, водившегося в изобилии в этих краях. Подтверждение тому — отдельные кости, осколок бивня и даже кусок рыжей шкуры, найденные здесь в прошлом веке Пржевальским (или не Пржевальским, не в том дело). Местная легенда также гласит, сообщал безумный краевед, что в древние времена мамонтов у нас консервировали в смоле каким-то особенным способом, — а это уже научное открытие, не уступающее открытию колеса. Поэтому поиски копченых мамонтов следует продолжить, найти хотя бы одного и тем самым доказать, что местное русско-украинско-еврейское население произошло не от русскоязычных кроманьонцев из пещеры во Франции, как предполагает писатель-фантаст Владлен Чердаков, а еще глубже: напрямую от неандертальцев из Мамонтовки, которые, понятно, говорили на суржике. По ходу дела наша страна утвердит свой приоритет в открытии мясокопчения, а незаслуженно переименованная Мамонтовка опять займет место на картах земного шара.

Такие вот письма писал безумный краевед. Дошел даже до Верховного Совета. Письма, естественно, переправлялись в мамонтовский райисполком. Краеведа вызывали. Проводили с ним беседы, говорили по-хорошему. Спрашивали:

— А был ли мамонт?

Безумный краевед стоял на своем: Буденный, Пржевальский, неандертальцы, Владлен Чердаков и так далее.

— Мамонты где-то здесь! — стоял на своем краевед.

Пока стоял, его не трогали. Но вот краевед начал копать. Утром выходил с двумя лопатами — штыковой и совковой, и до вечера ковырял Райцентр в разных запрещенных местах. Насмешливые доброжелатели советовали ему:

— Ты мусорник копни. Там с ледникового периода — ого-го! Кому это понравится?

Районное начальство созвало консилиум и отправило краеведа в сумасшедший дом (времена еще позволяли), где через год краевед тихо скончался с мамонтами на устах. Даже на Западе никто не узнал про безумного краеведа и не поднял там антисоветский гвалт.

В общем, опыт имелся, но кто-то должен был произнести первую фразу...

На всякий случай еще раз проверили Аэлилу. Старший лейтенант милиции строго спросил: кто такая? Что общего имеет с отставным майором? Не собирается ли зацапать эту квартиру в Доме на набережной?

— Очень нужно! — фыркнула Аэлита. — Жить в этой вашей дыре при сахарном заводе? Кладовщицей? Пусть без меня клады ищут! Я тут временно. Лежу на дне. А вы все его мизинца не стоите!

Это она молодец, хорошо отрезала!

Махнула хвостом и, чтобы не участвовать в неприличном консилиуме, ушла в клуб «Водоканализации» смотреть «Маленькую Веру».

На ее счет окончательно успокоились. Но все же: что делать с Федором Федоровичем?

— Надо бы полечить... — неуверенно произнес кто-то сакраментальную фразу.

Наконец-то! Правильно! Выписать Федору Федоровичу направление в одесский психоневрологический диспансер, что на улице Свердлова, бывшей Канатной. Поступить с ним, как с покойным безумным краеведом, земля ему пухом. Великое дело — прецедент! С краеведом все гладко прошло, ООН не вякало. Тут и думать нечего. Взять Федора Федоровича под белые руки и доставить на улицу Свердлова-Канатную на райисполкомовском «рафике» под видом будто бы нуль-транспортировки на Магелланово Облако. Он ничего и не поймет, зато сразу познакомится со всеми своими братьями по разуму — и с марсианами, и с альдебаранами.

Конечно, тут же возникли разного рода юридические сомнения насчет прав человека в правовом государстве. Нашлись и тут люди нервные и слабохарактерные.

— Сейчас другие времена, и живого человека в дурдом так запросто не засадишь, — сказал врач «скорой помощи» и незаметно слинял вслед за Аэлитой, потому что два билета на «Маленькую Веру» находились у него в боковом кармане.

Даже тугоумный старший лейтенант милиции резонно засомневался:

— А что, если Рей Бредбери возьмет да напишет запрос в ЮНЕСКО — куда, мол, Федор Федорович подевался? Был и нету, на письма не отвечает... Что тогда?

— Но, товарищи! Вы не поняли! — принялась разъяснять первый заместитель председателя райисполкома, которую все запросто называли Мамою. — Никто не собирается отправлять Федора Федоровича в сумасшедший дом. Мы отвезем его в психдиспансер на ОБСЛЕДОВАНИЕ. Все уже договорено. Отдохнет он там две-три недельки, попьет снотворного, успокоится и вернется домой здоровым человеком. Никто его там не будет насильно задерживать, потому что у них палаты от своих сумасшедших ломаются, зачем им новые? Никаких нарушений Женевской конвенции не произойдет — я вам гарантирую. А эта его Лолита... Пусть пока живет без прописки. За квартирой присмотрит. Прописка тоже реликт и пережиток крепостного права. Более того...

Далее Мама, к изумлению присутствующих, вдруг повела такие безумно-демократические речи, что впору было ее самому завязать в смирительную рубашку и отправить в «рафику» на улицу Свердлова-Канатную:

— Более того! Пока Федор Федорович будет отдыхать, мы с вами тряхнем стариной, вспомним Тимура с его командой. Выйдем на ленинский субботник и благоустроим Федору Федоровичу теплое гнездышко! Почистим тут, помоем, побелим, покрасим... Я думаю, это все наши женщины на себя возьмут. Где наша англичанка Людмила Петровна? А Варвара Степановна где? И подавальщицу из «дальних» тоже привлечь. Кухню обложим кафелем, поставим новую электроплиту, сменим сантехнику. Это на совести «Водоканализации». От военкомата: цветной телевизор нашему ветерану! Потянет военкомат? Не слышу... Двери эти замазанные сменить, но не выбрасывать, еще пригодятся. Сделать новую столярку... Паркет тоже. На это в зоне есть мастера. Холодильником обеспечит райпотребсоюз. Нужен «Минск». Так? Решили. Мебельный югославский гарнитур... В рассрочку. Первый взнос оплатит райисполком, а там я подумаю. Что еще?.. Люстра, портьеры, обои... Где там два украинца и один еврей, что ждут разрешения на выезд? Пусть достают финские обои! А иначе нехай не надеются!

Отглядев слегка обалдевший консилиум, Мама усмехнулась. Неужто они в самом деле подумали, что райисполком вознамерился за просто так делать шикарные ремонты квар-

тир отечественным Дон Кихотам? Да ни в коем разе! К чему же весь этот сыр-бор и шурум-бурум?

Наконец Мама раскрыла карты, бросила на стол (сто, у Федора Федоровича стола не было, чай он пил у подоконника) своего козырного туза:

— Дело в том, что к нам едет диссидент!

Знаменитой немой сцены не последовало, — впрочем, Мама и не надеялась. Все сразу все поняли. Ничем их не удивишь, даже родными, возвращающимися из-за бугра диссидентами. Разве что слегка обалдеют и поскребут в затылках. Только спросили:

— Какой из них?

— Ну, тот, Кеша... Который голубого Леонида Ильича нарисовал в разобранном состоянии, — пояснила Мама.

— Сюрреалистический портрет в стиле Пабло Пикассо голубого периода, — уточнила всезнающая Людмила Петровна.

— Точно! — подтвердил старший лейтенант милиции. — За что и был выдворен из страны в двадцать четыре часа без права переписки. Дружок мой, Кеша...

— Знаем. Помним, как вы тут вышивали...

— Бывший дружок, — уточнил он.

— Что ему здесь нужно, твоему бывшему дружку? — недовольно спросил другой старший лейтенант — из военкомата. Этот, наверно, был недогадливый или не в курсе дела.

Мама объяснила, что Кеша-диссидент неожиданно оказался «малым не промах» и сделал в своем Сан-Франциско или где там блистательную карьеру художника-миллионера. Печет мировые шедевры, как наша «дальняя» пирожки с повидлом, хорошо себя чувствует и даже не испытывает головокращения от успехов. Вроде этого... Иосифа Бродского. Не загордился, не скурвился. Говорят, подстригся, помолодел, даже не узнаешь. Но не в том дело. Дело в том, что недавно написал он письмо в Верховный Совет, в котором очень беспокоится за свои размалеванные двери...

— Чуть что — сразу в Верховный Совет, — опять выразил недовольство старший лейтенант из военкомата. — У Верховного Совета своих дел выше крыши!

— Оказывается, тут в квартире не «чуть что», а целое миллионное состояние, — продолжала Мама. — Кеша хочет убедиться в сохранности дверей, приехать и забрать их с собой, потому что испанский музей «Прадо», взглянув на нелегально

вывезенные Кешей дверные фотографии, собирается эти двери купить... Да, да, эти самые. С Буденным, с Калинин и с этой... порнографией.

— Пусть будет с «эротикой», если Людмиле Петровне так желательно, — уступила Мама. — Будут эти двери висеть в «Прадо» рядом с Гойей, Мурильо и с Веласкесом. Не знаю, не знаю... Истуканы эти для их нравов еще туда-сюда, а вот зачем Испании Буденный? Не знаю... Как попу гармонь. Но это не наше дело. А наше дело — не ударить в грязь лицом, отремонтировать квартиру и достойно встретить заморского земляка. Разрешение на вывоз дверей через таможеню он уже получил. Пусть посетит свой прежний дом, заберет двери, походит, повспоминает, каких чертей ему тут давали, ностальгия, то-се... Может, немного долларов подкинет на нужды родного Райцентра, — подмигнула Мама.

— Да-а, времена пошли! — все-таки удивился старший лейтенант из военкомата, защищавший Верховный Совет. И предложил: а не продать ли в Испанию стенд «Морального кодекса строителя коммунизма», созданный лет двадцать назад рукой еще молодого и никому тогда не известного Кеша, который (стенд) до сих пор висит в ленинской комнате военкомата?

Посмеялись. И вспомнили о Федоре Федоровиче:

— А его, пока диссидент Кеша будет здесь предаваться своей ностальгии, — на обследование!

Так и вышло — как задумал консилиум.

После майских праздников Федор Федорович зарядил новый чемодан бельишком и свежими пирожками с повидлом, поцеловал Аэлиту (а та ничего не знала о готовящемся вторжении пришельцев и собиралась в отсутствие Федора Федоровича использовать квартиру для собственного удовольствия), заглянул в почтовый ящик, вынул поздравительную открытку из военкомата, еще раз убедился в том, что Кир Булычев, Еремей Парнов и Владимир Савченко продолжают хранить таинственное молчание, вздохнул и подался к автобусной остановке.

Там его уже поджидали «рафик», сестра милосердия с направлением в психдиспансер и старший лейтенант милиции.

— Садитесь, Федор Федорович, подвезем! Нуль-транспортируем куда вам надобно. В Одессу? Ах, в Зауральск! Бензина полный бак — хоть на Большую Медведицу!

Все чинно, благородно...

Легковерный Федор Федорович залез в «рафик» и через час на полной скорости был доставлен в сумасшедший дом, сдан с рук на руки белым врачам, переодет в стираную синюю пижаму и помещен в палату к членистоногим инопланетянам, у которых на лице располагалось по три рта сразу — один рот для еды, второй — для питья, третий — для разговоров. Удобно!

Какая-то полная туманность Андромеды расплылась в голове у Федора Федоровича. Больничную палату он принял за отсек межгалактического звездолета, а врачей — бог весть за кого. Он уселся на персональную койку и принялся рассказывать пришельцам историю жизни Головы Профессора Доуэля, но те пили, ели, говорили каждый о своем и его не слышали.

Пока Федор Федорович оглядывался и вертел головой в космическом корабле, в Доме на набережной начался субботник. (Аэлита как раз уехала с врачом на «скорой помощи» отдыхать в Дофиновку, прихватив с собой толстовскую «Аэлиту», — «Надо что-нибудь почитать на пляже, а то с этими тральщиками все буквы забудешь — так и норовят затралить!») Собрались в девять часов утра: два столяра-уголовника, присланные из химзоны для замены дверей и настила паркета, Варвара Степановна с подавальщицей из «дальни» (Людмилу Петровну, как представителя английской интеллигенции, избавили от мытья полов — «Во я им буду полы мыть!»), пришли неразлучные два украинца и один еврей с финскими обоями, да еще электрик из райпотребсоюза. Открыли двери ногтем. Потом, попозже, заглянул слесарь из «Водоканализации», постоял в глубоком раздумье на пороге и нетвердо ушел, решив перенести порученную ему работу на завтра. Но завтра было воскресенье, и потому он начал менять трубы только в четверг. Пил, бедняга, пять дней подряд и задержал тем самым продвижение ремонта на кухне и в совмещенном санузле.

Командование субботником взяла на себя Варвара Степановна, потому что начальства нигде не было видно. Столяры-уголовники оказались тихими культурными людьми, сидевшими в зоне за взятки по хозяйственной части. Их было жалко. Два украинца, один еврей и примкнувший к ним электрик пошептались, скинулись, а сердобольная подавальщица с молчаливого согласия Варвары Степановны сбегала и вернулась с двумя дешевыми бутылками сладкого спирта и с пирожками с яблочным повидлом.

Застелили газеткой пачку книг, расселись на книгах же, выпили, закусили, поговорили о том о сем: у хозяина квартиры чердак явно не в порядке, совсем фантастикой зачитался; да и Кеша-диссидент был с приветом — это ж надо так двери загадить!

Помолчали.

— Ну, с Богом?... — вопросительно сказал электрик, которому надо было работать на высоте с люстрой.

Но работать никому не хотелось, даже Варваре Степановне... Денек такой теплый выдался...

Значит, солнышко бродит где-то недалеко...

— А что с этим делать? — несмело спросила подавальщица, указывая на книги.

Вот и добрались до самого главного: а книги?

Вот вопрос вопросов: с книгами что делать? Какой там ремонт, если квартира завалена книгами! Какие там финские обои клеить, какие-такие паркеты стелить, если из-за книг пройти нельзя!.. Про книги забыли, граждане! Даже предусмотрительная Мама не дала никаких руководящих указаний на этот счет...

А что скажет Варвара Степановна?

— Спать! — вдруг хищно и решительно ответила Варвара Степановна.

Все немного ошенили:

— Как-так — спать?

— А так! Сжечь! Из-за этой фантастики человек с ума сошел, — пояснила Варвара Степановна.

— Может быть, сдать в макулатуру? — робко предложили рассудительные уголовники. — Как-то оно не того...

— В макулатуру? Там дети бегают. Растащат заразу, не дай Бог, еще кто-нибудь с ума сойдет! — очень убедительно доказала Варвара Степановна.

Уголовники больше возражать не посмели — они люди подневольные. «Тут книг тысяч на пять...» — подумал один уголовник. «Умножай на десять» — телепатировал второй.

Два украинца и один еврей не высказали никакого мнения. Лучше промолчать, а то еще, чего доброго, не дадут разрешения на выезд.

Электрику было все равно, что жечь, что палить — лишь бы не работать с люстрой на потолке. А жечь книги — не работа, а развлечение. Или что-то другое, но точно, не работа.

— Так! — решительно раскомандовалась Варвара Степановна. — Таисия! (Это подавальщица.) Иди вниз, мы будем

в окно выбрасывать, а ты раскладывай костер у мусорника. Да, позови Анюту (это дворничиха), пусть бензин принесет и тебе помогает.

— Спички у меня есть,— встрял электрик.

— Так, хорошо, спички есть,— одобрила Варвара Степановна.— Ага, вот огнетушитель. Ты, Вова (это электрик), спичками запалишь и будешь рядом стоять, наготове с огнетушителем, чтобы все по технике безопасности.

— Пусть еще спирта принесет,— попросил Вова-электрик.

— Таисия, принеси. Так. Открывай окно! Тут сто лет не открывалось!

Два украинца и один еврей открыли, чуть не оторвали раму.

Варвара Степановна подала личный пример: нервная пачка книг полетела на набережную.

— Эй, граждане! — раздался снизу веселый голос.— Эдак и убить можно!

Это вернулись из Одессы старший лейтенант милиции с медсестрой.

— Что делаем, граждане? — спросил старший лейтенант, входя с медсестрой в квартиру. У них было хорошее настроение, потому что дело сделали.

— Книжки жжем,— ответил Вова-электрик, встряхивая огнетушитель и прислушиваясь ему в пузо.

— Как так? — не очень удивился старший лейтенант, закуривая.— А хозяин что скажет, когда вернется?

— А мы ему ответим, что прилетали пришельцы и увезли все книги на своей летающей тарелке. Сгребли в тарелку и улетели! — сообразила Варвара Степановна.

Вторая пачка книг полетела в огонь.

— Он поверит,— согласился старший лейтенант, перелистывая какую-то книгу.— Это что за книжка? Кто у нас в фантастике разбирается?

— Это «Заповедник гоблинов» Клиффорда Саймака,— робко подсказал один из уголовников.— Когда я работал директором вагон-ресторана — Тархунов моя фамилия — мне иногда приносили дефицитные книжки. Клиффорд Саймак очень ценился.

— Тогда я возьму почитать сынишке. И сам почитаю,— решил старший лейтенант.

Варвара Степановна швырнула в окно третью охапку.

— Можно мы возьмем в зону немного книг? — несмело попросил второй уголовник.— Там у нас в библиотеке фантастики нету.

— Какая уж в зоне фантастика, — согласился старший лейтенант.

— Берите! Сколько утащите! — великодушно разрешила Варвара Степановна.

Уголовники оживленно взялись за дело — стали вязать книги для зоны.

— Берите и вы, — предложила Варвара Степановна двум украинцам и одному еврею.

— Нам не нужно, мы скоро уезжаем.

— Как знаете.

А книги все летели и летели... Вернее, падали с пятого этажа. Летать они не умели.

— Это что за книги? Кто знает? Три полки, и все в белых обложках...

— Где? — переспросил бывший директор вагон-ресторана. — Это научная фантастика издательства «Молодая гвардия». Дрянь несусветная.

— Как? Все дрянь?

— Все до единой.

— Хрен знает что... Зачем же издавать?

— В огонь!

Три полки книг в белых обложках тоже улетели в окно к мусорнику.

— Эту книгу отдайте мне! — вдруг сладострастно вскрикнула медсестра. — «Трудно быть богом» очень хорошая книга! Я братьев Стругацких с детства люблю... Ой! Тут еще «Обитаемый остров» и «Пикник на обочине»! — воскликнула она. — Очень я их люблю!

Так были спасены медсестрой милосердия от сожжения братья Стругацкие...

Снизу поступали донесения от Таисии и Анюты:

— Бензин принесли!

— Кидайте потише, не успеваем оттаскивать!

— А вот «Час Быка» Ивана Ефремова, — объяснял всезнающий бывший директор вагон-ресторана. — «Час Быка» подвергался гонениям в годы застоя за то, что под видом утопии вскрывал крупные недостатки нашего общества. Ефремова в огонь не следует, он еще послужит. Мы его тоже в зону возьмем.

— Интересно... Я хотел бы почитать, — высказал пожелание старший лейтенант.

— Берите, тут их два экземпляра. Один — вам, другой — в зону.

— Не желаете ли сто капель? — подобострастно предложил Вова-электрик старшему лейтенанту. — Можно. Субботник все же...

— Не откажусь.

— Вот гляжу я и думаю, — начал философствовать Вова, выпив с милиционером разбавленного спирта и разломив надвое пирожок с повидлом. — Это ж как надо сойти с ума, чтобы прочитав такую гору фантастики! Эти ж книги действуют, как религиозный туман, потому что в них происходит то, чего никогда не было и не будет ни в коем разе. Я таких книг вообще не читаю... Вру, пробовал однажды. Забыл, как его... Шекли-шмекли... Точно! О том, как чужие тела на базаре менялись разумами. Ни черта не понял! Другое дело, прочитал я недавно «Аэлиту»... Стоп, вру... «Лолиту»! Вы читали «Лолиту»?

— Нет. Но слышал.

— Я вам достану почитать. Порнуха, я вам скажу! — Вова опять потряс огнетушителем и прислушался. — Пустой он, что ли?.. Так вот, «Лолита»... Давайте еще по сто, а потом я вам перескажу содержание. Как он там ее и туда, и сюда, а она ему и так, и эдак...

Выпили еще, и Вова-электрик, уведя старшего лейтенанта на кухню, чтобы женщины не краснели, принялся рассказывать и показывать руками содержание «Лолиты».

А книги все падали и падали...

Внизу около мусорника уже образовалась средней величины книжная пирамида Хеопса.

— Кухню забыли! — вдруг вспомнила Варвара Степановна. А на кухне книг!

Прогнали старшего лейтенанта с Вовой разворачиваться в прихожую...

А в прихожей книг!

— Господи, куда ему столько!

— Все не выбрасывайте, оставьте немного, — попросили два украинца и один еврей.

— Зачем вам? Вы же уезжаете?

— Мы их разорвем и вместо газет под обои поклеим.

— Верно! Правильно! И журналы у него тут тоже с фантастикой.

— Под обои журналы!

— Варвара Степановна, не выбрасывайте Герберта Уэллса, мы его тоже в зону заберем. И Александра Беляева собрание сочинений давайте сюда.

— Куда вам столько? Не утащите!

— А мы завтра вернемся паркет стелить, и еще возьмем.

— Ребята, тут случайно Бабеля нету? — спросил один еврей у двух украинцев. — Давно хотел почитать. Все-таки человек моей национальности.

— Так он же вроде как не фантаст.

— А... Что же он тут делал, в Райцентре?

— Так, приезжал. Наверно, у него тут баба была. Или охотился. На мамонтов.

— А это что? «Полыхающая пустота» какая-то... С дарственной надписью.

— Вот пусть и полыхает ярким огнем! Из-за нее человек с ума сошел. Жги все! Некогда разбираться.

— И эти двери загаженные — в окно! В зоне уже новые делают.

Сняли с петель бесценные Кешины двери, собрались и двери сжечь. Подтащили к окну, начали проталкивать, но, спасибо, кто-то надумил, что сжигать лики Буденного и Калинина — это уже политическое дело; и двери уволокли на кухню. Политика, мало ли что... Скифских идолов и японских богов тоже пощадили, проявили терпимость к религиям разных стран и народов. Политика — да, религия — может быть, фантастику — в огонь!

К полудню на книжную египетскую пирамиду у мусорника полетели разломанные полки и стеллажи. Туда же приволокли безответный, однажды уже горевший, черно-белый телевизор. Спустились вниз, полили пирамиду бензином, Вова-электрик занял позицию с пустым огнетушителем. Поджигать поручили директору вагон-ресторана, но тот вдруг заартачился: увольте, граждане начальники, но жечь чужие книги он не имеет никакого морального права. Ему за такое дело могут еще срок накинуть.

— Дай сюда спички, — вконец обозлилась Варвара Степановна. — Пои вас, корми... Не будет мне никакого сроку!

Добыла огонь, поднесла спичку к знаменитому роману «451 градус по Фаренгейту». И подожгла. Подожгла ровно в полдень, когда солнце взошло.

Старший лейтенант в последний раз затянулся и отщелкнул окурочек в египетскую пирамиду.

Отвернись, любитель фантастики!..

Впрочем, наберись мужества и смотри.

Известно — книги прекрасный горючий материал, хорошо горят. Топить ими печь или сидеть у книжного костра —

одно удовольствие: тепло, хорошо, картошка в мундире. Слов нет, Рей Бредбери красиво и точно описал костры из книг своим характерным американским почерком. Причем, все книги горят одинаково хорошо — и плохие и хорошие книги горят лучше некуда. Горели там, в бывшей Мамонтовке у мусорника, и Жюль Верн с Аристархом Кузанским, и лютые англо-американские графоманы вкупе с коллегами из отечественной «Молодой гвардии». Братались Кобо Абэ с Т. Упицыным, корчились в языках пламени и превращались в золу Артур Кларк и Владлен Чердаков, М. Ведьмедев и Айзек Азимов.

Никаких тренировок, никакой литературной групповщины, никто не толкался, спеша к костру. Все были равны перед лицом огня. Гори-гори ясно!

Сгорела знаменитая двадцатипяти томная подписка «Современной фантастики» шестидесятых годов. Сгорели отдельные тома и полные собрания сочинений. Региональная фантастика превратилась в золу — ни сибирской, ни прибалтийской, ни юго-западной фантастики уже не существовало. Сгорела «новая волна» и «малеевское направление» (читателю эти названия ничего не говорят — и не надо). Сгорели «Румбы фантастики». Сгорели все поколения советских фантастов: первое, второе, третье и четвертое. Все критики и литературоведы сгорели. Взорвался и окончательно сгорел черно-белый телевизор, который иногда показывал Федору Федоровичу фантастические кинофильмы. Сгорела англо-американская, польская, французская, японская — вся мировая фантастика. Все сборники издательства «Мир» сгорели, писатели-фантасты всех национальностей были равны в этом костре. Лауреаты зауральских «Аэлит» — все сгорели. Лауреаты американских «Хьюго» — полыхали не хуже рядовых фантастов.

Какие еще слова найти, как описать?

Сгорели известные ведьмы Урсула ле Гуин и Ольга Ларионова, которые так и не ответили Федору Федоровичу на его поздравление с 8-м Марта. Да, женщин тоже жгли, никому не было пощады!

Научной фантастики больше не существовало!

Впрочем, как уже говорилось, кое-кому повезло, кое-кто спасся от этого аутодафе — братьев Стругацких приютила влюбленная в них по уши сестра милосердия, Клиффорд Саймак нашел прибежище в квартире старшего лейтенанта

милиции, а повязанные уголовниками Александр Беляев, Иван Ефремов и Герберт Уэллс были препровождены в зону за колючую проволоку, где через год их до дыр зачитали осужденные взяточники, домушники и ракетеры — дай-то Бог, чтобы на пользу!

Вот и не верь в судьбу! Вот и не верь в жизнь после смерти.

Да еще чудом спаслась толстовская «Аэлита», случайно эвакуированная на пляж в «скорой помощи».

А гиперболоид инженера Гарина сгорел вместе с инженером. Хорошо снаружи костра смотреть на огонь...

Третья часть

*Не забудь, что, квартиру-
В доме со стеклянной кры-,
Неразумно брать бульж-
И швыряться им в сосе-;
Что достойный литера-,
Осмотрителен и сдер-,
И что только тот, кто пор-
Безответную бума-,
Чтобы потешать куха-,
Пишет через пень-коло-.*

Мигель Сервантес.
Пролог к «Дон Кихоту».

Федор Федорович в момент гибели книг как будто что-то почувствовал... В его звездный отсек как раз доставили стандартный космический обед — суп с какими-то желтыми перьями, бледную рыбу с теплой слипшейся лапшой, кисель на клею. Его попутчики, потирая членистоножками, с аппетитом набросились на еду, а Федору Федоровичу кусок лапши в горло не лез. Он подошел к иллюминатору и стал разглядывать зеленую зону межгалактического корабля, направлявшегося, как ему сказали, к туманности Андромеды. Подсвечивало солнышко, похожее на настоящее, цвели белыми свечками искусственные каштаны, а свободные от трудовых космических вахт члены экипажа отдыхали в нумерованных синих робах на нумерованных садовых скамейках или прогуливались по дорожкам с помощью личных роботов в белых халатах. А двое в синем, обнявшись, никак не могли справиться с невесомостью — их швыряло от дорожки к ограде и обратно...

Все как на Земле.

Федор Федорович успокоился и принялся за обед. Все хорошо, вот только жаль ему было пирожков с яблочным повидлом, которые вместе с чемоданом и двубортным костюмом были сданы перед стартом в камеру хранения межгалактического звездолета.

Тем временем пожар еще не завершился — хуже того, он разгорался в непредусмотренную Варварой Степановной сторону. Неизвестно откуда взялся в этой местности ветерок — наверно, случайно залетел, бездельник, поглазеть на огонь. Прилетел и дунул в сторону мусорника. Тот в ответ немедленно возгорелся позапрошлогодними листьями, разломанной тарой и всяким другим хламом, который всегда сопутствует приличному ледниковому мусорнику.

— Вова, туши его! — замахала руками Варвара Степановна. — Гаси!

Вова-электрик стукнул огнетушителем по твердой земле, но из пустого огнетушителя ничего не пролилось. Вова дал ему по голове кулаком, но огнетушитель лишь тихо-тихо зашипел, как потревоженная гадюка.

Зато мусорник подозрительно быстро сгорел... Или огонь ушел в глубь мусорника?

Ну, сгорел — так сгорел. Сгорел и без помощи огнетушителя. Что и требовалось доказать. Это был мудрый мусорник, он все глотал.

Ничто не предвещало беды — книги догорали, мусорник слегка дымился, и, казалось, уже можно либо допивать третью бутылку спирта, либо расходиться по домам, либо сделать и то, и другое. Но не зря тревожилась душа Варвары Степановны. Сгореть-то мусорник сгорел, но внутри него что-то такое явственно забулькало...

«Бульк-бульк-бульк...» — как в еще бездействующем, но уже готовом к извержению вулкане.

Опять подул ветерок...

Как вдруг из мусорника клубами повалил такой черный дым, «что аж синий!», как говорила впоследствии Варвара Степановна.

— И такой вонючий, что господи помилуй! — докладывала она авторитетной комиссии на следующий день после экологической катастрофы. — И чем дальше, тем страшнее: бульк-бульк-бульк!... У меня аж сердце оборвалось! Как в смоляном котле у чертей в пекле!

Ветерок сначала поиграл этим чертовым дымом, погонял его по Райцентру, а потом скрутил дым в лохматый собачий хвост и направил его прямо в морду Дома на набережной — на фасад, то есть. И стал водить черным хвостом по фасаду, как маляр-художник кистью: туда-сюда, сюда-туда...

Все, кто наблюдал пожар на бывшей набережной, разбежались, затыкая носы от вони; остальные, наоборот, бежали на запах со всех концов Райцентра. Их обгоняли пожарные, но вонища не позволяла приблизиться к эпицентру извержения. Подвезли противогазы. Натянув их, пожарники направили струю на мусорник, но этим только спровоцировали его подземные силы на новую пакость: мусорник тут же выдал такую черную дымовую завесу, что Дом на набережной погрузился «во мглу», как сказал бы Герберт Уэллс.

— А двери?! — раздался вопль явившейся на пожар Мама. — Двери сгорели?!

— Кому они нужны, эти двери, — успокоили ее. — Двери — на кухне.

Солнце плюнуло и скрылось в черном дыму. Какое там солнце? Зачем оно?

Наступило затмение. У пожарников от бессилия опустились шланги. Райцентр был отдан во власть подземной стихии, весь мир заволокло. Солнце напоминало черную раскаленную сковородку без ручки и жарило ровно час — именно столько времени понадобилось подземному дыму, чтобы перекрасить Дом на набережной из бело-кафельного в иссиня-черный цвет и вообще все белое в Мамонтовке превратить в черное: сахар — в уголь, потолки — в асфальт, а население — в негров. Повезло лишь брүнетам, они так и остались черными. Красные (пожарная машина) и зеленые (канадские елки перед райкомом партии) тоже не спаслись. Флаг над исполкомом был очернен. Этот час потребовался также для того, чтобы под мусорником полностью выгорела запеченная в древней смоле туша мамонта — так определила причину черного дыма авторитетная комиссия во главе с Мамой. Наверно, ничто никогда в мире так не дымило, не воняло и не очерняло действительность, как подпортившийся консервированный мамонт из ледникового периода!

И все ахнули.

На следующий день все население Райцентра, взглянув на себя в зеркало, наконец-то ахнуло и удивилось, поняв причины и следствия постигшей их экологической катастрофы:

— Значит, все-таки был мамонт! Вот он где, мамонт, прятался! Под мусорником! Древняя палеонтологическая стоянка! (Правильно: «палеолитическая».) А мы и не знали! Не там копал краевед! Эх, не там! А ему советовали! Мог бы сам догадаться — где стоянка, там и мусорник!

А про сожженные книги — как о первопричине черного дыма, закоптившего Дом на набережной таким жирным слоем въедливой копоти, что и зубами не отодрать, — про книги не вспомнили. Ни полсловом. Таинственным исчезновением Федора Федоровича не заинтересовались. Жил-был человек — и не стало. Будто никогда не было.

— Но кто все же виноват? — пытались выяснить вернувшееся с пляжа высокое районное начальство, разглядывая свои закопченные потолки. — Ну, люди отмоются... Ну, сахар завезем с Кубы... А с домом что делать?

Мама, отвлекая внимание начальства от сожженной библиотеки, заметала следы, сваливала всю вину на неандертальцев и запоздало восхваляла безумного краеведа:

— Нет пророка в своем отечестве! Зря прежние застойные начальники упрятали нашего краеведа в желтый дом! Ох, зря! А неандертальцы, хоть и славные ребята, но что-то они из глубины веков не продумали. Проявили нашенскую бесхозяйственную расхлябанность — мамонта шлепнули, закоптили, палеонтологическую стоянку бросили и ушли во Францию в диссиденты... Тьфу, совсем обалдела!... В кро-маньонцы!

Но мамино высокое начальство не очень-то Маме верило... Оно ее хорошо знало.

— Ладно, неандертальцы. Ладно, мамонты. С краеведом тоже все понятно. Повесим ему мемориальную доску, если того заслужил, после смерти. Все понятно. Непонятно, кто поджег мусорник?

Нет ответа.

— Кто вообще у нас отвечает за мусорник? — допытывалось начальство.

Вообще — никому неизвестно.

— А лично кто отвечает?

Дворничиха Анюта!

Ура, нашли стрелочника! Но что с Анюты возьмешь? Кожа да кости, ущипнуть не за что. Ножки тоненькие, а жить тоже хочется. Она же про мамонтов вообще ничего не знала — это ее прямая производственная обязанность — палить позапрошлогодние листья.

Так до книжного **костра** мамино начальство и не докопалось, про Федора **Федоровича** не вспомнило. Зато стихийные силы из ледникового **периода** хоть немного отомстили за сожженную библиотеку.

Федор же **Федорович** в это время пребывал в анабиозе. Оказалось, что Главный **Штурман** на минутку перепутал гуманности: направил **звездолет** к Андромеде, а следовало — к Крабовидной. Так **объяснил** ему белый робот. При осуществлении маневра на сто **восемьдесят** градусов все обитатели межгалактического **корабля** должны лечь в анабиоз.

Федор Федорович лег. Он всегда был дисциплинированным человеком.

В бывшей Мамонтовке после пожара наступили смутные времена. Безвременье. **Население** ожидало хоть каких-то перемен после того, как оно **взглянуло** на себя и ахнуло. Раздавались тревожные **голоса**:

— Что с нами происходит? Надо что-то менять! Дальше так жить нельзя!

Начались гражданские смуты.

— Это что же получается? — возмущался Вова-электрик, забивая крюк в потолок, чтобы повесить люстру. — Значит, все-таки был мамонт?! Так в чем же дело? Есть такой город Буденновск, а мы чем хуже? Выходит, Буденновск — можно, а Мамонтовка — нельзя?!

— Пишем письмо в **Верховный Совет**, как запорожцы султану, — поддержал **Вову** сантехник, гремя ржавыми трубами в совмещенном **санузле**. — Дальше некуда. Надо что-то менять. Начнем с названия.

Два украинца и один еврей клеили обои и помалкивали по известной причине, хотя уже начинали понимать, что никуда от судьбы не уедут, а будут, как и прежде, пить водку в кустах сирени.

Мама опять созвала **субботник**. Попытались своими силами отскоблить Дом на набережной, но лишь насмешили козу. Хотели перекрасить в первобытное состояние — опять же, где взять товарный состав цинковых белил, чтобы перекрасить копоть в белый цвет? Есть, правда, на складе две бочки ржавой охры, но это же курам на смех!

Так и стоял черный дом на мрачной набережной бывшей реки, зато ремонт в квартире Федора Федоровича продвигался успешно. Варвара Степановна с Таисией и Анютой заматывали свою вину. **Обои** уже наклеили, люстру повесили,

входили и уходили молчаливые уголовники с топорами и рубанками. Дошла наконец очередь до цветного телевизора, холодильника и югославского гарнитура.

Начальству давно уже не нравился этот ремонт за казенный счет для диссидента... Ну и что с того, что он диссидент? — спрашивало начальство. Может быть, Мама собирается отдать ему на откуп весь Райцентр для экспериментального художественного оформления? Голубой, розовый и фиолетовый период в разобранном состоянии? В стиле Сальвадора Дали? Не бывать сему, пока живо начальство! У самих потолки копченые, а тут... Мама, кажется, сошла с ума на почве иностранной валюты и загаженных дверей. Ей надо помочь... Съесть ее! Съесть и отправить в стрелочники!

Начальство угрюмо взирало на Маму, которая с нарастающим волнением ожидала прибытия диссидента Кеши. Спасти ее от зубов начальства мог только богатенький Кеша со своими художественными долларами для ремонта родного Дома на набережной. Иначе — в стрелочники! Рельсы там, шпалы, железная дорога... Маме не хотелось ремонтировать насыпь... Но как содрать с Кеши тысяч десять валюты на нужды райисполкома? Отдать ему на откуп Райцентр? Это, конечно, нонсенс.

Мама вот что задумала: пришла к Аэлите в гости и имела с ней продолжительную трехчасовую беседу. Аэлита после пожарного пикника потеряла аппетит, перестала вышивать по Райцентру, возлежала прямо посреди ремонта в раскладном кресле, читала спасенного Алексея Толстого. Процесс чтения проходил с трудом — буквы она еще не забыла, но из букв туго складывались слова. Вот что писал Алексей Толстой:

«Слова — сначала только звуки, затем сквозящие, как из тумана, понятия — понемногу наливались соком жизни. Теперь, когда Лось произносил имя — Аэлита, оно волновало его двойным чувством: печалью первого слова АЭ, что означало по-марсиански — «видимый в последний раз», и ощущением серебристого света — ЛИТА, что означало «свет звезды». Так язык нового мира тончайшей материей вливался в сознание».

Ничего не понять!

Когда старое кресло наконец выбросили, улеглась на новой югославской софе, решив — кровь из носу! — дочитать «Аэлиту» до конца.

А вот это уже понятней:

«Рожать, растить существа для смерти, хоронить... Ненужное, слепое продление жизни...» Так раздумывала Аэлита, и мысли были мудрыми, но тревога не проходила. Тогда она вылезла из постели, надела плетеные туфли, накинула на голые плечи халатик и пошла в ванную, разделась, закрутила волосы узлом и стала спускаться по мраморной лесенке в бассейн».

Аэлита подумала, слезла с югославской софы, сунула ноги в плетеные шлепанцы и в чем мать родила пошла в современный санузел и приняла ледяной душ — горячей воды в Мамонтовке отродясь не бывало. Потом опять улеглась на софу и продолжила чтение.

А это совсем понятно:

«Ихошка села недалеке от Сына Неба и принялась чистить овощи. Густые ресницы ее помаргивали. По всему было видно, что — веселая девушка.

— Почему у вас на Марсии бабы какие-то синие? — сказал ей Гусев по-русски. — Дура ты. Ихошка, жизни настоящей не понимаешь».

В перерывах этого тяжелого труда Аэлита жалела Федора Федоровича, а также себя, чувствуя, что такая шикарная обстановка в квартире не к добру — скоро ее отсюда выгонят.

Вот и Мама пришла... Сейчас начнется.

Но Мама, назвав Аэлиту по имени-отчеству, неожиданно спросила:

— Не собирается ли Аэлита Алексеевна в недалеком будущем посетить Сан-Франциско? Не все же здесь на софе лежать?

Две гонимые судьбой женщины поняли друг друга с полуслова. Да и как не понять: одна была стрелочницей, другая — подбитой подводной лодкой. Долго не рассуждали — Аэлита твердо решила воспользоваться маминым предложением и выйти замуж за диссидента Кешу и разом решить все вопросы с пропиской на этой Земле; а продолжительная трехчасовая беседа заключалась в просмотре нового цветного телевизора, где в тот вечер показывали пятьдесят восьмую и пятьдесят девятую серии «Рабыни Изауры».

Всплакнули над судьбой бразильской рабыни и составили такой план: в день приезда диссидент Кеша входит в квартиру и обнаруживает возлежащую на софе Аэлиту. На второй день он ведет Аэлиту в ЗАГС, где Мама собственноручно

венчает их безо всякой трехмесячной проверки чувств. На третий день Аэлита с диссидентом забирают свои двери и уезжают в Москву, в Москву, в Москву — а там и до Сан-Франциско рукой подать. Правда, во второй день может возникнуть небольшое осложнение: поведет ли Кеша Аэлиту в ЗАГС?

— В таком случае поступим наоборот — ты сама его поведешь, — решила Мама.

Договорились: Аэлите достанутся диссидент Кеша и Сан-Франциско, Маме — десять тысяч инвалютных рублей для ремонта Дома на набережной.

— Сто! — отвечала Аэлита. — Я с него для вас сто тысяч слышлю!

На том и порешили.

Аэлита отложила в сторону книгу, в который раз постирала купальник и стала каждое утро поднимать ржавые трубы, отплясывать аэробику, принимать ледяной душ, а также не обедать и не ужинать, чтобы в этот купальник влезть. Решила так: отсюда без нее диссидент Кеша живым никуда не уедет. Женат он там или холост, а в Сан-Франциско Аэлита еще не была. На Марсе была, в Нижневартовске была, а в Сан-Франциско — нет. Пусть этот диссидент хоть старый, хоть женатый, хоть горбатый, но в Сан-Франциско он ее нуль-транспортирует под руку или, на крайний случай, в чемодане с двойным дном.

Приближалась развязка. Спешили. Вот уже из министерства иностранных дел пришла телефонограмма о том, что диссидент прибывает завтра утром в черном «форде», встречайте. Бросили уголовников на Райцентр, они подмели и облизали бывшую Мамонтовку, заасфальтировали мусорник, выкрасили все заборы двумя бочками ржавой охры — ничего, сойдет после дождя; но черный дом портил весь вид на Мадрид — он торчал во все стороны, какobelisk на кладбище.

— Это кому у вас мемориал? — спрашивали шоферы, вывозившие с сахарного завода сахарный уголь.

Из-за этого черногоobelisk районное начальство мандражировало и кидалось на Маму, как цепной пес. Начальство панически боялось обвинений в очернении действительности.

Мама храбрилась, успокаивала:

— А по-моему, ничего... Смотрится... Почему черный «форд» — можно, а черный дом — нельзя?

Перед самым приездом диссидента начальство не выдержало и позорно удрало в Одессу на консультацию в психоневрологический диспансер, чтобы снять нервный мандраж и не принимать участие в торжественной встрече. Там в это время в каюте Командира межгалактического звездолета решалась судьба Федора Федоровича.

— Как его?.. Ну, этот, который... гиперболоид инженера Гарина,— расхаживая по каюте, говорил Командир Звездолета своему Главному Штурману. — Зачем мы его держим? По-моему, пора выбрасывать в открытый космос. Старик нормальный, на здоровье не жалуется. Не буйный, не бонапартист. Тихий. Вообще никуда не жалуется. Вестибулярный аппарат — в норме. Реакции — адекватны. Ну, есть бредовый психозик, есть,— поморщился Командир Звездолета. — Ну, с заскоками, с кем не бывает. Фантазирует. Ну, начитался фантастики... Кто не без греха?

— Он вчера сменил у соседа свои «Командирские» часы на сломанный будильник,— сообщил Главный Штурман, вращаясь в кресле. — Сосед сказал ему, что это не будильник, а вечный двигатель.

— Вот видишь! Синдром Дон Кихота. Все тихо, благородно. Ему еще жить да жить, а здесь сгорит в два месяца. Не вертись... В глазах мельтешит... В этой Мамонтовке все начальство с ума посходило — едут и едут, и едут... У меня вон и то руки дрожат. Так что будем делать с гиперболоидом имени Гарина?

— Я не против,— ответил Главный Штурман, грызя ногти. — Я — за.

— Тогда пиши... Как его?.. Гарин-Михайловский, бывший военный инженер-строитель. Практически здоров. Написал? Завтра же гони его в шею.

— «Командирские» ему вернуть?

— Э, нет! Сменял так сменял. Пусть впредь дураком не будет. Кто там у нас еще?

До выхода Федора Федоровича в открытый космос оставались сутки.

Днем Вова-электрик с сантехником еще устанавливали голубой унитаз для приезда диссидента и обсуждали письмо запорожцев в Верховный Совет.

Вечером к Аэлите в последний раз пришла Мама. Они уже не могли друг без дружки жить. Уточняли последние детали, смотрели шестьдесят пятую и шестьдесят шестую серии

«Рабыни». Глядя на эту плантаторскую жизнь, Аэлита расплакалась и спела Маме песенку:

— Мама, мама, я пропала,
Я даю кому попало...

Мама утерла Аэлите слезы. Не бойсь, девочка! Мама хорошо знает диссидента Кешу по прошлой действительности. Дурак дураком! Вечно чудит, бузит, сумасшедший, неуправляемый, зависит от собственного настроения. На этом мы его и подловим — на этой самой любви с первого взгляда.

Но в жизни, как всегда, получилось не так, как планировали, а намного быстрее. Ночью пришла еще одна телефонограмма из МИДа: диссидент приезжает всего лишь на один день, просит ускорить формальности с дверями, принять к исполнению. Эта телефонограмма ломала все матримонимальные планы — за один день окрутить трудно...

— Но можно. Нужна еще одна ночь, как минимум, — сокрушенно высчитывала Мама. — Ладно, попробуем. Ускоримся. Эх, где наша не пропадала!

— Везде пропадала, — опять заплакала Аэлита.

Глубокой ночью под ее окнами ошивались сантехник с Вовой-электриком и вышедший из больницы ударенный током телемастер с баяном. Ален Делон был обижен на Аэлиту, а Вова с сантехником — на все население Мамонтовки, которое не поддержало письмо запорожцев в Верховный Совет. Они устроили ночную демонстрацию и орали частушки на слова известного поэта. Ален Делон играл на баяне и запевал:

Кудри вьются, кудри вьются,
Кудри вьются у блядей.
Почему ж они не вьются
У порядочных людей?

Сантехник с электриком подхватывали:

А потому что у блядей
Деньги есть на бигудей,
А порядочные люди
Тратят деньги на блядей!

Никто не спал. Ночь прошла. Утром к черному Дому на набережной подкатил подержанный черный «форд» — была

там одна такая асфальтовая дорога, по которой, если сухо, можно проехать. Диссидент вышел из «форда», как к себе домой. Аэлита подглядывала из-за портьеры. Увиденное ей неожиданно понравилось... Сын Неба, похожий немного на Бельмондо. Вся Мамонтовка подглядывала: Кеша вернулся! Тот самый, который... Который Леонида Ильича... Которого никак не могли найти и выдворить из страны, потому что он три дня отсыпался в мусорнике под открытым небом. Богема! Пятнадцать лет прошло, а как помолодел! И бороду сбрил... Что деньги с человеком из обезьяны делают!

Первым делом Кеша увидел черный дом.

— Мама мия! — непроизвольно вырвалось у него по-итальянски. — Вот так дизайн у вас!

— Мать моя, — с готовностью перевела Людмила Петровна, которую пригласили в свиту встречающих на тот случай, если вдруг диссидент подзабыл русский язык. — Говорит, что у нас очень красиво.

Диссидент Кеша подбежал к Дому на набережной и поковырял пальцем в фасаде.

— Бляха-муха, не отдирается! — восхитился он. — Полный конец! Что за краска, блин? Это ж гроб с музыкой — черный дом! Это ж надо! Кто придумал? Так... Перенимаю опыт. Я в Сан-Франциско небоскреб в черный покрашу!.. Ну, чего вылупились, бляхи-мухи? Не шучу! Пуркуа-нет? Краска как называется? Чье производство? Вроде не «Сажа газовая» и не «Персиковая черная»... На «Кость жженую» не похоже... Что за блин, спрашиваю?

Все молчали в ответ.

— У меня с русским языком что-то? — обеспокоился Кеша. — Или акцент подцепил? Или меня уже не понимают на Родине, ядрена вошь?

Все вопросительно глядели на Людмилу Петровну.

— Нет, у вас хорошее произношение, — неуверенно похвалила она.

— Так что за краска, япона мать?

Теперь все глядели на Маму.

— «Копченая мамонтовская», — ответила Мама дрожащим голосом.

Сын Неба задумался. Все знали по горькому опыту: когда Кеша начинает думать — не к добру

— Ну, как там в Сан-Франциско, Кеша? — спросил старший лейтенант милиции, чтобы отвлечь диссидента от тяжких раздумий о черной краске

— Как тебе сказать, Витек.. Трясет там, блин, сильно... Землетрясения и гульня всякая.

Диссидента уже тащили в квартиру. Все райцентровские козы и куры смеялись, а Кеша никак не мог решить — издеваются над ним или нет?

— Вот я не понимаю... Вас же выдворили? — полуспрашивал Кешу старший лейтенант из военкомата, подталкивая диссидента на третий этаж.

— Откуда? Из Сан-Франциско? — тупо заинтересовался диссидент.

— Нет, от нас.

— Ну?..

— Что?..

— Чего же ты хочешь, блин?

— Чувствовали там ностальгию?

— А как же! Скучал без тебя, трахнутый комар!

В своей бывшей квартире Кеша даже не успел бросить первый взгляд на Аэлиту, возлежавшую в купальнике с книгой на югославской софе

— Двери где?! — пришибленно спросил он, обнаружив новые.

Его успокоили и отвели на кухню. Двери там расставили как в музее «Прадо» — входи, блин, и любуйся!

— Майн готт!.. — только и смог произнести диссидент, увидев Буденного, Калинина и эти штуки у скифских идолов.

— Мой бог!.. — перевела с немецкого Людмила Петровна.

— Кто это сделал?! Кому в морду дать?! — взревел Кеша медвежьим ревом Михаила Ивановича, который, как известно, вернувшись домой из Кремля, обнаружил, что кто-то ел из его миски и все сожрал, а жену забрали к Берии на Лубянку.

Занавес опускается

О дальнейших событиях в квартире свидетельских показаний не сохранилось. Зная Кешу, все очевидцы удрали, даже старшие лейтенанты силовых министерств ретировались. Правда, Мама осталась — ее от страха ноги не несли. Но как по одной незначительной косточке опытный палеонтолог может восстановить целого мамонта, так и, наоборот, по целому мамонту можно добраться до его мелких подробностей. Результат (мамонт) известен через двадцать минут Мама

и Аэлита вывели усмирённого Кешу из Дома на набережной и поехали в чёрном «форде» в мамонтовский ЗАГС. Остается применить «принцип наоборота» и восстановить события по конечному результату.

Маму от страха ноги не несли, а вот Аэлита не убежала из-за того, что ей эти сумасшедшие броненосцы вот как надоели! Конечно, она побаивалась, что Сын Земного Шара поставит ей очередной фонарь под глазом, но смело вышла на кухню и сказала:

— Ну, я это сделала! Чего орешь, клепаный ты коз-зел?!

То ли этот «коз-зел», то ли пресловутая «любовь с первого взгляда» подействовали — но Кеша вдруг успокоился. Аэлита, надо сказать, была в прекрасной форме, лучше чем в 1982 году. Сын Неба «глядел умиленный и взволнованный... Какие бы муки он вынес сейчас, чтобы никогда не омрачилось это дивное лицо, чтобы остановить гибель прелести, юности, невинного дыхания,— она дышала, и прядь пепельных волос, лежавшая на щеке, поднималась и опускалась».

— А не нравится — бери тряпку и сам смывай, мур-рильо! — выступала прекрасная в своем гневе Аэлита.— И вообще, ты, блин морской, умеешь говорить по-людски? Или совсем буквы забыл?

— Красивая,— с удивлением сказал Кеша, разглядывая Аэлиту.

Он с трудом отвел глаза, в которых пожаром загорелась эта самая «любовь с первого взгляда», и ни с того ни с сего спросил Маму:

— Как краска-то называется?

— «Копченая мамонтовская», — опять соврала дрожащая Мама. Сейчас, вот сейчас решалась ее судьба-стрелочница.

— Вас понято,— ухмыльнулся Кеша.— Тебе на оздоровление Мамонтовки сколько долларов нужно?

— Де-десять...— пролепетала Мама.

— ...тысяч,— закончил за нее Кеша.— Всем доллары нужны. Все хотят меня облапошить. А я за просто так баксами не разбрасываюсь. Я зла не помню, но не за просто так. Давай так решим: я тебе десять тысяч, ты мне — рецепт «Копченой мамонтовской». Мне небоскреб нужно красить. Идет?

— Да,— прошептала Мама.

Где краевед? Ну где краевед?! Нужно немедленно найти еще одного мамонта!

— Но краски сейчас нету, — прошептала Мама. — Всю рас... раскрасили.

— Мне не краска нужна, а рецепт. Ты мне рецепт на стол, я тебе — динары на бочку, — Кеша вытащил блокнот и приготовился записывать рецепт «Копченой мамонтовской».

— Рецепт... — сказала Мама, продолжая дрожать. — Ох... Ах, рецепт... Записывайте. Берется один мамонт...

Кеша с любопытством взглянул на Маму.

— Потом берется одна бочка смолы.. — произнесла Мама, чуть не плача.

Кеша закрыл блокнот:

— Это я уже слышал. Мамонт коптится на костре, вываливается в янтарной смоле и помещается в ледниковый период. Верно?

Мама наконец заплакала.

— Дай ей сто тысяч, — вдруг спокойно приказала Аэлита.

— Дам, если выйдешь за меня замуж, красивая, — так же спокойно ответил Сын Неба.

Мама перестала плакать.

— Почему бы и не выйти? Выйду, — согласилась Аэлита.

— Когда? — спросил Кеша.

— А хоть сейчас, — встряла Мама.

— Одевайся.

— Двери помыть? — спросила Аэлита.

— Не надо. Мне так больше нравится. Буденный с Калининым — ноу хау, я их продам дороже.

Дальнейшее известно: по дороге в ЗАГС остановились у мамонтовского райисполкома, быстренько составили официальный договор на сто тысяч долларов о посредничестве Мамы в сделке между Кешей и музеем «Прадо». Потом прокатились в ЗАГС, расписались и вернулись в Дом на набережной. Шампанского в «Продмаге» не оказалось, а водку покупать у Варвары Степановны не рискнули, — к тому же Кеша за рулем не пьет, а им еще всю ночь гнать до границы. Зато вместо шампанского их в прихожей встречал пустой огнетушитель: по возвращении молодых забытый огнетушитель вдруг дал залп и залил всех пеной. Значит, не только пустые ружья, но и пустые огнетушители раз в сто лет стреляют от изумления.

Безалкогольную свадьбу праздновали втроем. Правда, Мама все-таки сбежала к Таисии и принесла бутылку сладкого спирта. Обмыли это дело, благо не за рулем. Было горько.

Кеша, опьянев, отметил, что его бывшая квартирка, извините за выражение, хреново выплядит. Стилевой разnobой, блин, разных стран и народов. Провинция, старое мышление. Сразу видно, тащили все, что под руку подвернулось. Чешский унитаз, финские обои и югославский гарнитур рядом не фурычат. Не фунциклируют, извините за выражение.

Вечером смотрели шестьдесят седьмую и шестьдесят восьмую серии «Рабыни Изауры» и посмеивались над сопливыми рабовладельцами. Нам бы их заботы!.. Потом тащили двери вниз и привязывали к багажнику черного «форда»...

Ну, поехали!

Навсегда попрощались с Мамой и, разминувшись с автобусом, которым Федор Федорович возвращался из межгалактического путешествия, покатали через обе Европы (Восточную и Западную — Кешу везде знали, было где ночевать) в мадридский музей «Прадо», а там и через Гибралтар в Рио-де-Жанейро, где Кеша уже договорился выкрасить в черный цвет новый небоскреб Бразильской федерации футбола, — из Сан-Франциско, честно говоря, Кешу недавно выдворили за то, что он... ну, это длинная, бляха-муха, история. О Сан-Франциско Аэлита пока пичего не знала, но ведь и в Рио-де-Жанейро она еще не была. Все на этой Земле надо посмотреть: и музей «Прадо», и Ламанчу, и Бразильскую футбольную федерацию. Правда, сейчас ее больше волновало то, что на таможне потребуют визу и заграничный паспорт, но, когда подъехали к пограничному столбу, Сын Неба неопределенным жестом показал на «форд», Аэлиту, двери и небрежно бросил:

— Это со мной

И таможенники, предупрежденные МИДом насчет новой Кешинной жены, решили не связываться с этим всемирно известным психом:

— Открывай ворота! Пусть катится! Дуракам везет — такую жену оторвал!

И подержанный «форд» гордо переехал границу, обдав грязью какого-то ехавшего к нам деловара-буржуя в шикарном «мерседес-бенце»

Четвертая часть

*Раз не столь умен твой ав-,
Как Хуан Латиню слав-,
Негр, ученостью извест-,
Щеголять не смей латынь-.
Раз где тонко, там и рвет-.
Древних все не цити-,
А не то иной чита-
Разберется в чем тут де-,
И подумает с улыб-:
«Что же ты меня моро-?*

Мигель Сервантес.
Пролог к «Дон Кихоту».

Пожалуй, менее всех сошел с ума в этой истории именно тот, кого заперли в сумасшедший дом. Федор Федорович с утра сидел на прикрученной к полу койке (чтобы не плавала в невесомости) и председательствовал в ученой дискуссии о происхождении Тунгусского метеорита, когда белый робот принес долгожданное сообщение о выходе Федора Федоровича в космическое пространство.

Инопланетяне принялись поздравлять его, но выход в открытый космос затянулся на целый день — то Главный Штурман еще не вернулся из разведки с Летящей звезды Барнарда, и некому подписать пропуск в переходную шлюзовую камеру, то Младший Хранитель Ключей ключи потерял, и некому выдать чемодан с пирожками. То, наоборот, некому принять синюю робу. То то, то это. То обедать пора, то ужинать. Куда же в космос, не поужинавши?

Как в дурдом — так сразу, а как выйти — надо всю жизнь ждать.

Поэтому тунгусский спор продолжался с утра до ужина. Говорили все разом, и остается только догадываться, какие фразы принадлежат именно Федору Федоровичу:

— А по-моему, Тунгусский метеорит удобнее всего искать на реке Тунгуске в Тунгусии — там, где он потерялся.

— Там уже искали и не нашли. Искать его надо в 1906 году, когда он упал.

— Ничего-ничего, когда-нибудь все-равно обязательно найдут.

— Зачем так категорично — «обязательно найдут»? А если и найдут, то почему именно «обязательно»? Что они, умнее

нас? География — она большая... Попробуй побегай, не зная за чем.

— Всему виной расширение континентов. Там, где раньше была Тунгуска, теперь что? Полюс сместился! Вот и приходится искать Тунгусский метеорит где?

— Ну, где?

— Друзья мои, выслушайте меня!..

— Значит, Тунгусский метеорит находится в другом месте?

— А вот за такие слова повезут тебя с Черного моря в Тунгусию комаров кормить!

— Ну, ты! Пролетаешь — так пролетай и не каркай!

— Друзья мои...

— Я часовщик. Вот что говорит наука о Тунгусском метеорите: летел он, понимаете, не как все нормальные метеориты, а задом наперед.

— Вверх ногами?!

— Нет. Он летел против течения времени. Из будущего в прошлое через настоящее. И упал в 1906 году. Значит, в 1905 году его уже можно искать, он уже там существует.

— Оригинально! А если он летел не вдоль, а поперек оси времени? Получается, что он все время летит поперек минутных стрелок и каждый день упадет в районе Тунгуски!

— Я вас понял! Его нужно искать, когда кому в голову взбредет, в любом месте земного шара — хоть до нашей эры! Но кто будет финансировать экспедицию?

— О чем я и толковал.

— А я слышал, что Тунгусский метеорит состоит из антивещества.

— Это уже пройденный этап.

— Газ взорвался, нефть пошла. Метеорит тут ни при чем.

— Это ма-аленькая-ма-аленькая комета!

— Ой, я газовую плиту потушил, когда меня забирали?!

— Мура это все. Тунгусского метеорита никогда в жизни не существовало.

— Как вы сказали?

— Как сказал, так и сказал. Не было его.

— Оригинально! А очевидцы?

— Друзья мои...

— Не было очевидцев.

— Оригинально! А поваленные деревья в тайге?

— Не было деревьев. Я не видел.

— Ор-ригинальная гипотеза!.. А фотографии, а научные экспедиции?

— Всего этого не было. НЕ БЫ-ЛО.

— А экспедиция Кулика!?

— Кулик ходил по болоту

— А Аристарх Кузанский?!

— Ой, не могу!

— Ор-ригинально... Вы ищите Тунгусский метеорит, чтобы доказать, что его не было...

— Я его не ищу. Что вы заладили — ор-ригинально, ор-ригинально...

— А что вы все — небылонебылонебылонебылонебылонебылонебыло...

— Друзья мои, перестаньте ссориться! — в который раз призвал Федор Федорович.

И так до самого ужина.

Наконец все было при нем: справка о выходе в космическое пространство, двубортный костюм, чемодан и сломанный вечный двигатель. Федор Федорович раздал своим членистоногим друзьям окаменевшие пирожки с повидлом и пожелал им счастливого пути и мягкой посадки в Крабовидной туманности.

Он спешил домой, но вернулся слишком уж поздним вечером, когда у Дома на набережной еще не рассеялись запах духов «Черная магия» и дымок от черного «форда». Федор Федорович насторожился, но не поверил запахам. Во тьме на ощупь поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру... Потом постучал, но стука не услышал. Зажег спичку. Дверь почему-то превратилась в черный дерматиновый пufик, оббитый серебристыми гвоздиками. — при желании эту дверь можно было бы сравнить со звездной панорамой в планетарии. Но Федор Федорович испугался. Он пнул эту странную дверь ногой, хотел открыть ключом — но замок тоже сменили.

Все изменилось, хотя номер квартиры остался прежним.

Федор Федорович разогналсЯ, вышиб плечом звездную дверь и ворвался в квартиру.

Это была и его и не его квартира. Он не мог сообразить, что здесь изменилось... Шлепанцы в прихожей были его, и огнетушитель — тоже; но все остальное изменилось. В комнате на крюке висела граненая, как стакан, люстра... Стол стоял, полированный... Вместо книжных стеллажей

какие-то полированные и стеклянные то ли шкафы, то ли буфеты, в которых многократно отражался Федор Федорович. Скользящий пол какой-то...

Вошел на кухню — там черт знает что. Вся в белом кафеле, как мужской туалет в психдиспансере. Опять кто-то газовую плиту притащил...

Заглянул в совместный санузел — знакомый рыжий таракан бежал по голубому унитазу. Федор Федорович на коньках подъехал к окну и выглянул. На улице тоже что-то не так... Луна, думая, что ее не видят, нюхала духи «Черная магия»... Вечный мусорник куда-то исчез...

Все, все изменилось!

«Книги!» — вспомнил Федор Федорович.

Книги он обнаружил в югославском буфете — целую полку блистающих макулатурных книг, которые Мама с Людмилой Петровной рекомендовали ему читать взамен сожженных. Федор Федорович с жадностью стал разглядывать корешки... Тут были «Анжелика», «Проклятые короли» и прочие пирожки с повидлом.

Федор Федорович беспомощно заскользил по паркету.

Ага, вот, кроме шлепанцев, еще что-то знакомое... Все-таки это его квартира!

Он схватил лежащую на софе «Аэлилу».

«Дорогому папочке, — прочитал он, — от любящей доченьки. Вышла замуж за Сына Неба. Не обижайся. Ждем тебя в Сан-Франциско. Кеша пришлет вызов. Твоя Аэлита».

Федор Федорович постоял, подумал и пробормотал:

— А я остаюсь с тобою... Не нужен мне берег турецкий...

Кажется, он по-настоящему начал сходить с ума. Всю ночь он ходил по паркету и пел эту старинную песенку: «А я остаюсь с тобою, родная навек сторона...» Иногда замолкал, останавливался, открывал наудачу «Аэлилу» и вслух прочитывал несколько фраз.

«Вот отчего текли слезы по морщинистым щекам Лося, — читал Федор Федорович. — Птица пела о той, что осталась за звездами, и о седом, морщинистом, старом мечтателе, облетевшем небеса».

От этого чтения, пения и топота проснулось районное начальство. Свет оно не включало и заходить в квартиру боялось. Так всю ночь и слушало: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна».

Утром Федор Федорович под дождем без пиджака и без зонтика отправился в «Продмаг». Поковырял пальцем чер-

ный фасад Дома на набережной. Специально пересек асфальтированный мусорник и топнул по нему ногой. Там, под асфальтом, что-то забулькало.

Федор Федорович утвердился в своем намерении. В «Продмаге» он попросил продать черную бельевую веревку. Варвара Степановна испугалась и ответила, что у нее в «Продмаге» никакой веревки нету, вот вам крест, Федор Федорович. Выпейте водички, вы насквозь промокли.

Но Федор Федорович и в лучшие времена не пил, разве что бутылку на четверых в кустах сирени. Он отправился в облупленный пустой универмаг, но Варвара Степановна успела предупредить:

— Черную веревку не продавать! Никакую не продавать!

К его приходу все веревки попрятали, универмаг вообще опустел. Но Федор Федорович и тут не настаивал и жалобных книг не требовал. Вообще, не собирался превращаться из дон кихота в бонапарта, чтобы мстить за поруганные книги и крушить районное начальство. Он просто ходил по пустому универмагу и приглядывался к мужским галстукам. Ему понравились самые длинные, цвета хаки. Примерил к шее, купил три штуки и вернулся домой. Звездная дверь в потусторонний мир осталась открытой, но в нее никто носа не сунул.

Федор Федорович связал два галстука морским узлом и опять примерил. Третий галстук не понадобился. Он залез грязными ботинками на полированный стол и принялся снимать люстру. Потолок был невысок, удобно. Аккуратно отсоединил провода, снял люстру, подвис на крюке. Крюк держался мертво — Вова-электрик, наверно, впервые в жизни не схалтурил.

Все правильно. В самом деле, что оставалось делать Федору Федоровичу? Айзек Азимов не ответил, Рей Бредбери прислал отписку... Превращаться в Бонапарта, уезжать в Сан-Франциско или идти начальником штаба гражданской обороны сахарного завода?

Все правильно.

Федор Федорович начал вязать петлю, хотя мешал узел на галстуках. Но узел — не беда.

«Кажется, все», — подумал Федор Федорович.

Он опять взгромоздился на стол и привязал галстуки к крюку — тоже морским узлом.

Да, забыл, нужно написать предсмертное послание Дон Кихота скифским запорожцам и сказать им все, что он о них думает.

Для этого дела нужны карандаш и бумага, соображал Федор Федорович, но как их найти в этом потустороннем мире?

Пока Федор Федорович искал карандаш, на подоконнике трагически зазвонил испорченный вечный двигатель... Как он туда попал? Возможно, Федор Федорович поставил его туда? Может быть. Реальной представляется другая версия — будильник САМ очутился на подоконнике. Все простые вещи любили Федора Федоровича — и огнетушитель любил, и погибший в костре черно-белый телевизор любил, и выброшенное на свалку самораскладное кресло любило, а теперь вот испорченный вечный двигатель забрался на подоконник, вопил благим матом и мешал умирать Федору Федоровичу. (А карандаш попросту спрятался на софе под Аэлитиной подушкой и тянул время, чтобы Федор Федорович одумался.)

Федор Федорович не собирался бить будильник по голове. Он ожидал, когда тот охрипнет и замолчит. Но испорченный будильник завелся и не хотел останавливаться: вопил, и вопил, и вопил... Нельзя же, в самом деле, вешаться под этот вечный звон в ушах...

Федор Федорович подошел к окну и, как собаку, погладил испорченный будильник по голове. Тот захлебнулся, закашлялся...

«Дождь вроде затих...» — глянул в окно Федор Федорович. И еще он увидел в окне: на новую асфальтовую площадку, которая потихоньку опять превращалась в мусорник, въезжал огромный грязный автомобиль.

«Мерседес-бенц», — подумал Федор Федорович, успокаивая будильник.

Из грязного «мерседес-бенца» выбрался невысокий, толстоватый, буржуазного вида пожилой человек с тяжелой тростью. Его встречала целая свита из районного начальства. Мама раскрыла над этим буржуем черный зонт. Людмила Петровна переводила, начальство внимало, а к подъезду Федора Федоровича мчалась по лужам толстоногая Варвара Степановна с телеграммой из Министерства иностранных дел.

— Мистер Герберт Уэллс спрашивает... — переводила Людмила Петровна, — ...какого черта вы тут делаете во мгле семьдесят пять лет?

— Переведите, что мы ему покажем сахарный завод, — отвечало начальство.

Варвара Степановна вбежала в квартиру и отчаянно закричала:

— Федор Федорович! К вам Герберт Уэллс приехали!

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Писатель-фантаст Тихов разглядывал окаменевшую марсианскую челюсть и чувствовал себя, как герой собственного рассказа, брошенный автором на произвол судьбы. Жизнь иногда подсовывает такие сюжеты, что никакому фантасту не снились. Тихов не знал, что с этой челюстью делать — вернуть ее в палеонтологический музей или...

Что «или»?

Тихову не нравилось это странное слово с двумя «и» по краям и «л» в середине. В этом слове не было позвоночника, оно походило на маленькую амебу.

Он пытался советоваться с коллегами, но те разглядывали пространство за его спиной и отмечали, что идея для фантастического рассказа неплоха, но где ударная концовка? А без ударной концовки никак нельзя. Очередной сюжет о жизни на Марсе? Жизни на Марсе нет, не было и не будет.

Тихов уже начал нервно оглядываться. Его раздражал даже собственный Диктофон, который бесшумно ходил по пятам и записывал мысли, произнесенные вслух, — обычный облегчитель писательского труда, умеющий к тому же подметать, жарить яичницу и говорить по телефону.

«Моя челюсть не может принадлежать музею, — записал Диктофон. — Челюсть — это больше чем личная собственность. Это часть тела, как руки или ноги».

Тихов не мог жить дальше с такими сомнениями. Он завернул челюсть в носовой платок и отправился в палеонтологический музей на прием к Адмиралу.

Это академическое светило было похоже на пирата — отбушевавший белый карлик без левого глаза, с парализованной левой рукой и протезом вместо левой ноги. Полный рот золотых зубов. Когда Адмирал улыбался очередному восходу Солнца, улыбка получалась ослепительной. Фамилия у него давно умерла за ненадобностью, и все называли его Адмиралом. Говорили, что свои ранения он получил еще в юности в Африке на раскопках какого-то недостающего эволюционного звена, подравшись с диким львом из-за древних костей. Зверю тоже не повезло — полузадушенного льва долго держали в реанимации, а потом по инвалидности боялись отпустить на волю.

— Пришли сдаваться? сурово спросил Адмирал.

— Но...

— Челюсть на стол! Иначе я из вас ее вытрясу!

Делать нечего. Тихов выложил на стол музейную челюсть и пододвинул Адмиралу заключение медицинской экспертизы.

«...что указывает на то, что обе нижние челюсти абсолютно идентичны и принадлежат одному человеку, что подтверждается тем, что...» — прочитал Адмирал, открыл банку с пивом и уставился на Тихова правым глазом. Этот глаз и не таких видывал.

— Вы в своем уме? С какой стати ваша собственная челюсть будет валяться на Марсе? — спросил Адмирал, ничему не удивляясь.

— Мне кажется, что я когда-то погиб на Марсе, — пробормотал Тихов и оглянулся.

— Как это понимать? Какая из челюстей ваша — та, что во рту, или...

Тихову не нравилось слово «или». Неужто он в самом деле надеялся, что Адмирал выделит ему Спецлопату и отправит в командировку на Марс искать самого себя?

Адмирал погасил свое изумление глотком пива и, хотя много говорить не любил, произнес длинную речь:

— Палеонтология есть наука, — сказал он и указал пальцем в потолок. — Палеонтология имеет дело с костями древних людей и животных, а ваши кости под эту категорию не подходят. Кости современного Шарика палеонтологию не интересуют. Или интересуют в порядке сравнения с древним Бобиком. Далее. Любая наука — это последовательность причин и следствий. Например: жил-был на Земле питекантроп, он был съеден сородичами, а его обглоданные кости через двести тысяч лет нашли, откопали, склеили, назвали все это «питекантропом» и выставили в музей. Но не наоборот! Чувствуете? В палеонтологии как нигде важна точная датировка и последовательность событий.

— Но мою челюсть нашли на Марсе под вулканом Никс Олимпик, — пробормотал Тихов.

— Давайте договоримся: быстрее света двигаться нельзя, летающих тарелок нет, мысли на расстоянии передаются посредством телефона, а время движется в одном направлении. Челюсти не могут раздваиваться и находиться одновременно у вас во рту и под вулканом Никс Олимпик. Вас разыграли. Какой шарлатан выдал вам эту бумажку?

Тихов ничего не ответил, потому что наконец понял, что его сравнили с каким-то Шариком. Он сунул медэкспертизу в карман и прикрыл дверь.

— Но как сюжет для фантастического рассказа... — насмешливо прокричал Адмирал вдогонку.

В коридорах Литературного клуба уже летали слухи. Это слово Тихов относил к насекомым типа гнуса — оно умело кусать, летать, ползать и быть неуловимым. Коллеги-писатели куда-то от него попрятались. Тихов понял, что перестанет себя уважать, если не доведет этот сюжет до конца. К черту ударную концовку, пусть будет безударная, лишь бы была. Он найдет ее, жизнь на Марсе.

Его никто не провожал, лишь один старенький фантаст испуганно выглянул в окно и сделал жест, будто хотел то ли перекреститься, то ли постучать пальцем по лбу.

У подножия великого вулкана Никс Олимпик стоял столб с надписью:

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КУРЬЕЗ!

НА ЭТОМ МЕСТЕ ЧЛЕНЫ 13-й ЭКСПЕДИЦИИ НАШЛИ
ПОДЛИННУЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЧЕЛЮСТЬ

Тихов привязал к столбу канат, отметил по радиусу участок и оцепил его тем же канатом. Потом надул двухкомнатную палатку. Диктофон, сидя на камне, с интересом наблюдал за ним.

«Заткнись», — подумал Тихов, хотя Диктофон не произнес ни слова. Неработающий робот всегда раздражает.

Тихов развесил на канате красные флажки и таблички с надписью:

НЕ МЕШАТЬ! ИДУТ РАСКОПКИ!

Знаменитый вулкан поглядел сверху на его старания и закашлялся дымом.

«Заткнись», — мрачно подумал Тихов, и вулкан удивленно заткнулся.

Тихов забрался в палатку и погасил свет. За окном начался кровавый марсианский закат. От земных закатов он

отличался особой мрачностью — красные и черные небеса чередовались и напоминали траурную повязку, а звезды, в отличие от земных, светили не дыша и не мигая, как в почетном карауле. Гигантская вулканическая гора закрывала здесь полнеба, ее заснеженная вершина выглядывала чуть ли не в космос. Как тут заснешь?

Из-за вулкана бесшумно взошел Фобос, за ним Деймос — с таким таинственным видом, будто только что кого-то зарезали на той стороне планеты.

«Вы тоже заткнитесь», — подумал Тихов, заворачиваясь в одеяло.

Все на Марсе обиженно заткнулись. Грубиянов нигде не любят, даже на Марсе. «Писатели-фантасты пишут для молодежи, — думал Тихов, засыпая, — а когда собственная молодость проходит, то оказывается, что для молодежи надо писать всю жизнь и некогда искать самого себя».

Всю ночь ему снились Фобос и Деймос, и он вздрагивал от страха и ужаса.

Утром он запустил звездолетный двигатель и расчистил участок от пыли. Мелкие камни, попавшие в ловушку, тщательно осмотрел. Над вершиной Никс Олимпика собирались мелкие розовенькие облачка — как видно, у них здесь было постоянное место встречи. На Марсе так мало облаков!

Тихов хмуро посмотрел на эту идиллию и вонзил лопату в мерзлый грунт.

Лопата тут же сломалась.

Тогда Тихов принес лом, кирку и запасную лопату и принялся рубить, дробить и копать. Мелкий грунт и ржавчину просеивал, а пустую породу нагружал в тачку с одним колесом и вываливал за пределы участка. Он пытался ничего не пропустить и не сфальшивить — глупо фальшивить, когда ищешь самого себя. Себя редко находят сразу, себя долго собирают и склеивают по мелким фрагментам, и на это занятие иногда уходит вся жизнь, думал Тихов, хотя ломовая работа не располагала к раздумьям.

В полдень он вынул из сита какой-то белесый камешек, обдул его, внимательно осмотрел, улыбнулся и завернул в носовой платок.

К вечеру на ладонях вздулись жгучие пузыри.

Ночью над вулканом, заглядывая в его жерло, зависла голубая Земля.

Во сне опять Страх и Ужас.

Утром поясница как простреленная...

Через месяц Тихов стал походить на собственный скелет. Земляные работы продолжались. Каждый вечер он приносил в палатку несколько костей, груды на столе росла, она напоминала остатки каннибальского пиршества. Тихов упрямо продолжал рыть землю, хотя прекрасно понимал, что это была не земля, а марсианский грунт. Ему нравилось рыть именно землю. Это слово здесь было к месту.

«Приземляться на Марс» — правильное выражение, — думал он, ворочая ломом громадный оплавленный камень. — На Марс приземляются, к астероидам пришвартовываются, в Юпитер погружаются, а на Меркурий осторожно садятся, как на раскаленную плиту. У каждой планеты своя посадка».

Еще через месяц Тихов услышал оглушительный выстрел раскрывшегося парашюта. Кого-то сюда несло. Это был черный фургон с пиратской палеонтологической эмблемой на борту — черепом и двумя костями. Не снижая скорости, фургон с грохотом зашел на посадку и чуть не врезался в вулкан.

В недрах Никс Олимпика что-то громко булькнуло.

Фургон еще дымился после лихой посадки, а из него уже выбирался сам Адмирал в поношенном скафандре на подтяжках и с банкой пива в парализованной руке. Пиратский череп на его рукаве выглядел особенно зловеще. Главный охотник за черепами был в плохом настроении. Диктофон подбежал к нему и подобострастно отдал честь.

— Все переговоры мой шеф возложил на меня, вот доверенность, — сказал Диктофон.

Адмирал с удивлением прочитал эту филькину грамоту, скомкал ее и тихо спросил:

— Кто дал вам право копать на Марсе?

— На Марсе никто не копается, — охотно отвечал Диктофон. — Мы копаемся в Марсе «В» и «на» — разные вещи. Маленькая буква, а меняет все дело. Любой юрист это подтвердит. Мы решили не брать лицензию. Мой шеф зол на всю Вселенную. Он поклялся молчать до тех пор, пока не найдет самого себя. Не знаю, что у него из этого выйдет, зато я наговорюсь вволю. Вы не беспокойтесь — все находки он регистрирует, фотографирует, измеряет и описывает.

Адмирал допил пиво и швырнул банку в Диктофона. Тот увернулся, и банка, гремя, покатилась по Марсу.

— Какие еще находки? — мрачно спросил Адмирал.

— В палатке. Можете взглянуть, но руками не трогать.

В палатке на большом столе была разложена грязная груда человеческих костей. Они еще не были склеены, но скелет уже вполне обозначился. Адмирал растянул подтяжки, стрельнул ими в свой живот и потер ушибленное место.

— Это что? — спросил он и ткнул тростью в какую-то треснувшую пластинку.

— Это великолепный обломок человеческого черепа, — начал объяснять Диктофон. — Лобная кость. Взгляните, какие прекрасные отпечатки мозговых извилин. Какой узор! А вот изумительная берцовая кость. А вот...

— Теперь я знаю, почему на Марсе нет жизни, — задумчиво сказал Адмирал. — На Марсе жизни нет от проходимцев!

Он так хлопнул дверью, что по Марсу пробежал небольшой пылевой вихрь, и похромал к участку, разъяренно колотя себя тростью по голенищам, как лев хвостом перед нападением. Тихов донял: если ему суждено когда-нибудь здесь погибнуть, то это произойдет от руки Адмирала.

Тихов продолжал дробить ломом вечную мерзлоту, когда тень Адмирала упала на дно ямы. Тихов задрал голову, посмотрел Адмиралу в глаза и швырнул ему на сапоги лопату грунта. Адмирал отряхнулся, сел на краю и принялся наблюдать за работой Тихова. Он уважал тех, кто умеет рыть землю. «Палеонтология есть наука, — говорил Адмирал, — в которой главный научный метод в том-то и состоит — бери больше, кидай дальше, копай глубже».

— Я готов верить в безумные идеи, — сказал Адмирал в яму. — Я эти идеи сам сочиняю. Идеи могут быть сумасшедшими. Пожалуйста! Но не их авторы! Нормальные писатели описывают новостройки на Луне, добычу нефти на Уране, разведку Плутона, дрейфующие экспедиции к Солнцу... А вы чем занимаетесь? Ищете на Марсе самого себя?

— Побережись! — крикнул Тихов и вывалил на Адмирала очередную лопату грунта.

— Не грубите, — продолжал Адмирал, отряхиваясь. — Я хочу разобраться. По-моему, безумные идеи ученых отличаются от писательских фантазий. Они происходят от точного знания, а дилетанты любят всякие недостающие звенья. В палеонтологии им рай.

В ответ из ямы вылетела грязная банка из-под пива.

— Это что? — спросил Адмирал.

— Банка из-под пива, — с готовностью объяснил Диктофон. — Найдена только что на ваших глазах под камнем воз-

растом в четыре миллиарда лет. На ней даже сохранилась надпись: «иво жигуле».

— Вы хотя бы знаете, что происходило четыре миллиарда лет назад? — медленно начал звереть Адмирал. — Детство Солнечной Системы! Пространство еще забито первичной материей. Система уже дышит, самообучается, отдельные ее элементы и части нащупывают свои орбиты и функции, ну и, конечно, Московский пивзавод не стоит в стороне от проблем мироздания — как же без пива?! А где дата выпуска? Стерлась. Вот ваши шарлатанские методы!

В ответ из ямы — молчание.

Тихов раскорячился на дне раскопа и расчищал очередную находку: золотой зуб.

«С Марсом пора кончать, — тоскливо думал Тихов. — Это гиблое место. Хватит марсианских хроник, сколько можно!»

Он выбрался из ямы, отбросил лом и огляделся по сторонам, фиксируя пейзаж.

«Я нашел не того, кого искал... — растерянно думал Тихов. — Где же теперь я?»

Кто не был на Марсе — все сюда! Разгар лета, полдень, минус двадцать по Цельсию. Близится Великое противостояние Марса с Землей, они идут на сближение. Марс краснеет, как индюк, Земля невинно голубеет и видна уже даже днем. Марсианский грунт, окисляясь, цветет ржавчиной, из замерзших пылевых сугробов торчат камни, и обнажаются гладкие застывшие потоки лавы. Рай для геолога, зато скука для писателя-фантаста — о Марсе столько написано, что он уже не вдохновляет. Из-за обилия в грунте скисающего железа марсианская блекло-красная гамма кажется экзотичной только поначалу, но вскоре взору становится невыносимо скучно, как в глубине Сахары. Здесь не завихряются облака, как на Юпитере, Фобос и Деймос чересчур малы, чтобы соперничать с блеском Луны, и уж никакого сравнения с окрестностями Сатурна, где глаз нельзя оторвать от разноцветной карусели колец и спутников. Безжизненный Марс смертельно скучен, как скучны не заселенные людьми равнины фантастических произведений Тихова. Как оживить эту равнину, он не знает. Нет жизни на Марсе, ни малейшего движения не наблюдается, разве что по утрам низко-низко клубится пыль, возмущенная приливом Земли, да Диктофон бродит у фургона и к чему-то принюхивается.

Тихов развернул платок и показал Адмиралу осколок нижней человеческой челюсти с золотым зубом.

— Как, еще одна челюсть? — удивился Адмирал. — И опять ваша собственная? Сколько нижних челюстей может быть у одного человека?

— Вот что, Адмирал, — ответил Тихов. — Занимайтесь своей палеонтологией и не лезьте в литературу. Литература нужна для того, чтобы каждый мог найти самого себя, вот и все. Жизнь на Марсе существует в человеческом воображении — значит, о ней уже нужно писать, значит, она существует. А это не моя челюсть. И кости в палатке тоже не мои. Я тут кого-то нашел, но, к сожалению, не себя.

— Чьи же это кости? — опять начал звереть Адмирал, потому что уже догадался, чьи.

— Эта нижняя челюсть с золотыми зубами лежала рядом с банкой из-под пива под камнем возрастом в четыре миллиарда лет. Если вы откроете рот и покажете свои золотые зубы, то я точно определю, кому эта челюсть принадлежит.

Адмирал был большим светилом в палеонтологии, но иногда у него случались затмения — ум заходил за разум, протуберанцы можно было наблюдать через закопченное стекло, но близко не подходить. Диктофон удрал в палатку от греха подальше. Адмирал зарычал. Вулкан вздрогнул, ледяная лавина углекислого газа с грохотом понеслась вниз и затихла по ту сторону залива.

Почему он, Адмирал, сразу не узнал свою лобную кость и этот прекрасный узор собственных мозговых извилин? Он столько черепов повидал на своем веку, что в этом черепе не имел права ошибиться — все в нем было родное, недаром его неодолимо тянуло на Марс. Это он когда-то погиб здесь с банкой пива в руке; его зашибло вулканической бомбой, а он не делал даже попытки к бегству — с пивом не бегут! Тут она его и настигла...

Одинокая слеза побежала из мертвого адмиральского глаза. Затмение закончилось, ум и разум благополучно разошлись по своим орбитам. Найти самого себя не шутка. А впрочем, обычное дело. Нашел себя, и ладно. Кости современных академиков палеонтологию не интересуют.

— Я оставлю вас наедине, — сказал Тихов и протянул Адмиралу носовой платок.

— На кой черт, — буркнул Адмирал.

Тихову стало ясно, что Адмирал не собирается паковать и тащить на Землю свой скелет, чтобы поставить его в гостиную и предьявлять гостям; и он зауважал Адмирала.

— Открывайте фургон,— с неохотой сказал Адмирал.— Я привез вам Спецлопату.

Диктофон выбежал из палатки, сорвал пломбу и с нетерпением заглянул в фургон. Он давно мечтал познакомиться с этой недотрогой. У него дух захватило: в фургоне располагалась самая очаровательная из всех лопат, которые он когда-либо встречал,— чудное создание с разнокалиберными ковшами, тесаками, манипуляторами и с густым ситом для просеивания породы, которое, как вуаль, прикрывало компьютер незнакомки.

Вулкан величественно поддал дыму.

— Сударыня, прошу! — суетился Диктофон.— Ваш манипулятор! Осторожно, здесь ступенька!

— Вы очень любезны,— отвечала Лопата, грациозно съезжая по сходням на Марс.

— Это Марс! — орал Диктофон.— А вы и есть та самая знаменитая Спецлопата, которая откопала Атлантиду в Антарктиде? Меня зовут Диктофон. Мой шеф ищет здесь самого себя, а я ему помогаю.

— Ох уж эти мне искатели,— вздохнула Лопата.— Перерыли всю Землю, теперь взялись за Марс. Дай им волю, они раскопают всю Солнечную Систему и вернут ее в первозданное пылеоблачное состояние. Тут вскоре соберется целая толпа и сравняет Никс Олимпик с землей, Лопат на всех не хватит, они начнут рыть землю руками... зубами! Жизнь на Марсе? Возникнет! Тут будет кемпинг, там — автостоянка, здесь — танцевальная площадка. Вы умеете танцевать?

Диктофон совсем разомлел и чуть не попал под колеса. Он собирался пригласить Лопату в укромный кратер и переговорить с глазу на глаз, но она уже начала вдохновенно рыть. Действуя ковшами, она на полной скорости снимала пласты марсианского грунта, дробила камни, просеивала и выплевывала пустую породу за красные флажки. Она умела отличать органические останки от неорганики, а попросту не путала кости с грунтом; ее можно было запрограммировать на добывание чего угодно — нажал нужную кнопку, и поехали! — добывать золото в Якутии или битые амфоры со дна Индийского океана. Ночью она могла даже включать прожекторы! Удобная вещь — ее создатели получили большое «Гран-при» и золотые медали, а фантаст, предсказавший ее, — большой кукиш.

Диктофон пристроился рядом с ней. Лопата благосклонно подкидывала ему ковшик грунта, и он, довольный, катил свою тачку за пределы участка.

— Пусть роют, может, найдут мою левую ногу,— сказал Адмирал, взял Тихова под руку и стал прогуливать его по Марсу.— Мне надо выговориться. Мы ищем всякие недостающие эволюционные звенья, но никак не можем добраться до самого первого звена. Как возникла жизнь, как произошел переход от неживого к живому? Марс как будто создан для жизни. Что ни пейзаж, то великий шедевр жизнеподобия. Поглядите на эту рошу пунистых канадских елей! Жаль только, что они красного цвета. Я всегда смотрю на них с изумлением, хотя понимаю, что это обыкновенные скалы, причудливо обработанные ветром и газированной водой.

— Почему газированной? — удивился Тихов.

— А как прикажете называть эту замерзшую воду с углекислым газом? Здесь случаются поразительные миражи — когда на Земле безоблачно, в ночном небе Марса отражаются океанские волны с Летучими голландцами. Эти зрелища потрясают непосвященного, но случаются и обманы другого рода... Взгляните!

Тихов глянул вверх, и его нижняя челюсть отвисла от удивления — прямо над головой, высматривая добычу, парил громадный орел, лениво шевеля рулевым оперением.

Прошло достаточно времени, пока Тихов догадался, откуда появилась на Марсе эта птица — над ними, как воздушный змей, зацепившись стропой за камень, летал обрывок огнеупорного тормозного парашюта.

— Поиски самого себя — преглупое занятие,— продолжал Адмирал.— Я никогда себя не терял. Ни при каких обстоятельствах. А вот меня вечно кто-нибудь искал... а вы нашли меня даже на Марсе, да еще в таком разобранном виде. Находка моих костей в четырехмиллиардных отложениях — эпохальное палеонтологическое событие. Оно наводит меня на размышления. Конечно, интересно узнать, КАК мои кости там очутились... Предположим — когда взрывается такой вулкан, со временем должно что-то происходить. Дернешь за пространство, время раскроется. Но сейчас меня другое интересует — ЧТО я там делал? Не мальчишка же я в самом деле, чтобы на старости лет забросить все дела и примчаться на Марс... У меня сейчас раскопки под Килиманджаро... а я тут... Что я там делал?

— Вы там что-то искали,— предположил Тихов.

— Что?

— Еще не догадываетесь? Конечно же, вы искали недостающее звено между живым и неживым. Тайну происхождения жизни — на меньшее вы не согласились бы.

— Да, пожалуй,— согласился Адмирал.— В моем-то возрасте нечего мелочиться. Но вы, кажется, знаете обо мне больше, чем говорите. От вас здесь осталась нижняя челюсть, значит, вы в те времена находились рядом со мной? Выкладывайте!

— Диспозиция, в общем, была такая. Ваш скелет — вот он, а мой, если не считать нижней челюсти, куда-то подевался. Получается, что вы стояли под вулканом с банкой пива и наблюдали, как я лезу наверх. Вы погибли тут, а я там...— Тихов указал сигаретой на вершину вулкана.— Сейчас мы должны повторить этот научный эксперимент. Я не считаю себя умнее или глупее самого себя, каким я был четыре миллиарда лет назад. Если я полез на Никс Олимпик тогда, значит, полезу и сейчас.

Тихов отшвырнул окурок. Засорение Марса шло полным ходом — окурки, бычки и бумажные обрывки разгуливали под Никс Олимпиком во всех направлениях. Тихов машинально отметил, что фантастического рассказа о засорении Марса еще вроде не было.

— Что-то вы темните,— вздохнул Адмирал.— Когда на Земле вы пришли ко мне на прием, вы уже знали, что придется лезть на вулкан?

— Догадывался.

— Почему же вы мне тогда не сказали?

— Потому что вы сравнили меня с каким-то Шариком.

— Ясно. Извините. Так. Теперь объясните, за каким-таким недостающим звеном вы туда полезли, и тогда, как и четыре миллиарда лет назад, я стану под вулканом с банкой пива в руке.

— Обещаете?

— Клянусь!

— Перед нами самая большая гора в Солнечной Системе,— сказал Тихов.— Взгляните, какая пушка! Двадцать семь километров в высоту... Эверест ему в подметки не годится. Представляете, что произойдет, если Никс Олимпик стрельнет? Последнее время он ведет себя беспокойно... Слышите? Гудит! Мою сумасшедшую идею нелегко сформулировать. Зачем я туда полез... В нашей жизни Марс занимает особое место. С другими планетами меньше шума.

Все давно на него усталились — почему? Всем что-то чудится. Без жизни нельзя. Так не бывает, чтобы без жизни. И если на Марсе жизни нет, значит, это что-то значит. Что такое смерть — всем известно. А наоборот? Что это за штука — жизнь? Откуда взялись эти странные гены, будто вварившиеся в одном котле? Жизнь на Земле не может быть уникальным явлением. Если принять, что жизнь — это обычное состояние Вселенной, то в каком-то смысле Вселенная сама является живым существом. А уж Солнечная Система — подавно. Мы можем попробовать рассмотреть ее как единый организм и попытаться понять функции отдельных ее частей. Так наука рассматривает лес, океан, пустыню, джунгли...

— Я, кажется, начинаю понимать... — пробормотал Адмирал. — Разгадка бессмертия, и не меньше! Стал бы я тут на старости лет гоняться за каким-то скелетом. Эй! — заорал он. — Зарывай обратно! Кому сказал! Раскопки прекращаются! Чтобы здесь все было как прежде!

Под Никс Олимпийком уже появился глубокий котлован. Вулкану это здорово не нравилось, он гудел и подрагивал. Спецлопата удивленно развела рычагами и принялась засыпать котлован. Диктофону было все равно — что рыть, что зарывать.

Тихов продолжал:

— Любые сравнения Солнечной Системы с живым организмом будут натянуты. Не в сравнениях дело, а в том, что каждый элемент Системы зачем-то необходим. Солнце — это, конечно, сердце Системы. Оно пульсирует и задает жизненный ритм. Не надо увлекаться, но Юпитер можно сравнить с желудком, Сатурн — с печенью, а Нептун — с желчным пузырем. Можно проводить аналогии с жабрами и кровообращением, но меня интересует планетная связка, отвечающая за возникновение жизни.

— Земля и Марс?

— Да. Моя вулканическая гипотеза состоит в том, что гены зарождаются внутри Марса — жизнь надо искать «в», а не «на» Марсе. «В» и «на» — разные вещи. В Марсе, как в котле, варится дезоксирибонуклеиновая кислота. Во время Величайших любовных противостояний с Землей, после чудовищных извержений и сдвигов во времени самые жизнестойкие гены попадают в раннюю Вселенную, на первобытную Землю. Таким образом, жизнь заносится из будущего в про-

шное. Она, жизнь, продолжает возникать непрерывно, а моя идея прямо указывает на природный очаг возникновения жизни... — Тихов опять указал очередной сигаретой на вершину Никс Олимпика.

После этих слов Марс зашевелился и заходил ходуном. Адмирал одурело смотрел не на вершину вулкана, а на кончик сигареты писателя-фантаста.

— Не смущайтесь, — сказал Тихов. — Все части тела имеют право на существование.

Адмирал оглянулся. За палаткой подслушивали Диктофон и Спецлопата. Котлован уже был засыпан.

— Пошли вон! — загремел Адмирал. Ему не хотелось лишних соглядатаев при зарождении жизни.

Никс Олимпик громко вздохнул и выпустил тучу пепла. Началось землетрясение — Тихов знал, что «землетрясение» — правильное слово. Они вошли в палатку, и Тихов принялся натягивать штурмовой альпинистский скафандр. Адмиральские кости дребезжали на столе.

— Смотрите, мои старые кости чувствуют землетрясение, — заметил Адмирал.

Его ничем нельзя было смутить — любая мысль имеет право на существование, и он хотел обдумать ее до конца.

— Я, кажется, понял вашу безумную идею, — сказал Адмирал. — Жизнь — это как круговорот воды в природе. Если мы уже один раз были вовлечены в этот круговорот и присутствовали при зарождении жизни, то все надо повторить. Глупо это или нет, но жизнью на Земле рисковать нельзя, — я должен стоять здесь с банкой пива в руке, а вы должны карабкаться на этот... Тут недалеко, двадцать семь километров. Решено!

Они успели выскочить из палатки, и пылевой шквал забросил ее на канадские ели, под которыми прятались Диктофон и Спецлопата. Марс, казалось, раскачивался на орбите. «Новый тип двигателя, — сгоряча подумал Тихов. — Если такой вулканище шарахнет в полную мощь, планета может слететь с орбиты».

Тихов бежал к подножию вулкана.

Никаких раскопок на Марсе!

Марс предназначен совсем для другого!

Тихов задрал голову. Озверевший вулкан, дрожа и напрягаясь, швырял в космос камни и клубы пепла; из него, как из сифона, рвалась газированная вода; в наступившей темноте на Тихова смотрели Фобос и Деймос.

— На абордаж! — ободряюще крикнул Адмирал и открыл банку с пивом.

Слово «абордаж» Тихов относил к самым лихим хищникам семейства кошачьих. Он оглянулся в последний раз в жизни и крикнул:

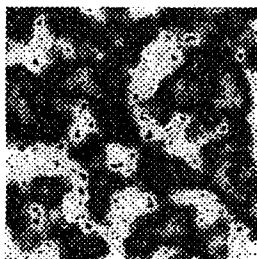
— Прощайте, Адмирал!

Все. Теперь вверх.

Надо лезть...

Надо лезть, чтобы повторить все условия, существовавшие при зарождении жизни на Земле, иначе, черт его знает, у Марса с Землей без нас может что-то не получиться; жизнь ведь такая штука, что никогда толком не знаешь, есть она, или ее нет, — так думал Тихов, когда вулкан шарахнул в полную мощь и, с треском проломив пространство, зашвырнул его на Землю за четыре миллиарда лет назад, где последним ощущением Тихова было то, что он наконец-то нашел самого себя, когда его собственная дезоксирибонуклеиновая кислота выпадала в первобытные океаны молодой Земли.

В это же время Адмирала, невозмутимо допивавшего пиво посреди этого жизнеутверждающего катаклизма, посетила последняя в его жизни сумасшедшая идея — о том, что писатели-фантасты в самом деле для чего-то нужны.

***Второе июля
четвертого года***

*К 50-летию со дня смерти
Антон Павловича Чехова*

Сомерсет Моэм

ВТОРОЕ ИЮЛЯ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА

(Новейшие материалы к биографии Чехова)

Пособие для англичан, изучающих русский язык,
и для русских, не изучавших русскую литературу.

Перевод Бориса Штерна

1

Первая подробная и хорошо документированная биография Чехова на английском языке написана Дэвидом Магаршаком и широко известна в Англии. Она была оригинально переработана прекрасным английским писателем Уильямом С. Моэмом, которого в России почему-то называют Сомерсетом Моэмом (Сомерсетом звали его отца) для своего литературного эссе «Искусство рассказа» и впервые издается в изложении на русском языке с необходимыми дополнениями в свете ранее не известных и абсолютно неожиданных документов. Цитаты из книги Моэма в дальнейшем не оговариваются.

Эта биография является хроникой блистательных чеховских побед — вопреки бедности, обременительным обязанностям, мрачной среде и слабому здоровью. Из этой интересной книги читатель должен знать следующие факты. Антон Павлович Чехов родился 16 января 1860 года. Его дед Егор Михайлович был крепостным, он скопил денег и выкупил себя и троих сыновей. Один из них, Павел Егорович, со временем открыл бакалейную лавку в городе Таганроге на берегу Азовского моря, женился на Евгении Яковлевне Морозовой и произвел на свет пятерых сыновей и одну дочь.

Антон был его третьим сыном. Павел Егорович, человек необразованный и глупый, был эгоистичен, тщеславен, жесток и глубоко религиозен. [Необъективная, поверхностная оценка

Мозама, другие биографы Чехова не столь категоричны.] Много лет спустя Чехов вспоминал, что в пятилетнем возрасте отец приступил к его обучению — каждый день бил, сек, драл за уши, награждал подзатыльниками. Ребенок просыпался по утрам с мыслью: будут ли его и сегодня бить? Игры и забавы запрещались. Полагалось ходить в церковь два раза в день на заутреню и вечерню, целовать руки монахам, дома читать псалмы. С восемью лет Антон должен был служить в отцовской лавке с вывеской:

ЧАЙ, САХАРЪ, КОФЕ, МЫЛО, КОЛБАСА И ДРУГИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ

Под этим полуграмотным названием лавка и вошла в русскую литературу в одном из рассказов Чехова. Она открывалась в пять утра, даже зимой. Антон работал мальчиком на побегушках в холодной лавке, здоровье его страдало. А позже, когда он поступил в гимназию, заниматься приходилось только до обеда, а потом до позднего вечера он был обязан сидеть в лавке. Неудивительно, что в младших классах Антон учился плохо и дважды оставался на второй год. Своим одноклассникам он не очень запомнился. Так о нем и писали: никакими особенными добродетелями или способностями не отличался. По-русски это называется «ни то, ни се».

Когда Антону исполнилось шестнадцать лет, его неудачливый отец обанкротился и, опасаясь ареста и долговой тюрьмы, бежал от кредиторов в Москву, где два его старших сына, Александр и Николай, уже учились в университете. Антона оставили одного на три года в Таганроге — заканчивать гимназию. Он вздохнул свободно и «вдруг» обнаружил такое прилежание по всем предметам, что стал получать пятерки по бесконечно ненавистному ему греческому языку и даже давать уроки отстающим ученикам, чтобы содержать себя.

А. П. Чехов: «Разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная».

Через три года, получив аттестат зрелости и ежемесячную стипендию в двадцать пять рублей, Антон перебирается к родителям в Москву. Решив стать врачом, поступает на медицинский факультет. В это время Чехов — долговязый юноша чуть ли не двух метров ростом, у него круглое лицо, светло-каштановые волосы, карие глаза и полные, твердо очерченные губы. Неприятным сюрпризом для Антона явилось то, что он, оказывается, говорил на «суржике» [южнорусский диалект с сильным влиянием мягкого украинского языка]:

«стуло», «ложить», «пхнуть», «Таханрох»; а в прошении о зачислении в университет слово «медицинский» написал через «ы» — «медиЦЫнский». [Англичанам сразу следует запомнить, что слова «ложить» в русском языке не существует. Только «класть».]

Семья Чеховых жила в полуподвальном помещении в трущобном квартале, где располагались московские публичные дома [что-то вроде нашего лондонского Ист-Энда прошлого века]. Отец нигде не работал — хотел, но не мог устроиться, старшие братья учились, перебивались случайными заработками и любили «покутить» в дешевых московских кабаках. Антону пришлось взвалить на себя обязанности главы семьи. Он привел двух знакомых студентов — они должны были жить и кормиться у его родителей. Студенты давали семье 40 рублей в месяц, еще двадцать платил третий жилец. Весь доход семьи вместе с таганрогской стипендией Антона составлял восемьдесят пять рублей и уходил на прокорм девяти человек и на квартирную плату. Вскоре переехали на другую квартиру, попросторней, но на той же грязной улице. Студенты обитали в одной комнате, жильцу выделили отдельную комнатку поменьше. Третью комнату занимал Антон с младшими братьями Иваном и Михаилом, четвертую — мать с сестрой Марией, а пятая служила столовой, гостиной, а также спальней братьям Александру и Николаю. Павел Егорович наконец-то устроился работать приказчиком на продуктовом складе [в амбаре] за тридцать рублей в месяц, обязан был там ночевать и приходил домой только по воскресеньям и праздникам, так что на какое-то время семья избавилась от этого деспотичного и неумного человека, с которым так трудно было жить.

Антон любил и умел рассказывать смешные истории. Слушатели всегда покатывались со смеху. Он решает попробовать писать небольшие юмористические рассказы, чтобы облегчить тяжелое положение семьи — он слышал, что журналы неплохо платят. Написал свой первый рассказ [«Письмо к ученому соседу»] и отослал в петербургский журнал «Стрекоза». Однажды вечером, возвращаясь из университета, купил очередной номер и увидел, что рассказ напечатали. Гонорар за него причитался в пять копеек за строчку. Строчек было 150, и гонорар составил 7 рублей 45 копеек. Первый успех обнадежил. Чехов стал слать в «Стрекозу» по рассказу чуть ли не каждую неделю, некоторые принимались, но другие возвращались с оскорбительными комментариями,

например: «Не начав писать, уже исписались». Литературные нравы в те времена были не лучше современных. Чехов не очень-то обижался, а отвергнутые рассказы пристраивал в московские газеты, хотя там платили еще меньше, кассы редакций пустовали, и авторы должны были дожидаться в коридоре, пока мальчишки-газетчики принесут с улицы копейную выручку.

Первым, кто хоть как-то помог Чехову войти в литературу, был петербургский издатель с легкомысленной фамилией Лейкин. Николай Лейкин и сам писал юморески, за свою долгую жизнь сочинил их тысячи, но ни одна не осталась в литературе. Через много лет в конце жизни Лейкин, накачиваясь водкой в литературных салонах, бил себя кулаком в грудь и гордо кричал:

— Это Я сделал Чехова!

Над ним посмеивались, но понимали, что в чем-то старик прав. Ранние рассказы Чехова мало чем отличались от юморесок его литературных собратьев, но в них чувствовался «свежак», как говорил Лейкин. Он подрядил Чехова поставлять в свой журнал «Осколки» еженедельно по рассказу в сто строк, положив ему солидный гонорар по восьми копеек за строчку, и строго следил, чтобы не было ни одной лишней строки. Получилась жесткая, но полезная школа для молодого писателя, потому что волей-неволей приходилось вкладывать необходимое содержание в небольшой объем, т. е. писать кратко.

— Краткость — сестра таланта, — правильно говорил Лейкин молодому автору, хотя эта фраза по традиции приписывается Чехову.

«Осколки» были юмористическим журналом; когда Чехов присылал что-то мало-мальски серьезное, Лейкин сетовал, что автор не оправдывает ожидания публики, но все-таки публиковал и это. На чеховские рассказы обратили внимание, он уже приобрел некоторую известность, однако навязанные рамки размеров и жанра начали его тяготить, и тогда Лейкин, человек, по-видимому, добрый и разумный, устроил Чехову договор с «Петербургской газетой» — туда он должен был каждую неделю писать рассказы более длинные и серьезные за те же восемь копеек строка. С 1880 по 1885 год Чехов написал триста рассказов!

Они писались для заработка. Такая работа в искусстве презрительно именуется халтурой. Но это слово надлежит

выкинуть из лексикона литераторов. (Кстати, в русском языке слово «халтура» имеет два значения: а) «плохая работа» и б) «побочная работа»; к Чехову, конечно, это слово если и применимо, то только во втором смысле.) По себе знаю [Моэм], что начинающий автор, открывший в себе страсть к писательству (а откуда она берется — загадка столь же неразрешимая, как и загадка пола), если о чем и мечтает, то о славе, но уж во всяком случае не о богатстве (хотя слава и деньги часто гуляют рядом), и он прав, потому что первые шаги обычно автору доходов не приносят. Но, становясь профессиональным писателем, то есть таким, кто писательством зарабатывает на жизнь, он не может не заботиться о деньгах, которые получает за свое искусство. Эти его заботы читателя совершенно не касаются.

Чехов писал свои бесчисленные рассказы и одновременно учился на медицинском факультете. Писать он мог только по вечерам, после целого дня учебы и работы в больнице. Условия для литературных трудов были малоподходящие. От жильцов, правда, избавились. Семья переехала в квартиру получше, но, как писал Чехов Лейкину:

«Я зарабатываю неплохо, а нет ни денег, ни порядочных харчей, ни угла, где бы я мог работать. Денег — ни гроша. С замиранием сердца жду первого числа, когда получу из Питера рублей шестьдесят. В соседней комнате кричит детеныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери «Запечатленного ангела», кто-то завел музыкальную шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную». Постель моя занята приехавшим сродственником, который то и дело подходит ко мне и заводит разговоры то о медицине, то о литературе. А как же, в медицине и в литературе все разбираются! Ревет детеныш! Даю себе слово никогда не иметь детей. Французы имеют мало детей, вероятно, потому, что они рассказы пишут. Новорожденных же надо воспитывать так: обмыть, накормить и выпороть, приговаривая: «Не пиши, не пиши, не пиши!»

В 1884 году у Чехова открылось кровохарканье. В семье был туберкулез, как видно, наследственный, и Чехов не мог, конечно, не знать этих симптомов, но из страха, что опасения оправдаются, не соглашался показываться специалисту; такая мнительность для будущего врача непростительна. Чтобы успокоить мать, он заявил, что кровотечение вызвано

лопнувшим сосудом в горле и никак не связано с чахоткой. В конце того же года он сдал экзамены и стал дипломированным врачом. Несколько месяцев спустя он наскреб немного денег и отправился в первый раз в Петербург, куда его давно и настоятельно приглашал владелец «Петербургской газеты» богатый издатель Суворин, но Чехов в шутку отговаривался, что у него нет новых брюк. В каждой шутке есть доля правды, а в этой ее было все сто процентов — Антон всегда donaшивал брюки старших братьев.

До сих пор Чехов не придавал особого значения своим рассказам — он писал их для денег и, по его же собственным словам, больше одного дня на сочинение рассказа никогда не тратил, — однажды он на спор «на бутылку», сидя на подоконнике, потому что негде было сидеть, написал за полчаса рассказ о пепельнице. Но, приехав в Петербург, Чехов, к удивлению своему, обнаружил, что он — знаменитость. Казалось, его рассказы были так несерьезны, однако тонкие ценители в Петербурге, бывшем тогда столицей и центром культурной жизни России, разглядели в них свежесть, живость, оригинальность. Чехову был оказан радушный прием. Он увидел, что к нему относятся как к одному из талантливейших писателей современности. Издатели журналов наперебой приглашали его сотрудничать и предлагали гонорары гораздо выше тех, что он получал до сих пор. Современники описывают следующий случай в редакции Суворина:

«Познакомив Чехова с сотрудниками своего издательства, Суворин строго сказал им:

— То, что пришлет нам этот молодой человек, немедленно ставить в номер, не редактируя!

— И не читая, — добавил Чехов и, выйдя из суворинской бухгалтерии, отправился в хороший магазин и впервые купил себе новые брюки».

Один старый и уважаемый русский писатель [Дмитрий Григорович] написал Чехову восторженное письмо, призвал уважать собственный талант, оставить легкомысленные рассказы, какие он писал до сих пор, и взяться за сочинение серьезных произведений. Тот же писатель попросил тогдашних острых на язык журналистов «не обижать Чехова», на что услышал в ответ:

— Да кто же Чехова обижает, дура?

[В русском языке женское «дура» по отношению к мужчине звучит не оскорбительно, а ласково-покровительно.]

На Чехова все это произвело сильное впечатление, однако становиться профессиональным писателем он не решался. Он говорил, что медицина — его законная жена, а литература — всего лишь любовница. Чехов лукавил, все-таки он был двоеженцем. Фраза «Лучший врач среди писателей, лучший писатель среди врачей» — это о нем. В Москву он вернулся с намерением зарабатывать на жизнь врачебной деятельностью, но о том, чтобы обзавестись выгодной практикой, особенно не заботился. Многочисленные знакомые Чехова присылали ему своих знакомых-пациентов, но Чехову «неудобно» было брать с них деньги, и эти пациенты редко платили за визиты. Так он и жил — веселый и обаятельный молодой человек с заразительным смехом. Он всегда был дорогим гостем в богемном кругу своих приятелей. Он много пил — точнее, любил выпить, а еще точнее, — умел пить — но, кроме как на свадьбах, именинах и по праздникам, никогда не употреблял лишнего. Женщины к нему льнули, у него было несколько романов, впрочем, несерьезных. Чехов не хотел жениться, боялся изменить сложившуюся жизнь [однажды, говорят, удрал чуть ли не из-под венца, совсем как литературный персонаж Гоголя], и на этом основании недоброжелатели распускали слухи о какой-то будто бы его неполноценности. Чтобы покончить с деликатной темой чеховских «любовей», откроем известные всей тогдашней Москве тайны: в разное время у него гостили певица Эберле, художница Дроздова, писательница Авилова, артистка Щепкина, бывшая невеста Эфрос, и, конечно, Лидия Мизинова, — к судьбе этой женщины мы еще вернемся. [Известны и другие чеховские подруги, некоторые из этих дам были замужем.]

Свидетельства современников о внешности Чехова удивляют, воспринимаются как не вполне достоверные. Все кажется, что Чехов — это невысокий хрупкий человек, со слабой грудью, с негромким, хрипловатым от тяжелой легочной болезни голосом. Но вот художник Коровин вспоминал:

«Он был красавец. Вся его высокая фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное к нему доверие. У него был низкий бас с густым металлом; дикция настоящая русская, с оттенком чисто великорусского наречия; интонации гибкие, даже переливающиеся в какой-то легкий

распев, однако без малейшей сентиментальности и, уж конечно, без тени искусственности».

«Таханрох» и «ложить пинжак на стуло» остались в далеком прошлом.

Один чеховский биограф очень верно заметил, что люди, жившие рядом с Чеховым, словно бы не в силах были увидеть его во весь рост. Когда вчитываешься в мемуары, возникает впечатление, «что Чеховых было много», каждый писал о каком-то своем Антоне Павловиче Чехове. Даже внешне Чехова воспринимали по-разному: «мнительность, тихий голос» и «бас с густым металлом» как-то не вяжутся. Для одних он был стеснительным, болезненным интеллигентом в пенсне и в шляпе, для других — веселым «своим парнем», для третьих, завистников, — подзаборным пьяницей, литературным халтурщиком, «певцом сумерек». У меня [Мозма] тоже, наверно, получается какой-то свой Чехов — такой, которого я здесь описываю. Это очень важное наблюдение: **ЧЕХОВЫХ БЫЛО МНОГО**. Я еще вернусь к этой теме.

Шло время, Чехов неоднократно ездил в Петербург, путешествовал по России. Каждую весну, бросая немногочисленных пациентов, он вывозил все свое семейство за город и жил там до глубокой осени. Как только в окрестностях становилось известно, что Чехов — врач, его начинали осаждать больные, и, разумеется, при этом ничего не платили.

Для заработка он продолжал писать рассказы. Они пользовались все большим успехом и оплачивались все лучше и лучше. Бывало, что в одном номере «Осколков» выходило сразу несколько чеховских рассказов, зарисовок, сценок, фельетонов, заметок, репортажей, и, чтобы не создавалось впечатления, что журнал держится на одном авторе [а так оно и было], приходилось брать псевдонимы. Не откажем себе в удовольствии привести здесь далеко не полный список чеховских подписей: Антоша, Анче, Че, Чехонте, Макар Балдастов, Брат моего брата, Врач без пациентов, Вспыльчивый человек, Гайка N 5, Гайка N 6, Грач, Дон Антонио, Дяденька, Кисляев, Ковров, Крапива, Лаэрт, Нте, Прозаический поэт, Пурселепетанов, Рувер, Рувер и Ревур, Улисс, Человек без селезенки, Хонте, Шампанский, Юный старец, ...въ, Зет, Архип Индейкин, Василий Спиридонов Сволачев, Известный, Захарьева, Петухов, Смирнова и так далее.

Однако жить по средствам у Чехова не получалось. В одном из писем Лейкину он писал:

«Вы спрашиваете, куда я деньги деваю... Не кучу, не франчу, долгов нет, я не трачусь даже на содержание любовницы (любовь мне достается даром), и при всем при том у меня из трехсот рублей, полученных от Вас и от Суворина перед Пасхой, осталось только сорок, из коих ровно сорок я должен отдать завтра. Черт знает, куда они деваются!»

Чехов опять переезжает на новую квартиру, теперь у него есть наконец-то отдельная комната, но чтобы платить за все, он вынужден вымаливать у Лейкина авансы.

В 1886 году у него опять кровохарканье. Он понимает, что надо ехать в Крым, куда в те годы ездили ради теплого климата русские туберкулезные больные, как в Западной Европе ездили на французскую Ривьеру и в Португалию, и мерли и там, и там, как мухи. Но у Чехова нет ни рубля на поездку. В 1889 году умер от туберкулеза его брат Николай, очень талантливый художник. Для Чехова это — горе и предостережение, но вместо того, чтобы подумать о своем здоровье, уехать в Крым, подлечиться, он, получив Пушкинскую премию, высшую литературную награду России, отправляется через всю Сибирь на край земли, на каторжный остров Сахалин, бывший тогда [впрочем, как и сейчас] для России чем-то вроде нашей Австралии 17-го века. На вопрос друзей «зачем?!» Чехов отшучивался: «Хочется вычеркнуть из жизни год или полтора». К этому решению, безусловно, привела сложная взаимосвязь разных причин — смерть брата, несчастливая любовь к Лиде Мизиновой («здоровье я прозевал так же, как и вас») и, конечно, нормальная писательская неудовлетворенность собой. Но никто его так и не понял. Суворин: «Нелепая затея. Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен». Буренин написал по этому поводу глуповатую несмешную эпиграмму:

Талантливый писатель Чехов,
На остров Сахалин уехав,
Бродя меж скал,
Там вдохновения искал.
Простая басни сей мораль —
Для вдохновения не нужно ездить в даль.

Путешествие через Сибирь на Сахалин, пребывание на острове и возвращение через Индийский океан в Одессу

заняло 8 месяцев. Результатом поездки явилась социологическая книга «Остров Сахалин», но ничего художественного на сахалинском материале Чехов не написал. [Мозэм не обратил внимания на рассказ «Гусев», а современники не могли знать, что «Островом Сахалином» началась в русской литературе «островная тема», завершившаяся «Архипелагом ГУЛАГом» и развалом Советского Союза.]

К 1892 году его собственное здоровье оказалось в таком плохом состоянии, что провести еще одну зиму в Москве было самоубийственно. На одолженные деньги Чехов покупает небольшое имение в деревне Мелихово под Москвой и переезжает туда, как обычно, всем семейством — папаша с его невыносимым характером, мамаша, сестра Мария и брат Михаил. У него подолгу живет спившийся брат Александр с семьей. В деревню Чехов привез целую телегу лекарств, и его опять начинают осаждать толпы больных. Он лечит всех, как может, и не берет ни копейки в уплату. Крестьяне считают его непрактичным человеком и то и дело пытаются «обдурить» [обмануть] — подменяют кобылу на мерина той же масти, авось не заметит, темнят при определении «межи» [земельных границ], но все постепенно улаживается.

2

Свои ранние рассказы Чехов писал очень легко, писал, по его собственным словам, как птица поет. И, кажется, не придавал им особого значения. Только после первой поездки в Петербург, когда оказалось, что в нем видят многообещающего талантливого автора, он стал относиться к себе серьезнее. И тогда он занялся совершенствованием своего ремесла. Кто-то из близких застал его однажды за переписыванием рассказа Льва Толстого и спросил, что это он делает. Чехов ответил: «Правлю». Собеседник был поражен таким свободным обращением с текстом великого писателя, но Чехов объяснил, что он просто упражняется. У него возникла мысль (и, по Мозэму, вполне дельная), что таким способом он проникнет в тайны письма почитаемых им писателей и выработает свою собственную манеру. Кстати, Толстой часто встречался с Чеховым, очень ценил его и даже написал к рассказу «Душечка» похвальное предисловие объемом едва ли не большим самого чеховского шедевра. Знакомство с Толстым являлось большой честью, великого старца боя-

лись и почитали, но Чехову не пришлось искать встречи с ним, автор «Войны и мира», однажды зимним вечером прогуливаясь по Москве в валенках и в зипуне [простая крестьянская одежда] и разузнав, что в этом доме живут Чеховы, сам постучался к нему. У Чехова происходила очередная артистическая вечеринка, пьянка-гулянка, дым столбом. Двери случайно открыл сам хозяин, в подпитии, и онемел при виде знакомой по фотографиям бороды и густых бровей.

— Вы — Антон Чехов? — спросил Толстой.

Чехов не мог произнести ни слова. Сверху доносились веселые женские визги и песни.

— Ах, так у вас там девочки?! — потирая руки, воскликнул граф и, отодвинув хозяина, взбежал, как молодой, на второй этаж. Вечеринка была свернута, все занялись Толстым, а Чехов очень краснел и стеснялся.

«Хороший, милый человек, — говорил Толстой. — Когда я матерюсь, он краснеет, словно барышня».

Чехова называли подражателем Толстого. Лев Николаевич сам с удовольствием отвечал на эти обвинения:

«Вот в чем фокус: Чехов начинает свой рассказ, будто цепляет свой вагон к моему паровозу, идущему из Петербурга в Москву, едет зайцем до первой станцЫи и, когда возмущенный кондуктор уже собирается его оштрафовать, Чехов пожимает плечами, предъявляет билет, и изумленный кондуктор видит, что он, кондуктор, вошел не в тот поезд, что поезд идет не в Москву, а в Таганрог, и тянет его паровоз не толстовский, а чеховский. «Хоть ты и Иванов 7-й, а дурак».

Труд Чехова не остался бесплодным, он научился мастерски строить рассказы. Небольшая трагическая повесть «Мужики», например, сделана так же элегантно, как флюберовская «Госпожа Бовари». Чехов стремился писать просто, ясно и емко, и, говорят, стиль, которым он писал, прекрасен. Мы, читающие его в переводе, вынуждены принимать это на веру, потому что даже при самом точном переводе из текста уходит живой аромат, авторское чувство и гармония слов.

Чехова очень занимала технология короткого рассказа, ему принадлежат несколько весьма ценных замечаний по этому поводу. Он считал, что в рассказе не должно быть ничего лишнего.

«Все, что не имеет прямого отношения к теме, следует беспощадно выбрасывать,— писал он.— Если в первой главе у Вас на стене висит ружье, в последней оно непременно должно выстрелить.»

Это замечание кажется вполне справедливым, как и требование, чтобы описания природы и персонажей были краткими и по существу. Сам он владел искусством с помощью двух-трех слов дать читателю представление, скажем, о летней ночи, когда надрываются в кустах соловьи, или о холодном мерцании бескрайней степи, укутанной зимними снегами.

Это был бесценный дар. Его возражения против антропоморфизма меня [Мозма] убеждают меньше.

«Море смеялось,— читаем мы в одном из писем Чехова [о рассказе его молодого друга Алексея Пешкова-Горького].— Вы, конечно, в восторге. А ведь это — дешевка, лубок... Море не смеется, не плачет, оно шумит, плещется, сверкает... Посмотрите у Толстого: солнце всходит, солнце заходит, птички поют... Никто не рыдает и не смеется. А ведь это и есть самое главное — простота.»

Так-то оно так, но ведь мы со дня творения персонифицируем природу, и для нас это настолько естественно, что нужно делать неестественные усилия, чтобы этого избежать. Чехов и сам иногда пользовался такими выражениями, например, в повести «Дуэль» читаем: «...выглянула одна звезда и робко заморгала своим одним глазом». По-моему [по Мозму] в этом нет ничего предосудительного, наоборот, мне нравится. Своему брату Александру, тоже писателю, но слабому, Чехов говорил, что ни в коем случае не следует описывать чувства, которые сам не испытывал. Это уж слишком. Едва ли нужно самому совершить убийство для того, чтобы убедительно описать чувства убийцы. В конце концов, существует такая удобная вещь, как воображение, хороший писатель умеет «влезть в шкуру» своего персонажа и пережить его ощущения. Но самое решительное требование Чехова к авторам рассказов состоит в том, чтобы отбрасывать начала и концы. Он и сам так поступал, и близкие даже говорили, что у него надо отнимать рукопись прежде, чем он возьмется ее обкарнивать,— иначе только и останется, что герои были молоды, полюбили друг друга, женились и были несчастливы. Когда Чехову это передали, он пожал плечами и ответил:

— Но ведь так оно и бывает в действительности.

Чехов считал для себя образцом рассказы Мопассана. Если бы не то, что он сам так говорил, я [Моэм] никогда бы этому не поверил, на мой взгляд, и цели, и методы у Чехова и Мопассана совершенно различны. Мопассан стремился драматизировать повествование и ради этой цели готов был пожертвовать правдоподобием. [Моэм разбирает некоторые рассказы Мопассана и находит у них мало общего с чеховскими.] У меня создалось впечатление, что Чехов нарочито избегал всякого драматизма. Он описывал обыкновенных людей, ведущих заурядное существование.

«Люди не ездят на Северный полюс и не падают там с айсбергов,— писал он в одном из писем.— Они ездят на службу, бранятся с женами и едят щи [русское национальное блюдо из кислой капусты]».

На это с полным основанием можно возразить, что люди на Северный полюс все-таки ездят, и если не падают с айсбергов, то подвергаются многим не менее страшным опасностям, и нет никаких причин, почему бы не писать об этом хорошие рассказы. Что люди ездят на службу и едят щи,— этого явно недостаточно для искусства, и Чехов, как кажется Моэму, вовсе не то имел в виду. Для рассказа надо, чтобы они на службе прикармливали мелочь из кассы или брали взятки, чтобы били или обманывали жен и чтобы ели щи со смыслом — то есть, чтобы это был символ семейного счастья или же, наоборот, тоски по загубленной жизни.

Многие чеховские фразы сразу сделались знаменитыми, а потом вошли в обиход русского языка, и многие уже не знают, кто первым их произнес:

«Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» — полная профанация доказательности.

«Волга впадает в Каспийское море» — глубокомысленное изречение общеизвестных истин.

«На деревню дедушке» — письмо без адреса.

«Лошадиная фамилия» — неожиданное отпадение памяти, невозможность вспомнить обычное слово.

«В Москву, в Москву, в Москву!» — крайнее нетерпение.

«Мы еще увидим небо в алмазах» — иронически-недоверчивое отношение к будущему.

«Человек в футляре» — нудный, боязливый, закомплексованный человек.

«Дама с собачкой» — одинокая интеллигентная женщина.

«Унтер Пришибес» — тупой фараон.

«В Греции все есть» — смысл этого выражения понятен только русским.

«По капле выдавливать из себя раба» и любимая фраза большевистских унтер-пришибеевых: «В человеке все должно быть прекрасно!» — тоже чеховские. Самые обыкновенные слова «хамелеон», «злоумышленник», «попрыгунья», «хирургия», «налим», «чайка», «крыжовник», пройдя через чеховские рассказы, приобрели в русском языке как бы дополнительный, «чеховский» смысл. Таких слов очень много.

Врачебная практика, пусть и урывочная, сводила Чехова с людьми самых разных мастей — с крестьянами и фабричными рабочими, с владельцами фабрик и купцами, и со всякими крупными и мелкими чиновниками, игравшими в жизни народа столь разорительную роль, и с помещиками, дошедшими после отмены крепостного права до полной деградации. С аристократами и революционерами он, насколько можно судить, в те времена не знался, Моэм помнит только один рассказ под заглавием «Княгиня», в котором Чехов говорит об аристократии, и небольшую повесть «Рассказ неизвестного человека», где речь идет о народовольце, которому до чертиков «обрыдло» [надоело] заниматься террором. Он с беспощадной откровенностью описывал пассивность и никчемность помещиков, мерзость запустения в их хозяйствах; рисовал горькую судьбу фабричных рабочих, живущих впроголодь и работающих по двенадцать часов в сутки, для того чтобы хозяева могли покупать себе новые имения; изображал вульгарность и корыстолюбие купеческого сословия, грязь, пьянство, скотство, темноту и лень обиравших, вечно голодных крестьян и их зловонные, зараженные паразитами жилища.

Чехов умел придать тому, что описывал, удивительную живость. Ему веришь безоговорочно, как правдивому свидетелю событий. Но Чехов, конечно, не просто излагал события, он наблюдал, отбирал, домысливал, комбинировал. Кто-то из литературных критиков того времени [Розанов] удачно сказал о методе Чехова: «Неслучайный подбор случайностей». В своей удивительной объективности стоя выше частных горестей и радостей, он все знал и видел. Он мог быть добрым и щедрым не любя, ласковым и участливым

без привязанности, благодетелем, не рассчитывая на благодарность.

Старый писатель не был «дурой», он знал о чем говорил, такая бесстрастность возмущала многих современных ему авторов, вызывала резкие нападки, а некоторые попросту завидовали его славе — «никогда большим писателем не был и не будет» [Михайловский], «средний писатель, временщик» [Скабичевский], «возвеличивание Чехова до Пушкина и Гоголя — низкий обман публики» [Ежов]. Но больше всего Чехов переживал отношение к себе друзей и знакомых. Он вырос в «обыкновенной» среде, был своим, обыкновенным человеком, как все. Когда близкие наконец-то начали догадываться, «кто он такой», многие не поверили, отвернулись от него. Некоторые узнавали себя в чеховских персонажах и обижались. Конечно, Чехов брал своих героев из жизни — где же их еще брать? — но это узнавание было слишком буквальным. Его друг, прекрасный художник Левитан узнал себя в неудачливом художнике в одном из рассказов и чуть не вызвал Чехова на дуэль. Его хорошо воспринимали как домашнего врача, интересного собеседника, публикатора смешных рассказов — это было понятно, это нравилось. Юморист, беллетрист — да. Писатель? Великий русский писатель? Кто, Чехов?! Гордость русской литературы?! Не смешите! Обыкшему казалось, что человек, живущий по соседству, покупающий хлеб в той же булочной, участвующий в совместных кутежах — никак не может быть писателем. Писатели — это Пушкин, Гоголь, Толстой или, на худой конец, Боборыкин с его нескончаемыми романами, или даже Лейкин, живущий где-то далеко... пусть даже в Москве или в Петербурге. Кто видел Пушкина или Гоголя? Кто знаком с Боборыкиным или с Лейкиным? Никто. Писатель невидим, писатель недоступен, а Антошка Чехов — какой же он писатель?

«Таханрох» постоянно напоминал о себе. Чехов все прекрасно понимал и тяжело переносил глупые знаки внимания посторонних, зависть знакомых, охлаждение друзей. Иногда даже становился похожим на своего знаменитого Ионыча. Его изводили непрошенные визитеры.

«Мне мешают! — сердился он. — Только сяду за письменный стол — лезут всякие рыла!»

У кого-то на именинах первый тост подняли «за присутствующего среди нас классика русской литературы! Я не знал куда деться от стыда». В ресторане «Славянский базар»

какой-то купец узнал Чехова, поперхнулся водкой и обрызгал свою даму. «Расстегай не дадут съест спокойно!» Беллетрист Ежов: «Чехову платят по 40 копеек за строку! За что?!»

Чехова обвиняли в равнодушии к событиям и общественным интересам того времени. Один из тогдашних, а ныне забытых, литературных критиков [Скабичевский] сказал, что «от своей беспринципности господин Чехов умрет пьяным под забором». Чехов, кажется, обиделся, а фраза стала литературной, исторической. Русская интеллигенция требовала от писателей, чтобы они вплотную занимались социальными вопросами. Чехов же в ответ говорил: дело писателя — показывать факты, а читатели пусть сами оценивают и решают, как тут быть. Он считал, что от художника нельзя требовать рецептов разрешения социальных вопросов. Для этого есть специалисты, писал он, вот пусть они и судят общество, предсказывают судьбы капитализма, дают рецепты от пьянства. Пусть каждый занимается своим делом. Это кажется справедливым. **ЛИТЕРАТУРА ЕСТЬ ОПИСЫВАНИЕ ЛЮДЕЙ, А НЕ ИДЕЙ** — эта фраза приписывается Чехову, хотя и не подтверждена документально. При всем том, что Чехов старается быть предельно объективным и описывать жизнь как можно правдивее, невозможно, читая его рассказы, не чувствовать, что жестокость и бескультурие, о которых он пишет, коррупция, нищета бедных и равнодушие богатых неизбежно приведут в конце концов к кровавой революции.

С перерывами, уезжая и возвращаясь, Чехов прожил в Мелихове пять лет, и в целом это были счастливые годы. Он написал там лучшие свои рассказы, за которые ему уже платили по очень высокой ставке — 40 копеек за строчку, то есть почти шиллинг. Он принимал участие в местных делах, хлопотал о строительстве новой дороги, на свои деньги построил для крестьянских детей три школы. У него подолгу жил брат Александр, запойный пьяница, вместе с женой и детьми, приезжали знакомые, гостили, случалось, по несколько дней; Чехов, правда, жаловался, что они мешают работать, но на самом деле уже не мог без всего этого жить.

— Русские писатели любят, чтобы им мешали писать, — шутил он.

Несмотря на постоянное плохое самочувствие, он был всегда бодр, дружелюбен, любил проказы и шутки. Иногда он уезжал «проветриться» в Москву или Петербург, где не об-

ходило без возлияний. Во время одной из таких увеселительных поездок, в 1897 году, у Чехова открылось сильнейшее горловое кровотечение, и его пришлось поместить в клинику. Несколько дней он висел между жизнью и смертью. До сих пор он отказывался верить, что болен туберкулезом, но теперь врачи сообщили ему, что у него поражены верхушки обоих легких и, если он не хочет умереть в самом ближайшем будущем, надо изменить образ жизни. Чехов вернулся в Мелихово, хотя и понимал, что оставаться там на зиму нельзя. Приходилось отказаться от врачебной деятельности. Он уехал в Европу — в Биарриц, потом в Ниццу, а оттуда перебрался в Ялту, в Крым. Доктора рекомендовали поселиться там постоянно (с врачами ему не повезло, этот совет был крайне рискован, зимы в Ялте оказались хуже, чем в Москве), и на аванс, полученный от своего друга и издателя Суворина, Чехов строит себе в Крыму дачу. Он по-прежнему находится в самых стесненных финансовых обстоятельствах.

Невозможность заниматься лечебной практикой явилась для Чехова большим ударом. Что он был за врач, я не знаю [Моэм сам был врачом]. После окончания университетского курса Чехов проработал в клинике не более трех месяцев, и методы лечения применял не особенно тонкие. Однако, как человек со здравым смыслом и даром сочувствия, он, предоставляя свободу природе больного, полагает Моэм, приносил не меньше пользы, чем иные высокообразованные медики. Он консультировал Толстого, хотя тот недолюбливал врачей; Пешкова-Горького, Левитана. Богатый опыт давал свои плоды. Есть основания думать, что медицинская школа вообще идет писателям на пользу. Приобретается бесценное знание человеческой природы. Медик знает о человеке все самое худшее и самое лучшее. Когда человек болен и испуган, он сбрасывает маску, которую привык носить здоровый. И врач видит людей такими, как они есть на самом деле — эгоистичными, жестокими, жадными, малодушными; но в то же время — храбрыми, самоотверженными, добрыми и благородными. И, преклоняясь перед их достоинствами, он прощает им недостатки.

В Ялте Чехов скучал, однако здоровье его поначалу пошло на поправку. У меня [Моэма] не было до сих пор случая упомянуть, что помимо огромного количества рассказов Чехов написал к этому времени две или три пьесы, правда, не имевшие

особенного успеха. Льву Толстому они не понравились, и при встрече с Чеховым он жарко зашептал ему на ухо:

— Вам одному скажу, не обижайтесь: вы пишете пьесы даже хуже, чем Шекспир.

Я бы затруднился придумать лучшую похвалу.

На репетициях этих пьес Чехов познакомился с красивой молодой актрисой, которую звали Ольга Леонардовна Книппер. Он полюбил ее и в 1901 году, к неудовольствию женской половины своего семейства, которое он все это время содержал, женился. [Моэм несправедлив — Мария Чехова не была содержанкой, она добровольно посвятила свою жизнь брату, не вышла замуж за полюбившего ее Левитана, вела хозяйство, исполняла обязанности секретаря. Отношения с Ольгой у нее поначалу не сложились.] Ольга была творческой натурой, уследили, что она по-прежнему будет играть в театре, и супруги бывали вместе, только когда Чехов приезжал в Москву, чтобы повидаться с ней, или же когда она бывала свободна от спектаклей и ненадолго ездила к нему в Ялту. Нормальную семейную жизнь наладить не удавалось. Даже в редкие периоды пребывания Чехова в Москве Ольга не могла уделить ему достаточно времени.

Бунин вспоминал:

«Часа в четыре, а иногда и совсем под утро возвращалась Ольга Леонардовна, пахнувшая вином и духами:

— Что же ты не спишь, дуся?.. Тебе вредно. А вы тут еще, Букишончик? Ну конечно, он с вами не скучал.

Я быстро вставал и прощался».

Сохранились письма Чехова к ней, нежные и трогательные.

«Здравствуйте, последняя страница моей жизни!»

Улучшение здоровья Чехова продолжалось недолго, вскоре ему стало совсем плохо. Он сильно кашлял, не мог спать. К тому же, к его большому огорчению, у Ольги случился выкидыш. Настроение было паршивое. Ольга давно склоняла Чехова написать легкую комедию, этого, по ее мнению, требовала публика, и он в конце концов, главным образом, видимо, чтобы выполнить просьбу жены, приступил к работе над новой пьесой. Придумал название: «Вишневый сад» и обещал Ольге, что напишет для нее выигрышную роль.

«Пишу только по четыре строки в день,— жаловался он,— но и от этого страдаю невыносимо».

Пьесу он все же окончил, и она была поставлена в Москве в начале 1904 года. А в июне Чехов по совету лечащего врача отправляется в Германию на курорт Баденвейлер. Один молодой русский литератор так описывал свою встречу с Чеховым накануне его отъезда:

«На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ, изнурен и неузнаваем Чехов. Никогда не поверил бы, что можно так измениться.

А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит:

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

Он сказал другое, не это слово, более жесткое, чем «умирать», которое не хотелось бы сейчас повторять.

— Умирать еду, — действительно говорил он. — Поклонитесь от меня товарищам вашим... Скажите им, что я их помню и некоторых очень люблю... Пожелайте им от меня счастья и успехов. Больше мы уже не встретимся».

Чехову было уже сорок четыре года. В Баденвейлере ему сделалось хуже. Вечером 1 июля, укладываясь в постель, он настоял на том, чтобы Ольга, весь день просидевшая с ним, пошла прогуляться в парк. Когда она вернулась, Чехов попросил ее спуститься в ресторан поужинать. Но она объяснила ему, что гонг еще не прозвонил. И тогда, чтобы скоротать время ожидания, он стал рассказывать жене смешную историю, описывая необычайно модный курорт, где много толстых банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть англичан и американцев. В один прекрасный вечер в городок прибывает вагон с устрицами, и все они собираются в ресторане, предвкушая утонченный ужин, — а повар, оказывается, сбежал в этом самом вагоне, и никакого ужина не будет. Чехов описывал, какой удар, какое разочарование в жизни испытывали эти избалованные люди. Один из них ушел к себе и застрелился. Рассказ получился очень смешной, и Ольга от души смеялась. После ужина она опять поднялась к нему — он спокойно спал.

Но потом ему вдруг стало совсем плохо. Был вызван врач-немец, он делал что мог, безрезультатно, Чехов умирал. Он

бредил, вспоминал о каком-то японском матросе, которого видел на Сахалине. Говорил с ним о железнодорожном вагоне с замороженными устрицами. Чехов не хотел, чтобы его тело перевозили в Москву в вагоне с устрицами, но матрос настаивал. Потом он очнулся и сказал этому матросу:

— Я умираю.

Но японский матрос оказался немцем. Врач-немец ничего не понял, хотя что уж тут понимать; пришлось перевести:

— Ich sterbe.

Потом Чехов попросил бокал шампанского, чтобы забыться, облегчить страдания. Шампанского не нашлось, немец, ни на что уже не надеясь, разрешил выпить водки, такой опасной для туберкулезников, — попросту, разрешил выпить отравы. Водки тоже не было, но у хозяина отеля нашлось немного чистого медицинского спирта. Ольга заплакала и налила мужу полную рюмку. Спирт неожиданно хорошо подействовал, пульс восстановился, японский матрос исчез, Чехов уснул. Случилось чудо, в ночь с 1 на 2 июля 1904 года произошел переломный момент в смертельной болезни. Утром дела пошли на поправку, врач-немец удивленно развел руками — этих русских не поймешь, а Чехов, очнувшись, слабо пошутил:

— Что для русского здорово, для немца — смерть.

Что же случилось в эту ночь? Чудесное исцеление или природное, но редчайшее совпадение множества случайных обстоятельств — целебный воздух Баденвейлера, рюмка чистого спирта, бестолковый врач-немец, видение японского матроса? Вот что еще поразительно: в эту же ночь на второе июля четвертого года в Москве умер от туберкулеза друг Чехова, молодой, но уже очень известный русский писатель Алексей Пешков-Горький, «bourevestnik revouluthii» [предвестник революции], как оценивали его современники. У них осталось впечатление, что КТО-ТО в ту ночь стоял перед трудным выбором, размышлял, сомневался — кого оставить, кого забрать, кто здесь нужнее: предвестник революции или земский врач?.. Мистика или совпадение?.. Алексей Пешков так и остался в истории русской литературы молодым романтическим писателем, преждевременно сошедшим в могилу на самом взлете, а Чехов остался жить.

Вообще, чем вызвано столь трепетное отношение интеллигенции к личности Чехова? Безусловно, высочайшим писательским мастерством — но не только. Я внимательно раз-

глядывал его фотографии. В самом деле, «Чеховых было много». Вот сонный студент с одутловатым лицом, вот простой деревенский парень с голубыми глазами, вот хитрый богатырь, похожий на васнецовского Алешу Поповича, а вот замордованный пациентами земский врач. Поражает, что некоторые портреты молодого Чехова удивительно похожи на Иисуса Христа — худощавый молодой человек с высоким лбом, усами и бородкой, длинными волосами. В Чехове мы ощущаем какую-то высшую тайну, о его миссии в истории Человечества ничего не говорилось — наверное, потому, что слово «миссия» к Чехову мало подходит. Верил ли Чехов в Бога, в потусторонний мир? Кажется, нет. Не верил. Веру в Бога ему в детстве отбил религиозный отец. Но иногда сомневался. Иван Бунин вспоминал, что Чехов «много раз старательно, твердо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме — сущий вздор. Но в другом настроении еще тверже говорил противоположное:

«Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт».

Смерть, жизнь, бессмертие... Чехов вроде бы допускал возможность двух противоположных решений.

День второго июля четвертого года навсегда остался в памяти Чехова. Им уже был написан «сюрреалистический» [Чехов посмеивался над литературоведческими терминами] рассказ «Черный монах», в котором главного героя преследует видение какого-то монаха, предвестника смерти. Подобным видением для самого Чехова стал японский матрос, маленький узкоглазый человек в тельняшке и в набедренной повязке, как у борцов «сумо», появлявшийся в дни обострения болезни, мучавший, пугавший его до конца жизни.

3

Кризис миновал. Осенью супруги смогли уехать в Италию, и Чехов почти безвыездно прожил на острове Капри десять лет, пока окончательно не выздоровел. Впрочем, от туберкулеза он никогда не излечился, но болезнь уже протекала в медленной, вялой форме.

— Живем дальше, — вздохнул Чехов.

Он в то время почти не писал ничего художественного — «устал, осточертело!» — [незаконченная пьеса без названия осталась в черновиках, чеховеды между собой называют

ее «Платонов»], но вел дневник и впоследствии написал мемуарную книгу «Остров Капри» (явно переключаясь с «Островом Сахалином») о российских эмигрантах, которые после русской революции 1905 года устремились за рубеж, спасаясь от преследований царских властей. Ольга Леонардовна не могла жить без театра, она опять вернулась в Москву на сцену, но Чехов, кажется, уже не так сильно скучал, потому что на Капри в отсутствие Книппер появилась Лидия Мизинова. Любовник ее бросил, она окончательно разочаровалась в жизни, помышляла о самоубийстве, Чехов ее утешал как мог. Все-таки эту деликатную тему нам не обойти и здесь, кажется, самое время кратко рассказать о его семейных отношениях.

Лидия Мизинова была сокурсницей и ближайшей подругой Маши Чеховой по учительским курсам, Антон познакомился с ней еще в молодости. Возникла любовь. Что между ними было — было или не было — не наше собачье дело, как говорят русские. Лидия, красивая молодая женщина, хотела стать то ли актрисой, то ли учительницей, то ли революционеркой — т. е., она сама не знала, чего хотела. Серьезный роман с Чеховым в молодости не удался, Лидия (Лика) требовала к себе постоянного внимания, но Чехов всегда был поглощен работой. «Здоровье я прозевал так же, как и вас», — сказал Чехов. Она узнала себя в легкомысленной героине рассказа «Попрыгунья» [в этой же героине себя узнали сразу несколько подруг Чехова], обиделась и уехала с новым любовником в Париж. Ольга Леонардовна, наоборот, прекрасно знала, чего хотела, — она проводила время в Москве, на сцене. Она не умела вести хозяйство, не умела готовить. Некоторые советские биографы осуждают Ольгу Книппер за то, что она не сумела создать для Чехова нормального семейного счастья, но, повторяю, давать оценки в таких делах не наше собачье дело. Чехов сидел на Капри один, как когда-то в Ялте, питался отвратительно. Мария Павловна жила в Мелихово, изредка приезжая хозяйничать к брату. Кстати, Мария систематически уничтожала все письма, в которых бросалась хоть малейшая тень на семью. Правильно делала, молодец! В ее короткие наезды на Капри жизнь Чехова менялась к лучшему, он полнел, веселел, опять принимался за надоевшую пьесу. Но Маша уезжала, и на Капри появлялась потрепанная жизнью старая любовь — Лидия Мизинова. Ольга Книппер все знала, ревновала, но не подавала на раз-

вод. Так и жили, не выясняя отношений, три женщины в жизни Чехова: сестра, жена и любовница.

К Чехову в гости постоянно приезжал цвет русской интеллигенции того времени: писатели Александр Куприн, Иван Бунин, Леонид Андреев, Викентий Вересаев; артисты Шаляпин и Комиссаржевская, политические деятели, нелегальные революционеры. Здесь Чехов однажды познакомился с Владимиром Ульяновым (Лениным), другом умершего Пешкова-Горького, и внес свой достойный вклад в ленинскую тему — в «лениниану», как называют этот род литературы в Советском Союзе. Нелестная запись в дневнике о личности Ленина, грядущего кровавого российского диктатора, о его горячности и нетерпимости к чужому мнению, явилась причиной того, что «Остров Капри» до сих пор не издан в Советском Союзе. Приводим эту важную запись полностью:

«Был у меня Шаляпин с очень странным маленьким человечком по фамилии Ульянов (с рекомендацией ко мне еще от живого Горького). Жутковато было читать эту рекомендательную записку, похожую на послание с того света. Покойник нахваливает Ульянова. Этот Ульянов, оказывается, младший брат известного казненного народовольца, продолжает дело брата и создал свою марксистскую партию. Я пошутил, что «я тоже марксист, потому что тоже запродался Марксу» [Чехов в то время издавал свое собрание сочинений у скопидомного издателя Адольфа Маркса]. Он [Ульянов] умеет говорить только о политике, то и дело хочет что-то доказать, перебивает, подпрыгивает, размахивает руками, чуть не дули под нос тычет, переходит на крик... К тому же он очень маленького роста и картавит. К тому же почти лысый, а где не лысый, там рыжий. Голова его так огромна, что перевешивает, раскачивает, тянет вниз все остальное тело — так и кажется, что он сейчас упадет и ударится головой о землю. При разговоре с ним (если это можно назвать разговором) мне приходилось нагибаться и смотреть под ноги на его лысину, а Ульянов задирает голову и становился на цыпочки. Я так и не понял, что он от меня хотел? Им всем [то есть, революционерам] нужны деньги на революцию, и они обхаживают тех прекраснодушных богатеев, вроде Шаляпина или Саввы Морозова, которые склонны поиграть в эти игры. Ульянов от Шаляпина не отходит, Шаляпин ему «деньги дает на партию». Покойный Пешков возил для Ульянова через

границу прокламации в чемодане с двойным дном. Черт-те что! Чем он их так охмурил? Зовет босяков к власти? Всех людей он делит на «классы», как в гимназии, и уверен, что управлять другими должен «рабочий класс». Я сам босяк, у меня денег нет, но я все равно на это дело не дал бы ни гроша. Странно, фабрикант Морозов дает деньги на то, чтобы у него отобрали собственную фабрику, а разбогатевший босяк Шаляпин поет пролетариям «Марсельезы». Экстравагантность? Нет, глупость. Они же его и ограбят. О литературе Ульянов имеет какие-то странные понятия. Льва Толстого называет «зеркалом русской революции». Какое-то зеркало... Что-то отражает... Лужа тоже отражает. Медный чайник тоже отражает... Лев Толстой — чайник? Нет уж, господин Ульянов, на чайник больше похожи вы!»

Чехов и Ленин друг другу не понравились. Это имело свои отдаленные последствия. Мемуарную главу об Ульянове Чехов назвал «Чайник кипит!», а в конце жизни вернулся к этой теме, написал и передал через Илью Эренбурга [который был ликвидирован за это органами НКВД] в Париж известнейшую [на Западе] повесть «Семья Гурьяновых», где в главном герое легко угадывается Ленин. Это была последняя художественная вещь Чехова, повесть о профессиональных революционерах, тема, к которой он в молодости не знал как подступить или просто не имел никакого желания копаться в темных душах фанатиков. «В революцию уходят по-разному», — уклончиво говорил он. Антон Павлович писал повесть очень тяжело, повторяя манеру «Рассказа неизвестного человека»; в ней описывается крушение талантливой интеллигентной семьи, которая, после неожиданной смерти отца, директора провинциальной гимназии, как видно, «человека в футляре», державшего семью в руках, ушла в революцию. Покушение на царя, казнь старшего брата, отчуждение друзей и знакомых, бытовая неустроенность, скитания на чужбине, аресты, тюрьмы, ссылки — вот содержание этой повести. Чехов часто заканчивал свои рассказы «ничем», то есть, в его концовках не происходило никакого завершающего события; в «Семье Гурьяновых» главное событие все-таки произошло, цель жизни маленького человека была достигнута, он совершил босяцкую революцию во имя счастливого будущего всего Человечества — ценой гражданской войны, ценой жизни 15 [пятнадцати] миллионов тех же босяков, крестьян, мещан, рабочих, купцов, буржуа, интеллигентов, аристократов

и, наконец, самой царской семьи; для кого же он ее совершал? Этого маленького человека теперь называют большим, великим, гениальным человеком, а он, полупарализованный двумя инсультами, сидит в кресле-качалке, таращит глаза, пускает слюни и мочится под себя.

Александр Куприн в своих воспоминаниях пишет:

«Думается, Чехов никому не раскрывал своего сердца вполне. Но ко всем относился благодушно, безразлично в смысле дружбы и в то же время с большим, может быть, бессознательным интересом».

И это удивительно глубокое замечание. Оно говорит о Чехове больше, чем все те факты его долгой биографии, которые я [Мозэм] излагаю.

В 1910 году умер Лев Толстой. Как говорится, «The King is dead, long live the King!» [«Король умер, да здравствует король!»] Чехова никто не короновал, не назначал и не выбирал, но этого и не требовалось, он естественным образом, по праву «наследного принца» возглавил русскую литературу. Авторитет Чехова был бесспорен. «Как хорошо, что в русской литературе есть Лев Толстой! — говорил Чехов в молодости. — При нем никакая литературная шваль не смеет поднять голову». Теперь обязанности Льва Толстого перешли на Чехова, и по авторитету и по старшинству в свои пятьдесят лет Чехов был первым. Генетическая наследственная связь Чехова с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, Достоевским, Толстым ни у кого не вызвала сомнений, но Чехова почти не знали на Западе. Дело в том, что в начале века его издательские дела крайне запутались, Чехов потерял права на свои произведения, попал в литературную кабалу.

Мы уже упоминали об Адольфе Марксе. «Ничего себе сочетание имени и фамилии!» — подумает современный читатель. Да, для нас это сочетание кажется странным, с изрядной долей черного юмора, но следует помнить, что в начале века о Марксе знали мало, а имя Адольф еще не было скомпрометированно, было просто именем и не выглядело зловещим. Адольф Маркс, обрусевший немец, был известным российским издателем. Еще в 1901 году он выгодно для себя скупил на корню все произведения Чехова и уселся на них, как собака на сене. Таким образом Чехов неожиданно попал в литературную крепостную зависимость, в марксистскую

кабалу. Маркс волен был распоряжаться всем, что написал и напишет Чехов. Чехову советовали плюнуть и разорвать договор. Но ему было «неудобно», все-таки Маркс заплатил ему неплохие деньги, которые через два года были съедены инфляцией. Начался бойкот интеллигенцией марковского издательства даже без согласия Чехова. Маркс поздно почувствовал опасность и хотя и отпустил раба на волю, но от банкротства это его уже не спасло. Чехова наконец-то толком перевели и прочитали на Западе. Эффект был потрясающим. Бернард Шоу написал «в русском стиле» пьесу «Дом, где разбиваются сердца», Кэтрин Мэнсфилд, почти неизвестная в России, находилась под сильнейшим влиянием Чехова, если бы не Чехов, ее рассказы оказались бы иными; я [Мозэм] откровенно делал свои юношеские рассказы и пьесы «под Чехова». Мозэм говорит, что Чехов открыл для него Россию лучше, чем Достоевский, и описывает, как в молодости с пылом взялся за изучение русского языка, чтобы читать Чехова в оригинале, но его усердия ненадолго хватило.

Отношение друзей и знакомых тоже изменилось, они наконец признали его. Антон жил где-то далеко, на острове Капри — вполне подходящее место для великого русского писателя. Великий писатель не может бегать в соседнюю лавку за чаем, сахаром, колбасой и бутылкой водки.

Мозэм описывает, с каким интересом он читал сборник рассказов под названием «Писатели, современники Чехова» и не мог поначалу сообразить, чем же этот сборник интересен. Наконец понял. Удивительно: нельзя сказать, что рассказы Боборыкина, Лейкина, Щеглова, Потапенко и многих других написаны «хуже» чеховских. Все они были профессиональными писателями, использовали одни и те же слова русского языка. Они писали о той же российской действительности, брали те же сюжеты, описывали тех же персонажей — купцов, телеграфистов, учителей, крестьян, актеров, проституток, студентов, генералов, врачей. Почему же именно Чехов стал «Чеховым»? Мозэм понял: все дело в «чуть-чуть». Чехов заканчивал рассказ там, где другие авторы писали еще одну фразу, еще один абзац, еще одну страницу. Они начинали рассказ с вводной подготовительной фразы, пролога, вступления — Чехов все это вычеркивал. Это «чуть-чуть», говорит Мозэм, и есть та самая решающая мера таланта, не поддающаяся анализу литературной критики.

В 1913 году, за год до войны, Чехов получил Нобелевскую премию по литературе. Он не отказался от премии, как

Лев Толстой, небольшую часть оставил себе, а 80 тысяч долларов решил пустить на строительство начальных школ в подмосковных деревнях. Чехов прекрасно понимал, что «львиную долю этой суммы растащат, разграбят чиновники, но хоть что-то останется!» До этого он уже построил три школы на свои деньги, имел опыт. Его женщины (Мария, Ольга и Лидия) были очень недовольны.

Хотя Чехов имел постоянные и разнообразные связи с Россией, но экзотический Капри осточертел так, что он решил рискнуть здоровьем, вернуться. Вообще, русских трудно понять с их тоской по туберкулезной российской слякоти. В Петербург Антон Павлович приехал летом 1914 года, перед самой войной. Его встречали как национального героя. Хуже — национального идола. Студенты несли его на руках к автомобилю, барышни бросали цветы ему и его женщинам — Ольге, Марии и Лике, не зная, кто из них кто для Чехова.

Вскоре началась война с Германией. Деньги лежали в швейцарском банке, и это спасло их. Теперь было не до школ. Чехов принял абсолютно неожиданное решение: основал «Фонд Чехова» и пустил деньги... на партию! Это было весьма разумно, а неожиданность состояла в том, что Чехов никогда не был практичным человеком [если не считать первый московский год, когда он привел в дом жильцов по двадцать рублей с носа], он был простой тягловой лошадью, а уж просчитать такой хитроумный финансово-политический ход вряд ли смог самостоятельно. Интересно, кто это ему посоветовал? Распорядителем «Фонда Чехова» стал его племянник Михаил Чехов, единственный в семье практичный человек, который в молодости мечтал стать артистом, но после получения дядей Антоном Нобелевской премии пошел по финансовой части, уехал в Париж, потом в Швейцарию и через каких-то десять лет артистически преумножил капитал в десятки раз, сделав дядю мультимиллионером. Большевики пытались добраться до основных капиталов «Фонда» — но «...уюшки!» — ответил им Михаил Чехов.

Итак, Чехов не успел вложить Нобелевскую премию в школы, но ОТДАЛ ЕЕ НА ПАРТИЮ. Остров Сахалин и остров Капри не прошли для него даром. Чтобы спасти всех от обездоленных, надо было помочь самим обездоленным. Поразительно предвидение этого непрактичного человека: он начал скопом скупать крайних ультра-революционеров — в 1915 году в разгар войны он выделил 100 тысяч долларов — большие

деньги по тем временам — на побег за границу группы видных ссыльных-большевиков, среди которых были Свердлов, Розенфельд [Каменев], Джугашвили [Сталин] — с условием прекращения ими политической деятельности. Они подписали это обязательство и вышли из игры, — кто удрал за границу, кто растворился в российских просторах. Вмешательство в политику этого мягкого, деликатного, большого человека ничем не объяснимо. Или он к тому времени уже изменился? Программа помощи ссыльным и каторжанам принесла успех, многие большевики и левые эсеры были куплены на корню, но повлияла ли эта акция на конкретное развитие политических событий? В 1915 году большевики ни на что уже не надеялись, сам Ленин безнадежно говорил, что «до революции мы уже не доживем, ее сделают наши правнуки лет через сто». Следует ли признать прямое воздействие Чехова на историю? Или его вмешательство в политику ограничилось простой заменой, равной нулю — «шило на мыло», ушли одни, пришли другие? Что было бы, если бы? Не в пример поверхностному Аверченко и злому Бунину, Чехов так мудро объяснил и высмеял Ленина, что авторитет «Ильича» был подорван даже в самой партии. Сразу же после Кронштадтского восстания Ленина тихо отстранили от власти, а сильный человек Лейба Бронштейн [Троцкий], подмывая под себя более слабых соратников — Бухарина, Зиновьева и других, еще мельче — Радека, Скрябина [Молотова], оказался калифом на час — наверно, не вышел ростом, нужен был совсем-совсем маленький. Таким диктатором оказался Сергей Костриков [Киров], а рядом с ним и под ним — маленькие и пузатенькие Хрущев, Жданов, Маленков... Но мы сильно забежали вперед.

Чехов вернулся в Крым в свою резиденцию, где и пребывал до конца жизни почти безвыездно..

Мозм с удовольствием вспоминает, как, будучи в сентябре 1917 года в Петрограде в качестве тайного агента «Интеллидженс Сервис», по долгу службы встретился с Александром Керенским, временным правителем России, склоняя его от имени стран Антанты держать фронт и не выходить из войны с Германией, а потом по неудержимому велению души нелегально съездил в Москву в одном вагоне с какими-то пьяными дезертирами, которые на полном ходу чуть не выбросили его из вагона, и искал встречи с Чеховым, который ненадолго приехал туда из Ялты, но не получилось, Антону Павловичу не захотелось встречаться с английским

шпионом, а в октябре Моэму спешно пришлось удирать от большевиков.

В 1920 году при неудержимом наступлении красных на Крым французы по просьбе Врангеля [царский генерал, не путать с джинсами «Wrangler»] подвели к Ялте военный корабль, и черный барон в домике Чехова упал на колени и умолял нобелевского лауреата эвакуироваться во Францию. Чехов отказался, но попросил Врангеля забрать с собой восьмилетнего украинского хлопчика, родители которого, махновцы, погибли от рук большевиков. Врангель смахнул слезу, перекрестил Чехова, поцеловал ему руку, взял за руку хлопчика и взошел на корабль. Хлопчика звали Панас Вишневой. На корабле он попал под покровительство французского шкипера, эфиопского негра, а его необыкновенная судьба и судьба его правнука Сашка Вишневого описана Моэмом в романе «Эфиоп».

4

Чехов и советская власть — тема неисчерпаемая.

« — Да тут ад! — сказал он однажды своим гостям о советской действительности.

— А ведь вы сочинили палиндром, Антон Павлович, — заметили Ильф с Петровым.

— Не помню — что значит «палиндром»?

— Это когда фраза одинаково читается справа налево и слева направо.

Чехов удивился и повторил:

— Да тут ад...»

Антон Павлович почти 25 лет жил под советской властью, ни разу не выезжая за границу и почти не покидая Ялты — один раз посетил в Коктебеле Максимилиана Волошина, иногда общался в Феодосии с Александром Грином, когда тот был трезв, и предпринял несколько поездок в Симферополь за какими-то совсем уже мелкими покупками — за «чаем, сахаром, мылом, спичками, колбасой, керосином и другими колониальными товарами». Хлеб и колбаса в СССР в начале 30-х годов в самом деле казались колониальными товарами. В Ялту на дачу к Чехову валом валил самый разнообразный люд, совсем как в Ясную Поляну при жизни Льва

Толстого, но не все попадали к нему — на Перекопе большевики проверяли паспорта и выясняли причины приезда в Крым — не к Чехову ли? — то же повторялось в Симферополе, а в Ялте у дачи писателя торчал милицейский пост. Летом день Чехова обычно начинался в 6 утра. Он выпивал чашку кофе и до 10-ти писал «одну страницу». Это было святое время. После завтрака начиналась «совслужба» — прием посетителей, разбор жалоб, ответы на письма, звонки в Москву, в Кремль. [Моэм описывает один день из жизни Чехова — что ел, что делал, кто приходил]. Зимними вечерами читал при «лампочке Ильича». [Как видно, какое-то русское электротехническое изобретение. Из писем Чехова: «От большевиков в русской культуре останутся лампочка Ильича, папиросы «Беломор» и Женский День 8 Марта, все остальное пойдет прахом».] Чехов вполне осознал безответственный стиль работы советских департаментов, мог, когда надо, повысить голос или ударить кулаком по столу. Русская эмиграция, ненавидевшая всех, кто якшался с большевиками, не имела к Чехову никаких претензий, хотя с большевиками и с большевистскими лидерами он общался часто и разнообразно. Известный придворный художник Налбандян проявил инициативу и написал соцреалистическую картину «Киров и Чехов на ловле бычков», но даже белоэмигранты восприняли ее как откровенную липу.

[Моэм и эмигранты ошибаются... и не ошибаются. Киров приезжал на велосипеде к Чехову из соседней Ливадии, и они не раз выходили в море на рыбалку (не на такой ли вот рыбалке Чехов заступился перед Кировым за того самого Сталина, которого он спас из туруханской ссылки в 1915 году? Этого старого большевика, нажившего в Туруханске чухотку, преследовали в Евпатории энкаведисты, и Киров, кажется, что-то сделал для несчастного), но этот реальный факт совместной рыбалки с Кировым художественно выглядит фальшиво — этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда. Чехов очень хорошо чувствовал ложь правдивого факта. Когда Ольга Леонардовна предложила ему прочитать неплохие стихи лирического поэта Гусочкина, он отказался:

— Что это за фамилия для лирического поэта — Гусочкин?! Не буду его читать.

— Ты несправедлив, Антоша. Был спортсмен Уточкин, был поэт Курочкин... Что же делать, если у него такая фамилия?

— Уточкин не из этой оперы, Курочкин был юмористическим поэтом, а Гусочкину псевдоним надо брать!

Так и не прочитал.]

Иван Бунин в начале века:

«Я спрашивал Евгению Яковлевну (мать Чехова) и Марию Павловну (сестру):

— Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь?

— Никогда в жизни, — твердо ответили обе.

Замечательно».

Не знаю, не знаю, что тут такого замечательного или не замечательного. В детстве Льва Толстого дразнили «Лева-рева» за то, что он то и дело плакал. Я думаю, у Бунина, как и у многих мемуаристов, произошел «перебор» профессиональной наблюдательности, когда каждому малозначащему факту придается глубокомысленное значение. Тот же Иван Бунин, автор «Окаянных дней», люто ненавидевший большевиков, обзывавший Ленина «косоглазым сифилитиком» и ревновавший Чехова к Нобелевской премии, прекрасно сказал в 1933 году в Стокгольме, переадресовав давнюю фразу Антона Павловича о Толстом ему же самому:

— Как хорошо, что жив Чехов! При нем никакая советская шваль не смеет называться русским писателем.

«Замечательно!» — скажу я [Моэм].

А швали было очень много. Большевики пытались поставить литературу на конвейер, даже называли писателей «инженерами человеческих душ», и в эти инженеры шли духовные босяки, лакеи и карьеристы вне зависимости от происхождения, вроде графа Алексея Толстого. Они в художественных образах прославляли доктрины большевизма, оболванивали полуграмотное население, грызлись между собой. Были и другие, вроде модерниста Владимира Сорокина, автора препохабнейших рассказов. Чехов его дух на версту не переносил, вот неизвестная цитата из письма Корнею Чуковскому:

«Литература — это область человеческой деятельности, которую можно представить чем-то вроде большого старого надежного стола. На этом столе можно делать ВСЕ: обедать, читать, строгать, пилить, делать уроки, писать жалобы, кляузы и предложения, играть в карты, пировать во время чумы,

вкручивать лампочку Ильича, за этим столом могут сидеть и царь, и сапожник, и нищий — он и монархичен, и демократичен, и аполитичен, и анархичен одновременно; этот стол вытерпит все: на нем можно танцевать голыми, под ним (и на нем) можно спать — если спать негде. По нему можно стучать кулаком. На нем даже можно заниматься любовью, если сильно приспичило. Если какой-то школяр вырежет на ножке стола неприличное слово, он поймет и простит этого мальчишку — скажет только: «Нехорошо, мальчик!» Он все стерпит. С ним нельзя делать только одного: на этот стол нельзя ... А Владимир Сорокин на него ... Какой из него писатель, да еще модернист? Обыкновенный ...»

[Чехов употребил слова «срать» и «говнюк». Как видим, Антон Павлович, когда было надо, не краснел и не стеснялся в выражениях, советские же публикаторы эти слова стыдливо кавычат и многоточат.]

Но в литературе дела обстояли не так уж плохо. Чехов любил известных советских авторов Ильфа и Петрова. Они, конечно, каждый в отдельности не тянули на Чехова, но дополняя друг друга, вдвоем — именно вдвоем! — как-то странно напоминали молодого Антошу Чехонте — туберкулезный, очкастый, задумчивый Ильф, веселый, долговязый, хлебо-сольный Петров. Наверно, Чехов, глядя на них из-под пенсне, вспоминал себя в молодости. Чехов ценил их юмористику в советских газетах и журналах того времени и подарил им сюжет для «Двенадцати стульев», как Пушкин Гоголю сюжет «Мертвых душ», — впрочем, это уже похоже на литературную мифологию. Рассказы Зощенко и Аверченко ему не нравились.

Важнейшим из искусств для большевиков являлось кино, самое действенное зрелище для оболванивания масс, но они понимали, что в основе всех искусств, даже любимого ими «кина», конечно же лежит литература. В работе со словом у них был большой опыт, они инстинктивно понимали цену и опасность талантливо расставленных на бумаге слов. Большевикам для наведения порядка в советской литературе нужен был «литературный нарком» [народный комиссар в кожаном «пинжаке» с наганом], требовался свой живой классик, авторитет, представительная фигура — и Чехов был единственным «типичным представителем» классической русской литературы, но он не был своим, босяком. Похоже, им

не хватало фигуры bourevestnika Алексея Пешкова-Горького, вот когда сказался выбор второго июля четвертого года. А Чехов... ну какой же из Чехова bourevestnik?

Вот чрезвычайно важное и парадоксальное наблюдение детского писателя Корнея Чуковского:

«Снился мне до полной осязательности Чехов. Он живет в гостинице, страшно худой, с ним какая-то пошлая женщина, знающая, что он через две-три недели умрет. Он показал мне черновик рассказа:

— Вот видите, я пишу сначала без «атмосферы», но в нижней части листка выписываю все детали, которые нужно сказать мимоходом в придаточных предложениях, чтобы создавалась атмосфера.

А та пошлячка, которая состоит при нем, говорит:

— Ты бы, Антоша, купил «кадиляк».

И я думаю во сне: какая стерва! Ведь знает, что он умрет, и машина останется ей.

Проснулся с ощущением, что мне приснилось что-то важное, но не мог вспомнить. В следующую ночь мне опять приснился этот же сон. Вот что я понял: Пешков-Горький был слабохарактерен, легко поддавался чужим влияниям, плакал на каждом пиджаке. У Чехова был железный характер, несокрушимая воля. Не потому ли Горький воспевал сильных, волевых, могучих людей, а Чехов — слабовольных, беспомощных?»

Тут опять возникает казалось бы праздный вопрос: «Что было бы, если бы?..» Как развивались бы события в России, если бы Чехов умер в критический день второго июля четвертого года? Без него у большевиков были бы развязаны руки? Был ли он для них сдерживающим фактором? Было ли им НЕУДОБНО ПРИ НЕМ творить свои злодеяния? Но куда уж дальше звереть? Властям он не то чтобы не помогал, он им мешал. Почему он их не боялся, что говорил ему японский матрос, похожий на Ленина? В 30-х годах за чтение и распространение новых произведений Чехова людей ссылали, сажали, расстреливали. Мы уже упоминали об Илье Эренбурге, которому повезло — он был застрелен в парижском кафе сотрудниками НКВД, и шуму было на весь мир. Но другие (Клюев, Бабель, Пильняк, Леонов, Катаев, Фадеев, Шолохов — всех не счесть) исчезали в полной безвестности в сибирских лагерях.

Что было бы, если бы? Что было бы, если бы старший брат Ульянова не был повешен, а младший — жестокость вызывает в ответ только жестокость — не ожесточился бы и не подался бы в Ленины? Из него получился бы отличный министр юстиции, генеральный прокурор или даже премьер-министр вместо Керенского. Что было бы, если бы второго июля четвертого года умер Чехов, а Пешков остался жить? Праздные ли это вопросы? Для атеистического человека ход истории предопределен законами, для человека религиозного — история в руках Божьих. И тот и тот согласны, что влияние человека на историю возможно: верующий — по воле Божьей, атеист — в некоторых конкретных пределах; вот вопрос и тому и тому: может ли человек влиять на Бога? Может ли человек изменять законы природы? Что было бы, если бы человек сделал то, а не это, если бы случилось то, а не это? Русская присказка «Если бы да кабы...» сама по себе хороша, но любомудрием не отличается.

Большевики ненавидели Чехова, но ничего не могли с ним поделать. В 20-30-х годах Чехов был очень богатым человеком, самым высокооплачиваемым писателем в мире — его книги пользовались громадным успехом у западной интеллигенции, его почитали как святого, ему платили огромные гонорары. «Фонд Чехова» составлял полмиллиарда долларов. Он давал большевикам деньги на индустриализацию, электрификацию, здравоохранение, а завещание было составлено так, что в случае смерти Чехова большевики не могли претендовать на эти деньги, теряли все. «Во второй раз Маркс меня не проведет».

Теперь под ногами у Чехова вертелся маленький улыбчивый Киров. После Троцкого он не спеша прибрал власть к рукам и сделался диктатором покруче Ульянова. Известно юмористическое наблюдение Антона Павловича о пришедших к власти маленьких людях:

«Среди большевиков почти нет людей высокого роста — наверно, они эволюционировали так потому, что в целях конспирации им приходилось прятаться в чемоданах с двойным дном. И это после двухметровых Романовых! Петр, Николай I и все Александры были великанами — вот только Николай Последний подвел».

За подобные разговоры (да что там разговоры — мысли! — однажды в «Правде» появилась статья, призывавшая людей «соблюдать умеренность в мыслях»!) — за подобные разговоры людей расстреливали, а Чехова не могли даже посадить

на пароход и выслать за границу, как это сделали с самим Троцким. (Конечно, случались недоразумения — какой-то ГПУшный ялтинский дурак однажды утром арестовал Лику Мизинову за политические разговоры в хлебной очереди, но к вечеру, не дожидаясь звонка Кирова из Москвы, приказал ее отпустить, а сам застрелился.) В чем тут дело? Боялись международного скандала? Большевики никогда ничего не боялись, тем более, они могли убрать Чехова без всяких скандалов, например, мгновенно и успешно залечить самыми обычными лекарствами — впрочем, Чехов уже не давался врачам. В чем же дело? Прямого ответа нет. Останавливало ли их то, что Чехов до революции «давал деньги на партию», а после гражданской войны чеховский фонд субсидировал их сумасбродные программы? Вряд ли, тех же Шаяпина и Савву Морозова большевики преспокойно ограбили [насчет Саввы Морозова Моэм ошибается, он покончил с собой задолго до октябрьского переворота], а без субсидий фонда большевики могли бы и обойтись, ограбив взамен несколько дополнительных миллионов тех же колхозниц, студентов и сталеваров. Может быть, просто: Бог хранил?.. Может быть Тот, Кто Выбрал Чехова второго июля четвертого года, теперь чувствовал свою ответственность за него?.. Чехова пытались ублажить, предлагали руководящие посты. Представляю: Чехов — первый секретарь Союза Писателей СССР! Помимо пионеров с барабанами, делегаций рабочих и колхозниц, они подсылали в Ялту Роллана, Уэллса, Фейхтвангера, Барбюса, других западных визитеров. «Дурачки», — коротко сказал о них Чехов. Признаю, что западные писатели, к которым я [Моэм] имею честь принадлежать (в Россию я уже не рвался, большевики могли меня арестовать как английского шпиона, с них станется), хотя и не были в прямом клиническом смысле дураками, но в своих играх с большевиками вполне заслужили эту нелестную оценку. Мы не понимали, что происходит, нас легко было обмануть. Значит, и правда — дурачки.

[В русском языке слово «дурачок» звучит не прямо-оскорбительно, а с ласково-сочувствующим оттенком.]

Ялтинская киностудия была построена специально для обмана Чехова, как потемкинская деревня для Екатерины Великой. «Чтобы снимать тут дам с собачками», — прокомментировал он. [Непереводимый каламбур, слово «снимать» в русском языке многозначно — «снимать (создавать) кинофильм» и «снимать (подцепить) женщину»]. О художнике Налбандяне, о делегациях пионеров, сталеваров и западных

писателей мы уже говорили. Ялту вздумали переименовать в Чеховск. Антон Павлович не согласился, потребовал назвать город Антоново-Чеховском, наподобие Ивано-Франковска. Большевики почесали в затылках и дали согласие. Но Чехов опять передумал и потребовал назвать Ялту Красночеховском. Большевики заподозрили, что писатель над ними издевается, но согласились и на Красночеховск. Тогда Чехов пригрозил им грандиозным скандалом, и от переименования города отказались. [Телеграммы с этими переговорами хранятся в архиве Чеховского Фонда.]

К концу жизни Чехов все больше стал напоминать своего знаменитого персонажа Ионыча. Характер здорово испортился — еще бы! Если что-то не нравилось, мог сорваться на крик, сердито стучал тростью. Когда Ольга напомнила ему о рассказе «Ионыч», Чехов заинтересовался, нашел в собрании сочинений и перечитал его. Он забыл об этом рассказе. Персонаж был очень похож на постаревшего Чехова.

— Неплохо написано, — сказал он.

Усмехнулся. Опять его поняли буквально. То есть, совсем не поняли. Сходство с Ионычем было, но не более того. На Ионыча скорее походил биолог Иван Павлов, второй русский нобелевский лауреат. Чехову и Павлову большевики позволяли многое — впрочем, они их и не спрашивали, а ругали в хвост и в гриву.

В 1940 году отмечалось 80-летие Чехова. Он уже был глубоким стариком, прикованным к креслу. Его старушки жили при нем, не ссорились и уже не выясняли, кто из них «сделал Чехова». Приплыло, приехало, прилетело много гостей, большевики объявили амнистию тем, за кого ходатайствовал Чехов — громадный список.

В 1941 году при захвате немцами Крыма его не решились эвакуировать из Ялты, а Черчилль, Рузвельт и Киров предупредили немецкое командование, что они собственноручно расстреляют того, кто позволит себе хоть словом обидеть Чехова. Немецкие солдаты и офицеры боялись появляться в районе чеховской дачи. Теперь вместо милиции дачу охранял пост полевой жандармерии, и это была нелегкая служба: «Как бы чего не вышло!», говоря по-чеховски. Генрих Белль, будущий знаменитый писатель, в то время молодой солдат вермахта, такой же дурачок, как и я [Мозм] в семнадцатом году, решил навестить Чехова, поклониться своему идолу, даже перелез через забор, но был изгнан с территории дачи разгневанными старушками Ольгой, Марией и Лидией, которые так берегли покой Чехова, что тот

прикрепил у входа объявление: «Осторожно, злые старушки!» После войны советская пропаганда попыталась сделать из Чехова чуть ли не командира подпольной организации, спасавшей крымских партизан и евреев, но Киров поморщился, это был сильный перебор — ведь «Фонд Чехова» спас жизнь пяти миллионам советских военнопленных, исправляя преступную политику правительства, не подписавшего конвенцию о «Красном Кресте».

Антон Павлович скончался в Ялте именно в ТОТ день — второго июля, но сорок четвертого года, вскоре после открытия второго фронта. Он до конца был в ясном житейском сознании, но вряд ли уже отчетливо понимал, что происходит в стране и в мире. И слава Богу! У постели умирающего на этот раз дежурил не глухонемой немец, а перепуганный консилиум из пяти академиков. Перед смертью опять появился прищуренный японский матрос, похожий на Ленина. Опять они спорили о железнодорожном вагоне с устрицами. Чехов после смерти хотел улететь в Москву на самолете — «никогда не летал». Матрос возражал:

«Где я вам самолет возьму?»

Выбирали гроб — свинцовый или цинковый. Академики записали:

«Больной бредит, летает во сне».

За эти «полеты» их запросто могли сослать лет на десять на строительство тоннеля с острова Сахалин в Азию под Татарским проливом.

Все было ясно.

Чехова временно похоронили в Ялте. Через полгода, в феврале сорок пятого, Рузвельт, Черчилль и Киров перед тем как решать на Ялтинской конференции судьбу послевоенного мира, пришли с цветами, постояли у его могилы и проводили на аэродром в последний путь — тело Чехова доставили в Москву на самолете в свинцовом гробу и перезахоронили на кладбище Новодевичьего монастыря. Еще через три дня был подписан исторический Ялтинский меморандум. Все было ясно. Миссия Чехова была выполнена. Фашизм был раздавлен, а коммунизм решили тихо свернуть.

«Из Истории видно, что в древности жили дураки, ослы и мерзавцы».

А. П. Чехов.

Список литературы.

Письма Чехова

Антон Павлович Чехов, «Собрание сочинений»

Уильям Сомерсет Моэм, «Искусство рассказа»

Дэвид Магаршак, «Биография Чехова»

Лев Толстой, «Дневник»

Александр Куприн, «О Чехове»

Иван Бунин, «Чехов»

Алексей Пешков-Горький, письма

Корней Чуковский, «Дневник»

Сборник «Чехов в воспоминаниях современников»

Сборник «Писатели-современники Чехова»

Даниил Клугер, «Палиндромы»

Александр Чудаков, «Мир Чехова»

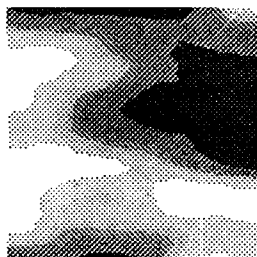
Михаил Громов, «Книга о Чехове»

Евгений Меве, «Медицина в творчестве Чехова»

Григорий Бялый, «Чехов и русский реализм»

Борис Штерн, «Чехов и реалистическая фантастика».

* * *

**Лишь бы
не было войны**

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ — ПОЭТ БЕСОВ

Из поэтических сказок Змея Горыныча

1

Кащей Бессмертный, как известно, был самым бесталан-ным существом в древнем бесталанном подпространстве. В юности он испытал сильное потрясение, обнаружив у себя отсутствие всяких талантов — если отсутствие вообще можно обнаружить. Он вечно лежал на раскладушке в своей комна-тушке и рифмовал названия окружавших его предметов: «ком-натушки-кружки-раскладушки-девушки»... Рифма «девушки» в этом ряду была очень сомнительна, — но с девушками Кащейю так не везло, что уж эту погрешность можно ему простить.

Стихи он писал каллиграфическим почерком, заглавные буквы украшал вензелями и подшивал в канцелярскую пап-ку. Так потихоньку создавался поэтический цикл под общим названием «Подпространство». В самом названии был под-текст. Лирические строки сменялись там горькой иронией, философские размышления сочетались с бытописательст-вом, а внешняя занимательность сюжета прикрывала глуби-ну второго плана.

Все как у людей.

Попробовал поступать в Литературную Штудию и с ду-шевным волнением представил на конкурс канцелярскую папку... Ответ Специалистов был единодушным: ритм соблю-ден, концы зарифмованы (хотя почему «раскладушки-девуш-ки»?!), содержание присутствует, таланта не наблюдается. Ка-щейю было рекомендовано искать и проявлять способности в каком-нибудь другом деле.

Кащей не сдавался. Нужно было срочно Подавать Надежды, иначе из Подающих Надежды ему грозила высылка в Беста-ланные Кварталы. Он веером рассылал стихи по редакциям, но они или пропадали, или же возвращались с краткими рецен-зиями: «Не то», «Не пойдет», «Нуждается в доработке» или со-всем уже загадочное: «Я очень устал, ухожу в отпуск».

Кащей ничего не понимал... Ему не с кем было поговорить, посоветоваться...

2

Однажды канцелярская папка случайно попала к одной старой ученой ведьме. Старушка была специалистом в Героическом Эпосе Первых Талантов и, значит, разбиралась в поэзии. За свою долгую жизнь она прочитала столько всякого текста, что у нее выработалась привычка читать между строк, и поэтому ей все время что-то мерещилось. Она одна сжалилась над Кащеем и назначила ему аудиенцию. Наверно, ей тоже не с кем было поговорить.

— Зачем вы пишете? — е ходу спросила она.

Кащей не был искушен в ответах на подобного рода вопросы. Он еще не знал, что эти вопросы задаются только для того, чтобы самому на них отвечать.

— Хорошо, поставлю вопрос иначе, — обрадовалась Ученая Ведьма. — Чего вы вообще хотите достичь? (Вопрос все из той же оперы).

— В жизни? — уточнил Кащей.

— Да, конечно.

Кащей задумался, но кроме «девушек», опять не нашел достойного ответа.

— Значит, вы не знаете, чего хотите! — с восторгом заключила старушка. — Отвечу за Вас. Вы, как и все, хотите стать бессмертным, но с таким отношением к делу у вас ничего в жизни не получится. Поживете и исчезнете! Искусство должно быть здоровым и светлым, а у вас жизнь напоминает помойную яму. Конечно, так оно и есть, но все об этом и без вас знают. У вас извращенный вкус, а вы извратите вкус у читающей публики. Вы вульгарны настолько, что не стесняетесь даже таких выражений... Вот, я отметила на пятой странице, цитирую: «Поцелуйте в задницу ту, которая скачет на белом коне, Богиню Целомудрия...» — Ученая Ведьма с торжествующей гадливостью уставилась на Кащея.

Тот был ошеломлен. Где бабушка обнаружила эту штуковину?! Неужто в текст вкралась такая грубая очепятка?!.. Он открыл папку на пятой странице и отыскал цитируемую строку. Прочитал и вздохнул с облегчением.

— Мадам, — сказал Кащей, — зачем вы рассуждаете о светлом будущем и о вульгарных поэтах, когда задницы мерещатся вам даже там, где их нет и быть не может! Здесь ясно написано: «Поцелуйте всадницу, ту, которая скачет на белом коне, Богиню Целомудрия...» Вам почудилось! Убедитесь

сами, «задница» ни в какой контекст не лезет — строфой ниже героиня подставляет своему возлюбленному для поцелуя свою щечку, никак не...

Старая карга в синих чулках вlepила Кашею пощечину, схватила за ухо и потащила к двери. Кашей не сопротивлялся. Он понял, что все редакторы не равнодушны и не завистливы, о нет! Просто, они читают между строк, а там, как известно, ничего не написано. (Уже потом, через много лет, Кашей Бессмертный научился отвечать на подобные вопросы. Когда его спрашивали «зачем?», «почему?» да «как?», он отсылал всех на пятую страницу «целовать всадницу»).

3

После посещения Литературной Ведьмы Кашей бросил писать стихи, а канцелярскую папку сжег, сильно надымив в комнате. Совсем опустилcя, перестал выходить на улицу. Соседи тут же нанесли на него, они не могли терпеть в своем доме бесталанного (а попросту, «беса»), от него могли заразиться. Все признаки налицо... Чем он занимается? Какие-то концы рифмует... А недавно из окна дым валил...

Вызвали ишаков («Интеллектуальный Шмон»), и те увели Кашея на переосвидетельствование.

Пе-ре-о-сви-де-тель-ство-ва-ни-е... Такое длинное и неприятное слово, как и сама процедура. Снятие одежды. Саморазоблачение. Снимайте, снимайте, стесняться некого. Измерение головы колючим кривым циркулем. Измерение остальных параметров. Потом беседа с добродушным квартальным-ишаком...

— Как думаете жить дальше? — спрашивал Добрый Ишак. — Еще не все в жизни потеряно, вы такой молодой. Предлагаю вам почетный выход. Лотерейный Центр собирается осуществить широкую программу помощи бесталанным, но для этого нужно знать, как живут, чем дышат... Ну, вы меня понимаете? В вашем положении это кое-что...

— Вы предлагаете мне стать стукачом? — уточнил Кашей.

— Зачем так грубо?.. Сотрудником.

Но Кашей уже потерял всякую фантазию. Он не хотел «кое-чего», он не хотел быть сотруди́ником. Он уже вообще ничего не хотел. Так из Подающих Надежды он угодил в бесы. Ему сделали бронебойные прививки и под охраной двух ишаков отправили в Подпространство, в бесталанный квартал.

Его новое жилье не шло ни в какое сравнение с прежней комнатухой — это был чулан без окон, похожий на консервную банку из-под сардин; а его соседом оказался глухонемой бес с остановившимся каменным взглядом сфинкса и с длинным самодельным ножом на пружине (чик — лезвие вылетает; чик — исчезает). Что еще?.. Один стул, две раскладушки и тусклая лампа в металлической клетке — в неволе эти лампы быстро перегорают, и приходится торчать в темноте, пока в конце декады не отоварят талон на бытовые приборы.

4

Кащей пожил там и вскоре, чтобы всю жизнь не сводить концы с концами, решил свести счеты с жизнью. Ему надоела эта тоскливая особа. Что за жизнь в консервной банке?.. Тогда он еще не был Бессмертным и мог позволить себе такую роскошь — свести счеты. Хотелось, чтобы все произошло быстро и без мучений. Лежал на раскладушке, разглядывал лампу. Из коридора несло засорившимся клозетом. Глухонемой сосед сидел на стуле, тоже молчал, но многозначительно поигрывал ножом: чик, чик, чик... Кащей взглянул на себя со стороны взглядом застывшего сфинкса — вполне созревший труп.

Можно было не сомневаться: Кащея зарежут раньше, чем он покончит с собой.

Кащей смирился. Даже сумел сочинить стишок и вывесил его в коридоре:

На свете нет преступной акции,
Чем засорение канализации.

«Прежде чем зарежут, пусть хотя бы не воняют», — решил Кащей.

Глухой сосед удивился, когда узнал, что Кащей умеет рифмовать концы.

«Еще!» — жестом потребовал он.

Кащей напрягся, припомнил свои былые стихотворные подвиги и нацарапал:

К лепесточку лепесток,
Получается цветок.
Хочешь мни,
А хочешь рви,
Не увидишь ты крови.
Им не больно, не обидно,
Запах есть,
А слез не видно.

Сосед был приятно поражен. Он так подобрел к Кащею, что спрятал нож... «Чик-чик» — прекратилось, и Кащей решил привыкать жить. Разве можно жить в консервной банке? Можно. Организмы везде живут. Каждое утро они с соседом отправлялись на Биржу Бесталанных в длинную очередь, где получали талоны на скудное питание и глупые зрелища. Пространства, где проживали счастливые обладатели удостоверенных талантов, бесам запрещалось посещать. Вскоре у Кащея в очереди завелись знакомые, такие же серые и обиженные богом личности. Он стал здесь вполне своим. Ему объяснили по секрету, что его сосед уже прирезал нескольких стукачей, и что самые отпетые бесы уважительно называют его за глаза Глухим Чертом, и что этот Черт еще покажет всему пространству глухонемыми своими знаками что-то одному ему известное.

5

Однажды Кащей разбудил скрип двери. Он сел на раскладушке. Свет из коридора проник в консервную банку. Наверное, приближалось утро, потому что Глухой Черт, не разбудив Кащея, уже отправился занимать очередь на Биржу. В консервную банку вошел незнакомец с толстым портфелем.

— Перепись,— сказал незнакомец, уселся без приглашения на стул, примял висевший на спинке Кащеев пиджачок и вытащил из портфеля анкету. Потом добавил: — Населения.

Кащей стал думать о том, чем эта перепись может ему угрожать?..

— Нет, не был, не состоял,— отвечал Кащей.

«Почему никто никогда не спрашивает: а жил ли?.. Не жил».

Утро наступало. Хотелось жрать. Вопросы, наконец, закончились.

«Безобидная анкетка,— решил Кащей.— Значит, не за этим явился».

Пауза затянулась. Кащей догадывался, кто перед ним. Служители Интеллектуального Шмона (но, понятно, не уличные ишаки) носят в левой руке толстые портфели и потому всегда скособолены на левый бок... Молчание становилось неприличным. Чего ему надо?

— Я бы на вашем месте в такой квартире не жил, — наконец нарушил тишину Переписчик Населения.

— Выбора нет.

— Почему же? Вам предлагался выбор. Мы сожалеем, что такой молодой и подававший надежды организм попал в компанию к бесам. Мы хотим вам помочь. В том случае, конечно, если вы поможете нам. Помнится, вы рассылали свои стихотворения по редакциям. Мы их читали. Там были неплохие. Вот, например... Впрочем, забыл. А не ваше ли это сочинение в коридоре: «На свете нет преступной акции, чем засорение канализации»?

— Мое, — признался Кащей.

— Вот видите! — обрадовался мнимый Переписчик Населения, почувствовав слабину. — Дайте-ка мне свои рукописи, они будут опубликованы.

Переписчик с готовностью раскрыл пасть портфеля.

— Я их сжег.

— Сожгли?!.. Это поступок! А вы говорите, что у вас нет талантов... А пепла, случайно, не осталось?

— Какого пепла?

— От сожженных стихов.

— Зачем вам стихотворный пепел? — удивился Кащей.

— Затем, что в нашей организации можно по пеплу восстановить текст.

— Плохих поэтов, как собак нерезаных, — ухмыльнулся Кащей. — И незачем по пеплу восстанавливать. А вот если вам нужен стукач, то я могу посоветоваться в бесталанном квартале, и бесы выдвинут свою кандидатуру. Есть подходящий бес — глухой и немой одновременно. Как живут, чем дышат — послушает и доложит.

Стало ясно, что разговаривать больше не о чем...

Мнимый Переписчик Населения извинился за примятый пиджачок.

Раскланялись...

Кащей принес из коридора кружку с кипятком. Половину кипяточку выпил, другой — побрился и принялся надевать помятый пиджачок. Вполне еще приличный пиджачок, хотя и бывший до Кащея в употреблении. Проверить: нет ли чего в карманах?.. Вчера было пусто... Сегодня... Тоже ничего не появилось.

Вдруг в боковом кармане Кащей нащупал дыру — если дыру вообще можно нащупать. Он вспомнил, что недавно

потерял (или украли?) талоны. Той ночью от голода он не мог заснуть. Не в эту ли дыру провалились талоны?.. Если они там, то Кащей ожидают сегодня двойные удовольствия — двойная кормежка, а может быть, даже целый час в гостях у казенной дамы, у которой он состоит на обслуживании. Она, шельма, всегда норовит побыстрее... Кащей надорвал карман и по локоть влез за подкладку...

6

Роясь в утробе пиджака, молодой Кащей Бессмертный, конечно, не предполагал, что этому пиджаку уготовано войти в Историю. Не было у него ни озарения, ни предчувствия, когда он лез за подкладку. Лишь было одно скромное желание найти старые талоны.

О радость!.. Пальцы нащупали скомканную бумажку... Так и есть, талон!.. Если нашелся один, могут найтись и остальные...

Но за подкладкой ничего больше не было — кроме одинокой пуговицы... Что ж, и пуговица в хозяйстве пригодится.

Кащей зажал талон в кулаке и заспешил в очередь к Бес-таланной Бирже. Очередь закручивалась по трем длинным кварталам. Стой себе в свое удовольствие, спешить все равно некуда. Очередь, каких много. Анекдоты, сплетни, новости, скоротечные драки, вдумчивая рукопашная игра под названием «охломончик». Глухой Черт где-то здесь занял очередь и ожидает Кащея. Конечно, Глухой Черт мог бы взять талоны безо всякой очереди, но это уже моветон... У Глухого Черта железные принципы: стукачей — резать, без очереди — не лезть.

— Эй, поэт, иди сюда! Тут твой дружок!

Глухой Черт стоял особняком, никому не мешал и читал вчерашнюю газетку «вверх ногами» — ему так было удобнее.

«Найти талон — большая удача,— жестом объяснил Глухой Черт, глянув на счастливую рожу Кащея.— Талон на что?»

— Еще не знаю,— ответил Кащей и объяснил в рифму, чтобы сделать другу приятное:

Растягиваю удовольствие

В предвкушении продовольствия.

Каменное лицо Глухого Черта медленно улыбнулось. Бесы в очереди насторожились — кажется, наклеывалось

развлечение. Какой-то разговорчивый Старый Бес тут же вспомнил, как он нашел когда-то целый библиотечный талон. Правда, он плохо умеет читать, зато целую неделю провел в «тепле и светле». Случайно вылетевшая из старика рифма привела очередь в чрезвычайное оживление: кругом поэты! куда ни плюнь — попадешь в поэта! Все разом заговорили, и ничего нельзя было разобрать. Каждый вспоминал, как он когда-то...

Чудесно день начинался.

— Что бы там могло быть? — тянул время Кащей, не разжимая кулак.

«А что бы ты хотел заиметь?» — молча спросил Глухой Черт.

Это был вопрос из разряда «поцелуйте всадницу», но Кащей еще не был Бессмертным и еще не умел на них отвечать.

— А я бы — до бабы! — отвечал за Кащея еще один рифмач из очереди.

— Не томи, показывай!

Кащей разжал кулак. На ладони лежала смятая зеленая бумажка. Талон развернули.

7

Это был не талон, а лотерейный билет.

Всего лишь старый лотерейный билет. Прошлогодний лотерейный билет, зеленый. В этом году они розовые. Лотерейный билет — всего лишь. Просроченный прошлогодний билет.

— Нет, еще не просроченный! — суетился кто-то. — Гляди, что написано: «Выдача выигрышей производится до 15-го июля Очередного Года. Сегодня — пятнадцатое. А год какой? Какой год, кто помнит?.. Позапрошлый был Последующий, прошлый — Текущий, а сейчас какой?.. Очередной! Значит, сегодня истекает последний день!

Так чудесно день начинался и так плохо продолжается. Уже истекает... На физиономию Кащея пытались не смотреть. Физиономия была такая, что никто не смел зубоскалить, — тем более, рядом приглядывался Глухой Черт: не обижает ли кто дружка?.. Воротили сочувственные рыла. Всем известно: бесы в лотерею не выигрывают. Ну, возможно, иногда сойдется серия, и бес выиграет талон на обед в ре-

сторации. Ну, выиграет, но какой же бес станет мотаться за этим обедом в ресторацию к Ядру Системы? Тем более, сегодня истекает последний день. Лишь Глухой Черт не терял надежды. Он свернул газетку и вытащил нож. Его знаки означали:

«Сейчас проверим. Иди за мной».

Кащей с неохотой поплелся за своим опасным другом. За ними увязались старый бес-библиотекарь и прочие сочувствующие. Глухой Черт, нарушая все свои железные принципы, полез к окошку Биржи без очереди. Никто не осмелился возражать, а самые отпетые бесы восприняли это как должное.

В биржевом окошке сидел очкастый организм с талантом младшего экономиста — кассир то есть. Это удостоверял медный значок на лацкане. Видел-то он хорошо, а очки с простыми стекляшками носил для форса и ради пущей важности протирал их перед бесами.

— Почему без очереди-шмочереди? — строго спросил кассир (он виртуозно говорил в рифму).— Да сколько вас ТУТ, мать вашу ТРУТ?

Ему объяснили: надо проверить лотерейный билет.

— Лотерея-блатерея...— забормотал кассир и швырнул друзьям пачку прошлогодних лотерейных таблиц.— Следующий-заведующий!

Глухой Черт повел пальцем по строкам. Ему мешали, толкали в спину. Он защелкнул лезвие ножа и опять потащил палец от серии с номером к столбцу выигрышей:

Серия, номер.....выигрыш

У Кащея появилось предчувствие. Он на себя прикрикнул. Глухой Черт в третий раз провел пальцем и замычал. На его языке это означало высшую степень потрясения.

— Ты что-то выиграл! — объяснили Кащею.

За Глухого Черта стали читать другие:

— Серия... Серия... Сошлась серия... Считай, обед в ресторации выигран! Номер... Номер... Сошелся номер!..— дрожащий палец метнулся к столбцу выигрышей.— Талант штаханиста-профессионала!.. Нет, мимо...

— Не умеешь! Дай я... Серия номер... Талант коми... комирсанта... Мимо.

Очередь напирала. Кащей глотал слюну. Глухой Черт в глубокой задумчивости чистил ногти ножом. Кто-то

разглядывал билет на просвет. Кассир сдвинул очки на лоб и высунулся:

— Что, фальшивый? — с надеждой спросил он.

— Сам ты...

— Дай сюда! — потребовал кассир.

Ему с неохотой отдали таблицу. Он повел пальцем по строке. Он не поверил своему пальцу и строго на него посмотрел. Указательный палец — инструмент кассира. Как напильник для слесаря. Инструмент подводить не должен. На него пошлевывают, им считают, пересчитывают, подписывают ведомости, ковыряют в носу. Иногда указательным пальцем показывают на непонравившегося беса, и того уводит патрульный ишак. Кассир провел пальцем еще раз. Затем сверил дату на таблице и на лотерейном билете.

— Идентично... — пробормотал кассир. Он начал протирать стекла очков. Его глаза выражали обычную зависть. Простенькое, несложное чувство, но кассир не сумел его спрятать, — а на бесах зависть лучше не показывать.

— Да в чем дело?! — орали бесы.

— Надо же... — кассир уже забыл рифмовать слова и заговорил нормальным языком. — Тут с таким трудом развиваешь способности, а этому все сразу привалило...

Он отшвырнул таблицы. Старец-грамотей поймал их и с воодушевлением принялся читать:

— Серия такая-то!.. Номер такой-то!.. Выигрыш...

Голос его дрогнул:

— ТАЛАНТ ПОЭТА!

8

Над Биржей Бесталанных пролетал тихий ангел.

Кащя бросило в жар и тут же в холод. От подобного перепада температур даже камни дают трещину. В глазах поплыли большие серые пузыри — будто в душе вздохнула большая серая рыба. Кащей начал заваливаться на бок и чуть не разбил голову о чугунную решетку Биржи, но его поддержали друзья. Сразу множество друзей. Каждому хотелось поучаствовать в судьбе Кащя, прикоснуться к нему. Такой, как все, и один из нас! Немудрено и умереть от радости! Постелили на зашлепанную папёрть (до Эпохи Талантов на Бирже Бесталанных размещался обыкновенный Храм Божий) чью-то сердобольную курточку, уложили на нее Кащя...

Не пожалели, значит, курточку.

— Что, умер? — с надеждой высунулся кассир. Но ответа не дождался. — Умер-шмумер, лишь бы был здоров!

А кто-то в очереди уже строил далеко идущие планы... Поэт-лауреат из нашего Бесталанного Квартала! Он привлечет внимание Лотерейного Центра к существующему положению вещей!

— Кому там не нравится существующее положение вещей? — пресек крамолу кассир. — Тебе, лохматый?

— Да он же глухонемой! — оправдали бесы Глухого Черта, который опять от всего отрешился.

— Тем более! Гляди мне! Обр-радовались!.. Внимание, читаю: «Лотерейный билет с крупным выигрышем должен быть доставлен лично владельцем по адресу: «Ядро Системы, третья планета, Лотерейный Центр». Хотел бы я посмотреть на того, кто за полдня сумеет смотаться к ядру!

— Не понял...

— Понял — не дурак, а дурак — не понял.

— Не может такого быть! Наверно, можно отправить почтой... Заказным ценным письмом!

— Кто умеет читать?

— Я умею читать.

— На, читай: «До-ста-влен лич-но вла-дель-цем». Точка. Где здесь слово «почта»? — Кассир протер очки. — Никаких ценных писем! Тут этого не написано, но подразумевается. Осталось полдня. Для полета к Ядру необходимы: спецразрешение-шмецразрешение, паспорт-шмаспорт, два поручительства-шмаручительства, прививки-шмививки... Волокита-шмолокита ровно на две недели. Хотел бы я посмотреть на того, кто сможет за полдня добраться к Ядру! Да и кто его повезет без таланта?.. Сегодня какой день? Пятница? Читаю стихи, сам сочинил: «Пусть в ПЯТНИЦУ приклеит билет на ЗАДНИЦУ». Га-гага-га!.. Лотерейные билеты нужно проверять вовремя. Впрочем, выход есть...

— Какой?

— Я могу рискнуть. Вместо него.

Бесы не поняли.

— Кассиром будет! Всю жизнь при талонах! Ну, какой из него поэт? Где ему такой талант выдержать? Очухался, что ли? Знаешь, какой поэтический ген зловердный? От одного укола на тот свет отправишься!

Хорошо, что Кащей зашевелился и подал голос. Могли и без него решить.

— От укола еще никто не умирал,— прохрипел он.— Поэтический ген никому не противопоказан.

Бесы опять туго задумались.

— Эй, очкастый! Выдай ему талоны на декаду вперед! Он проедет за них до Ядра Системы,— придумал кто-то.

Но кричавший сам понял свою глупость. За декадные талоны прокатишься разве что в подземке по кругу.

— Вот что, ребята! Пусть каждый отдаст Кащею свои талоны за всю декаду. Ничего, поголодаем, зато у нас будет свой поэт! А если зазнается — голову свернем! Понял?.. Нет, ты скажи: понял?

— Понял,— отвечал Кащей.

— Стройся в очередь, получай талоны!

Бесы плохо и медленно соображают. Проявить солидарность с собратом — это была новая и сильная мысль, но бесам требовалось время, чтобы ее переварить. Они могли бы думать еще полдня, но кассир сам неосторожно ускорил дело.

— А это видели? — спросил он и показал неприличный жест.

Бесы угрожающе притихли. Язык жестов — куда понятней. Все бесталанные очереди имеют с кассирами свои счета. Кассиров не очень-то любят... То уйдет куда-то, стоишь битый час под форточкой, ожидаешь. То обжулит, срежет четверть талона и жизненных благ, соответственно получаешь меньше на четверть. То всучит вместо талонов никому не нужный лотерейный билет... Впрочем, уже не знаешь, что лучше...

Кассир почувствовал эту всеобщую любовь к себе. Он успел захлопнуть свою железную форточку, но с улицы прилетел здоровенный булыжник (как и везде во Вселенной — оружие угнетенных) и вышиб форточку вместе с рамой в глубь Бесталанной Биржи.

«В чем тут дело, почему бунты время от времени вспыхивают, несмотря на то, что ишаки круглосуточно патрулируют? — меланхолично размышлял кассир, когда с него срывали значок экономиста и выворачивали карманы в поисках удостоверения.— В чем тут дело? Невозможно понять этих темных и генетически бесперспективных бесов. От бесталанных одни болезни, безволие и слабость ума. Нельзя держать это бездельное стадо в узких кварталах Подпространства. Запомнить глухонемого подстрекателя, вести себя так, чтобы не стать жертвой».

Кащя в это время снаряжали в дорогу. К пиджаку прикрепили значок кассира, в карман засунули удостоверение кассира. Часы кассира. Вручили громадный портфель кассира, набитый талонами. Кащей сразу окривел на левый бок и сделался подозрительно похожим на ишака. Бесы даже засомневались — получит талант, и с концами... Но выбора не было. Грамотный старец размахивал руками перед носом Кащей — благословлял, что ли?

— Дуй, на тебя одна надежда!

Кассира и взятых в плен биржевых ишаков повязали и усадили на паперти. Глухой Черт отвлекся от чтения газетки, показал пальцем на пленных и провел ребром ладони по горлу:

«Их следует прирезать. Бунт так бунт!»

Но его к счастью не слушали. Да, конечно, эти обладатели мелких способностей куда опаснее тех, кто по-настоящему талантлив. Но чем резать, лучше оставить их заложниками, а Бесталанную Биржу подпалить... И зрелище, и погреемся — сразу два удовольствия.

— Ты еще здесь?! Он еще здесь! Давай, дуй!

— Куда дуть-то? — не понимал Кащей.

— Хватай такси до подземки, подземкой в аэропорт, от туда вертолетом — на космодром, а там на «Вечерний экспресс» к Ядру Системы!

— Такси! Стой!

«Еще чего, бесов возить!» — подумал организм с талантом водителя такси и решил высокомерно проехать мимо.

Но такси схватили, остановили, водителя вытряхнули.

— Кто умеет водить тачку?

Никто из бесов не умел водить... Бесы ничего не умеют. Время шло, а Кащей еще ни на шаг не приблизился к Ядру Системы. Полный безысход.

«Ну, я умею водить», — всем на удивление показал жестом Глухой Черт, свернул газетку и сел за руль.

Все, что происходило с Кащеем Бессмертным в тот исторический день, давно описано и общеизвестно. Каждый школьник знает, что этим днем заканчивался «последний век Эпохи Талантов», и что «хотя Кащей Бессмертный поэтом так и не стал, но в корне изменились представления»

и так далее. Что с того, что Кащей так и не стал поэтом? Удивительна не его судьба — удивительны нравы дикарской эпохи разделения разумных организмов на талантливых и бесталанных, эры спекуляции на человеческих способностях. Все ли помнят иллюстрации в школьном учебнике истории? Первый бунт, сожжение Бесталанной Биржи, первых появившихся ишаков, Глухого Черта за рулем тачки... такси. Некоторые двоечники полагают, что наша Счастливая Эпоха в чем-то даже обязана случайному таксисту, вздумавшему проехать после полудня 15-го линюля Очередного Года по Бесталанному Кварталу. Это не так. Такси вообще не понадобилось. То есть тачка понадобилась только для того, чтобы завернуть за угол, выехать из оцепления сбегавшихся со всех сторон вооруженных ишаков и немного попетлять по кварталам, сбивая с толку возможную погоню.

Уже гремели выстрелы, орали матюгальники, крушились витрины — короче, доносились звуки, сопутствующие восстановлению порядка. Вонюче горела Бесталанная Биржа с анкетами бесов. Глухой Черт остановил такси у какой-то загаженной мусором подворотни, вытащил за шиворот ничего не понимающего Кащея, а тачку на полной скорости отправил вдоль квартала на произвол судьбы — пусть преследуют.

В подворотне Глухой Черт знаками объяснил: «Снимай кассирский значок».

— Зачем? — удивился Кащей.

Глухой Черт содрал с него значок, а портфель кассира, набитый талонами, швырнул в мусорник и присыпал хламом. В подворотню на бегу, придерживая фуражку, заглянул патрульный ишак. Но тихие бесы у мусорного бака его не заинтересовали. Он помчался туда, где гремели главные события. Глухой Черт тут же подпалил своей газеткой мусорный бак с портфелем и потащил Кащея в глубину двора, к черному ходу на чердак.

— Мне нужно в подземку, — напомнил Кащей, жестикулируя. — В аэропорт! На космодром!

«Посмотри на себя! Тебя на первой же станции загребут, — объяснил Глухой Черт. — Кассира сейчас освободят, он нас запомнил и сразу выдаст. Патрульный ишак тоже нас засек. Сейчас сбегутся... А теперь — гляди!»

Глухой Черт разгреб мусор в углу чердака... и Кащей впервые в жизни увидел в натуре два штурмовых космических

скафандра! О такой вещи может мечтать далеко не каждый ишак, а только высокопоставленный!

— Да ты не такой глухой, каким прикидываешься! — удивился Кащей.

«Надевай! — ухмыльнулся Глухой Черт. — Натягивай!»

Затем гудением «У-у-у!» и вертикальным движением руки Глухой Черт изобразил старт с чердака в космическое Подпространство.

— А там что делать?

«Перехватим «Вечерний экспресс». Он выйдет по расписанию и подберет нас. Везде свои дьяволы... — подмигнул Глухой Черт, привычно влезая в скафандр. — Шевелись! Застегнись! С управлением разберешься, тут просто: включил — выключил. Выбираемся на крышу через слуховое окно. И сразу в облака. Не отставай».

Глухой Черт осторожно выглянул. Внизу, во дворе уже крутился подозрительный ишак.

Стартовали с крыши сразу на второй подкосмической скорости; Кашею с непривычки чуть ноги не оторвало. Наверное, из бесрайона этот старт никто не заметил — иначе тут же вызвали бы ишаков-перехватчиков в таких же штурмовках. Через несколько секунд вошли в облака. Нет, их не заметили... А впрочем... Нет, никому в голову не могло прийти, что бесы разгуливают в подкосмосе в штурмовых скафандрах. А впрочем...

Вышли на орбиту, затаились в тени ржавого заброшенного ретрансляционного спутника и стали дожидаться «Вечернего экспресса». Глухой Черт потребовал особого внимания и принялся объяснять какие-то совсем уж абстрактные вещи: он ткнул пальцем в Кашея, принял вдохновенную позу задумчивости (рука на челе, глаза прикрыты), потом похлопал себя по карманам и почесал большой и указательный пальцы. Кашей поднатужился и сообразил:

«Когда получишь талант поэта, придется отдавать долги».

— Кому и сколько я должен?

«Долги обществу, балда! Пуф-пуф! Бах-ба-бах! Оружие! С оружием в руках!»

— Стрелять не умею.

«Врешь! — беззвучно кричал Глухой Черт. — Я за тобой давно наблюдаю! Чуть тебя не прирезал, подумал, что ты стукач. А ты концы рифмуешь! Нам такие нужны! За свободу бесов с оружием в руках!»

— Я к политике никакого отношения,— выпутывался Кащей из новой халепы (стукачом он не стал, но и быть патриотом не хотелось; вообще, не хотелось ни во что ввязываться).

«Ладно, будешь действовать словом,— великодушно порешил Глухой Черт.— Ля-ля!.. За свободное Подпространство! Нам такие даже больше нужны».

Приближался «Вечерний экспресс». Глухой Черт мигнул красным фонариком. Далеко в стороне промчался патрульный катер... Нет, не за ними. За ними, кажется, никто не гонится. Космодром, конечно, уже оцеплен, а их приметы разосланы, но никому не приходит в голову искать их здесь, на орбите. Шмонают там, внизу, на дорогах — такси, автобусы и подземку...

Кто он, этот Глухой Черт? Кто он такой, если хранит на чердаке в бесквартале штурмовые ишачьи скафандры и за просто останавливает «Вечерний экспресс», идущий к Ядру Системы?

10

«Вечерний экспресс» (немытая коробка, доживающая свои дни на силовых ухабах этой бесталанной провинции) притормозил, и Кащей с Глухим Чертом вскочили в заранее приоткрытый шлюз. Их встретила смазливая стюардесса в элегантном дамском скафандре и провела в служебный салон вне видимости пассажиров. Там она прибрала их доспехи и сняла скафандрик, оставшись в одном кружевном белье (в таком виде и разгуливала по салонам). Кащей тут же по уши влюбился в нее, а Глухой Черт подмигнул и ободряюще воспроизвел тот неприличный жест, из-за которого пострадал сегодня биржевой кассир.

— Руки держим при себе, договорились? — сказала Матильда (это имя было вышито на карманчике скафандра).— Это вы в лотерею талант выиграли? Значит, будете всю жизнь рифмовать?.. Скука... Но тоже занятие. Сейчас нас поздравит командир. Экипаж знает, что вы мой жених. Да, да, жених, у тебя плохой слух? Раз в сезон каждый член экипажа имеет право провезти в «Экспрессе» одного родственника. Жених — это что-то вроде родственника, верно? Наш командир, хотя и не питает любви к бесам, но без предрассудков. Сочувствует. Он направляется к нам. Улыбайся.

Не вздумай волочиться за мной по-настоящему... Я сама скажу, когда захочу...

Командир поздравил жениха и невесту. Кащеею даже говорить не пришлось. Он, командир, счастлив познакомиться с поэтом, или, во всяком случае, с бесом, собирающимся поэтом стать. Система оскудела поэтами, вы не находите? Нет, рифмуют, конечно... «Грозы-стервозы...» Да что толку? Немудрено, с тех пор как началась эта гонка за бессмертием, все как будто оглохли и онемели. Живого слова не услышишь, кроме мата. Он, командир, сделает все, от него зависящее... А это кто с вами? Брачный свидетель? Один из тех, кто оглох и онемел?..

Когда словоохотливый командир удалился, Матильда принесла жениху и свидетелью скромный звездолетный ужин — чай с пирожками. Они ели сегодня впервые.

— Теперь ты — наш! — объяснила Матильда, поправляя опавшую бретельку лифчика. — А ты ничего, скромный. Не сердись. Я б тебе отдалась, но сейчас не время. Потом, ладно? Твой спутник — командир боевой подпольной организации бесов. Законсервирован, законспирирован и замаскирован, но сегодня решил раскрыться и стать твоим личным телохранителем. Его настоящего имени никто не знает, даже я. Большого ума бес. Отличный организатор, агитатор и пропагандист.

— Кто агитатор-пропагандист?! — поразился Кащей. — Он же говорить не умеет — не то что двух слов связать!

— Но он тебе все здорово объяснил... Слова — пустой звук. Голая мысль в чистом виде — вот его идеал. Он умеет донести голую мысль в чистом виде... Телепатия, спрашиваешь? Не знаю. Он все слышит и умеет говорить, но дал обет молчания до полного освобождения бесов! Это — мужик! Ему б я тоже отдалась!

Кащей, жуя пирожок, с уважением поглядел на Глухого Черта.

«Не знаю, о чем вы там говорите, но женщина не права, — всем своим видом отвечал Глухой Черт. — В начале было Слово, и слово будет в конце. Потому-то я и молчу — о чем говорить в промежутке, зачем городить слова? Пусть говорят поэты; поэзия бессмертна — она спасет мир. Ты во что бы то ни стало должен добыть талант поэта, и тогда мы освободим бесов. Я доведу тебя до Лотерейного Центра. Не беспокойся, стрелять тебе не понадобится. Стрелять и резать буду я, а тебе достаточно ядерной гранаты... — Глухой Черт утер рукавом губы, допил чай и протянул Кащеею сверток. —

На, держи... Видишь проволочку? Дернешь за проволочку — выскочит иголочка. Подорвешь себя в Лотерейном Центре в случае необходимости. Смерть — моментальная и без мучений. Ты ведь об этом мечтал?»

Кащей чуть не подавился пирожком.

(Кащей, напоминаем, еще не умел отвечать на подобные вопросы.)

— Вы заблуждаетесь на мой счет,— зашептал он.— Я не умею стрелять и швырять гранаты. Я также не умею орудовать словом в целях агитации и пропаганды. Назначение поэта в обществе совсем в другом...

«В чем?»

— Совсем в другом!

«В чем, конкретно?»

— Вот в этом самом, в другом!

«Понял,— был ответ.— В другом — так в другом. Граната на крайний случай. Живым не давайся. Запомни: дернуть за проволочку, выскочит иголочка...»

Кащей с опаской спрятал гранату в дырявый карман пиджака. До полуночи оставался вечер, а до Ядра Системы они еще ни на шаг не продвинулись.

Но вот командир включил мигалку и стал разгонять «Вечерний экспресс» по силовому коридору. Пронеслись мимо будки дежурного ишака-стрелочника. Тот хлопнул рюмку, выглянул, узнал «вечерник» и включил наводящий прожектор-рельс. Пошли по зеленому лучу. Мелькали ремонтные службы нульпространственного коридора, недостроенная гостиница, футбольное поле на ржавом планетном якоре, три буксира в галактическом рукаве, таскающие звезды туда-сюда...

Наконец «Вечерний экспресс» сорвался с луча и, с выхлопом свернув пространственно-временную субстанцию в зеленую плеть, проткнул Подпространство и вынырнул у внешнего края Ядра Системы.

— Поторопитесь,— сказала Матильда.— Под нами третья планета. Командир согласился ожидать вас до полуночи, а потом — возвращаемся.

До полуночи оставался один час...

На третьей планете было уже темно, поэтому решили садиться точно по координатам, указанным в лотерейном билете — прямо в клумбу перед зданием Лотерейного Центра.

Сели и осмотрелись...

Если это был Лотерейный Центр, то тщательно законспирированный и замаскированный под обычное жилое здание. Ишаков нигде не было видно — засада, значит, в самом Лотерейном Центре.

Вошли... Лифт был открыт, но не работал. Оставили в нем скафандры и бегом отправились на девятый этаж. Глухой Черт скакал впереди по ступенькам, с беспокойством разглядывая лестничные площадки. Крашенные двери и двери в коже, глазки, звонки, половые коврики, медные таблички... «Перспективный бакалавр-биоэнергетик Такой-то», «Доктор органовведения Растакой-то», «Инженер-вахмистр Этакий»... Кащей уже чувствовал, что сейчас произойдет одно из тех недоразумений, которые так не вовремя украшают жизнь...

На девятом этаже решили позвонить в дверь с табличкой «Пенсионер особого назначения Разэдакий». Им открыл заspanный, еще не старый пенсионер в трусах.

— Кто такие?

Глухой Черт отодвинул пенсионера и вошел в квартиру.

— Чего надо?! — заорал тот.

Кашей протянул ему лотерейный билет.

— Ты что, билеты распространяешь?

— Тут указан ваш адрес...

— Действительно... — удивился пенсионер. — Действительно, адрес мой... Впрочем гляди лопух! Планета третья, но с какого края? С внешнего или внутреннего?

Глухой Черт вышел из комнаты, отобрал у пенсионера билет, перечитал адрес. Ударил себя кулаком по лбу и, нарушив многолетний обет молчания, многоэтажно выругался.

Кашей взглянул на часы кассира... До средней галактической полночи оставалось совсем ничего. Он принес извинения пенсионеру особого назначения и заспешил вниз. Но глупый пенсионер не пожелал принимать извинений и схватил Глухого Черта за руку:

— А талант у тебя есть, чтоб шляться здесь по ночам?

О судьбе этого пенсионера история умалчивает. Надеюсь, он остался в живых, потому что резать его ножом не было никакого времени. Глухой Черт свалил его одним ударом и захлопнул дверь.

...Опять одевание скафандров в темноте лифта...

Взлетели уже не таясь, с грохотом, на третьей космической скорости, разбудив всех окрестных ишаков. «Вечерний экспресс» болтался без дела на орбите. Радировали: «Планета третья, но не с того края! Ввели, понимаешь, нумерацию планет, будто в языке мало слов!»

Матильда уже открывала шлюз. Экипаж поможет начинающему поэту, даже если придется сойти с курса. Протесты пассажиров побоку. Скафандры можно не снимать, сейчас будем на месте. Садитесь прямо на крышу Лотерейного Центра — здание внизу, конечно, оцеплено...

За пять минут до полуночи Глухой Черт увлек за собой целую стаю дежурных патрульных ишаков, а Кащей в гордом одиночестве произвел посадку на крышу Лотерейного Центра — на этот раз без ошибки. Последние минуты ушли на то, чтобы сбросить скафандр и спуститься на девятый этаж к двери с надписью:

«Регистрация лотерейных билетов».

Часы за дверью стали бить галактическую полночь...

12

Кащей распахнул дверь ногой.

В кабинете сидел очередной удивленный ишак с талантом мелкого клерка.

— Зачем же ногами? — пожурил он.

— Зарегистрируй билет! — потребовал Кащей. — Сегодня еще пятнадцатое число, и я прибыл лично, как указано на обороте!

— Верно! — согласился клерк, прислушиваясь к бою часов. — За вами кто-то гонится?

— Регистрируй! — заорал Кащей.

Клерк повертел лотерейный билет и шлепнул на него лиловую печать.

— Издалека? — спросил он с сочувствием.

— Из Подпространства, — Кащей повалился на стул. — Вы будете проводить экспертизу или как?

— А что вы выиграли? Талант поэта?! Ого! Но вы не волнуйтесь, никакой экспертизы проводить не будем. Не нужна экспертиза. На вашем билете написано: «Явиться лично.» На настоящих билетах указывается: «или переслать почтой».

Так что я вам сочувствую. Ваш билет фальшивый. Кто-то над вами подшутил. Всякое бывает...

— Врешь, каналья! Так не бывает! — Кащей схватил стул и бросился на клерка.

Тот прикрылся портфелем и быстро сказал:

— Ладно, ладно... Пройдите в следующую дверь, там вас давно ожидают.

Кашей сгреб со стола лотерейный билет.

— Кто тут меня ожидает? — заорал он, вламываясь в следующую дверь.

В кабинете, куда ворвался Кащей, сидели двое с кофейником и бутылкой. Лицо одного из них было «непроницаемым» — значит, или идиот, или большой начальник. Второй показался Кашею знакомым, но вспоминать не было времени.

— Что за сброд? Кому я тут нужен? — спросил Кащей.

— Знаешь ли ты, с кем разговариваешь?! — опешили те.

— Сейчас узнаю! — Кащей сбросил пиджачок и засучил рукава. Подавать себя к этому полуночному ужину следовало именно так: агрессивно. Для начала он собирался снести со стола бутылку с кофейником, но потом вспомнил и вытащил сверток с проволочкой.

— Ого! — удивилось второе лицо. — Какой ураган! И всего лишь за полдня! Где вы гранату раздобыли?

Кашей, наконец, узнал утреннего Переписчика Населения.

— Опять вы? Перепись населения, реставрация стихов из пепла?

Гранату Кащей все же опустил, но начальники поняли, что на испуг его не возьмешь. Они протянули свои визитные карточки. Кащей прочитал на первой: «Галактический министр по делам бесталанных», на второй «Товарищ галактического министра по делам бесталанных».

→ Вы-то мне и нужны, начальники! Что это вы развели — за талонами в очередях стоять!

— Вот народ, сразу права качает! — сокрушился бесталанный министр. — Давайте лучше поговорим о вашем лотерейном билете. Мы с утра поджидаем вас. Прошу, рюмку...

Ладно, просят... Кащей налил рюмку.

— Видите ли, ваше столь опасное путешествие было результатом нашего дружеского спора и одновременно социальным экспериментом на выживание. Мы с товарищем редкостные спорщики. Я утверждал, что любой бес, даже

самый талантливый, даже если очень захочет — а очень захотеть ему поможет подброшенный фальшивый лотерейный билет — все равно не сумеет проделать такой путь за столь короткое время. Как видите, я проиграл. С чем вас и поздравляю. Для вас уже заготовлены значок и удостоверение старшего интенданта Центральных Правительственных Складов. Ваши усилия счастливо завершились.

— Плевал я на твои Правительственные Склады, — потряс свертком Кащей. — Талант поэта, или вы отсюда никогда не выйдете.

— Неуживчивый тип, — поморщился министр бесталанных. — Где ты такого нашел?

— Талант поэта — или грохоту на всю Систему! — продолжал Кащей.

— Вы, как видно, не понимаете, — начал уговаривать товарищ министра. — Зачем вам поэтический талант? О чем вы толкуете?.. Поэзия... Ведь это фу-фу... Облака, ветерок, пустой звук... Подумайте сами: это не вещь-ст-вен-но! Если вам так нравятся таланты на букву «П», то... вот список, выбирайте! Таланты переплетчика, повара, парикмахера, пиротехника, пожарника, продавца, паромщика... чем плохо на пароме, а?.. парашютиста, писаря, почтальона и так далее! Хотите сразу несколько талантов — пожалуйста! Запугаетесь, заживете... Миллионы бесов мечтают о небольших способностях, а вам все сразу! Вы думаете, стоит там сделать какой-то укол, и бесталанный станет талантливым? Ерунда! Мифология бесквартилов. Талант — это Бог знает что, никто не знает. Конечно, я могу выдать вам значок поэта, но очень многим рискуете. Вас ожидают большие разочарования.

Товарищ министра в припадке откровенности сболтнул лишнее, министр строго на него посмотрел. Мифология бесталанных кварталов была совсем уже ни к чему. Перед Кащеем будто сдернули покрывало с памятника, а памятника не оказалось — кто-то ночью спер.

— Если без укола — еще лучше! — отвечал Кащей. — Меня устроит значок и удостоверение. И побыстрей! Если не хотите познакомиться с моим телохранителем...

А Глухой Черт уже рвался в кабинет, таща за собой полдюжины вцепившихся в него ишаков.

Кащей поднял сверток на вытянутой руке и натянул проволочку.

— Не двигаться! — заорал на ишаков товарищ министра.

Последовала процедура открывания сейфа и доставания из него голубой атласной коробочки. На свет наконец появился золотой значок — стило и загнутый лист бумаги были изображены на нем.

— Удостоверение! — потребовал Кащей. — И заодно значок и удостоверение старшего интенданта Правительственных Складов!

— Для друга? — уточнил товарищ министра.

Глухой Черт отбивался от ишаков из последних сил.

— Нет, для себя, — ответил Кащей.

Он бросил значок и удостоверение интенданта себе за подкладку, подошел к Глухому Черту и навесил ему на пиджак значок поэта.

Глухой Черт окончательно онемел.

— Вот он-то и есть настоящий поэт из всех присутствующих, — с пафосом объявил Кащей. — Он точно знает, что должен делать поэт в загаженном, как подворотня, обществе! Вы его еще услышите!

— Браво! — сказал министр бесталанных.

Ишаки топтались в дверях и не знали, что предпринять.

— Чего вам? — спросил товарищ министра.

— Этих бесов обвиняют в подделке лотерейного билета, а также в подстрекательстве к бунту сегодня утром.

— Можете возвращаться, сержант. Передайте по линии, что операция прекращена. Бесталанные граждане были достигнуты уже в качестве талантливых, о чем подтверждают значки и удостоверения. Лотерейный билет погашен, выигрыш выдан, талант оприходован.

— Но... Нельзя ли забрать?

— Это как?

— Ну... Конфисковать.

— Я вас не понимаю, сержант! Как вам должно быть известно, талант является личным достоянием и внутренним качеством индивидуума. Любой талант — врожденный или приобретенный — охраняется законом и конфискации не подлежит.

Кащей с Глухим Чертом, преглупо блиставшим золотым значком, отправились на крышу Лотерейного Центра, а оттуда «Вечерним экспрессом» в свое бесталанное Подпространство, которое следовало развалить и собрать заново. Кащейю опять не повезло — Матильда, благосклонно глянув на него, бросилась на пиджак Глухого Черта. Это был пиджак

поэта. К такому пиджаку хотелось прильнуть. Таким пиджаком можно было размахивать, как флагом. Носить его впереди толпы, чтобы значок сверкал на солнце. Женщины всех цивилизаций на такие дела падки.

А что было дальше — все знают: резня, переворот, опять резня, опять переворот — и еще много-много раз повторение цикла; и наконец — Очередное Счастлирое Будущее, в котором мы с вами живем. Кащей же Бессмертный в глубокой старости, глядя на эти циклы, сделался скверным крючконосым существом со вздорным характером; и все никак не мог помереть — до тех пор, пока не сказал свое последнее Слово: подорвал себя в своем Замке той самой гранатой, дернув за проволочку и выдернув иголку.

13. ПРИЛОЖЕНИЕ

Ненаписанные, а также возрожденные из пепла
стихи Кащея Бессмертного.

Перевод с карданвальского Игоря Кручика.

Я не поэт. Но нет, не потому,
Что не верчу богемой и толпой,
Что чувства подначальственны уму,
Что не владею словом и собой.
Какой бы ни случился мне билет —
Я просто слабый рифмователь. Ведь
За звание дебильное — «Поэт»
Страдать не соглашусь. И — умереть.

Что же такое душа?
Слышим об оной мы сплошь.
Межет, она — анаша,
Дурь, от которой балдеж???
Ну-ка, в словарь посмотреть!
«Хлеб...» — возглашает словарь, —
...с четким стремленьем черстветь,
Окаменяясь в сухарь».

Мне говорил шмонающий ишак:
«Живи! Но усеки и не отчайся:
Вселенная похожа на пиджак,
И пламенный утюг — ее начальство.
Ну, а подкладка малость расползлась,
И там, в Заподлицовье, в масть норядку
Рукав по локоть засучивши, власть
Невидимая — штопает подкладку.
Как в нуль-пространстве протыкают путь
(сквозь лацкан — до подкладки) звездолеты,
Так нужно шилом вовремя проткнуть
Пиджак для бляхи, явствующей, кто ты».

Цистерну надобно ума,
Дабы постичь цитаты эти:
«Познай, где свет — поймешь, где тьма»,
«Прохавал жизнь — просек бессмертье».
Одну под вечер бытия
Ученый выдал (ШЭкон? . Бартли?);
Другую, скажем прямо, — я!
И совершил открытье вряд ли.
Ведь нечто новое ища.
Ты не отыщешь даже мизер.
Давно все есть. роддом, праша,
Соната, средство от прыща,
Бог, лотерея, телевизор!

Виноват Гдемокрит,
Фрезерфорд ли виновен
В том, что мир состоит
Из мельчайших хреновин?
Я загнусь, как любой...
Но ведь может случиться:
Прах развеянный мой
Соберут по крупнице.
Опосля монтажа
Встану — ярый, как водка.
Где ж возьмется душа?
В каждом атоме. Вот как

Я тебя люблю
Пять, наверно, лет
Будешь ты в раю
Я, наверно, нет
Пью и предаю.
В ад мне взят билет!
Будешь ты в раю — Вспоминай. Привет.

РЕКВИЕМ ПО САЛЬЕРИ

Из музыкальных опусов Змея Горыныча

*Детективное либретто для исторического балета
в 2-х действиях с увертюрой и апофеозом.*

Действующие лица:

Все названные по ходу либретто действующие лица
и исторические личности
должны нам что-нибудь станцевать.

УВЕРТЮРА

История — Великий Балетмейстер.

Не странно ли: исторические личности на сцене Истории
всегда танцуют парами: назовешь одного — сразу же явля-
ется второй.

Возьмем кого-нибудь наугад, например:

Кирилл и Мефодий,
Чернышевский и Добролюбов,
Гдлян и Иванов,
Тристан и Изольда,
Данте и Алигьери,
Робинзон Крузо и Пятница,
Карл Маркс и Фридрих Энгельс,
Каменев и Зиновьев,

Роберт Рождественский и Евгений Евтушенко
и многие-многие другие — этот список можно продол-
жать до бесчувствия.

Получается какая-то дурная закономерность:

ЕСЛИ НЕТ ПАРЫ, ЗНАЧИТ,
ЛИЧНОСТЬ НЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

Получается так...

Объяснение этой парной закономерности простое: у лю-
бого нормального человека всегда найдется друг (например,
Огарев), враг (Троцкий), любовница (Клеопатра), сын (Дю-
ма-младший), брат (Райт, Гонкур или Вайнер), сват, кум, со-
сед и так далее — поэтому, как только человек становится ис-
торической личностью, он автоматически тащит с собой на
сцену Истории того, кто первым подвернулся за кулисами.
Впрочем, для закона парности существует и другое про-
стейшее объяснение: конечно же, в реальной жизни исто-
рические личности бродят не только парами, но и триум-
виратами, и дюжинами, и даже волчьими стаями, — но, к
сожалению, господам Геродотам (Флавиям, Карамзиным)
лень или недосуг описывать Историю во всем ее многооб-
разии, и они толкуют ее к о н ц е п т у а л ь н о, по заданной
схеме «один плюс один», например: «Поссорились как-то
Михал Сергееч с Борис Николаичем и развалили Совет-
ский Союз...»

Так получается...

Но что это мы все о политике да о политике — криминаль-
ная История гораздо интересней, тем более, что криминали-
стика тоже подчинена закону парности. Ежу понятно: если
есть труп, значит, есть и убийца. Вызовешь на бис одного —
выходят вдвоем, например:

Давид и Голиаф,
Брут и Цезарь,
Иоан Грозный и его сын,
Борис Годунов и царевич Димитрий,
Стенька Разин и княжна,
Джугашвили и жена...

Но мы, кажется, опять ударились в политику... Возьмем лучше какую-нибудь криминальную пару из мира искусства — пусть танцует, а мы на ее примере рассмотрим процесс раздвоения и деградации творческой личности в наше нелегкое время. Возьмем хотя бы всем известных Моцарта и Сальери — чем не классическая криминальная пара?

Хорошо.

Берем Моцарта и Сальери.

Оркестр заканчивает увертюру.

Занавес медленно-медленно поднимается.

Действие 1

СМЕРТЬ САЛЬЕРИ

Сцена 1

Печка в Центральном Доме Композиторов — все действующие лица должны от нее танцевать. На стене висит портрет Петра Ильича Чайковского. Под портретом — ружье Чайковского, двустволка. В центре сцены — Мягкое Потертое Кресло и шикарный черный рояль типа «Стейнвей Д». На рояле дымит медный тульский самовар.

Вначале, по старшинству, на сцене появляется Сальери и, кряхтя, усаживается в Потертое Кресло. Сальери старше Моцарта лет на сорок — когда он у гроба Сталина в почетном карауле стоял, Моцарт еще под стол пешком не ходил.

Итак, живет в Москве (можно и в Питере или в Новосибирске, но жить в Москве все-таки ближе к делу) такой весь из себя Сальери Антонин Иванович, композитор (можно и художник или писатель, но пусть уж по традиции Сальери будет композитором), русский (итальянского происхождения), 1912 года рождения, заслуженный, Гертруда и проч. Усаживается в Потертое Кресло и начинает пить утренний чай из тульского самовара. Как вдруг выскакивает на сцену его любимый ученик — Моцарт Валерьян Амадеевич, а попросту «Валера», — молодой, глупый, гениальный, тоже русский (но неизвестно какого происхождения, хотя в фамилии

присутствует подозрительный корень «моца»...) и начинает выделывать всякие антраша и кренделя в три с половиной оборота и ни в грош не ставить Сальери — дескать, «старый веник, плохо метет, загородил молодым дорогу, ни пройти, ни проехать».

И все это происходит не в каком-то там занюханном 197... определяющем, решающем или завершающем году какой-то очередной пятилетки качества из количества, а на самом что ни на есть историческом переломе — предположим, в году 1991-м.

Возникает вопрос: что должен делать Сальери в этой пиковой ситуации?

Самое простое и умное — сидеть, пить чай.

Но самое простое не всегда получается, а на самое умное чаю не хватит. На «старого веника» можно бы и не обижаться — сойдет, как признание заслуг; но Валера Моцарт в кулуарах совсем уже распоясался: и композитор из Сальери хренниковый, и музыка у него соцреалистическая, с мелодией, и Гимн Удыгейской автономной области не Сальери написал, а Ференц Лист, а Антонин Иваныч свою подпись поставил и получил Ленинскую премию; и дачу себе Сальери за казенный счет отгрохал, и служебную машину почем зря на базар гоняет — в общем, все как положено, полный джентльменский набор обвинений.

Нельзя же так.

Что посоветовать Антонину Иванычу, которому Моцарт всю оставшуюся жизнь отравил?

«Ответить тем же! — подумает иной нетерпеливый балетоман. — Отравить Моцарта! Пригласить этого Валеру-Швалеру в ресторан Центрального Дома Композиторов — мол, посидим, выпьем, поговорим, — подсыпать ему яду в стакан с водкой, и с концами».

Ничего себе!

Сцена 2

Все тот же Дом Композиторов. Справа — гардероб, слева — ресторан, посередине — женский и мужской туалеты.

План отравления Моцарта не проходит — и вот по каким причинам:

Во-первых, что ни говорите, а так порядочные люди не поступают. Прав поэт: гений и уголовщина в наше время несовместимы. Представьте на минуту такую сцену:

Юрий Бондарев в ЦДЛитераторов подсыпал яду в стакан своему тезке Юрию Нагибину...

Нонсенс!

Или наоборот: Василий Аксенов в том же доме взял да отравил грибочками Валентина Распутина...

Нет, это невозможно! Нет, нет и нет!.. Дичь какая-то! Эти люди не то что пить вместе не станут, но и газетку читать рядом не сядут.

«Не верю!» — как сказали бы хором Станиславский и Немирович-Данченко.

В самом крайнем случае могут сжечь чучело врага, но отравить не отравят, внутренний гений не позволит, а гений внутри Сальери конечно присутствует — хоть и потрепанный, злой и скособоченный, но тоже не лыком шит. Ведь учениками Сальери, кроме Моцарта, являются такие гении музыкального искусства, как Людвиг ван Бетховен, Ференц Лист и Франц Шуберт. Чем же гений учителя хуже гениев ученических? Сальери этим вурдала... вундеркиндам носы утирал, на «Стейнвейе Д» учил играть, концерты в фининспекц... в филармонии пробивал — предположим, что ученики обогнали учителя в области музыкального совершенства, но не до такой же степени, чтобы травить всех подряд?

Это во-первых.

Во-вторых: криминалистика сегодня поставлена на такую научную основу, что мимо криминалистов мышшь не пробежит, и мышьяк не проскочит. Представьте такую сцену:

Ресторан ЦДКомпозиторов, затравленный Сальери подсыпает яду в стакан Моцарту, извиняется за свой старческий мочевого пузырь, отправляется в туалет, а потом хватает в гардеробе пальто, и с концами; а Моцарт ждет, ждет, не выдерживает, хлопает стакан водки и... брык на пол!

Естественно, весь кордебалет в панике мечется по сцене и заламывает руки:

«Что это с Валерой случилось?!.. Из-за одного стакана водки — с копыт! Не бывало такого!»

Естественно, администрация ЦДК вызывает «скорую помощь», труп Моцарта увозят на вскрытие, обнаруживают в крови мышьяк (а лучше цианистый калий) и глубококомысленно произносят:

«Ага!»

Сцена 3

И пошло-поехало: милиция, уголовный розыск, судмед-экспертиза, допросы свидетелей. Следователь УГРО — демонического вида человек, в черной тройке, с красными глазами — сразу решает танцевать от печки и задает немой вопрос (это они умеют) шеф-повару ЦДК:

«Не знаете ли, любезный, кто подсыпал цианистого калия Моцарту в голубцы?»

Шеф-повар — тоже брык на пол и лежит на авансцене без сознания.

Тогда довольный следователь танцует от печки к роялю, сверкая в луче театрального прожектора красными глазами. Он поглаживает крутой бок тульского самовара и в пол-оборота спрашивает у метрдотеля:

«А почему у вас ружье на печке висит? Предъявите разрешение на хранение огнестрельного оружия».

«Так оно же музейное! — пугается метрдотель. — Оно не заряженное и вообще никогда не стреляло! Прикладом этой двустволки повар Петра Ильича Чайковского бил свинные отбивные барину на обед!»

«А подать сюда повара Петра Ильича!» — требует этот черный человек с красными глазами, подбирая пальцем на рояле Чайковского «Собачий вальс».

«Так он же умер от горя в прошлом веке, не пережив смерти барина!» — объясняет метрдотель языком танца.

«Вот так раз!.. Ладно, Бог с ним, с поваром, а вот не помните ли, кто последним сидел за столиком с Моцартом до того как?..»

Метрдотель сразу в кусты:

«Не помню, спросите официанта».

Появляется белый официант, с бутылкой коньяка, с фужером, с салатиком для черного следователя, и жестами показывает:

«Сальери!»

«Ага!.. А где тот граненый стакан, из которого Моцарт водку пил?»

Официант исполняет танец граненого стакана:

«Помыли, разбили и выбросили!»

«Ладно, обойдемся без стакана», — решает следователь, выпивает из фужера коньяк, закусывает салатиком и обращается к старенькому гардеробщику, показывая пальцем на

Доску Почета Композиторов, где первой висит фотография Сальери:

«Этого человека знаете? Что он делал такого-то числа приблизительно около четырех?»

«Театр начинается с вешалки, — приплясывает издаലെка гардеробщик. — Кто же не знает Антонина Ивановича Сальери?.. Такого-то числа приблизительно около четырех этот маразматик как всегда вышел из женского туалета с расстегнутой ширинкой, дрожащими руками схватил чужое пальто и убежал — даже рубля на чай не оставил, скотина!.. Стоп! Да неужто Антонин Иваныч... это...» — хватается за голову гардеробщик.

«Что «это»? Говорите!»

«Быть того не может! А Валера, бедняга, не успел свой «Реквием» написать! Бывало придет сюда в гардероб, выпьет шкалик и жалуется: Михалыч, говорит, — это я Михалыч, — хочу вот «Реквием» написать... Да неужто Антонин Иваныч отравил Валерку Моцарта?!»

«Отравил, отравил, — успокаивает Михалыча следователь. — Но об этом пока никому ни слова!»

Сцена 4

Так что травить Моцарта нет никакого резона — во-первых, собственный гений не позволит, во-вторых, все сразу раскроется.

Что же все же делать Антонину Иванычу? На дуэль Моцарта не вызовешь — какие уж там дуэли, прости Господи.

В морду, что ли, Моцарту дать?..

В принципе, можно и в морду... Но ведь морда — понятие растяжимое и относительное. Сальери, хотя и представительный мужчина, но больной и старый, а Моцарт — наоборот, молодой и здоровый, под два метра ростом, кулачищи — во! Когда Моцарт выпимши садится за «Стейнвей Д» и начинает кулаками по клавишам молотить — гром небесный!

Ну, можно, конечно, вклеить пощечину, можно. Ну, оближется Моцарт и ничем не ответит, постесняется учителю отвечать — значит, пощечина не выход, а всего лишь небольшая психологическая разрядка.

Здесь требуется нечто этакое...

Что же посоветовать старику?

Опытный балетоман уже заметил, что Моцарт моложе Сальери лет на сорок — по сцене передвигается легко, прыгает высоко и далеко, балерин вертит и ставит во все позиции, как хочет. Все вроде бы у него хорошо и даже отлично, но чувствуется в Моцарте некоторая... задумчивость, что ли?... Некоторый автоматизм в танце — вертит балерину и так и эдак, а думает о чем-то своем. Это конечно не дефект, когда человек думает, но специалист понимает — это вроде как заниматься в постели любовью с Прекрасной Дамой, а думать черт-те о чем, будто на работу пришел.

«Вкалывает Моцарт... — с грустью замечает опытный балетоман. — Работает... А гений и работа — несовместимы. Сколько же это Моцарту лет получается, если при Сталине он еще под стол пешком не ходил?... Да не такой он уже и молодой, Валера — Пушкина пережил. Ему уже 39 лет, за ним во-он сколько молодых в очередюге стоит!»

А Сальери, надо учесть, мужик умный и дошлый, хотя и композитор. Он все видит. Он прекрасно понимает, что его светлые застойные времена безвозвратно прошли, и пора, пора сходить с этой балетной сцены, пока не растоптали статисты. Антонин Иванович прикидывает: с деньгами у него хотя и не худо, но надвигающаяся Галопирующая Инфляция все сожрет, с этой Примой-балериной шутки плохи, она любого балетмейстера раскрутит и поставит в непристойную позицию, никакие накопления не спасут; зато дача, квартира, автомобиль и прочая твердая недвижимость у Сальери имеется, а уж музыки на слова советских поэтов он столько насочинял, что хватит и детям, и внукам, а правнукам останется.

И это хорошо.

«Жизнь прожита, и прожита не зря, — размышляет Антонин Иванович. — Всякое бывало... Даже больно бывало, но не мучительно. Утром по гудку не вставал, на фронте бывал только с концертами, от Архипелага Семен Буденный уберег, от звонка до звонка не вкалывал, а пахал и сеял разумное, доброе, вечное исключительно на ниве музыкального искусства. И слава Богу! Пора, пора уходить. Мне 80 лет. Здоровье ни к черту, но еще держусь. Ох, как хочется еще поработать в свое удовольствие — написать, например, давно задуманную симфонию ми-бемоль мажор... Или концерт для фортепиано и скрипки с оркестром...»

И вот хитрый Сальери решает уйти без боя. Добровольно освободить Моцарту Потертое Кресло Главного Композитора

Вся Страна. Подает заявление по форме: «ПРОШУ УВОЛИТЬ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ В СВЯЗИ... и т. д.»

Моцарт приятно удивлен и не чувствует подвоха. Прощальный банкет, все как положено. Моцарт от всей души произносит заздравную речь в честь нашего дорогого юбиляра и пьет за его здоровье полный фужер хорошего неотравленного коньяка. Антонину Ивановичу вручаются памятные адреса и дорогостоящие подарки. Исполняются популярные песни Сальери на слова советских поэтов: «Катись колбаской», «Машинистка бронепоезда», «Кабул нам только снится» и другие. Начинаются половецкие пляски. К ночи все — в драбадан. На следующий день — похмелье. А утром третьего дня Антонин Иванович попивает чай из тульского самовара, не спеша собирает вещички, целуется с Моцартом, которому уже невтерпех усесться в Кресло, отдает ему ключи от пустого сейфа, крестится на портрет Чайковского и уходит, оставляя Моцарту отравленную приманку.

Пост сдал — пост принял; Король умер — да здравствует Король!

Ты этого хотел, Валера?

Сцена 5

И Валерьян Амадеевич, представьте, на эту отравленную приманку клюет!

Да еще пританцовывает и потирает руки — здесь, за печкой, у него будет малое предприятие с ограниченной ответственностью «МИНОТАВР», в гардеробе разместится кооператив «КАБЫСДОХ», в подвале — совместно-австрийский концерн с неограниченными правами «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ»; на чердаке, если вышвырнуть старую виолончель, — японская шоу-фирма «КАРМАН-СЮИТА», а на крыше под облаками совсем уже эфемерный международный «ФОНД ПОМОЩИ ПЬЮЩИМ И НЕ ЗАКУСЫВАЮЩИМ МУЗЫКАНТАМ»; но не это главное — главное разместится на втором этаже: музыкально-акционерное общество «РЕКВИЕМ» для обслуживания похорон крупных и выдающихся деятелей, — а то и здесь у нас полный беспорядок, собственных теневых экономистов похоронить тол-

ком не умеем, как сказал бы старенький гардеробщик Михалыч.

И все это конечно в рамках Закона и портрета Чайковского; иначе — Боже упаси! — за кого вы Моцарта принимаете?

В общем, Антонин Иванович со своими соэнакоплениями и неподвижностью просто-напросто младенец перед Валерьяном Амадеевичем! А с госпожой Галопирующей Инфляцией у Моцарта будет разговор особый — ее бурное появление и бешеные скачки на балетной сцене Моцарта не пугают. Захочет Валера — и уедет в Веймар по приглашению самого Иоганна Баха, пересидит, переждет, сыграет у него на органе прелюдию из какой-нибудь фуги 1-го тома «Хорошо темперированного клавира»; захочет — пригласит в Москву белоэмигранта Рахманинова, попьет с ним водки из тульского самовара, а потом махнут с рок-концертами по российским городам и весям, никакая Инфляция не утонится.

Кто бы не клюнул на месте Моцарта?

Еще бы! Хоть Валера у нас и постмодернист, и соцартист, и митек, и витек, и в сторожах, и в котельных, и в диссидентах кантовался, — но вот освободилось Потертое Кресло у рояля Чайковского, и он, Моцарт, наконец-то оказался при Деле. А главное Дело для Моцарта — какое?.. Конечно же, Музыка — Святая Музыка! Пусть ты хоть демократ, либерал или, допустим, патриот, пусть даже бывший коммуняка или, еще хуже, человек любой национальности, но здесь, в этом Кресле, ты должен пахать и сеять на ниве Музыкальной Культуры — культурку надо поднимать, ядрена вошь, а то здесь у нас полная целина, в балет приходят с семечками и с мороженым, сволочи! — как сказал бы старенький Михалыч.

И Моцарт начинает пахать и сеять, Моцарт наступает на горло собственным кантатам и ораториям, сонатам и симфониям, операм «Дон Жуану» и «Волшебной флейте»; Моцарт готовит презентацию похоронно-акционерного общества «Реквием» и лишь иногда вздыхает и жалуется друзьям — Людвигу Бетховену, Францу Шуберту и Ференцу Листу, когда те боязливо заглядывают на самовар в ЦДКомпозиторов:

«Ну нету, нету у меня времени для «Свадьбы Фигаро»! — жалуется Валера, наливая старым друзьям из самовара и бренча пальцем по одинокой клавише. — Все дела, дела, дела... Не знаете ли, ребята, где достать приличный труп для

образцово-показательных похорон?.. Думайте, думайте — для вас же стараюсь — больных и пьющих! Поверите ли, братцы — начинаю раздваиваться! Фигаро — тут, Фигаро — там! Застрелиться, что ли?..»

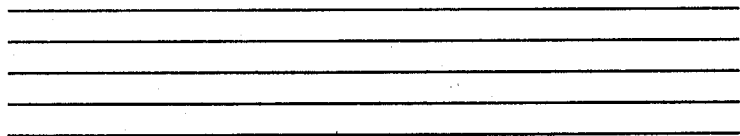
И недвусмысленно поглядывает на двустволку Петра Ильича Чайковского.

«Что говоришь, Валера?..— переспрашивает Людвиг Бетховен, приставляя ладонь к уху.— Извини, не расслышал... Повтори последнее слово».

Бетховен почти совсем оглох (кто сказал, что гений и уголовщина несовместимы — уже в перестроечные времена Бетховену в пересыльной тюрьме уголовники барабанную перепонку перебили), но зато он в той же пересылке написал свою знаменитую 6-ю симфонию и сейчас взялся за 7-ю. А Шуберт с Листом — первый в подвале, второй на чердаке — все пишут, пишут, пишут и пишут нотные закорючки на разлинованной бумаге, и нотной бумаги им не хватает! Слышите, спонсоры:

ШУБЕРТУ И ЛИСТУ НЕ ХВАТАЕТ НОТНОЙ БУМАГИ!

А нотная бумага (для тех, кто забыл или никогда не видел) выглядит так:

Шуберт уже написал 600 (шестьсот, ШЕСТЬСОТ!) романсов на стихи Гете и Шиллера, и сейчас взялся за «Прекрасную мельничиху»; а Лист — тот вообще создает новое направление в пианизме: придает фортепиано оркестровое звучание, превращая его (фортепиано) из салонно-камерного инструмента в инструмент для массовой аудитории, применяя при этом принцип **МОНОТЕМАТИЗМА** — слышите, спонсоры?.. где вы еще такое слово услышите,— как сказал бы старенький гардеробщик:

МО-НО-ТЕ-МА-ТИЗ-МА!

Так что зря Валера ребят спаивает, их даже на чистом спирте «Рояль» не проведешь — проспят, выйдут из запоя и опять начнут писать Музыку с Большой Буквы и жалеть Моцарта (почему бы и не пожалеть?):

«Ну нету, нету у Валеры времени для «Свадьбы Фигаро»! Для нас же старается! Раньше мы водку где пили? По чердакам да котельным, а сейчас? В Доме Композиторов из тульского самовара Чайковского!»

Но и Моцарт жалуется и вздыхает с некоторой долей лицемерия — Дела-то у него идут неплохо; и на двустволку посматривает, отлично зная, что она не стреляет. Ну нету, нету у него времени для «Дон Жуана», занят он презентацией похоронного общества, для вас же старается, раздваивается, наступил на горло собственным Донжуану и Фигаро, жалуется, не понимает, что он — М о ц а р т, а не хрен с бугра!

МОЦАРТ!

Что он — г е н и й, что МОЦАРТ должен быть выше всего этого, а получается все наоборот — ВСЕ ЭТО выше его, Моцарта. Не понимает Моцарт, что он собственными руками убивает в себе М о ц а р т а — уже убил! Что все это Сальери нарочно подстроил, чтобы отомстить ему: на, бери, садись в это хренниковое Кресло — это же не кресло, а электрический стул, друг-Моцарт. Здесь ты сам себя и убьешь, Валера. Сам на собственном горле замкнешь провода и не напишешь ни первой, ни второй — никакой симфонии, а сгинешь, как сука, на этом потертом месте, и не будет Моцарта, будто и не было. Найдутся добрые люди и спросят:

«А кто он такой — Моцарт? Бетховена знаем, Шуберта, Листа знаем, а Моцарта — нет».

А Людвиг ван Бетховен приставит ладонь к уху и переспросит:

«Что вы спросили?... Не расслышал, извините».

«Моцарт, спрашиваем, кто такой? — обозлятся добрые люди.— За что деньги плочены? Что этот пресловутый Моцарт такого сделал?»

А Франц Шуберт пожмет плечами:

«Не помним... Не знаем... Нету такого... И никогда не было».

И тогда Ференц Лист вздохнет и поправит:

«Был Моцарт, да весь вышел».

Вот до чего додумался хитрый Сальери — убить Моцарта медленной и мучительной смертью его же собственными руками, безо всякого цианистого калия.

И вот однажды Антонин Иванович, наблюдая из своего прекрасного далека за раздвоением и смертью Моцарта, которую сам же подстроил, очень развеселился и решил отметить это событие, помянуть Моцарта добрым словом, все же Моцарты умирают не каждый день. Купил бутылку относительно дешевого китайского спирта, включил телевизор и сел за старенький клавиесин своей юности, что на его даче в Перестройкино. Смотрит себе футбол «Спартак» — «Тмутаракань», наливает рюмашку, наигрывает «Чижики-пыжики» и душевно отдыхает — что старику еще надо?

Выпил рюмку, выпил две...

Чувствует: закружилось в голове, а в животе что-то не то-во... Спирт какой-то плохой попался... То ли древесный, то ли метиловый (что-то китайцы не в себе в этом деле, авторучки не в пример лучше делают). Короче, выпил Сальери на всякий случай третью рюмку, не досмотрел первый тайм и... как говаривал его великий тезка, Антон Павлович Чехов: «Лег на диван и... помер».

Занавес медленно-медленно опускается.

А н т р а к т .

Зрители бегут в пустой буфет, где, кроме китайского спирта, ничего не наливают.

Действие 2

ПОХОРОНЫ САЛЬЕРИ

Во 2-м действии партию умершего Моцарта исполняют два других танцора:

Э к с - М о ц а р т

и

Л ж е - М о ц а р т

Сцена 1

Дача Сальери в Перестройкино. Диван, клавиесин, телевизор. На диване лежит Сальери. По телевизору идет программа «Время».

Не помер Сальери, не помер! Живой! Это Моцарт умер, как и положено, а Сальери — живой!

Спирт конечно был дрянь, Сальери плохо себя почувствовал, испугался и прилег на диван, примерился...

Но все как-то обошлось. Проспал весь второй тайм вместе с программой «Время» и очнулся сразу после спортивных новостей («Спартак» все-таки сумел выиграть у «Тмутаракани» один-ноль — браво, маэстро!), как раз в тот момент, когда какой-то странный человек в черном костюме с красными глазами брал интервью у Моцарта о состоянии музыкальных дел в стране.

Смотрит Сальери и не понимает: в глазах, что ли, двоится?.. Печка — одна, дустволка — одна, рояль, самовар, черный человек — одни, а Моцартов — двое!..

Вроде Моцарты и... вроде не Моцарты. Похожи на Моцарта и... не похожи на Моцарта... Один, Лже-Моцарт — обрюзгший, с животом и вторым подбородком; другой, Экс-Моцарт — облысевший дистрофик с кривыми ногами.

«О чем интервью-то?» — пытается сообразить Сальери.

«Ну-с, расскажите, что там у нас с музыкой происходит?» — спрашивает обоих Моцартов этот черный человек с мефистофельской ухмылкой.

«Сплошная разруха, как и везде», — отвечают братья-близнецы и начинают жаловаться на свою жизнь: что им и ТО мешает, и ЭТО...

«А я слышал, завтра у вас презентация музыкально-акционерного общества «Реквием»?..» — перебивает черный человек, думая о чем-то своем.

«Ну да», — отвечают Псевдо-Моцарты.

«Похоронное, что ли, общество?»

«Ну да... Хоронить-то надо с музыкой», — вроде бы оправдываются близнецы.

«А с прибылью — что намерены делать?»

«Прибыль пойдет в «Фонд помощи пьющим и не закусывающим музыкантам».

И так далее: прибыль, акции, дивиденды.

Не интервью, а допрос какой-то...

И ни слова о Сальери!

Эти преступные господа, убившие в себе Моцарта, так заработались на посту Сальери, что про самого Антонина Иваныча намертво забыли. Раньше у Сальери брали интервью и этот... как его — с акцентом и с сигареткой, и тот... который

с наушниками, и даже тот самый — с именным подарочным револьвером, а сейчас Сальери уже нуль без палочки, и какой-то странный человек, похожий на следователя ОБХСС, берет интервью у этих плохих танцоров, которым, как известно, и ТО, и ЭТО, и ВСЕ мешает.

«Вот так: умрешь, и никто по тебе даже «Реквиема» не сочинит! — злится Сальери, сползая с дивана.— Ну, погодите! Я уважать себя заставляю! Будет вам первый труп, будут вам образцово-показательные похороны!»

То ли от старости, то ли от дрянного спирта, но Антонин Иванович задумал шутку совсем уж бородатую и дурного тона — отправился поздним вечером по перестройкинскому бездорожью на телеграф и послал срочную телеграмму, воспользовавшись сонной и неопытной телеграфисткой (а сколько раз ее предупреждали: «Анюта, не спи на работе!»):

ТЕЛЕГРАММА

БЕТХОВЕНАМ, ШУБЕРТАМ, ЛИСТАМ,
ВСЕМ СОВЕТСКИМ КОМПОЗИТОРАМ
ТОЛЬКО ЧТО СКОРОПОСТИЖНО
СКОНЧАЛСЯ САЛЬЕРИ
ПОХОРОНЫ ЗА ВАШ СЧЕТ

САЛЬЕРИ

И ни слова о Моцарте.

Сцена 2

К прежней обстановке ЦДКомпозиторов добавляются: японский телевизор, небольшой складик ксероксов и компьютеров, коллекция пустых причудливых бутылок с иностранными наклейками, пустые коробки из-под гуманитарной помощи и прочие приметы нашего времени.

Так конечно порядочные люди не поступают. Хочешь, чтобы тебя уважали,— умирай честно и не будоражь общественное мнение. Но, что дозволено Юпитеру, то заправленному старику простительно. Тем более, Антонин

Иваныч под телеграммой честно подписался: «СА-ЛЬЕ-РИ». Дураку понятно. Даже умный подумает-подумает и поймет: шутка.

Но случилось непостижимое: телеграмму доставляют в ЦДК за полночь, а там всюю идет генеральная репетиция завтрашней презентации похоронно-акционерного общества «Реквием». Шампанского для отмыва грязных денег заготовлено рекой, голых девочек — толпой, весь кордебалет задействован; кто спит, кто просто лежит, как вдруг телеграмма: «СКОРОПОСТИЖНО...» И все принимают эту телеграмму за чистую монету и хватаются за головы — завтра презентация, а тут Сальери такое учудил! И никто не знает — горевать или радоваться. Смерть — она всегда не вовремя, но тут вроде бы в самый раз... И никто не замечает, что под смертью Сальери стоит подпись «САЛЬЕРИ», к тому же не заверенная участковым врачом.

А Псевдо-Моцарты хватаются за головы первыми: им же первым и докладывают:

«Сальери Антонин Иваныч померли только что под Москвой, хорошо, что не под забором; причина смерти неизвестна, но все равно, хоронить надо».

«А может, не надо?.. — трусливо думает Экс-Моцарт. — Может, он как-нибудь сам... без нас?..»

«Дурак! — отвечает Лже-Моцарт, подставляя граненый стакан под тульский самовар. — Похороны Антонина Иваныча нам никак нельзя выпускать из рук. Когда мы еще такой труп найдем? Похороны Сальери будут почище любой презентации. Давай, вспоминай, кого мы хоронили за счет Союза Композиторов?»

«Дай Бог памяти... В тридцатых годах хоронили Берлиоза Михаила Александровича. В восьмидесятых — Скрябина Вячеслава Михайловича... Вот и все, пожалуй».

«Вот видишь! Какие композиторы были! Одна партитура оратории Скрябина-Риббентропа чего стоит! Будешь хоронить. С помпой! Денег не жалеи! Найди Людвига, Франца и Ференца, пусть гроб несут. Вообще, займись тут...»

«А ты?» — уныло спрашивает Экс-Моцарт.

«А мне вызови такси в Шереметьево-два прямо к трапу самолета в Веймар».

«Опять бросаешь меня одного?.. Обещал с понедельника засесть за «Реквием»!»

«Фигаро тут...» — многозначительно произносит Лже-Моцарт.

«Фигаро там...» — печально вздыхает Экс-Моцарт и подставляет под самовар второй стакан.

Сцена 3

Значит так.

Лже-Моцарт будто что-то почувствовал — бросил Экс-Моцарта на произвол судьбы и умчался на такси в Шереметьево-два, а оттуда последним самолетом в Веймар к Иоганну Баху отмывать грязные миллионы, которые давно уже вышли за рамки портрета Чайковского, но наивный Иоганн Себастьянович о том ничего не знает.

Наступает ночь. Над Москвой пролетает последний самолет на Веймар. Экс-Моцарт сидит один-одинешенек за роялем Петра Ильича и вместо «Реквиема» сочиняет список похоронной комиссии под своим председательством. Бетховена и Шуберта с Листом нигде не могут найти, а пока в комиссию входят: композитор Шнурке, альтист Данилов, вокально-инструментальный ансамбль «Человек-невидимка», писатель Таракан-Камчадальский, художник Афонарелов, член ПЕН-клуба Кнут Пряниксонн, ткачиха Кондрюкова, повариха Белозубкина, бывший Первый секретарь обкома профсоюзов Медылов, эстонец Эдваард Коммиссаар и многие другие нужные люди.

«Надо бы кого-нибудь из ЦК КПСС и правительства пригласить, — размышляет Экс-Моцарт. — Например, Шарфика Фуршанова, он хорошо плов готовит... Но все сейчас в отпусках, ладно уж, обойдемся».

У Экс-Моцарта забот полон рот — надо некролог сочинять от группы товарищей, пристраивать его в «Правду», заказывать Оркестр Большого Театра или «Виртуозов Москвы» (захотят ли виртуозы хоронить Сальери — это еще вопрос), воинский салют (Сальери у нас был генерал-капельмейстером), место на каком-нибудь Престижном кладбище и все прочее, связанное с мероприятием похорон крупного общественного деятеля.

«А поминки?» — спросит иной нетерпеливый балетоман.

И поминки, а как же! С этим малоприятным мероприятием дела обстоят полегче: река шампанского, заготовленная для презентации, пойдет на поминки, а голые девочки ради этого дела перекарасятся в траурный черный цвет.

Но где же Бетховен, Шуберт, Лист? Неужто забыли своего первого учителя?

Не в том дело. Бетховену как всегда не везет — он сейчас лежит в клинике Федорова, недавно омововцы случайно выбили ему глаз при разгоне демонстрации половых меньшинств, куда Бетховен по рассеянности затесался, переходя Цветной бульвар в непопозволенном месте и отыгрывая в уме концовку своей 7-й симфонии: «трам-пам-па-пам, турам-тарам-тара-ра-рам-рам-пам, па-рам-та-ри-ра-ри-ра-та-рам...»

И получил в глаз.

А Шуберт с Листом подрядились на Казанском вокзале разгружать вагон с рулонами нотной бумаги, которую Лже-Моцарт уже успел пригнать из Веймара по накладной под видом гуманитарной помощи от Иоганна Баха, чтобы загнать ее (нотную бумагу), как обои на черном рынке, о чем Иоганн Себастьянович, понятно, ни сном, ни духом.

Короче, ночь.

Но уже близится утро. Наступает долгожданная предсветная тишина. Покинутый Лже-Моцартом Экс-Моцарт сидит за роялем Чайковского и думает о своем: цены, зарплата, жизнь коротка, а он чем занимается?.. Пишет буквами на нотной бумаге некролог Сальери: «смерть вырвала из наших рядов...»

«Нотами надо! Нотами надо некролог писать!» — вдруг осеняет Экс-Моцарта.

Листок с некрологом летит на пол. Экс-Моцарт открывает «Стейнвей Д» и неуверенно берет первый аккорд «Реквиема»: трам-таа-та-та-там-па-ра-рам... Потом второй: пам-пам-тари-та-там-три-та-там... Третий: трум-турум-туру-ру-рум...

Рука Экс-Моцарта крепчает. Экс-Моцарт постепенно опять превращается в Моцарта. Он подбирает лист нотной бумаги и лихорадочно записывает ноты поперек линейки... Самонастраивающийся рояль «Стейнвей Д» самозабвенно продолжает исполнять моцартовский «Реквием». Из зрительного зала на сцену лезет с цветами какой-то прибалдевший меломан, но гардеробщик Михалыч вызывает милицию, и его (меломана) выводят.

Звучит «Реквием». **РЕКВИЕМ» ЗВУЧИТ!**

Звучит «Реквием», заглушаемый каким-то немзыкальным рокотом и какофонией лязгающих звуков...

Из-за правых кулис под звуки «Реквиема» появляется первый, головной танк, проезжает в глубине сцены за роялем и исчезает за левыми кулисами.

«Стейнвей Д» сердито замолкает и захлопывает крышку — когда танки идут, «Стейнвей» молчит.

Моцарт отупело смотрит за кулисы вслед танку, включает телевизор, подходит к окну...

По телевизору крутят любимый балет Моцарта — «Лебединое озеро», а из головного танка на сцену вламывается группа «Альфа» в костюмах «листопад» во главе с черным полковником КГБ, в котором Моцарт узнает черного следователя УГРО с красными глазами.

«Вы — Моцарт Валерьян Амадеевич?» — спрашивает черный полковник, заглядывая в какой-то список.

«Ну, предположим...»

«Одевайтесь!»

«Я одет!»

«Вы задержаны!.. Спросите «за что?»

«За что?!»

«За валютные операции с нотной бумагой в особо крупных размерах!»

«У вас есть ордер на арест?»

«Вы не арестованы, а задержаны».

«Не вижу разницы!»

«Арест и задержание — разные вещи. Задерживать можно без ордера, многократно, до бесконечности — задержал-отпустил, отпустил-задержал. Вот список, заверенный старшим государственным нотариусом. Гордитесь, Ваша фамилия стоит сразу после Гдляна и Иванова».

«Но я сейчас не могу! Отложим до понедельника... У меня завтра похороны Сальери — август, жара, труп ждать не может!»

«Неужто Антонин Иваныч померли?! — хватается за сердце черный полковник. — Какая потеря! Уж не отравлен ли своими учениками?.. Ничего, похороним без вас, с воинскими почестями, тем более, что всякие похороны в Москве отменены в связи с введением чрезвычайного положения».

«Это произвол! Я требую нотную бумагу и карандаш!»

«На предмет?..»

«На предмет написания «Реквиема» по Сальери!»

«Справедливое требование! Давно бы так! Все необходимое для создания «Реквиема» Вам будет предоставлено в казарме эн-ской воинской части».

«Разве в казарме эн-ской воинской части есть рояль?»

«А как же! В любой Ленинской комнате любой воинской части стоит рояль. А вы как думали? Вы где служили? Кстати, почему вы не пишете военную музыку? Ах, Моцарт, Моцарт! Брали бы пример со своего учителя. С вашим талантом — написали бы по заказу Министерства Обороны «Марш Краснознаменной Чапаевской дивизии имени Дзержинского» или «Подожду два года и вернусь»... Нет?.. Ну — «Реквием» так «Реквием»! Хорошая похоронная музыка армии во-от так нужна! Увести задержанного!»

Моцарта уводят, а историческое утро 19 августа продолжается. Вчера умер Сальери. Солнце уже взошло. Звучит и крепчает тема Чрезвычайного Положения — в глубине сцены с вонючим ревом проходит бесконечная колонна танков — идут танки, танки, танки, танки, танки, бронетранспортеры, танки, танки, танки, самоходная подстанция, танки, танки, между танками какой-то очумевший гражданский «жигуль», последней идет полевая кухня, за ней, как гусь, отбившийся от стаи, еще один танк — танковый марш на Москву продолжается по кругу: танки, танки, танки, а в ЦДКомпозиторов происходит обыск. Автоматчики в «листопадах» кружат по сцене, ищут валюту и драгоценности — шуруют в печке, курочат портрет Чайковского, заглядывают в самовар, потрошат концертный рояль «Стейнвей Д». В глубине сцены образуется танковый затор, но черный полковник продолжает сидеть в Потертом Кресле, озабоченно сверяясь со списком и расставляя в нем красные галочки.

Обыск что-то не вытанцовывается. На сцену между танками пробирается возмущенный обнаженный кордебалет в черном. Шуберт с Листом, ошеломленные смертью Сальери, бросили разгрузку вагона и прибежали с Казанского вокзала, Бетховен удрал из клиники Федорова, из Нью-Йорка на путч уже прилетел Мстислав Ростропович — вот где достойная фигура для Потертого Кресла! — но о смерти Сальери Ростропович еще ничего не знает и потому пока кантуется с автоматом и виолончелью на защите Белого Дома, вместо того чтобы освобождать Дом Композиторов от черного полковника.

По одному появляются члены похоронной комиссии — фон Шнурке, Афонарелов, Таракан-Камчадальский и другие, — видят в глубине сцены танковую армаду, в первую

секунду ничего не понимают, а потом понимают все — если Горбачев в отпуске, значит, по телевизору «Лебединое озеро».

«Я уважаю Петра Ильича Чайковского, но меня от «Лебединого озера» уже мутит! — жестикулирует Шуберт — Эй, кто-нибудь!.. Эй, вы!.. Я вам говорю! Выключите телевизор!»

«Это вы МНЕ говорите?» — с превеликим изумлением переспрашивает черный полковник.

Лист в смятении дергает Шуберта за полу пиджака.

«Да, вам!.. Кто вы такой?.. Расселись, понимаешь! Что вы делаете здесь, в кабинете Чайковского?»

Черный полковник не устаивает Шуберта ответом.

Спрашивается: что делать в этих чрезвычайных условиях похоронной комиссии?

«Как — «что»?! — спросит офонаревший любитель балета. — Тем, кто за Ельцина — бежать к Белому Дому; тем, кто за ГКЧП — бежать в Кремль!»

Резонно.

А кто будет хоронить Сальери?

Не оставлять же труп до окончания путча, этот путч хрен знает сколько может продлиться — это сейчас, задним числом, мы знаем, что он длился всего-ничего, а в первое утро никто ничего не знал.

И вот, к чести похоронной комиссии, она (комиссия) решает похоронить Сальери во что бы то ни стало! Она садится на сцене и объявляет сидячую забастовку: или ГКЧП в лице черного полковника освободит председателя комиссии Моцарта и разрешит похоронить Сальери, или сами они с этой сцены не уйдут, а их унесут вперед ногами.

Пусть полковник прикинет: похороны одного Сальери или всей похоронной комиссии?

Пока полковник прикидывает, из головного танка появляется озабоченный танкистик и, держась пониже живота, жалобно вопрошает:

«Извините, товарищи, где тут у вас уборная?»

«В театре «уборная» и «сортир» — не одно и то же», — наставительно объясняет Шуберт.

Не дождавшись вразумительного ответа, солдатик исчезает за дверью женского сортира.

Полевых походных сортиров еще не изобрели, и где справить нужду целой танковой армаде, никто в похоронной ко-

миссии не знает. Комиссию уже не спрашивают. Из танков выскакивают танкисты и, расстегиваясь на ходу, без строя бегут в сортиры Центрального Дома Композиторов. По театру разносится дух солдатских портянок и отработанного танкового масла, публика затыкает носы.

Проносится слух, что Моцарт уже расстрелян. Весь в слезах появляется обнаженный кордебалет... Девки влезают на танки, втыкают в дула черные тюльпаны и гвоздики, приготовленные для похорон Сальери.

На танках начинаются сексуальные пляски. В танках полным ходом идет разложение войска.

«Потерять Москву или потерять армию?! — кричит черный полковник, видя такое дело. — Моцарта отпускаю! Похороны разрешаю! Но где, где, где труп вашего Сальери?!»

Члены похоронной комиссии в недоумении: в самом деле, где, где, где труп Антонина Иваныча?

Раскуроченный «Стейнвей Д» вдруг оживает: он откидывает крышку и начинает играть «Реквием».

Из левых кулис появляется труп — т. е., на сцену нетвердо входит приехавший в Москву первой же электричкой живой и невредимый, хотя и с сильного похмелья, Антонин Иванович Сальери с бутылкой китайского спирта; из правых кулис появляется живой и нерасстрелянный Моцарт с нотным рулоном «Реквиема», написанного в казарменной Ленинской комнате.

«Реквием» звучит...

ЗВУЧИТ ВЕЛИКИЙ МОЦАРТОВСКИЙ «РЕКВИЕМ»!

Нервные удаляются из зала. «Учитель! Этот «Реквием» я посвящаю Вам!» — шепчет Моцарт, делает шаг навстречу Сальери и падает замертво от инфаркта.

«Умри, Моцарт! Лучше не напишешь!» — отвечает Сальери и умирает рядом с Моцартом от инсульта.

ЗВУЧИТ УМОПОМРАЧИТЕЛЬНАЯ МУЗЫКА МОЦАРТОВСКОГО «РЕКВИЕМА».

Занавес медленно-медленно опускается

АПОФЕОЗ

Девочки из кордебалета срывают театральный занавес, заворачивают в него тела Моцарта и Сальери и укладывают за неимением гроба в раскуроченный рояль «Стейнвей Д».

Появляется гардеробщик Михалыч и забивает гвозди в крышку рояля.

Черный полковник смахивает слезу и уходит за кулисы. За ним из Москвы уходят танки. За танками на лафете везут рояль «Стейнвей Д» с телами Моцарта и Сальери. За лафетом под звуки «Реквиема» идут Бетховен, Шуберт, Лист, а также все вышеназванные действующие лица и исторические личности.

За кулисами раздается залп. Это застрелилась из двустволки Чайковского последняя жертва режима — черный полковник.

Начинаются Новые Времена.

На пустую сцену врывается Галопирующая Инфляция.

Исполняется гоплык.

Зрители в ужасе бегут из театра.

З а н а в е с .

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК или ПОКА БАРАБАН ЕЩЕ ВЕРТИТСЯ

Из телевизионных репортажей Змея Горыныча

Действующие лица:

Дядя Ваня — далеко не чеховский персонаж в двубортном костюме с орденскими планками, с дрожащими руками и то и дело выпадающей золотой челюстью.

Ведущий — симпатичный толстячок с мешками под глазами и с «одесскими» интонациями.

Запасной Ведущий — тоже симпатичный, но худой, в очках и в усах.

Дашенька — голоногая красавица, выносящая шкапулочки и черный ящик.

Голос грека Касаниди

Японский телевизор

Автомобиль «Рено»

Барабан судьбы

Зрители обоих полов

Действие происходит в Останкинской телестудии

Акт первый (и последний)

Ведущий. Дядя Ваня, я знаю, что вас зовут Иван Ивановичем, у вас в саду созрели вишни, вы персональный пенсионер, проживаете в городе Стерлядь-в-Томате... Ха-ха-ха!.. Извините, я оговорился — ну, конечно же: город называется Стер-ли-та-мак! Расскажите, как вас угораздило жить и работать в таком прекрасном городишке?

Дядя Ваня (*поглядывая на автомобиль «Рено»*). Ишь, все про меня знает! У тебя что, досье на меня?

Ведущий. А вы с юморком! Досье не досье, но кое-что о вас мне известно. Крутите барабан в любую сторону, а потом я объясню задание.

Дядя Ваня на лету ловит выпавшую челюсть и возвращает барабан влево.

В е д у щ и й. Дядя Ваня, ответьте мне на такой нескромный вопрос...

Д я д я В а н я. Заткнись! Здесь вопросы задаю я! Я тебя буду спрашивать, а ты будешь отвечать.

В е д у щ и й (изумленно, «по-одесски»). Не понял...

Д я д я В а н я (опомнившись). Ах, да... Не туда... Извиняй! Это я по старой привычке.

В е д у щ и й. Ничего, бывает. Где вы всю жизнь трудились, дядя Ваня?

Д я д я В а н я. Всю жизнь трудился. В трудах.

В е д у щ и й. Но где именно?

Д я д я В а н я. Гляди, гляди... Барабан!

В е д у щ и й (с *телячьим восторгом*). Плюс!!! Вам выпал плюс! Великолепно!!! Не слышу аплодисментов!.. Ручками! Ручками хлопаем, ножками потопаем! Молодцы!.. Какую букву желаете открыть, дядя Ваня?

Д я д я В а н я. Первую.

В е д у щ и й. Ой, вы какой!.. Есть такая буква! Дашенька, откроем первую букву... Буква «Сы»! «Степан»! Крутите барабан!

Д я д я В а н я (*крутит барабан, глядит в объектив телекамеры*). Хочу передать пламенный привет всем друзьям и соратникам по совместной работе.

В е д у щ и й. Кому именно?

Д я д я В а н я. Всем, всем, всем! Если они еще живы.

В е д у щ и й (*игриво*). А если померли — тогда что?

Д я д я В а н я (*очень серьезно*). Тогда — пламенный привет на тот свет.

В е д у щ и й. Скажите, дядя Ваня... Конфиденциально, между нами... Нас никто не слышит... Вы когда-нибудь задумывались о душе, о смерти, о вечности и тому подобных материях? Как там — на том свете?

Дядя Ваня. Ну, ты дура-а-ак! Все там будем — сам и увидишь.

Ведущий (делая хорошую мину при плохой игре). Ой, вы смешной! Передавайте свой привет поскорее.

Дядя Ваня. Так я ж только что передал. Передаю также пламенный привет Николаю Пехлевановичу Касаниди! (Орет в объектив.) Колька, ты слышишь меня?!

Ведущий. Вас невозможно не услышать. Колька, отзовись! Позвони нам в Останкино по телефону 666-66-66. Запомнил? Дядь Вань, у вас так много друзей? Где вы работали?

Дядя Ваня (скромно потупляя взор). В Государственном Управлении Лагерея.

Ведущий (выпучивает глаза). Где-где?!.. Не понял... В ГУЛАГе, что ли?

Дядя Ваня. Так точно!

Ведущий (с восхищением). На лесоповале?

Дядя Ваня. Там тоже бывали... Гляди, гляди, балда! Барабан!

Ведущий. Боже мой!!! Второй «плюс» подряд! Банзай! Брависсимо! Какую букву открываем?

Дядя Ваня. Вторую.

Ведущий. Я так и знал! Вы большой оригинал. Между первой и второй перерывчик небольшой — так?.. Раз, два... О! Буква «О»! Крутите дальше.

Дядя Ваня. Кручу.

Ведущий. Сколько лет вы отсидели в ГУЛАГе?

Дядя Ваня. Какой срок мотал, спрашиваешь? Сорок с гаком. До ухода на заслуженную пенсию. А начинал с простого охранника. Был начальником пищеблока, замначальника лагеря... Всех должностей не вспомнить.

Ведущий. Стоп, стоп, стоп... Не понял... Значит, вы это самое... Наоборот?

Дядя Ваня. Что «наоборот»?

Ведущий. Ну... Вы не зеком были, а наоборот?

Дядя Ваня. Молодец, догадался.

Ведущий. Так вы железный человек, дядя Ваня!

Дядя Ваня. В каком смысле?

Ведущий (*тихо, в сторону*). Гвозди бы делать...

Дядя Ваня. Гляди, гляди!

Ведущий (*хватается за голову*). Мама мия!!! Не верю своим глазам! Так в жизни не бывает. Третий «плюс» подряд! Мне плохо! Выбирайте букву.

Дядя Ваня. Третью.

Ведущий. Евстевственно... Буква «Лы»! Леонид!

Дядя Ваня. Ильич.

Ведущий. Что вы сказали?

Дядя Ваня. Я сказал: дорогой Леонид Ильич.

Ведущий. Вас понято. Открываем букву «Лы». Что у нас получается? «СОЛ-----». Крутите барабан.

Дядя Ваня. Так не пойдет, начальник!

Ведущий. Не понял...

Дядя Ваня. Это Я тебе должен напоминать?.. Гони две шкатулочки!

Ведущий. Ой, забыл! Вы абсолютно правы! Три угаданные подряд буквы дают право на две шкатулочки! Дашенька, прошу!

Появляется голоногая Дашенька с двумя шкатулочками на жостовском подносе. У дяди Вани выпадает челюсть, он долго ищет ее под ногами у Дашеньки.

Ведущий. Итак, какое зло выбираете — меньшее или большее?

Дядя Ваня (*жадно глядя не на шкатулочки, а на Дашеньку*). Почему — «зло»?

Ведущий. Потому что деньги — зло.

Дядя Ваня. Дурак, жизни не знаешь. Или притворяешься. Давай большую.

В е д у щ и й. Дашенька, открой большую... Ап-псолютно верно! Сколько там, посчитайте. Вы умеете считать?.. Пять тысяч рублей одной бумажкой?! Пять тысяч рублей! А в маленькой? Всего четвертак? Старый четвертак с Лениным? Из двух зол вы выбрали лучшее! И правильно сделали, дядя Ваня. Захуйте деньги, а то сопрут. Вам всегда так везло в жизни?

Д я д я В а н я (*ховая деньги*). Везло. Возило меня. (*Поет.*)
«И возило меня, как осенний листок...»

В е д у щ и й. Спой, светик, не стыдись, здесь все свои.

Д я д я В а н я (*поет*). «Я в вишневом саду пил березовый сок... Я менял города, я менял имена... Если б видела мать... тара-рира-ра-ра...» Дальше забыл.

В е д у щ и й. У вас хорошая память. Сколько же вам лет, дядя Ваня?

Д я д я В а н я. Все мои. (*С гордостью.*) Ровесник века.

В е д у щ и й. Сколько ж это будет, приблизительно? Страшно подумать! Вы у нас долгожитель, вроде Молотова или Кагановича.

Д я д я В а н я (*с пафосом*). Хочу жить, как Вячеслав Михайлович Молотов! А ты делай жизнь с Лазаря Моисеевича Кагановича. (*Смотрит на Дашеньку, глотает слюни.*)

В е д у щ и й. Дашенька, ты свободна. Дядь Вань, вам нравится наша Дашенька? Могу познакомить.

Д я д я В а н я (*глядя Дашеньке вслед*). Познакомь. Хороша Цаша — жаль, что ваша.

Дашенька уходит, покачиваясь на длинных ногах. Появляется Запасной Ведущий и что-то шепчет на ухо Ведущему.

В е д у щ и й. Тьфу, черт! Забыл дать задание... Дядя Ваня, смотрите сюда. Вы должны назвать фамилию Выдающегося Русского Советского Писателя. У вас уже есть три первые буквы: «СОЛ-----»

Д я д я В а н я (*бормочет*). Соловьев-Седой...

З а п а с н о й В е д у щ и й. Не торопитесь, Иван Иванович. У вас в запасе есть ход.

В е д у щ и й. Крутите барабан. Можно налево, можно направо — без разницы.

Д я д я В а н я. Точно, без разницы. Как сказал товарищ Сталин: «Пойдешь налево — придешь направо». (*Из всех сил крутит барабан влево. Бормочет.*) Нет, не Соловьев-Седой...

В е д у щ и й. А вы что, знавали товарища Сталина?

Д я д я В а н я. Кто же не знал Иосифа Виссарионыча?.. Сологуб, что ли?

В е д у щ и й (*с изумлением*). А вы что, читали «Хромого беса»?!

Д я д я В а н я. А ты как думал? Я за сорок с гаком лет перечитал все тюремные библиотеки страны. Нет, не Сологуб...

З а п а с н о й В е д у щ и й (*встревает*). Извините, дядя Ваня, но наш Ведущий опять ошибся...

В е д у щ и й (*взбрыкивается*). Где, где, где я ошибся?

З а п а с н о й (*терпеливо разъясняет*). Ты неправильно объяснил дяде Ване задание.

В е д у щ и й. Быть того не может! Где?.. На, читай, ты мне сам дал этот текст. Вот: Выдающийся, Русский, Советский, Писатель...

З а п а с н о й. Ну?

В е д у щ и й (*чешет в затылке*). Извиняюсь... Я таки ввел дядю Ваню в заблуждение.

Д я д я В а н я (*наставительно*). Боевое задание нужно излагать четко, ясно и коротко, чтобы любому дураку было понятно. Ну, что там у вас?

В е д у щ и й. Еще раз прошу прощения! Вот правильное задание: Выдающийся, Русский, Антисоветский, Писатель. Взгляните на табло: «СОЛ-----»

Д я д я В а н я. Так бы сразу и сказал. Солоухин.

З а п а с н о й. Не торопитесь, дядя Ваня. Пока барабан еще вертится, у вас есть время подумать. Что бы вы хотели выиграть в нашем Поле Чудес? Небось, автомобиль «Рено».

Дядя Ваня (не раздумывая). Дашеньку!

Запасной (смеется). Но вы уже старенький для этого дела.

Дядя Ваня (сердито). Поживи с мое — еще больше захочется.

Ведущий (Запасному). Слушай, где ты его выкопал? Совсем меня задолбал!

Запасной (Ведущему). Приперся утром с рекомендательной запиской от Самого... (Указывает пальцем на потолок.) Что у тебя происходит с барабаном? (Указывает пальцем на барабан.)

Ведущий. Что-то там заело. Никак не остановится, зараза!

Дядя Ваня (раздумчиво). Нет, не Солоухин. Солертинский, что ли?.. Нет, не Солертинский...

Зрители (хором). Сло-во, сло-во, сло-во!..

Ведущий и Запасной (хором). Не подсказывать!

А барабан все вертится... Даже набирает обороты.

Ведущий (барабану). С-сука!

Запасной (неизвестно кому). Падла!

Дядя Ваня (ни к селу, ни к городу). Есть у меня лепший друг, Колька Касаниди-Грек, золотые руки, народный умелец. Вечный срок до сих пор мотает — 15 лет за измену Родине плюс 10 лет за антисоветскую агитанду и пропаганду, плюс 10 лет по рогам, плюс то, плюс это — много у него плюсов, положительный человек. Он у нас в лагерях все вечные двигатели строил, причем разных конструкций. Намотал провода на катушки, пустил ток — и поехали! Бензопила «Дружба» за него сама пилила. Потом он из той пилы вертолет сварганил и прямо с лесоповала на той пиле по небу в бега подался. Куда, подбили, поймали... Плюс 10 за побег. Куда от нас улетишь?

Ведущий (злобно). Кончай баланду травить! Слово давай! Антисоветский писатель на «СОЛ-----»! Так и быть, подсказываю: Сол...

Дядя Ваня. Не по правилам, начальник! Пока барабан еще вертится — может выпасть «банкрот».

Запасной (*подтверждает, шевеля усами*). Вертится, сволочь!

Дядя Ваня. Я же говорю: вечный двигатель. Цель — ничто, движение — все.

Ведущий (*Запасному, на нервах*). Ну что, что, что?.. Что делать?!

Запасной пытается придержать барабан пальцем.

Дядя Ваня. Не трожь! Не по закону! Люди — свидетели! Звони Касаниди! Колян — спец, он должен на этот барабан посмотреть!

Запасной. Куда звонить?! Он что, этот Колян, до сих пор сидит?

Дядя Ваня. Я же объяснял: вечный срок мотает! Звони в Воркуту!

Ведущий (*мандражируя*). Пора кончать!

Дядя Ваня (*угрожающе*). Кого кончать? Меня?!

Ведущий. Передачу!

Запасной (*вкрадчиво*). Дядь Вань, а может, согласимся на японский телевизор, и дело с концами?

Дядя Ваня. Звони Касаниди!

Ведущий. А может быть, черный ящик с ключами от «Рено», и концы в воду?

Дядя Ваня (*стоит несокрушимо*). Или давай Дашеньку, или звони Касаниди!

Вбегает Дашенька с оборванной телефонной трубкой.

Дашенька. Какая-то Касаниди звонит из Воркуты!

Дядя Ваня (*кричит*). Это он, Колька!

Запасной (*недоверчиво берет телефонную трубку*). «Поле чудес» у телефона.

Голос Кольки Касаниди. Сам вижу, что у телефона. По цветному телевизору. Какой системы твой вечный двигатель?

З а п а с н о й. Кто это говорит?

Г о л о с К а с а н и д и. Колян-Пехлеван. Для тебя — Николай Пехлеванович. Что там у тебя с барабаном?

З а п а с н о й. Крутится, черт! Остановить нельзя!

Д я д я В а н я (*забирая трубку у Запасного*). Слышь меня, Колька?.. Пламенный привет!

Г о л о с К а с а н и д и. Взаимно, Иван Иванович! Играй, Вань, играй! Держись, не бойсь! Пора кончать, Ваня, раз сами просят. Смени барабан — ты понял меня?.. На фиг тебе автомобиль «Рено», играй на бабу.

Д а ш е н ь к а (*поспешно*). Связь с Воркутой прервана!

Д я д я В а н я (*на что-то решается*). Слыхали, что Колян-Пехлеван сказал?.. Пока барабан еще вертится — есть предложение сыграть в другую рулетку.

Расстегивает двубортный пиджак и вытаскивает наган.

Д я д я В а н я. Равняйся! Смирна! Вольна! Внимательно слушай условие игры. В моем барабане два патрона на троих. Оставшемуся в живых достанется Дашенька в вечное пользование.

Вращает барабан нагана, протягивает наган Ведущему.

В е д у щ и й (*истерически*). На хрена она мне нужна в вечное пользование! Рекламная пауза!

Д а ш е н ь к а. Подлец! (*изо всех сил бьет по голове Ведущего жестовским подносом*).

Ведущий падает под барабан, его начинает засасывать в сопло вечного двигателя. Ведущий орет благим матом.

Д я д я В а н я (*с сомнением*). Пристрелить, что ли?..

С л а б ы й г о л о с и з т р у б к и. Пристрели, чтоб не мучился.

Дядя Ваня твердой рукой стреляет под барабан. Ведущего перемалывают шестеренки вечного двигателя. В Останкинской телестудии — безмолвие. Дядя Ваня протягивает наган Запасному Ведущему.

З а п а с н о й (*берет наган двумя пальцами*). Черт знает что! Я в такие игры не играю.

Д я д я В а н я. И тебе не стыдно перед публикой? Держи хвост пистолетом! Играй! На тебя вся страна смотрит!

З а п а с н о й В е д у щ и й (*не желая терять имидж перед всей страной*). Тогда вы первый!

Д я д я В а н я (*отбирая наган и приставляя к виску*). За Родину, за Сталина!

Нажимает на курок. Осечка. Передает наган Запасному Ведущему. Тот что-то медлит.

Д я д я В а н я. Ну?..

З а п а с н о й В е д у щ и й (*снимает очки, приставляет наган ко лбу, зажмуривается*). За Дашеньку!

Нажимает на курок. Выстрел. Запасной Ведущий замертво падает на черный ящик с ключами от автомобиля «Рено». В Останкинской телестудии — вечное безмолвие.

Дядя Ваня роняет челюсть, ловит ее на лугу, усаживает онемевшую Дашеньку на жостовский поднос и уезжает с ней на автомобиле «Рено».

Из оборванной телефонной трубки доносится одобрителный голос из Воркуты: «А все-таки он вертится!»

Опускается занавес с тремя буквами: «СОЛ-----»

Р е к л а м н а я п а у з а .

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ или ФЛОТ НЕ ПОДВЕДЕТ!

Двухактная фантастическая военно-морская пьеса Змея Горыныча, состоящая из одного-единственного слова из двух букв, с финальной сексуальной сценой и с ремарками для режиссера.

Действие происходит в рассекреченном квадрате Черного моря в виду острова Змеиный на борту американского авианосца «Уиски».

Действующие лица:

А т а н а с П л и с к о в, адмирал болгарского флота, который (флот) дислоцирован в Бургасе. Курит сигареты «Стюардесса». Улыбчив, простодушен. Потягивает ракию прямо из фляжки, угощает всех остальных действующих лиц. В переговорах о статусе Черного моря немногословен: «братушки», «Шипка», «Алеша» и тому подобный джентльменский набор. Недавно провел в Одессу караван-конвой с ранними болгарскими помидорами и огурчиками, за что награжден национальным орденом «Царя Бориса» и зарубежным «Зализным Трезубом». Не прочь приобрести для Болгарии остров Змеиный, который торчит за бортом авианосца «Уиски», но на «нет» и суда нет.

О с т р о в З м е и н ы й, такой себе островок, не уступающий, пожалуй, по размерам авианосцу «Уиски», расположен, примерно, 45 гр. северной широты и 35 гр. восточной долготы, недалеко от устья Дуная.

Н а д и р Ц и н а н д а д з е, адмирал Яхты Его Величества Звиада 1-го. Порт приписки Сухуми временно захвачен вражей силой. Курит «Герцеговину Флор», демонстрируя черно-зеленую пачку, как некий мандат. Как видно, что-то хочет сказать, но все время молчит. На роль можно пригласить глухонемого артиста. Напряжен, подозрителен, неподвижен. Взгляд исподлобья. Бесперывно перебирает четки из очень драгоценного крупного жемчуга, принадлежавшего когда-то самой царице Тамаре. К нему особое внимание режиссера:

способен взорваться — из нагрудного кармана торчит граната-лимонка.

К и т о Г у р д ж а а н и, генацвале. Комиссар флота Временного Военного Правительства. Три катера расположены в Сухуми, а непогружаемая подводная лодка с одной ядерной боеголовкой — на капремонте в Батуми. Круглая фуражка-аэродром для стоянки вертолета «Ми-8». Из-под фуражки торчит нос (чем больше, тем лучше). Вместо четок руки заняты непрерывной очисткой мандаринов из ящика под ногами. Нож для очистки — или финский, или кривой, вроде турецкого ятагана. Вкусно пахнет мандаринами и чачей. Важно помнить: в сценическом пространстве между адмиралом Цинандадзе и комиссаром Гурджаани для недопущения взаимных оскорблений или даже кровопролития постоянно должен кто-нибудь находиться (лучше всего — адмирал Вермут фон Шварцвайтхорс).

В е р м у т ф о н Ш в а р ц в а й т х о р с, адмирал объединенного флота НАТО, посредник-наблюдатель ООН на многосторонних переговорах о статусе Черного моря. Невозмутим. Толстопуз. Как говорится, морда лица. Пытается вообще не вмешиваться в эти совковые дела. Разглядывает в подозрную трубу весенний зелененький хребет острова Змеиный. (Безлюдье. Видны какие-то вышки, бараки, радары — то ли заброшенная воинская часть, то ли бывшая зона.) Берет из рук личной секретарши толстенную гаванскую сигару, смачно закуривает, стряхивает пепел за борт. Выкуривает сигару до половины, бычок швыряет в Черное море, секретарша приносит новую сигару, берет сигару из ее рук, закуривает и т. д. Сигар понадобится много.

Б ы ч к и. Бычки огибают остров Змеиный, собираются в косяки и плывут к Одессе, Херсону и к Крымскому полуострову, где отлавливаются рыбаками и продаются на южных рынках в виде западной гуманитарной помощи.

А н н а - М а р и У п а д е ж у, главное действующее лицо. Личный секретарь-переводчик адмирала фон Шварцвайтхорса. Режиссер должен постоянно помнить, что почтенная публика с нетерпением ожидает объявленной сексуальной сцены — дележ Черного моря почтенную публику мало колышет. Значит, надо ей предоставить. Игра артистов, декорации, световые и шумовые эффекты — все, все,

все должно быть направлено к достижению этой сверхзадачи. Как учили. По Станиславскому. Все внимание на Анна-Мари Упадеху!.. Это что-то особенное!.. Формы фигуры!.. Одета в открытый военно-морской купальник французского Иностранного легиона. «Открытый» — мягко сказано... Как можно открытей! Еще более того!.. Если хлопотно достать французский купальник — можно и без купальника, но лучше все-таки в купальнике, чтобы Анна-Мари могла снять купальник на сцене. Она расхаживает в купальнике по палубе авианосца «Уиски» на высоких каблуках и развозит ямайский ром, джин, бренди, водку, шнапс, мадеру, херес и что там еще пьют настоящие морские волки. Каблуки повыше, с подковами. Беспрерывное цоканье подков под рев взлетающих и садящихся «Фантомов» и «Мигов», беспрерывное мелькание обнаженных ног, плеч, бедер, ягодиц, грудей и что там еще есть у французских секретарш — Анна-Мари должна заполнять собой всю палубу авианосца. Важно заинтересовать, озадачить почтенную публику вопросом: кто именно из морских волков войдет в финале в интимную близость с Анна-Мари? Кому она благосклонно подарит свою любовь на глазах у почтенной публики? Вот вопрос вопросов! Шефу ли своему, Вермуту фон Шварцвайтхорсу?.. Зачем ему любовь Анна-Мари, он и так с ней спит... Атанасу ли Плискову с «Зализным Трезубом»?.. Надиру Цинандадзе с лимонкой в кармане или Кито Гурджаани с острым ножиком?.. А может быть, на палубе авианосца произойдет групповой сексуальный акт?.. Зритель должен оставаться в напряженном неведении до самой финальной сцены.

Далее:

Т и х о м и р о Б р а г у, капитан-лейтенант Дунайской речной флотилии (г. Унгены). Курит кишиневские «Мальборо», тяготеет к Румынии и мучительно ищет выход для родной Молдовы в Эвксинский понт по Дунаю через Рени — Измаил — Килию — Вилково. Как говорится, с понтом под зонтом. Мучительно не пьет — он на работе, ему рубить для Молдовы окно в Европу; зато то и дело подзывает Анна-Мари, и та, цокая копытцами, по указаниям Брагу подливает ром, джин, бренди и т. д. играющим в шахматные поддавки адмиралам Водопьяных и Заливайко. В тихом омуте черти водятся, но на роль первого любовника в данной международной

ситуации Тихомиро Брагу абсолютно не годится — ему окно рубить, а не заниматься любовью. Остров Змеиный у гирла Дуная был бы для него Находкой.

Марэнэ Стопулеску, адмирал румынского народного флота. Порт приписки — Констанца. Курить бросил, но в компании покуривает. Пить по-черному бросил, но потягивает сухой херес. Черная форменная дубленка, смушковая папаха с крылатым крабом. Бывший военно-морской летчик, участвовавший в поимке и расстреле удиравшего куда-то от народного гнева Кондуктадорэ Диктатуреску. Такие мужчины нравятся женщинам. Лексикон: «бадега», «сигуранца», «Транснистрия». Требуе под румынский протекторат все Черноморское побережье вплоть до Одессы и Николаева. Дадут Херсон — возьмет Херсон, почему бы не взять. Остров Змеиный — туда же, в торбу. Хмур, недоволен: «Баба на корабле — быть бидэ!» Имеет все шансы на успех у Анна-Мари.

Сулейман ибн Залейман-оглы, турецкий адмирал-эмир-паша. Истамбул. Владеет Босфором и Дарданеллами, остров Змеиный ему и на фиг не нужен, но готов выкупить на всякий пожарный случай — мало ли что. Яркая красная феска. Сидит, естественно, по-турецки на красивом турецком коврике. Курит кальян. Не пьет, ни-ни, ислам не позволяет — но веселые глазки и физиономия бордового цвета наводят на подозрение, что фарфоровый кальян заряжен мадерой. Вообще, очень живописен. Что-то тараторит длинными турецкими пулеметными очередями, в которых иногда проскакивают знакомые слова, вроде: «гешефт», «шахер-махер», «твоя-моя» и т. п. Безусловно, любвеобилен, — но предположить интимную связь Анна-Мари с турецким эмир-пашой на палубе американского авианосца как-то странно... Впрочем, чем не шутит шайтан?..

Касатон Егорович Водопьяных, кавалер ордена Фороса и Белого Дома, не подчинившийся ГКЧП, из наших, беспартийный (из вышедших и никуда не вступивших), адмирал Российского Черноморского флота, достойный наследник адмирала Рождественского-Щусимского. Базы в Новороссийске и в Потти. Одну за другой курит папиросы «Беламорканал», хлопает рюмку за рюмкой, которые подсовывает ему Тихомиро Брагу, и то и дело вздыхает: «Просрали Россию, сволочи!» Играет в шахматные поддавки (выигрывает тот, кто подставит под бой все фигуры) на пу-

стом ящике из-под мандаринов с адмиралом Заливайко, в надежде отыграть просранный какими-то сволочами Севастополь. Анна-Мари он попросту не замечает или только делает вид. К Касатону Егорычу приближается то судьбоносное состояние, когда он на все способен — дать в морду фону-барону Шварцвайтхорсу, взять штурмом Севастополь, свернуть хребет острову Змеиный и даже сделать эту мельтешащую француженку прямо здесь, сейчас, немедленно, прямо на палубе американского авианосца!

В а с ы л ь М ы к о л а е в и ч З а л и в а й к о, адмирал 1-го Украинского Черноморского флота имени Петра Сагайдачного. Военно-морская база в Севастополе. 2-го флота на Украине еще нет, но будет, будет, можно не беспокоиться. На Украине все будет, как у людей, и остров Змеиный тоже. Одет по форме, но из-под расстегнутого кителя выглядывает вышиванная тельняшка. Курит «Ватру», глушит все подряд, щиплет Анна-Мари за попку, травит анекдоты, спивает пивно: «Два кольеры мои, два кольеры... червонный — то портвейн, а билый — то мицне...», и вообще, гарно себе почуває — Васыль Мыколаевич уже просчитал жертвенную комбинацию с отдачей коня, слона, туры, ферзя и самого шаха. (При слове «шах» Залейман-оглы вздрагивает и надвигает на глаза феску.) Что еще о Васыле Мыколаевиче? Возможны запорожские вуса. (Шаровары и гопака не придумывать!) Своего не упустит. Вероятнейший претендент на Анна-Мари, давно уже играющую с ним в поддавки и готовую подставить собственную фигуру.

Делегация крымских татар. Татар двое. Первый депутат: народный татарский поэт (как же без поэтов?); второй делегат: поэт-переводчик с трудно произносимой еврейской фамилией (как же без евреев?) Очень серьезные, очень вдумчивые люди. Хотели бы, если можно, договориться об автономии Евпатории. Им достаточно Евпатории, если можно. Если нельзя, то готовы даже переселиться на остров Змеиный, если остров Змеиный получит суверенитет и независимость. Для групповой сексуальной сцены могут сгодиться.

Ю н г и, матросы, старшины, боцманы, мичманы, господа морские офицеры в соответствующей форме (внимание костюмера!) Абхазии, Болгарии, Грузии, Молдовы, России, Румынии, США,

Турции и Украины. Крымская делегация — в добротных костюмах при галстуках (без шика, но и не в джинсах же!)

Духовой оркестр Военно-морских сил С Ш А, в полном составе.

Акт 1

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ

Шумно отдуваясь, всплывают и погружаются атомные субмарины и подводные лодки, с ревом взлетают и садятся «Фантомы» и «Миги» стук четок царицы Тамары и каблуков Анна-Мари напрочь заглушают ведущиеся переговоры.

А т а н а с П л и с к о в. (*Попивает ракию, жестами показывает: «ничего не слышно, братушки!»*)

К и т о Г у р д ж а а н и. (*Угощает всех мандаринами, кроме, понятно, адмирала Цинандадзе. На фуражку Кито пытается сесть натовский вертолет «Сикорски», но тут же взлетает — мила все же посадочная площадка. Режиссеру — найти фуражку побольше.*)

Н а д и р Ц и н а н д а д з е. (*Нервный тик. Все быстрее и быстрее перебирает жемчуг царицы Тамары. Быстрее! КреЩендо!.. Еще крещендей!.. Стук четок напоминает стук зубов и начинает заглушать самолетный рев.*)

А н н а - М а р и У п а д е ж у. (*Внимание: снимает, наконец-то, купальник!*)

Но морским волкам ЭТО ДЕЛО до лампочки.

С у л е й м а н и б н З а л е й м а н - о г л ы. (*Уснул. Но во сне все слышит, видит и не забывает потягивать кальян.*)

Т и х о м и р о Б р а г у. (*Тяготеет к Румынии, но подливает Касатону Егорову Водопьяных.*)

М а р э н э С т о п у л е с к у. (*Недоволен: женищина и штатские на корабле.*)

Делегация крымских татар. (*Тихо мечтает об автономии Евпатории или, на худой конец, о свободе и независимости острова Змеиный.*)

К а с а т о н Е г о р о в и ч В о д о п ь я н ы х. (*Одним ударом кулака в отчаянии расшибает шахматную доску,*

ящик из-под мандаринов и палубу авианосца: только что он сам, лично, просрал Керчь!)

Василь Мыколаевич Заливайко. (Предлагает играть в поддавки на Малую землю, имея в виду в конечном счете выиграть Новороссийск.)

Анна-Мари Упадежу. (Обида на лице французской женщины.)

Вермут фон Шварцвайтхорс. (Напряженно разглядывает в трубу остров Змеиный.)

Стук каблуков и четок, напоминавший клццанье зубов, переходит в зубовный скрежет.

Бычки. (Перестают дрейфовать в Одессу и группируются у острова Змеиный, как рыбки-лоцманы перед рылом тигровой акулы.)

Вермут фон Шварцвайтхорс. (Грубо отталкивает Анна-Мари и отдает какой-то приказ господам офицерам. Судя по жестам: с якоря сниматься!)

Анна-Мари Упадежу. (Плачет навзрыд. До глубины оскорблена в лучших чувствах. Чтобы черт морской побрал этих военно-морских мужланов!)

Остров Змеиный. (С ним что-то происходит... Он просыпается... Получает долгожданную свободу и независимость, приходит в движение, плывет, клццает зубами... Его хребет, поросший молоденьким леском, оказывается хребтом проснувшегося гигантского чудовища, похожего на лох-несского плезиозавра, но раз этак в тысячу больше и страшнее. Как можно больше и как можно страшнее! Чтоб страшно было!.. Еще больше!.. Еще страшнее!.. Открывается страшнейшая зубастая пасть, способная заглотить целый авианосец...)

Занавес опускается

Раздается СЛОВО:

— АМ!

*Акт 2***СЕКСУАЛЬНАЯ ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА**

В небе суетятся осиротевшие «Фантомы» и «Миги». Во чреве чудовища на палубе авианосца «Уиски» духовой оркестр Военно-морских сил США еле слышно исполняет «Глори, глори, алилуйя». На хребте ублаженного и опять уснувшего на тысячелетия острова Змеиный поднят военно-морской купальник Иностранного легиона. Под ним в заброшенной зоне лежит счастливая обнаженная Анна-Мари. Солнце страстно ласкает ей грудь, бедра, ягодицы, плечи, руки, ноги и что там еще есть у прекрасных французенок.

З а н а в е с

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НИНЕЛЬ!

Из археологических сказок Змея Горыныча

«Какая б ни была Совдепья — здесь рос и хавал черный хлеб я, курил траву, мотал в Москву... Тут — КГБ и пьянь в заплатах, но и Христос рожден не в Штатах; прикинь: в провинции, в хлеву. Какая б ни была имперья — иной выгадывать теперь я не стану, ибо э т у жаль. Где, плюрализмом обесценен и голубем обкакан, Ленин со всех вокзалов тычет вдаль. И я, вспоенный диаматом, грущу о Господе распятом - еврее, не имевшем виз. Что Богу был не худшим сыном, бродя по грязным палестинам, как призрак (или коммунизм). Не обновить Союз великий. Не обовьются повиликой кремлевские шарниры звезд. Какая б ни была Совдепья — люблю ее великолепья, руину, капище, погост».

Эпиграф к книге Мишеля Шлимана

«КАКАЯ Б НИ БЫЛА МОСКОВЬЯ»

(Перевод с древнеросского Игоря Кручика)

1

Наш знаменитый археолог-самоучка Мишель Шлиман-второй, лауреат Нобелевской премии «За наведение мира между народами» и однофамилец великого Шлимана-первого (того самого, Генриха, раскопавшего Трою). родился в пригороде Иерихона рядом с 4-м иерихонским кладбищем в небогатой семье потомственных земледельцев, предки которых будто бы иммигрировали в древности из легендарной страны, читавшейся зеркально как слева-направо, так и справа-налево:

РЕСЕФЕСЕР

БЕСЕФЕСЕВ

Житие семейства Шлиманов-вторых состояло из всяких разных «будто бы». Мишелев пра-пра-пращур, распродавший мебель и уехавший в Иерихон из древней полумифической Одессы, находившейся где-то на юге Ресефесер, будто бы преподавал там славянскую филологию в Причерноморском университете. Успешно выдержав головоломный компьютерный тест-NASA и въедливое собеседование,

бывший профессор филологии будто бы выиграл головокружительный соискательский конкурс и вроде бы получил работу второго помощника могильщика на 4-м иерихонском непривилегированном кладбище, где честно пропивал свои «судьбу-индейку и жизнь-копейку» — как он загадочно выражался. Недостоверно известно, что прадед Мишеля будто бы сажал апельсиновые деревья на Голанских высотах, дед копал канавы для кабельного телевидения на Аравийском полуострове, а отец-землепроходец постоянно пребывал в подземных служебных командировках, прокладывая длиннейшую в мире ветку метрополитена «Тель-Авив — Иерусалим — Дамаск — Тегеран — Кушка — Кабул» — и далее, до границы с Индокитаем; Израиль в те времена (кто помнит историю) еще не вышел ни к Индийскому, ни к Тихому океанам.

Простая будто бы жизнь, простые будто бы люди. Все ковырялись в земле, жили просто, долго и будто бы счастливо — ни одно из этих многочисленных «будто бы» не поддается проверке.

Одно несомненно: страсть к лопате, тяга к земле, любовь к легендам и мифам зеркальной страны Ресефесер передались мальчику по наследству от филолога-могильщика вместе с лопатой. Гены есть гены. Всю свою сознательную жизнь Мишель Шлиман-второй, выражаясь фигурально, «рыл носом землю», начиная с совковых игр в пасочки в детской песочнице, что рядом с 4-м кладбищем за авеню Бар-Кобзона. Играли со сверстниками в иерихонских катакомбах в «жмурки-жмуриков» и в «казаков-разбойников» в подкидного дурака на погоны до самых тузов и, конечно, гоняли в футбол на резервном кладбищенском пустыре консервными банками или, что являлось особым шиком, не востребуемыми и бесхозными твердокаменными неандертальскими черепаками, которые после тропических январских ливней вымывались из-под ограды и взирали на мир божий пустыми глазами.

Окна панельной пятиэтажки выходили прямо на кладбище. Возможно, именно здесь, на иерихонской окраине, располагался когда-то райский сад с божественной яблоней — район, в общем-то, соответствовал библейской экспозиции, недаром неандертальцы в древности облюбовали это благодатное местечко для своих покойников. Но с тех времен здесь все изменилось. Садовника не нашлось, фруктовые

деревья вырубали, пыль стояла столбом, и детство Мишеля проходило под непрерывный аккомпанемент медно-зеленых труб траурного марша Шопена. Мишель каждый день наблюдал, как рыли могилы и тягали покойников, да и сам принимал посильное участие в этом вечном природном круговороте — подносил могильщикам на позиции хлеб, колбасу и водку. Его карманы, туфли, носки, уши всегда были забиты песком, землей, глиной, грунтом, — за что ему крепко доставалось от мамочки Эсфири Борисовны, не отличавшей благородную почву от низменной грязи.

— Ой, что делать, что делать... — привычно причитала она, выбивая из сына пыль.

Но дурь, в отличие от пыли, не выбивалась. Отец, дед и прадед Шлиманы, сообразив в субботу на троих (пращур-одессит, дожив до ста одного года и дослужившийся к тому времени до полного могильщика с профессорским окладом, решил, что жизнь сделана, вырыл сам себе в подарок на день рождения хорошую могилу, выпил бутылку водки «с горла», улегся поудобней, уснул и преспокойно помер во сне в обнимку с лопатой, которую потом отдали Мишелю), — так вот, сообразив на троих, эти потомственные земледельцы мечтали о том, как оторвут Мишеньку от грязной земли и выведут «в люди», но у них из этого ничего не получилось — Мишель сделал, слепил себя собственными руками без помощи родственников — сам, сам и только сам вышел из грязи в князи.

По воспоминаниям современников, уже в пять лет Мишель заработал свой первый долларо-шекель, докопавшись совочком в уже упомянутой иерихонской песочнице с резными деревянными петушками до крохотной черно-зеленой монетки с непонятной надписью и с «оруэлловским» годом на аверсе:

1

копейка

1984

Мишель почистил странную монетку об белые штанишки, монетка засветилась тусклой латуной, и на ее реверсе проявился ни на что не похожий старинный герб с изображением земного глобуса, обрамленного колосьями с ленточками и припечатанного серпом, кузнечным молотом

и литерками «СССР», которые Мишель прочитал на аглицкий манер: «ЦеЦеЦеПе» (умел уже читать по-английски, подлец! — но не знал, что означает это «ЦеЦеЦеПе»). И он, не зная «что делать», предложил латунную монетку местному ювелиру мсье Курицу, совершавшему променады вдоль кладбища по авеню Бар-Кобзона, нагуливая аппетит перед пасхальной вечерей:

— Купите монетку, мсье! Дешево отдам.

— Зеленая, как моя жизнь,— пренебрежительно отвечал ювелир Куриц, скрывая жадное изумление.— Где ты взял копейку, малыш?

— Где взял, где взял...— передразнил Мишель, стоя по колено в песочнице, крутя гребешок деревянному петушку и тоже удивляясь про себя: «Ужель та самая «жизнь-копейка»?»

Где взял — и так было ясно.

Быстрый торг состоялся — тем более, Эсфирь Борисовна уже кричала сыну из форточки:

— Ой, что делать! Миша, иди кушать!

Нельзя уверенно утверждать, что мсье Куриц обманул неумышленного мальчика (хотя ресефесеровская копейка стоила по тем временам никак не меньше сотни американских долларов), — похоже, все ж ювелир взял монетку «как бы» в залог, «будто бы» на хранение. Вообще, мсье Куриц был честным, если не ювелиром, то человеком. По уходу Мишеля домой кушать, мсье нагулял себе аппетит, перекопав и просеяв весь песок в иерихонской песочнице, но больше ничего драгоценного не обнаружил — кроме огрызка яблока неизвестного сорта и насквозь проржавевших женских наручных часов «Победа» со слабой фосфорной радиацией. Через двадцать лет, когда Шлиман-второй прославился, мсье Куриц торжественно вернул ему эту копейку, а жене Мишеля, Марине Васильевне Сидоровой, преподнес отреставрированные ресефесеровские часы, которые шли лучше любых японских. Тогда же Куриц предложил Мишелю на паях искать легендарную платонову Атлантиду, но не встретил сочувствия. Он же, Куриц, исписал скучнейшими воспоминаниями о семье Шлиманов две стандартные ученические тетрадки, но издателя не нашел и положил эти тетрадки в швейцарский банк на сохранение, где их до сих пор никто не востребовал.

— Атлантида не Москва, Куриц не птица,— так вздохнул о нем Мишель Шлиман, равнодушно полистав в преклонном

возрасте эти розовые тетрадки с портретом моложавой Голды Мейр. [«Kouritz» — древнеславянск. Очень маленький мужской половой орган. «Kouritz ne ptitz» — неперево-димая игра слов. В буквальном переводе: «Очень маленький мужской половой орган, который плохо летает». Сравни с древнеросской поговоркой: «Баба не человек, курица не птица, Болгария не заграница, «Запорожец» не машина, «Черноморец» не команда, одесситка не жена». — Прим. переводчика.]

А в тот день Мишель вернулся домой со своим первым честно заработанным долларо-шекелем в кулачке и с полными карманами геологических образцов песка и почвы — явился прямо к праздничному столу с пасхальной индейкой, мацой и расписанными под Хохлому куриными яйцами. [Эти и другие пищевые продукты, а также стоптанные армейские ботинки и поношенную военную форму в те времена по праздникам бесплатно выдавали в православных синагогах. — Прим. переводчика.]

— Ой, что делать! Он меня убьет и в гроб закопает! — запричитала Эсфирь Борисовна.

— О! Явилшя не жапылилшя! — прошепелявил беззубый прадед.

— Почему штаны красные? — спросил дед (штаны были испачканы не красной, а зеленой монеткой; но дед почему-то так ненавидел красный цвет, что ему везде мерещилось красное).

— Куда за стол с гязными гуками?! — отец сделал замечание с легким французским прононсом, который он подцепил на службе в Иностранном легионе на линии раздела по Уральским горам между Европой и Азией, когда там шла очередная племенная резня между аборигенами.

«Ужель та самая «судьба-индейка»?» — думал голодный ребенок, протягивая жадные ручонки к жареной птице и привычно не обращая внимания на странности предков.

Это была она, его судьба — надутая птица с красными со-плями и с плохим характером.

Мишель немедленно получил по грязным рукам и выр-нил на цементный пол свой первый долларо-шекель, вызвав тихое изумление отца, деда и прадеда. Тут же был учинен до-прос с пристрастием.

— Где взял, где взял... — отвечал обиженный мальчуган, но пришлось выложить все: «жизнь — копейка, судьба — индей-ка, куриц — не птиц» и так далее.

Отец, дед и прадед Шлиманы, наскоро хлопнув для храбрости по рюмке зубровки, наспех перекусив старым, несъедобным, но кошерным индюком и по-быстрому перекрестившись на позолоченные кресты новой синагоги, как были босиком направились к мсье Курицу с требованием вернуть ихнему мальчику ресефесеровскую копейку, иначе они в его курицевой ювелирне окна побьют, — но ювелир не стал слушать речи этих выживших из ума мафусаилов, вытер жирные от пасхального поросенка губы и залиvisto зашвистел в полицейский свисток, вызывая с авеню Бар-Кобзона дежурного фараона из полиции нравов Егора Лукича Коломийца — того еще Держиморду!

Трем почтенным старцам под предводительством деда-дальтоники пришлось удирать от фараоновой дубинки через авеню на свое кладбище прямо на красный свет светофора — аж пятки сверкали!

Хорошо, что свет оказался зеленым. Когда фараон Коломиец ушел, Мишины предки прихватили пращурову погребальную лопату и сито для опиумного мака, вернулись к месту находки и в свою очередь перерыли и просеяли песочницу на большую геологическую глубину до самого палеолита — но, кроме очередного окаменевшего неандертальского черепа с громадными надглазными валиками, двух окурков (один со следами красной помады) и одного использованного презерватива, ничего не нашли — нашли они также все тот же огрызок яблока и, даже не выяснив, «антоновка» это или «белый налив», отбросили огрызок в сторону.

(Если в этой песочнице и росла когда-то яблонька, то под ней, судя по находкам, в самом деле происходило нечто вроде первородного греха, но райский сад за просто так не отдавал своих тайн.)

Пропустим детство.

В школе Мишель учился спустя рукава, и кроме как соседкой по парте, девочкой из приличной еврейской семьи, Машей Сидоровой, ничем не интересовался. Впрочем, на одном из уроков истории Древнего Мира его конечно же поразила биография великого Генриха Шлимана, раскопавшего Трою — не то, собственно, поразило Мишеля, что Шлиман раскопал именно Т р о ю, а то, что Трою раскопал именно Ш л и м а н, — пусть и не родственник, пусть случайный однофамилец, но что поразительно: значит, и среди Шлиманов могут встречаться не-лоботрясы?!..

Понятно, историю Троянской войны Мишель тут же выбросил из головы (застряли в памяти лишь простоватые ахейцы-троянцы, которые ни с того ни с сего, как незадачливые второразрядные шахматисты, хапанули в затяжном эндшпиле деревянного коня) и беззаботно занялся партейной соседкой Машкой — принялся пихать, пинать, лезть в трусы и дергать ее за многочисленные косички с бантиками.

И все-таки биография Генриха Шлимана явилась для Мишеля откровением. Возможно, уже тогда, в юные годы, как свидетельствует его добровольный биограф-ювелир, у Мишеля впервые возникла неясная мысль: «Вот бы откопать Москву!» Все, конечно, возможно, — но позволим себе не поверить мсье Курицу, потому что у каждого человека в душе захоронена своя Москва, и каждый находит (если находит) свою Москву в зрелом возрасте и по-разному.

Миша Шлиман с Машей Сидоровой, как последние ученики, обитали на последней, камчадальской парте и были последними учениками не только в классе, но и, наверно, во всех хедерах от Мадрида на Западе до Ташкента на Востоке, что и делало им честь: быть последними лоботрясами от Стокгольма на Севере до Аддис-Абебы на Юге — тоже все-таки д о с т и ж е н и е. Зато с той самой старомодной честью, которую «береги с молодую», у Мишеля с Машей обстояло неважно: по версии семьи Сидоровых, Мишель насильно испортил Машу; по версии Шлиманов — все было наоборот: Маша коварно соблазнила Мишеля. Где и когда произошел у них первородный грех, уже не узнает ни один Держиморда из полиции нравов. Мало ли... Прогуливая уроки, Мишель с Машей спускались в отцовский метростроевский штрек, простирившийся аж до Кабула (находили там проржавевшие гильзы, каски и автоматы Калашникова; однажды даже откопали сцепившиеся намертво скелеты танка и вертолета — что не поделили между собой эти бронтозавры в глубокой древности?); загорали в прадедовской апельсиновой роще на Голанских высотах; смотрели крутую порнуху в эксклюзивных репортажах из шейховских гаремов по дедовскому кабельному телевидению...

Дело молодое...

Где-то и сами попробовали — в штреке ли метрополитена, в райской ли роще под апельсинами...

Однажды Мишель вернулся будто бы из школы весь какой-то притихший, задумчивый, с подозрительными белесыми

пятнами на брюках, и Эсфирь Борисовна проникательно посоветовала сыну то, что советуют подросткам сыновьям любящие матери во всех частях света:

— Ой, что делать... Когда кушаешь мороженое, снимай штаны, сынок.

А дед-дальтоник добавил:

— И никогда не ходи на красный свет, а только на зеленый, внучек.

В общем, в свои четырнадцать лет Мишель был уже далеко не мальчиком, а Маша — совсем не девочкой, но мужчиной и женщиной в биологическом смысле они еще тоже не были, не созрели еще; за что их и турнули из школы без аттестата зрелости, несмотря на торжественное обещание Мишеля жениться на Маше.

Наверно, проникательный читатель уже решил, что Мишель обманул Машу?

Проникательный читатель еще не знает Мишеля.

Шлиман-второй сдержал обещание и женился на Маше гражданским браком без регистрации в мэрии или в божьем храме (в синтетическую религию Яхве-Иисуса-Аллаха они не верили и в православную мусульманскую синагогу не ходили) — дело в том, что Шлиман-второй не то чтобы всегда плыл по течению и делал то, что полегче — когда надо, он разгружал вагоны и пер на красный свет — но все, что он делал, Мишель делал как-то спонтанно, «с понтом», не задумываясь, легко обходя всякие неразрешимые проблемы и безнадежно запутываясь в мелочах, понятных любому ребенку. В общем, жениться на Маше ему было легче, чем не жениться — исчезали, например, проблемы с едой мороженого.

С тех пор Мишель и Маша всегда вместе. Завидная получилась пара. Да и как иначе — в молодости Марина Васильевна была настоящей еврейской красавицей — приземистая, с крепкими икрастыми ногами, широким тазом, узкой талией, с плоскими, как лепешки, грудями, с зелеными узкими глазками на плоском и круглом, как полная Луна, курносом лице с оранжевыми веснушками (ее еврейские прародители, предположительно, пешком пришли в Израиль с Чукотки через Уральские горы и Дарданелльский пролив) и с превеликим множеством тоненьких косичек-канатиков в парадной прическе (эта прическа напоминала бы гадюшник, если бы не вплетенные в каждую косичку разноцветные бантики — на такую весеннюю тундру на голове тра-

тилось до черта времени и до хрена денег, но парадные прически и дипломатические приемы были у них потом, потом, а пока время швырянья денег для Маши еще не пришло — есть время швырять и время зарабатывать деньги, как сказал мудрый Екклезиаст. Мишель же в юности был под стать жене: худющий, волоокий, рыжий, лохматый, с впалой грудью и с ятаганным носом на пол-лица — но все же главным в облике Мишеля был не шиобель, а ни с чем не сообразный белоснежный пучок седины, обрамлявший пониже живота его выдающееся мужское достоинство — женщины, сподобившиеся этот пучок лицезреть, сходили, что называется, с ума.

2

Итак, со школой покончено.

Без аттестата зрелости все дороги были закрыты, кроме Крайне-Дальнего-Северо-Востока, который супруги исходили вдоль и поперек, забредая даже на Северный полюс к оси Земли (однажды Мишель справил там большую нужду, повесив шубу на эту ось), — торговали поддержанными компьютерами в Улан-Уде, коммивояжировали в стране Коми, мыли золото на Колыме в гостях у пугливого, но себе на уме, племени зека; у воинственных гекачепистов выменивали за тульские нарезные двустволки соболиные шкурки, а у гордых бичей и бомжей за устаревшие гранатометы — металлические «рубли» зеркальной Ресефесер с чеканными профилями легендарных бородатых богатырей этой исчезнувшей страны.

Торговали мачтовым кедром, икрой, рыбой, солью, спичками, огненной водой, чистой водой, белыми медведями, льдом, углем, прошлогодним снегом, целебными грязями, сибирскими рудами, нефтью, якутскими алмазами — короче, «пахали», не чуждались любой работы. Приходилось даже пахать в буквальном смысле этого слова: выжигали лес, корчевали пни, возделывали делянки для опиумного мака и красных гвоздик, ценившихся коммунаками на вес латунной копейки, выращивали картофель и помидоры, заводили свинофермы, завозили лекарства и апельсины, приучали туземцев к систематическому труду и к цивилизованной пище

и насаждали мир и благоволение в человеках. (Кстати, Маша так и не взяла фамилию мужа — потому, наверно, что не хотела менять привычную и солидную еврейскую фамилию «Сидорова» на сомнительного происхождения «Шлиман»).

Первая встреча с аборигенами в районе Нижней Варты в среднем течении великой сибирской реки Еби ярко описана самим Шлиманом на крутой холостяцкой вечеринке в ресторанчике шведской академии по поводу вручения ему гуманитарной Нобелевской премии «За наведение мира между народами». В отличие от троянского Генриха Шлимана, старого, близорукого, нелюдимого, разобиженного людским непризнанием, Шлиман-Московский был человеком «как-с-гуся-вода» — толстым, рыжим, жизнерадостным, склонным к розыгрышам и дружеским попойкам. Все ему было «по барабану», как он выражался. Мишель нетрезв в половину третьего ночи, тем лучше — ему слово.

Начало записи:

«Ваше величе... (обрыв в некачественной магнитофонной записи, залитой шампанским)... где шведский король, мать его дивизию? Смылся король? Ладно, продолжаю... (обрыв)... интересовала нефть... (обрыв)... сбросили нас прямо на бетон заброшенного нижевартовского аэродрома, — там недалеко стоит памятник нефтянику в телогрейке и с факелом, местные жители называют этого идола Алешей... (обрыв)... и самолет тут же улетел, даже крыльями не помахал, — эти трахнутые футбольные тиффози очень спешили вернуться в Тель-Авив к футболу «Маккаби» — «Манчестер Юнайтед». Мы с Машкой погасили парашюты и остались одни в этой нефтяной дыре — с лендровером, палаткой, провизией на полгода и всяческим экспедиционным барахлом... (обрыв)... там и сям посреди этой чахлой природы торчали первобытные нефтяные вышки. Лето — а холодно, белые ночи — а темно, низкое небо с черными облаками, из-под земли рвутся газовые факелы, пыль нефтью воняет, с северного блядовитого океана дует пронзительный сквозняк... (обрыв)... ладно, по барабану... (обрыв)... Ну, что? Это Машка спрашивает: ну, что будем делать? Отвечаю: ставь мне выпивку, потом будем вместе ставить палатку, а в палатке я буду ставить тебе палку... (обрыв)... смеется: ну, дурак ты! у тебя

одно на уме!.. (обрыв)... устраиваться. Не успели... (обрыв)... как появились аборигены... (обрыв)... конечно, без хлеба-соли. Машка сразу в плач: ну вот, допрыгались! Сейчас посмотрим, кто кому чего тут поставит! Я приказал ей заткнуться... (обрыв)... потому что взял за правило — никакого оружия, чтобы не было соблазна... (обрыв)... дорогих гостей, чтоб их черт побрал... (обрыв)... выставил перед собой на бетон, как пограничный столбик, бутылку чистого спирта... (обрыв)... вместо нагана держал в руке банку консервированных сосисок, но у самого, конечно, коленки дрожат, и очко не железное. Двое — как видно, самые смелые, — остальные пугливо выглядывали из бывших ангаров по краям летного поля — неторопливо направились к нам. Первый, похожий на этого самого Алешу с факелом... (обрыв)... с похмелья... (обрыв)... угрюмый бугай под два метра, морда в синих шрамах, а в ухо вместо серьги ввинчен орден «Дружбы народов»... (обрыв)... чрезвычайно экзотично даже для аборигенов — перепачканная нефтью стеганая фуфайка-душегрейка, увешанная несметным количеством орденов и медалей, смазанные дегтем кирзовые сапоги, голубая папаха генерала морской авиации с позеленевшим крабом... (обрыв)... томат Калашникова... (обрыв)... похож на вождя местного племени — как оказалось на самом деле, он являлся Вторым Секретарем Нефтяного Райкома — что-то вроде заместителя Первого, я в этой сложной иерархии «секов» до сих пор толком не разобрался — персек, вторсек, сексот, генсек, гомо... (обрыв)... звали его Тсинуммок... (обрыв)... любимая поговорка — «А мне все по барабану». Только потом, я узнал... (обрыв)... суеверные аборигены зеркальной страны иногда берут вторые, запасные имена или нарочно произносят и пишут (кто умеет писать) свои подлинные имена наоборот, справа налево, — эта нехитрая зашифровка применяется для того, чтобы жестокая богиня Нинель, которую они страшно боятся, не узнала их — кто такая Нинель... (обрыв)... о ней подробнее... (обрыв)... а второй... (обрыв)... одновременно толмач, денщик, адъютант и телохранитель нефтяного вождя — был гол, как сокол, ростом в метр с кепкой, с красной гвоздикой в этой самой кепке и с саблей на боку, которая волочилась за ним по взлетной полосе... (обрыв)... ножки тоненькие, но кушать хочется. Звали его Газгольдер. [Напоминаем: иногда, чтобы узнать подлинные

имена аборигенов, их нужно читать справа налево. Имя жестокой богини не исключение. Имя «Gazgolder», по всей видимости, прямое. — Прим. переводчика.]

— Спроси у них, еханный бабай... (обрыв)... ...ать их мать, откуда они взялись, суки ? С неба что ли свалились, ема-е? — приказал вождь Тсинуммок толмачу Газгольдеру, поигрывая автоматом и угрюмо взирая на пограничную бутылку огненной воды на бетонке.

(Вождь говорил по-древнеросски, но я ничего тогда еще не понимал, хотя, конечно, смысл вопроса был прозрачнее самой прозрачной огненной воды из отборной пшеницы.)

Толмач Газгольдер... (обрыв)... жадного взгляда от консервной банки с цветной соблазнительной этикеткой, изображавшей а-ля натюрель баварские сосиски с горчицей... (обрыв)... спросил на очень плохом английском:

— Где взял, однако?

— Где, где... — ответил я. — В магазине купил.

— «Ишимская», однако? — брезгливо спросил Газгольдер, указывая на бутылку огненной воды. [«Ishimskaja» — название нижевартовского самогона. — Прим. переводчика.]

— Чистый спирт, — успокоил я.

Газгольдер что-то уважительно сказал вождю; я лишь уловил слово «медицинский».

Как вдруг из палатки появилась Машка с хлебом-солью и с вышиванными рушниками, и второй секретарь...

(Далее следуют сплошные обрывы, прерываемые древнеросским матом)...»

Прервем обрывы.

Первый контакт с аборигенами прошел благополучно. К величайшей Машкиной досаде, она как женщина несколько не заинтересовала нефтяного вождя, хотя в те времена нравы у аборигенов были простые — «твоя жена — моя жена». Чукотская Машкина красота, сводившая с ума западноевропейских мужчин, не выдержала конкуренции с медицинским спиртом и с банкой сосисок. Вождь Тсинуммок не торопясь уселся посреди разбитой травой взлетной полосы на пустой ящик из-под макарон, в три глотка осушил бутылку огненной воды, закусил торчавшим из бетонки ядовитым грибочком, сожрал свежую буханку ржаного хлеба и с неохотой отбросил недоеденную горбушку ходившему вокруг

него и жалобно урчавшему толмачу, которую Газгольдер мгновенно проглотил.

Затем вождь, не сходя с ящика, принял позу роденовского мыслителя и усталился на консервную банку с сосисками. Упрямый мыслительный процесс отпечатался на челе аборигена, но Мишель покровительственно похлопал его по плечу и достал новенький консервовскрыватель с титановым лезвием и с деревянной ручкой и уже собирался вскрыть банку с сосисками, но реакция аборигена оказалась весьма неожиданной. Вождь сразу догадался, в чем тут дело.

«Эврика! Я сам!» — было написано на его лице.

Надо было видеть, с каким восторгом Тсинуммок выхватил у Мишеля консервовскрыватель, с какой нежностью погладил лакированную деревянную ручку и с какой любовью провел пальцем по хромированным титановым поверхностям! Потом он торопливо и неуклюже, порезав палец о зазубренные неровные края пищевой жести и отталкивая прикладом автомата напиравшего под руку толмача, вскрыл банку с сосисками.

Кровь из пальца вождя капала на бетонку. При виде крови Шлиману чуть не сделалось дурно. Толмач Газгольдер ронял сплону и с нетерпением верещал; а Машка в этот момент вынесла пиво: бутылку пива — в одной руке, толстую стеклянную кружку — в другой. Пиво окончательно убило вождя. Вождь даже забыл про сосиски. Еще бы: можно только предполагать, когда Тсинуммок пил пиво в последний раз, тем более из граненой стеклянной кружки — в лучшем случае, лет десять тому назад при разгроме и поджоге 3-го Уральского пивзавода. Но на толмача Газгольдера по молодости лет пиво не произвело никакого впечатления, и он, пользуясь случаем, выдергивал из-под руки сраженного вождя молочные баварские сосиски и, пуская слезы от непривычной горчицы, пожирал их.

Тсинуммок не знал, что первым хватать... глаза разбежались... консервовскрыватель... пиво... кружка... сосиски... сосиски... кружка... пиво... консервовскрыватель... вождь шлепнул по рукам толмача, вождь сунул консервовскрыватель в карман своей душегрейки (будто там ему и место, будто он там всегда лежал), вождь выхватил бутылку пива из Машкиных рук...

Но Мишель вдруг совершил один из тех своих безумных поступков, которые приносили ему удачу — он скрутил огромную дулю и укоризненно сказал вождю:

— Нехорошо брать чужое, однако!

Газгольдер от ужаса подавился сосиской — оскорбительней жеста аборигены не знали (разве что рубануть ребром ладони по локтевому суставу и поводить рукой перед носом противника). Тсинуммок в ответ мог скосить Мишеля автоматной очередью, и был бы прав; но вождь от неожиданности так смутился, что потерял лицо, поспешно вывинтил из уха орден «Дружбы народов» и жестаи предложил честный обмен: орден на консервовскрыватьель.

Мишель, не долго думая, кивнул головой.

Тсинуммок все понял. Он с мясом вырвал из душегрейки «Орден «Знак Почета» и ткнул пальцем в стеклянную кружку; но Мишель на этот раз покачал головой, показал два пальца: мол, «кружка на два ордена», и дополнительно ткнул в орден «Трудового Красного знамени» на груди вождя. Вождь не торговался. Вышиванные полотенца пошли за медаль «Мать-героиня», а пустые бутылки из-под спирта и пива — за красивый значок члена общества ДОСААФ. Толмачу Газгольдеру бесплатно досталась зазубренная консервная банка.

Так на просторах Западной Сибири состоялась первая взаимовыгодная сделка между Шлиманом и дикарями, положившая начало дружбе народов и раскопкам Москвы.

Дела у Шлиманов-Сидоровых шли постепенно в гору, потому что в этих дремучих местах у них почти не было конкурентов — кому охота осваивать варварские территории у черта на куличках у Полярного круга? Дюпону? Ротшильду? Или, может быть, мсье Курицу?.. Отнюдь. Им подавай Атлантиду! Любителей было мало, а места много. Неосторожного путешественника тут запросто могли подстеречь, пленить, расстрелять, сварить, сожрать — или снежные люди-неандерталоиды, или первобытные коммуняки, целыми кланами охотившиеся на расплодившихся амурских тигров, переплывавших Итиль (как видно, древняя Волга), задравших последних зубров в Беловежской Пуще и в особо голодные зимы не брезговавших человечинкой (как тигры, так и коммуняки). Или, того хуже, можно было угодить в плен к таинственнейшим жидомасонам в районе Биробиджана — этих редкостных антисемитов как будто никто никогда не видел, но они прятались везде, за каждым кустом и деревом, вроде кровожадных гремлинов или вурдалаков. Но и жидомасонов Мишель не очень-то боялся, потому что, как уже го-

ворилось, делал то, что полегче, и как Бог на душу положит, нисколько не притворяясь: с коммуняками он был коммунякой — кожанка, незаряженный наган на боку, красная гвоздика в петлице; со сталиняками (племя, родственное коммунякам, но позлобнее и несговорчивее) был сталинякой — усы, сапоги и голая задница; даже подозрительное племя ура-патриотов принимало Мишеля за своего в енотовой шубе с позолоченными погонами и в овечьей папаше — так что повстречай Мишель жидомасона, еще неизвестно, кто у кого больше бы крови выпил.

Не превращая жизнеописание Шлимана-второго в этнографический очерк, отметим, что для коммуняк Мишель был просто дядей Мишей (называли они его, естественно, справа налево: Ашим, дядя Ашим; для сталиняк — Михаилом Шоломовичем; патриоты видели в нем чуть ли не самого Михаила-архангела; для звиядистов он был Михо; для зеков — просто Мишуня; экзотические бородачи-барбудосы, пришедшие в сибирскую тайгу через Берингов пролив чуть ли не с острова Кубы, называли его доном Мигелем; известен он был также под именами Макс, Микаэль, Михоэлс, Мойша, Мойва, Майкл; а в общем, для эвенков и алеутов, коммуняк и сталиняк, патриотов и совсем уже одичавших номенклатурщиков, и конечно же, для родимых камчадалов Шлиман-второй был чем-то вроде Миклухи-Маклая для папуасов — помощником, другом, учителем, миссионером — добрым и полезным человеком немного не от мира сего, которого как-то не резон окунать в бронзовый котел с кипятком, зато можно немножко обдурить, выменяв за несколько орденов и медалек отличный консервовскрывать или даже старинную тульскую двустволку.

Конечно, его отношения с аборигенами не всегда обстояли гладко: Мишеля грабили на больших таежных просеках, и угоняли во глубину сибирских руд или на туруханскую каторгу, и держали заложником (а Машу в наложницах), и конфисковывали лендровер со спиртом, и так далее и тому подобное.

— Давно что-то не видно нашего Лешима, однако, — говорили в таких случаях знатные номенклатурные аборигены, соскучившиеся по пиву с сосисками.

Они барабанами созывали Верховный Совет где-нибудь в очередной столице в Ханты-Мансийске или в Вась-Вась-Юганске, усаживались за длинным столом в виде большой

буквы «Т», который таскали с собой по тайге, выбирали Дежурного Генсека, раскуривали люльку мира и так долго и молча дымили и кашляли во Дворце Культуры под переходящим Красным Знаменем, что сталиняки (или омовцы, или кто там был виноват) не выдерживали всеобщего молчаливого осуждения и отпускали Мишеля из очередного магаданского рабства, а Ману из какого-нибудь веселого сахалинского вертепа.

Потом они две недели пили, ели, пели, спали, писали пулю (ленинградку и сочинку, с хозяином горы, с переходящими распасами, со сталинградками, с брандерами и без), играли в смертельную русскую рулетку, любили поспорить о приоритетах национальных или общечеловеческих ценностей и решали всякие насущные вопросы — кому, например, вручить переходящее Красное Знамя, а кому таскать за собой Т-образный стол. Эти вечеринки-посиделки с ершом [*Eorsh*] — агрессивная колючая рыба северных рек (вроде пираньи) и одновременно смесь огненной воды с пивом. — Прим. переводчика.] и со стрельбой назывались у них «пленумами цека» и чем-то напоминали собрания рыцарей круглого стола короля Артура. Вождь Тсинуммок, конечно, был членом политбюро, бывал и Дежурным Генсеком. К тому времени он уже стал Первым Секретарем Нефтяного Райкома, съев своего предшественника («съев» в переносном смысле этого слова, хотя никого не удивило бы, если бы Тсинуммок съел соперника буквально. Но — пожалел).

Состоялось также примирение с Машиными и Мишными родителями, когда Мишель с Машей привезли в Иерихон подарки — полный мешок металлических рублей, настоящую монгольскую юрту и экзотическую дойную корову-буренку, занесенную в Красную Книгу. Мсье Куриц чуть не загнулся от зависти при виде монет с усатыми, бородатыми и лысыми профилями богатырей Ресефесер — за один такой рубль в те времена можно было полтора года жить на Гаити, пара-тройка серебряных «лысенских» стоили целое состояние, а сегодня они попросту б е с ц е н н ы; Егор же Лукич Коломиец, напоминавший вождя Тсинуммока своей раскоряченной походкой и железными клешневыми руками, вроде гаечных ключей, при виде коровы уронил резиновую дубинку, ласково потрогал краснокнижное животное за вымя, и инстинктивная слеза какого-то

древнего первобытного воспоминания скользнула по небритой щеке фараона.

— Коровушка-буренушка... — только и смог сказать Егор Лукич.

Примирение состоялось, свадьба отпраздновалась. Жаль, одесский прапращур не дожил до этого дня. Мишелев прадед наконец-то вставил полный рот золотых зубов, дед вдруг возлюбил красный цвет и стал спокойно переходить дорогу (Егор Моисеич его не только не трогал, а наоборот — брал под козырек и останавливал движение, потому что ежемесячно получал от Эсфири Борисовны копейку на водку), отец наконец-то выкупил боковую, но доходную, ветку метрополитена «Кабул — Ташкент», а Эсфирь Борисовна перестала бояться буренку и научилась ее доить. Семья Сидоровых купила кусок земли на месте детской песочницы, разбила юрту и стала жить в ней припеваючи на персидских коврах; а также впервые приобрела в Туле, что под Тель-Авивом, недвижимое имущество — ружейный тульский заводик всего-то за пять лысеньких.

Шлимань-Сидоровы становились своими людьми в деловом мире, хранили коллекционные рубли в Центральной Швейцарской Сберегательной Кассе, водили знакомства с Ротшильдами и Рокфеллерами и даже бывали приглашаемы на приемы к Царю Иудейскому Кагору 4-му, этому просвещенному конституционному монарху из династии рабби Ндранатов Кагоров; запросто открывали дверь ногой к 42-му Президенту Великого Израиля Ицхаку Ивановичу (из сербо-хорватов) — и никто в высшем свете не спрашивал у Мишеля и Маши какого-то аттестата зрелости.

К этому же времени относится повышенный интерес Мишеля к поискам Москвы, столицы зеркальной Ресёфесер. Как видно, наконец-то сработал инстинкт, взыграли гены — и возникла потребность в каком-то внутреннем аттестате зрелости. Мишель ходил с лопатой по руинам великой империи, все здесь криком кричало о том, что зеркальная страна лежит у него под ногами. Аборигены, особенно дети, тащили в обмен на жвачку и презервативы всякие мелкие находки — настольные алебастровые бюстики вождей с козлиными бородками и почтовые лакированные картонки с изображением трехтрубного старинного корабля «Аврора». Каменные бабы с веслами и гранитные мужики в шинелях, стоявшие на курганах или лежавшие лицом в грязи, красные

вымпела, похвальные грамоты, щербатая посуда с надписью «Общепит» в туземных юртах и землянках, остовы первобытных тракторов и комбайнов «Нива», занесенные пылью в пустынях Казахстана, трансконтинентальная заржавевшая железная дорога, поднявшаяся в кронах векового леса над дремучей тайгой от Уральских гор до Тихого океана — все указывало на присутствие здесь древней цивилизации.

Отступить было некуда — где-то здесь в земле лежала Москва.

Но когда Мишель заводил с аборигенами осторожные разговоры о столице зеркальной империи: «Ребята, не Москва ль за нами?», те пугались и как в рот воды набирали (а вождь Тсинуммок набирал в рот воды в прямом смысле, отбегая к ближайшему колодцу или речушке), пожимали плечами, отрицательно мотали головами, разводили руками и, вообще, всем своим видом изображали полнейшее непонимание и напускное равнодушие. Они явно что-то знали.

Но слава троянского героя и однофамильца не давала покоя Мишелю. Ведь что сделал в свое время Генрих Шлиман-первый? Он плюнул на все и попросту осуществил свою заветную детскую мечту, рассчитался с судьбой за неустроенные детство и юность — пришел, увидел, откопал.

Вот и все. Просто? Еще бы! Но мало кто может похвастаться тем, что в детстве мечтал стать, например, пожарником и стал им.

Гонимый неумолимой индейкой, Мишель отправился по стопам своего знаменитого предшественника. Как Генрих Шлиман выделил фактологическую квинтэссенцию из гомеровской «Иллиады», так и Мишель начал плясать от печки — обратил пристальное внимание на бесспорные факты в эпосе Ресефесер.

Не в пример гипотетической курицевой Атлантиде, Зеркальная Страна когда-то существовала, и ее местонахождение неплохо известно из хроник, летописей и анналов, — это для археолога самое главное.

«Конечно, легенда о выходе древнеросского богатыря Юрия Гагарина в космос — чистейшей воды вымысел, вроде мифа о вечном построении коммунизма в одной и той же, отдельно взятой стране, — рассуждал Шлиман. — Если сравнить эту легенду с легендой о древнегреческом

Икаре — наблюдается чуть ли не прямое заимствование. Хорошо известно, что первым в космос вышел германский тевтон Герман фон Титов — впрочем, арийская версия космического приоритета тоже недостаточно аргументирована археологией, хотя, бесспорно, в основе подобных легенд лежат подлинные факты; несомненно, что-то в космосе в те времена происходило, и росы, возможно, приложили руку к освоению космического пространства. Зато очень красивая легенда о том, что какая-то вечно живая кухарка Нинель какой-то период управляла русским государством, абсолютно не имеет с действительностью ничего общего, как и аналогичный в других эпосах».

«Возможно, иносказание? — раздумывал Мишель. — Аллегория, вроде пушкинских «ткачихи с поварихой с сватьей бабой Бабарихой»? Какая кухарка? Имя — Нинель, допустим. Отчество, фамилия?.. Возраст или хотя бы в каких годах до нашей эры правила громаднейшей из империй? Хотя какое-нибудь скульптурное изображение... Ничего неизвестно! Конечно, можно представить прекрасную кухарку, эту самую серую кардинальшу Нефертити из простолюдинок, вершившую судьбу страны в постели очередного дряхлеющего генсека, но археологию, как и всякую подлинную науку, все-таки интересуют материальные памятники и достойные доверия письменные свидетельства; все остальное — сплошные помехи и шум от шумеров-шумеров».

3

Первым делом Шлиман прильнул к истокам, обратился к самому первому достоверному историческому известию о легендарной стране.

Известие Бертинских анналов 839 года являлось главным аргументом в пользу норманистской концепции происхождения русской государственности. Известию-839 до Шлимана была посвящена обширная литература в вольных переводах на многих языках мира с конструированием самых разнообразных историко-гипотетических построений, но только Шлиман дал достаточно неожиданную и обоснованную ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ трактовку Известия.

Как известно, в Бертинских анналах сообщается, что германский император Людовик Благочестивый принимал

18 мая 839 года в южнонемецком городе Ингельгейме послов императора Византии Теофила. Вместе с этими послами Теофил отправил к германскому императору...

Начало цитаты из Бертинских анналов, первое известие о стране Рос:

«...неких [людей], которые говорили, что их [то есть, их народ], называют Рос [Rhos], и которых, как они говорили, царь [гех] их, по имени Хакан [Chacanus], отправил к нему [Теофилу] ради дружбы. В упомянутом письме [Теофил] сообщал, что люди эти весьма оригинальны [originalis] и просил, чтобы император Людовик милостиво дал им [послам] возможность воротиться [в их сторону] и охрану по всей своей империи, так как пути, которыми они [послы] прибыли к нему [Теофилу] в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, а он [Теофил] не желал бы, чтобы они [послы], возвращаясь по ним [путям], опять подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их [послов] прибытия, германский император узнал, что они принадлежат к шведскому народу [eos gentis esse sueonum]; и считая их скорее разведчиками по тому царству [Византии] и нашему [Германии], чем искателями дружбы, он [Людовик] решил задержать их [послов] у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет. И он [Людовик] поспешил сообщить ему [Теофилу] через помянутых послов и письмом также и о том, что он [Людовик] их [послов] из любви к нему [Теофилу] охотно принял; и если они окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им [послам] безопасно вернуться на родину, то они будут отправлены [туда] с охраной; в противном случае они будут возвращены к его [Теофила] особе с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми [послами] надлежит сделать».

Составитель анналов (летописец) Пруденций [Proudenzio], придворный священник императора Людовика.

Вот такая цитата.

Как отмечали солидные ученые, само Известие-839, содержащееся во вполне достоверном источнике, не вызывает сомнений (императорский двор середины 9-го века в не-

большом германском городке Ингельгейме был, по всей вероятности, невелик, и летописец (анналист, хронолог) Пруденций явно видел послов государства Рос собственными глазами. Главное же значение известия Бертинских анналов в том, что оно дает наиболее ранние сведения о существовании Рос, указывает первую точную дату (839 год) в истории этого государства и позволяет установить его географическое местоположение на картах Восточной Европы.

Но Шлиман в поисках Москвы копал глубже и... великолепно ошибся!

Не будем описывать весь ход его остроумных рассуждений, для Шлимана особый интерес представляла психологическая подоплека бертинского известия. То, что государство Рос располагалось где-то посередине великого пути из «варягов в греки», младенцу понятно — ни севернее, ни восточнее, ни южнее располагаться оно никак не могло (север и восток были слишком далеки от геополитических интересов Византии того времени, чтобы с такой помпой принимать тамошних послов, да еще втягивать в эту помпу германского императора; а на юге ближайшие соседи Византии хорошо известны — турки, болгары, хазарский каганат).

Далее:

«Титул царя росов, «хакан», нисколько не происходит от хазарского титула «каган», — решил Мишель, — а, безусловно, от древнеросского «пахан» — просто летописец Пруденций на слух ошибся. Тот же Пруденций не только воочию видел весьма «оригинальных» [originalis] послов Рос, но и общался с ними — более того, красивый и четкий каллиграфический почерк Бертинских анналов (за что, собственно, и держали Пруденция в должности летописца) именно в этом небольшом известии, написанном в тепленькое утро 19 мая 839 года сразу после официального приема послов Рос, превращается в курицелапую похмельную борозду с кляксами — можно лишь представить, с какого великого бо-дуна записывал это известие каллиграф Пруденций! Что он там накарякал?.. Ни черта не понять — не только почерк, но и обычно ясный, точный и лаконичный стиль Бертинских анналов именно в этом известии превращается в косноязычное мычанье с обилием исправлений, пояснений и местоимений «их, тех, это, того, это самое, как его...»

Можно лишь представить первое появление росов в Европе, вспомнив попойку Шлимана в шведской королевской

академии: глубокая ингельгеймская ночь, пир в императорском дворце в честь прибытия послов, Людовик Благочестивый уже под столом, летописец Пруденций лыка не вяжет и несет всякий вздор; двое росов (швед, он хоть и Рюрик, но уже перешел в русскую веру) глушат все подряд и уже начинают выяснять между собой отношения:

«Ты кто такой?»

«А ты кто такой?»

В самом деле: кто же они такие? Почему поначалу приняты германским императором за норманских шпионов, а потом вдруг сделались лучшими друзьями?

Дело в том, что один из них, переводчик, — безусловно, швед (варяг, скандинав, норман, чудь, «искатель счастья и чинов, заброшен к нам по воле рока»), а второй (вот она, первая достоверно зафиксированная летописцем Пруденцием русская историческая фигура!) — а второй, собственно, и есть коренной рос, Великий Посол новой державы. Но германский император не разбирается в национальных тонкостях, для него все шведы, что китайцы, на одно лицо, императору подозрительна путаница самоназваний — почему эти чудные шведские викинги из скандинавских норманов называются Рос? Они сами так себя называют или кто их так называет?.. Странно: почему не пошли из Византии домой, в какую-то свою Москву [Mousikowius], которую так любят и называют раем земным, а обходят ее стороной, делая крюк через пол-Европы? Где имение и где наводнение, где Москва и где Ингельгейм!.. Первая мысль при встрече: «Шпионы!» Первая мысль на следующее утро: «Рассолу!» В свою очередь, русский Посол, естественно, ни бельмеса не смыслит ни в греческом, ни в немецком, ни в международной латыни (только и вызубрил по-английски: «na Rusi veselie piti»), он впервые выехал за рубеж, весь политес за него решает швед, но и норман не тянет уже, кишка слаба у викинга, спит скандинав, уронив голову в серебряное блюдо из императорского сервиза.

«Чудик ты... рюрик ты... — пьяно бормочет Посол, но в блюдо еще не падает, посольскую марку держит. — Что росу польза, то немцу смерть».

Остается лишь предположить, что московский Пахан, снабдив Посла инструкциями и подарками для Теофила и сунув кулак под нос: «Гляди мне!», отправил его в Византию прощупать «что там, да как с проливами» еще в конце апреля

или в начале мая прошлого (838-го) года, когда вскрылся отолда Борисфен-Слаутич, и можно лишь представить, как московский Посол с переводчиком и с телохранителями, медленно плывя вниз по течению из варягов в греки («среди племен варварских и бесчеловечных»), останавливаясь буквально у каждого столба на греко-варяжском пути и в каждом жидовском трактире, в жутких пьянках с драками и христованьем присоединяя к Роси деревлян, берендеев, кривичей, вятичей и берковичей, обещая им рай земной в объятьях Москвы и подминая под себя каких-то совсем еще диких абреков, чучмеков, половцев, печенегов и архаровцев, добрались наконец вдвоем (телохранители конечно спились по дороге) к началу зимы до Константинополя — полупьяные, оборванные, без посольских грамот и без паханских личных подарков императору Теофилу, но первым делом с наглостью неимоверной прибив гвоздями свой щит на воротах Цареграда (то есть, тут же по-наглому переименовали чужую столицу — мол, так и было!), покорили императора Теофила своими честными голубыми глазами, естественным младенческим поведением и полной неспособностью вспомнить, откуда они пришли.

«Ну, послал Бог соседей!» — пришибленно подумал византийский император.

Потом Теофил за пьянками-банками и душеспасительными беседами о рае земном в стране Рос уже ни о чем не думал до самой весны, а в женский день 8-е марта 839 года, продрав глаза, наконец увидел, что коровы не доены, дети не кормлены, жены неы, понял, что так дальше жить нельзя, написал рекомендательную записку и сплавил дорогих гостей, которые забыли дорогу домой (врали конечно, просто не хотели возвращаться домой под топор московского Пахана, «который слезам не верил»), к германскому императору, который в свою очередь, выйдя из запоя, отфутболил русских послов искать свою Москву к французскому королю.

Таким образом, Шлиман предположил, что земной рай, куда послы хотели, но никак не могли вернуться, находился где-то между Германией и Византией в среднем течении Борисфена (послы называли свою главную реку то Днепром, то Слаутичем), в этом естественноисторическом фокусе Восточноевропейской равнины.

Шлиман взялся за свое первое Дело, но оказалось, что первым делом нужно было получить лицензию на археологические раскопки.

Его окружали враги, цивилизованные враги! Легче поладить с голодными дикарями (попросту накормить их), чем с цивилизованными мсье курицами — они всегда сыты, но жрут тебя просто из гастрономического интереса. Шлимана не принимали всерьез. Снабжали протухшими консервами и разбавленным мочой бензином. Его лопате не разрешали копать. Особенно доел Мишеля очередной мсье куриц из посольства в автономном Симферополе — прекрасный, отлично сохранившийся образец посольского чиновника-бюрократа по имени Отвал-башки: плотный, холеный еврей из крымских татар, без живота, свежий, отдохнувший, загоревший, только что из Ялты, в золоченой оправе, с лысиной, с усиками — ах, как он был хорош!

— Что вы там собираетесь копать — Атлантиду?.. — допытывался Отвал-башки. — Что-что?.. Рай на земле?.. Москву? Какую Москву? А разрешение на Москву у вас есть? Надо уплатить налог на археологические раскопки.

— Но эти раскопки будут производиться за пределами Израиля, — объяснял Шлиман. — Эта земля НИЧЬЯ.

— Ничейной земли не бывает. Если же вы обнаружите рай на земле, то обязаны немедленно поднять израильский флаг и сообщить в ближайшее посольство — рай на земле автоматически станет нашим.

— Но раскопки проводятся в благотворительных целях.

— Это как? — не понял Отвал-башки.

— За свой счет и по согласованию с местными племенными органами самоуправления. В моей экспедиции будут заняты сотни безработных аборигенов. Оплата по договору, бесплатное питание и лечение, премии за особо ценные находки.

— Не знаю, что вы задумали, но все равно вы их объегорите. Благотворительность должна подтверждаться документально. Вы можете подавать нищим на улице — это ваше личное дело, но это действие не называется благотворительностью. Производство раскопок с возможным нахождением исторических ценностей требует государственного присмотра. Нужно экспертное заключение.

— Вывоз ценностей производиться не будет.

— Не верю, но тем более — на фиг вы нам нужны без ценностей? — намекнул Отвал-башки. — Политическая обстановка в Приграничье непредсказуема. Каждый день перевороты. О каком самоуправлении вы говорите — там

в некоторых глухих местах до сих пор сохранилась советская власть. Кому копало... извиняюсь, кому попало копать не позволяют — ни мы, ни они. За вами придется все время присматривать и выдирать из критических ситуаций. У меня и без того много дел.

— А взятки вы берете? — прямо спросил Шлиман и деловито полез в карман.

— А как же! — обрадовался Отвал-башки. — Археологическими драгоценностями.

— Во! — ответил Шлиман, делая двойной оскорбительный жест: вытащил из кармана фигу и рубанул ребром ладони по локтевому сгибу.

Удивительно, но прошло и на этот раз: Отвал-башки уныло понюхал фигу, немного подумал и выдал Шлиману пустой бланк-разрешение на гербовой бумаге с запечатанными ленточками:

— Так бы сразу и сказали. Заполните сами. Кстати, флаг у вас есть? Возьмите шелковый, в посольстве.

Мишель с этим флагом изъездил на лендровере всю Восточноевропейскую равнину вдоль и поперек к северу от развалин Днепрогэса, обнаружил место с тремя подозрительно удобными холмами над рекой и остатки пешеходного моста к пляжам и огородам, на свой страх и риск начал раскопки и откопал-таки первую столицу Роси с памятником какого-то дядьки с булавой на коне.

Откопал, схватился за голову и сказал себе:

«Дурак ты! Конь с яйцами! В огороде бузина, а в Киеве дядька! Богдан! Схлылы Днепра! Киев — мать городов русских! Рось, да не та! Киевская, а не московская!»

Гениальная ошибка, принесшая Шлиману всемирную, хотя и насмешливую известность, напоминала Колумбово открытие Америки: искал Рось Московскую, а откопал Киевскую.

Бывает.

Ошибся.

С кем не бывает — даже с Колумбом.

В Симферополе чиновник Отвал-башки ухмылялся и, в ожидании археологических драгоценностей, на всякий случай подшивал к делу антишлимановские обвинения: плохая научная работа, несоблюдение контрактов, подкуп населения, разжигание межплеменных конфликтов.

Мировая общественность, насмехаясь над Шлиманом, как-то пропустила, не заметила, что Мишель в с е - т а к и

откопал Киев, хотя так и не понял, почему неизвестный российский летописец назвал Киев именно матерью, а не отцом городов русских?..

«Возможно, российский летописец был под стать своему германскому собрату Пруденцию?» — предположил Шлиман.

Кстати, ошибиться было совсем не мудрено. Помимо коверканья собственных имен, народ Рос имел манию то и дело менять столицы и называть свои города двойными, тройными и более именами, так что иногда просто невозможно было понять, о каком собственно географическом объекте идет речь. Таинственный Нинельград — как видно, родина Нинели, — до сих пор остается нераскопанным только из-за того, что археологи не могут определиться в названии: Нинельград, Санкт-Петербурх, Петербург, Питер, Петрозаводск, Петропавловск-на-Камчатке, Петергов, Петроград, да еще какая-то Северная Пальмира — один ли это город или разные?

Далее: столицами Роси были попеременно Киев, Новгород, опять Киев, Тверь-Калинин, Рязань, какой-то Сарай, Владимир, Москва, Кремль, какой-то совсем таинственный Третий Рим («четвертому не бывать»), Санкт-Петербурх, Петроград, Зимний Дворец, Смольный, опять Москва, опять Кремль, Минск... Разные ли это города или один и тот же кочующий объект на колесах? Кстати, этот древний обычай переездной столицы остался и у современных аборигенов.

Мало того: паханы часто меняли имя самой страны: Рос, Рось, Русь, Московья, Россия, Совдепия, Союз, Ресефесер, Страна Советов, Сесесер, Эсенге.

Себя паханы называли князьями, царями, боярами, императорами, председателями, первыми секретарями (абсолютно не понять, почему какие-то секретари управляли страной?), наркомами, генсеками, премьерами, президентами.

Народ в разные времена назывался: росы, русы, анты, склавины, скифы, белорусы, малороссы, русичи, русские, иваны, московиты, москали, россияне — все это, безусловно, один и тот же народ.

Москву, этот рай земной, до Шлимана искали в Италии, Турции и на Аляске, пытались копать в североамериканском созвучном городке Москоу; примерялись к Стокгольму — «норманистская теория»; вот только не догадались искать в иери-

хонской песочнице. А Шлиман, как уже говорилось, перепутал ее с украинским Киевом — впрочем, оказалось, что именно Киев являлся первой столицей Руси.

Рано хоронить Москву, подумал Шлиман.

Кстати, в языках многочисленных народов, населявших некогда зеркальную Ресефесер, существует множество общих слов с корнем «рай» — «райцентр», «районо», «райисполком», «райком», «райсобес», «райпотребсоюз» и прочие, что дало повод итальянским клерикалам снарядить в Сибирь дирижабль «Ковчег» с археологической экспедицией на поиски библейского рая, каковая (экспедиция) никакого рая конечно же не нашла, была подбита гекаченистами в верховьях Енисея и почти вся съедена. Нейлоновая шкура с названием дирижабля пошла на утепленный вигвам для вождя и на унты его приближенным. Оставшихся в живых двух хорошеньких сексапильных итальянок — дипломированную повариху Прасковью Спагетти и антрополога, специалиста по прямохождению позвоночных Лию Коппатти, оставленных аборигенами то ли на закуску, то ли с целью использования по прямому назначению, — этих женщин Шлиман с помощью вождя Тсинуммока успел спасти: выкупил за два ящика вирджинского нюхательного табаку и эвакуировал вертолетом на Большую Землю, чем изменил мировое мнение о себе в лучшую сторону. С секс-бомбой Лией Коппатти у него впоследствии состоялся кратковременный, но жгучий роман с шумным выяснением отношений (у ненасытной Лии было одно на уме — она везде искала и находила райские кущи и с такой страстью тянула Мишеля в эти кусты, что однажды измученный и потерявший на время мужскую боеспособность Мишель неосторожно посоветовал ей в поисках рая покопаться в иерихонской песочнице), роман, сопровождавшийся битьем сервизов, скандалами, драками, погонями, журналистами и т. д., зато кухарка Прасковья нисколько не стремилась управлять государствами, и потому мудрая Маша подружилась с ней и разрешила участвовать во всех дальнейших шлимановских экспедициях в качестве специалиста по яичнице (в периоды голодухи Прасковья могла делать гигантские омлеты на 12 человек из одного-единственного куриного яйца), а также разрешила по женскому совместительству иногда замещать Шлиману Машу в ее вынужденные отсутствия

(например, когда родила долгожданного ребенка, которого супруги назвали в честь Шлимана-первого — Генрихом; крестным отцом мальчика стал вождь Тсинуммок, а крестной матерью — кухарка Прасковья; Генрих Шлиман-младший впоследствии промотал отцовское состояние и даже пропил отцовскую лопату — вообще, был без Москвы в голове, но это уже другой разговор) — Маша решила, что лучше ее будет заменять кухарка Прасковья, чем эта визгливая антропологическая дура.

Шли годы...

Без длинного этнографического отступления нам все же не обойтись (особо скромные девушки могут этнографию пропустить и читать дальше).

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Нижняя Варта, столица экспедиции Шлимана, располагалась в среднем течении Еби в Западной Сибири. С названием реки связано красивое предание о том, как богатырь Ермак Тимофеич, выйдя с дружиной к реке и озираясь навкруги, от широты чувств произнес: «Ебь твою мать!» — так по первому слову и назвали. Весной здесь красиво цветут лютики, чахлики и дохлики. Местность заболочена и приравнена к районам Дальнего Севера, т. е. коэффициент бартерных сделок 1,7. С погодой плохо, но Машка Сидорова цвела и отлично себя здесь чувствовала. Зимой солнце не вылезает из-под земли. Свою бороду Шлиман использовал как термометр — при минус 20-ти градусах она подмерзала, при 30-ти замерзала, при 40-ка превращалась в ледяной обрубок. Морозный рассвет здесь долгий и нудный; а когда наконец рассветет, то тут же переходит в сумерки. В метре от поверхности начинаются вечная мерзлота и ледниковый период.

Вот типичная утренняя картинка: лесотундра, мороз градусов сорок. В воздухе чистый утренний морозный запах нефти, чуть смешанный с дымом костров, на которых готовятся щи, картошка в мундирах и другие национальные блюда. По тундре летают надутые презервативы. Семейные аборигены живут в землянках, балках, вагончиках, старых трамваях; холостяки в длинных бараках, называемых «общагами». Понятие «купить вагончик» означает «овладеть шикарным жильем». За балок или вагончик могут отдать даже корову. Женщины поднимаются затемно, при северном

сиянии пасут оленей и коз, тихо переговариваются. Морозостойкие летающие куры. Камни и валуны, в беспорядке разбросанные по тундре, источают вечный холод, за день не успевают потерять мороз, накопленный ночью, — под ними хорошо устраивать погреб-морозильник. На таких личных валунах встречаются разные фривольные надписи и наскальная живопись. В Нижней Варте лучше всего весной на закате солнца после дождика в первый четверг июня. Прошел хмурый ветреный день, наступает белая ночь. Пыль прибита дождиком, но не превратилась в грязь. Еще кое-где не растаяли ледяные снежные бабы. По «Голосу Китая» журчат тихие китайские голоса — это единственная радиостанция, пробивающаяся сюда из Великого Бодуна. На плоском валуне группа пожилых аборигенов забивает козла. Тихие сухие места обостряют мысль — это известно еще со времен первых христиан. Уйти в тундру «забивать козла» — означает у аборигенов примерно то же, что у христиан «уйти в пустыню». Приебье — пустынная местность с болотистой почвой. Здесь часты дожди, но если уж дело доходит до засухи, то (парадокс!) влажность становится катастрофической — от жары подтаивают подземные ледники, и начинаются бурные наводнения. Овраги заполняются водой, превращаясь в глубокие реки; вода размывает их берега и выносит на поверхность ископаемые останки. По Еби плывут гниющие туши мамонтов и волосатых носорогов. Вода кипит — голодные ебские ерши рвут добычу на части, даже шуки боятся приблизиться, а человеку лучше в воду не входить. Жесточайшая казнь — бросить преступника на съедение ебским ершам — сожрут почище любых крокодилов.

Главная ценность — вода, как в пустыне. Хотя ебской воды здесь хоть залейся, но она так перемешана с нефтью, что из нее можно легко гнать бензин для лендровера — хоть и низкооктавный, но все же лучше европейского, разбавленного мочой.

Нравы в тайге суровы. Пример таежного фольклора о человеколюбии (так называемый «анекдот», рассказанный Шлиманом под магнитофон на все той же холостяцкой небелевской вечеринке), над которым аборигены трясутся от хохота, хотя наизусть знают этот анекдот с малолетства, и от которого шведский король чуть не помер от ужаса. Смешного в нем мало. Рассказывается долго, занудно-

медленно, с поясняющей жестикуляцией и с ледящими душу подробностями, а последнее слово произносится даже в присутствии шведской королевы, потому что из анекдота слова не выбросишь:

«Ночь, тайга, мороз сорок градусов, идут трое путников. Заблудились, один уже обморожен, не может идти, его несут. Вдруг вдаль замерцал одинокий огонек. Из последних сил волокут обмороженного спутника, подходят, перед ними сруб, из трубы дым валит. Протирают окошко, видят: сидят за столом монахи и ужинают. Стучат. Появляется громадный толстый монах с куриной косточкой в зубах.

«Чего надо?»

Путники: «Брат! Смотри: ночь, тайга, мороз сорок пять градусов! Мы заблудились, один из нас уже не может идти!.. Пустите нас переночевать!»

«Надо посоветоваться с отцом-настоятелем».

Дверь закрывается (зима, мороз), потом нехотя открывается, на пороге стоит маленький горбатый монах, гложет огромную баранью кость.

«Чего надо?»

«Отец-настоятель! Смотри: ночь, тайга, мороз пятьдесят градусов! Мы заблудились, один из нас замерз, не может идти... Пустите нас переночевать! Мы мирные люди, мы никому не будем мешать, мы согреемся в уголке и на рассвете уйдем...»

Отец-настоятель долго думает и наконец указывает бараньей костью на двух путников:

«Ладно, уговорили. Вот ты, и ты...»

А лежащий воскликнул:

«А я!!?»

Отец-настоятель долго смотрит вниз на лежащего и отвечает:

«Ну, ладно, и ты тоже. Идите вы все на куриц!»

Из книги Мишеля Шлимана

«МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ»

«Летом аборигены играют в древнюю разновидность футбола — «безграничный футбол»: мяч с гиканьем и свистом гонят ночью и днем всем мужским населением из одного городка в другой через тундру, тайгу и овраги, ломая руки и но-

ги. В каждом городке установлены ворота, преграждающие главный проспект имени Нинели. Цель игры — забить гол: прорваться за ворота и приземлить мяч на проспекте.

Зато зимняя национальная игра — «Взятие Белого дома» — более эстетична, интеллектуальна, но и более жестока. Каждый год проводятся чемпионаты по системе «осень-весна». В первом тайме строится ледяной дом с Красным флагом на шпиле и с баррикадами по окружности (в ход идет все: бревна, рельсы, бочки, автобусы); крепость украшается лозунгами «Да здравствует Нинель!», «Слава КПСС!» и т. п., выставляются оценки за эстетичность. В крепость завозятся вода, продукты, оружие. Второй тайм: собственно взятие крепости — т. е. Красного Флага. Сначала все происходит довольно мирно, длительное время ведутся переговоры, предлагается сдача на почетных условиях и т. д. На этой стадии возникают всякие нюансы, возможен мирный ничейный исход, обмен девственницами, оружием, товарами. Парламентарии ходят в соболиных шубах с белыми флагами. Немногословны. «У меня много соболиных шкурок!» (Жест: много!) Так продолжается до первой крови, до первого случайного или преднамеренного выстрела. Следует ультиматум. Подтягиваются на канатах танки. Начинается пальба. Потом, войдя в раж... и так далее. Чем больше потери, тем больше не берут пленных. Иногда защитники «Белого дома» гибнут все до последнего, иногда гибнут все до последнего нападающие. В летних перерывах разрешаются переходы по разные стороны баррикад, но болельщики-патриоты покупают лицензию и до 1-го сентября имеют право охотиться на предателей. С 1-го сентября перебежчик предателем не считается.

Из более спокойных национальных игр можно выделить сексуальные «Городки» с бросаньем палок и «Забивание козла» с рыбами и яйцами — шуму там много, но хоть никого не калечат».

Из книги Мишеля Шлимана
«КАКАЯ Б НИ БЫЛА МОСКОВЬЯ»

4

Шли годы.

Годы шли, а Шлиман все ходил вокруг да около Москвы, и не знал, что делать.

Но вот однажды к палатке Мишеля заявила толпа аборигенов во главе с Тсинуммоком, и Шлиман с предвкушением ожидал, что народ упадет перед ним на колени и заорет: «Володей нами!», а он с достоинством выдержит паузу и согласится. Но случилось неожиданное: да, народ заорал: «Володей нами!», но упал на колени перед кухаркой Прасковьей.

Оказалось, пока Шлиман бродил вокруг да около, вождь Тсинуммок влюбился в кухарку Прасковью. Вождь отмылся, поскромнел, перестал сквернословить, ходил сам не свой.

— Ну что, Прося, хочешь послужить для науки? — неуверенно спросил Шлиман.

Прося потупилась. В сущности, Вова был хороший мужик. (Оказалось, у вождя Тсинуммока даже имя было — Вова. Так его ласково называла Прасковья — Вова. А вождь стеснялся.) Она хотела послужить для науки. Она рада была выйти замуж и управлять не государством, а Вовой.

— Но с условием! — сказал Шлиман.

И Шлиман сформулировал вождю условие:

— Прасковью на Московью.

Теперь уже задумался Вова.

«Эх, Вова ты Вова, хрен ты моржовый, — за бутылкой спирта уговаривал вождя Егор Лукич Коломиец, напросившийся в экспедицию к Шлиману искать Москву. — О чем ты только думаешь? Совсем одичал, баба тебе нужна».

Отношения у фараона с Вовой установились уважительно-покровительственные — на что Мишель крепко рассчитывал и не ошибся: Вова наконец-то согласился проводить Шлимана к кургану с московскими руинами.

Долго торговались — что раньше: свадьба или Москва?

Мудро решил Егор Лукич: свадьба в Москве.

И настал день.

Закончились последние приготовления к взятию Москвы. Палатки, кровати-раскладушки, посуда, кастрюли, примусы, одеяла, спальные мешки, фильтры для воды, резиновые сапоги, столы, стулья, походные фонари были упакованы и загружены в машины. Шлиман бросил в кузовок лендровера наследственную погребальную лопату. Пустые консервные банки, картонные и деревянные ящики, использованные одноразовые шприцы, мотки проволоки, веревки и бикфордова шнура, обмылки, пустые бутылки, дыря-

вые полиэтиленовые мешки и пакеты и прочие ценные вещи тут же разобрали аборигены; женщины и дети стали обшаривать территорию лагеря еще до того, как караван грузовиков с ревом и грохотом, трясаясь на ухабах древнего тракта, тронулся в долгий путь через Уральские горы к столице Ресфесер Москве. Впереди на лендровере под охраной Егора Лукича ехали Шлиман с вождем Тсинуммоком, петляя и путая следы, передвигаясь ночью по проселочным дорогам, в глубокой тайне, чтобы не навести какого-нибудь любопытного мсье Курица или господина Отвал-башки на след Москвы.

И вот через пять дней в центре Восточно-Европейской равнины намного севернее Киева им открылась гора, похожая на курган, омываемая извилистой речушкой и поросшая дикой рощей реликтовых голубых елей.

— Комай здесь, — сказал Тсинуммок.

Первый же пробный раскоп, собственноручно сделанный Шлиманом пращуровой лопатой, принес сенсацию: Мишель нашел крупные осколки чистейшего обработанного рубина, а Маша собрала и склеила из них рубиновую звезду.

— Какую страну просрали, сволочи! — заплакал Егор Лукич, разглядывая звезду на просвет.

И пошло-поехало...

Раскопки производились в глубокой конспирации, при круглосуточной охране, чтобы ни один куриц не проскочил, и продолжались три коротких летних полевых сезона. Шлиман после открытия Киева не хотел рисковать — Крещатик лежал в руинах после нашествия туристов, схлыды Днепра раскопали до основания.

«Хрен вы у меня получите Москву», — решил Шлиман и хранил в тайне координаты Москвы до самой смерти, чтобы не увидеть, как ее просрут во второй раз.

В начале второго сезона был обнаружен фундамент и кирпичная кладка мощной древней стены и фрагменты каменной мостовой, а в конце третьего, у этой же стены, повариха Прасковья заработала супер-премию за особо ценную находку — по счастливой случайности, выплескивая ведро с помоями, она наткнулась на отлично сохранившуюся пирамидальную гранитную гробницу типа «мавзолей». Конечно, не пирамида Хеопса, но в своем роде великолепное произведение искусства.

Гробницу откопали и расчистили в два дня.

Подмели.

Шлиман неторопливо обошел мавзолей, читая на гранитных плитах нацарапанные корявые надписи:

«ЗДЁСЬ БЫЛ ВОВА»

«МЫ ИЗ КРОНШТАДТА»

«ЯИТРАП И НИНЕЛЬ БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ»

Сомнения опять начали одолевать Мишеля; еще одна загадка — близнец Нинели Яитрап.

«Это кто еще? Если Нинель — она, а Яитрап — он, то почему они братья?»

На тыльной стороне мавзолея Шлиман обнаружил выбитые кириллицей полустершиеся стихи, впоследствии бережно восстановленные известным поэтом-реставратором Игорем П. Кручиком:

б.ни была Совдепья
Здесь черный хлеб я
 в Москву
КГБ запла
Христос рожден ах;
 в провинции

Какая имперья
выгады ерь
 э т у жаль
плю измом бес енен
голубем какан,
вокзал в даль

споенный матом
о Господе пятом
не имевшем виз
Богу
р зным палестинам
или коммунизм

Союз лики
буются
Кремлевские шарниры
б ни была
блю ее
погост

Позади гробницы располагалось небольшое кладбище на восемнадцать персон — как видно, здесь хоронили особо уважаемых русских богатырей. У входа в гробницу стояли (именно стояли, не лежали) два навечно застывших скелета в хороших хромовых сапогах, кожаных ремнях, лакированных козырьках и с карабинами с примкнутыми штыками.

Истлевшая дверь, истлевшие шинели, истлевшие приклады карабинов, запах тлена...

Вошли.

Первым вошел Мишель, подсвечивая фонариком, за ним — Маша; за ней — Егор Лукич. Прасковья заглянула и сразу ушла; аборигены так и не посмели приблизиться. Егор Лукич снял фуражку и заплакал. В стеклянном саркофаге в истлевшей одежде безо всяких украшений и драгоценностей (они, конечно, были давно разграблены) лежала она — Нинель. Точнее, скелет Нинели с остатками истлевшей мумифицированной кожи.

Антропологические обмеры скелета принесли следующие результаты: Нинель была особью среднего женского роста 1 м 56 см, пропорционально сложена, но с громаднейшим черепом — объем 3650 куб. см!

«Ну и голова! — раздумывал потрясенный Шлиман. — Сколько же это мозгов нужно для такой головищи, и какого размера нужна была кепка?!» [Для сравнения: даже массивные черепа неандертальцев не превышают объемом 1200 куб. см — Прим. переводчика.]

Такие потрясающие параметры черепа, раза в два большие среднечеловеческого, позволили Марии Васильевне Сидоровой (Машка, приревновав Мишеля к Лие Коппатти, набралась всяческих ученых познаний, научилась отличать череп павиана от шимпанзе и поражала Мишеля палеонтологическими премудростями) — позволили ей выделить скелет Нинели в отдельный подвид *homo sapiens moskowitus*, находящийся на следующей ступеньке эволюционной лестницы.

«Московит — человек будущего!» — выдвинула гипотезу Машка.

«Возможно, но не вполне обоснованно, дорогая! Размер черепа и объем мозга хотя и важные, но не решающие сапиенсные факторы. Слишком смело! Главное все же не объем и форма мозгов, а их содержание», — прокомментировал Шлиман.

Скелет принадлежал человеческой особи 50-55 лет, со следами пулевого ранения на левом предплечье, челюсти с неполным набором зубов были в хорошем состоянии, по всему видать, хозяйка скелета каждый день чистила зубы. Искусственные моляры и отсутствие коренных указывало на то, что обладатель черепа много жевал, но мало кусал и грыз.

«Вегетарианец?..» — предположила Маша.

Некоторые Машины сомнения вызвала также половая принадлежность Нинели — женщина, коренастенький мужчина или гермафродит? — во-первых, такая шикарная голова не очень-то годилась для женских куриных мозгов, во-вторых, по некоторым признакам скелета получалось, что данная особь никогда не рожала, что, впрочем, ни о чем не говорит или говорит о том, что Нинель была старой девой, а это говорило Маше о многом, и, в-третьих, остатки истлевшей одежды Нинели напоминали мужской полувоенный пиджак типа «френч», что тоже ни о чем не говорило, кроме того, что эмансипированная кухарка вполне могла щеголять в мужской одежде.

Что еще поразительно: скелет и череп Нинели обладали чуть ли не всеми известными расовыми признаками — в ней причудливо перемешались европеоидные, негроидные, монголоидные и промежуточные формы — то есть, при жизни ее могли признать за свою все народы земного шара, включая мулатов, метисов и пигмеев.

«Была ли Нинель кухаркой-негритянкой преклонных годов?.. — раздумывала Маша. — Или, может быть, китайской доброволкой из интернациональной бригады?»

«Но что, собственно, случилось с Москвой?» — гадал Шлиман.

Не было найдено никаких следов землетрясения, наводнения, пожара, эпидемии, гражданской войны или вражеского нашествия. Ни хрена. Город был просто брошен, оставлен, покинут жителями, и только всеми забытые, так и несмененные часовые застыли навечно у мавзолея.

Ушли ли жители Москвы искать Рай на земле?..

С них станет.

Свадьбу Прасковьи с Тсинуммоком отгуляли на площади у мавзолея.

Огромный шелковый синий флаг с желтой шестиконечной звездой, с которым Шлиман не расставался и даже не соглашался обменять на переходящую шапку-ушанку генсека, пошел на платье невесте.

Вечно сопливый Газгольдер, записав рифмы на ключке бумаги, бродил вдоль Кремлевской стены, закатывал глаза к небу и сочинял хвалебную оду на свадьбу вождя:

Какая б ни была Прасковья
Московья
за пачку сигарет
Подмосковья
вновь я
нет

Потом возникла проблема вывоза и возвращения находок. Скелет Нинели нужно было на несколько лет вывезти в цивилизованный мир для скрупулезного изучения. Шлиман хотел действовать честно. Тот факт, что Шлиман взял на себя труд привезти все вверенные ему предметы обратно, должен был, ему казалось, свидетельствовать о его надежности и добрых намерениях. Он представил все найденные окаменелости в Политбюро — попросту вывалил их на Т-образный стол. Но случилось неожиданное — увидев череп Нинели, вожди в ужасе разбежались, и лишь после долгих уговоров прислали своего представителя — опись составлялась под наблюдением старшего советника наркомата науки, культуры и спорта Борзого (раскопки Москвы, безусловно, относились одновременно к науке, культуре и спорту), причем советник сильно побледнел и прикрывал глаза ладонью, чтобы не смотреть на череп Нинели. Наконец Борзой вслепую поставил свою дрожащую подпись на археологической описи, посмотрел на часы, сказал: «Ну, мне пора, товарищи!» — продолжая дрожать, поехал домой к Алеше с факелом, и был убит автоматной очередью прямо у своего порога (то ли по лицензии за переход на другую сторону баррикад, то ли за участие в осквернении божественных останков). Покушавшихся не нашли. И не искали.

Пора было делать ноги. [«Delat nogi» — удирать. — Прим. переводчика.] Вертолетом добрались до метрополитена в Ташкенте, а потом с мешками и ящиками тряслись под землей через Иерусалим до Иерихона. В метро вождь был поражен эскалатором, который показался ему дорогой в Рай, и пришлось дожидаться, пока Егор Лукич два раза прокатил Вову туда и обратно.

Что было дальше — всем известно.

Аборигены из родственных племен бомжей и бичей массаами последовали за Нинелью в Иерихон (Нохирей, как они его называли) и буквально наводнили Израиль (Лиарзи). Тогда скелет Нинели был перенесен в своем родном стеклянном саркофаге в Каирский археологический музей, что рядом с египетскими пирамидами, и установлен возле мумии Тутанхамона (Номакхнатут). Лучше не стало — Шлимана начали преследовать фанатичные фарисеи и сионисты, совсем как в свое время Иисуса Христа, — жаль, что у Иисуса не былошлимановских телохранителей из нового политического движения под названием «россизм». Россисты (бывшие бичи и бомжи — эти до того не любили работать, что за мозоли на ладонях могли и расстрелять) во главе с фараоном Егорлукичемколодийцем и с комиссаром Газгольдером объявили все израильское население потомками росов и выступали за возвращение росов в Москву — совсем как их предки, византийские послы-рос, избродившиеся по Европе и будто бы мечтавшие вернуться домой, — но это было очередное «будто бы», чем больше россисты призывали, тем больше им не хотелось возвращаться.

Но постепенно все волнения улеглись. Егор Лукич умер просветленным, бичи приоделись и ассимилировались, Газгольдер закончил ирпенский индустриальный техникум по холодной обработке металла резанием и стал директором гвоздильно-арматурно-проволочного завода под Киевом. Теперь к Нинели совершают паломничество туристы и разный мирный люд, а правоверные коммуняки проходят путь от Уральских гор до Каира особым медленным ритуальным шагом, задирая прямые ноги выше пупа и с утра занимая очередь в музей от самого Суэцкого канала.

И, под конец, подробнее остановимся на теории «россизма», последней сумасшедшей теории Мишеля Шлимана, которой он так «достал» правоверных сионистов. Государст-

во Рось, как считал в конце своей бурной жизни остепеневшийся кабинетный Шлиман, никогда не исчезало, и никто его не просирал. Росы не были кочевниками, но они всегда, как дети, что-нибудь теряли (очки, кошельки, рай на Земле), и всегда находились в вечном поиске чего-нибудь (очков, кошельков,рая на Земле). Рось попросту изменяла границы и переливалась в другие формы, а Москва была оставлена этими растерями потому, что была оставлена — в поисках земного рая они ее попросту потеряли и не смогли найти. Древние первоцивилизованные росы, считает Шлиман, произошли от этрусков и пруссаков — отбросив от первых «эт», а от вторых «п»; и до сих пор являются квинтэссенцией народонаселения Земли; менталитет росов составляют растерянность, открытость души, первобытная вера в социальную справедливость, мировую революцию и в рай на Земле — то есть, росы живут в нас с вами; а нынешний Великий Израиль — все та же империя Ресефесер, но под другим названием. Таким образом, росы осуществили свою мессианскую идею о московском царстве, как Третьем Риме, но под названием Третьего Интернационала. Русский народ был преимущественно рабоче-крестьянским народом, то есть пролетариатом, не имевшим Отчизны или считавшим Отчизной весь мир, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делался русским народом, единственным в мире народом — что мы сейчас и имеем. Росы попросту сделали то, что не смогли сделать другие народы, осуществили свою детскую мечту — мирно завоевали весь мир, скрывая свои подлинные имена. Что и следовало доказать.

— Нашли ли они свой рай на Земле? — часто спрашивают Мишеля невнимательные читатели или чистокровные еврейские аристократки с куриными мозгами.

— Кто это — они? — переспрашивает Шлиман.

— Ну, ваши росы.

— Дуры! — сердится Шлиман. — Они — это вы. Спросите сами себя.

Дамы не понимают и обижаются.

Жива, жива Рось! Куда она денется?

Вова Тсинуммок всю жизнь мечтал зачерпнуть шеломом воды в Проливах, и его мечта была близка к осуществлению — Вову лично пригласил искупаться в Дарданеллах премьер-министр автономной турецкой республики Сарай-оглы.

Вова из Москвы повторил варяжско-греческий путь древних русских послов, прибыл в Царьград, но забыл плавки, — впрочем, купаться в этой грязной канаве ему расхотелось.

Потом состоялись демократичнейшие выборы по мажоритарной системе, и вождь Тсинуммок и Жухарка Прасковья стали первыми правителями возрожденной зеркальной страны со столицей в Москве. Прасковья, как и положено женщине, управляла вождем, вождь, как и положено мужчине, управлял государством. Играть в «Белый дом» запретили, в футболе ввели современные правила. Народ на бескрайних просторах Роси стал жить хорошо и, значит, безмолвствовал. Еще бы. Попробовал бы он при кухарке вякнуть!

Жива, вечно жива Рось!

СОР ТЕУВТСВАРДЗ АД!
(ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОСЬ!)

ЛЕНИН ТЕУВТСВАРДЗ АД!
(ДА ЗДРАВСТВУЕТ НИНЕЛЬ!)

И никого уже не удивило завещание Шлимана: похоронить его в Москве на Красной площади у мавзолея, выбив на могильной плите стихи древнеросского пиита:

Какая б ни была Совдепья —
Здесь рос и хавал черный хлеб я,
Курил траву, мотал в Москву...
Тут — КГБ и пьянь в заплатах,
Но и Христос рожден не в Штатах;
Прикинь: в провинции, в хлеву.

Какая б ни была имперья —
Иной выгадывать теперь я
Не стану, ибо э т у жаль.
Где, плюрализмом обесценен
И голубем обкакан, Ленин
Со всех вокзалов тычет вдаль.

И я, вспоенный диаматом,
Грущу о Господе распятом —
Еврее, не имевшем виз.
Что Богу был не худшим сыном,
Бродя по грязным палестинам,
Как призрак (или коммунизм).

Не обновить Союз великий.
Не обовьются повиликой
Кремлевские шарниры звезд.
Какая б ни была Совдепья —
Люблю ее великолепья
Руину, капище, погост.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ или КРАТКИЙ КУРС СОЦРЕАЛИЗМА

Из политических сказок Змея Горыныча

«Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Все хороши, и все дурны.

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, —
ВРАНЬЕ.»

Экономист Н. Ильин,
«Граф Толстой, как зеркало партийной организации и партийной литературы».

Глава 1

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ ВО ВСЕЯ-РУСИ

Параграф 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЦРЕАЛИЗМА

В некотором ханстве, в некотором подпространстве, в ненашенские времена жил да был во Всея-Руси богатырь с чудным именем-отчеством Соцреализм Максимильянович.

Как, спрашиваете, жить с таким именем?

Так вот и жить, пока не сгноят в лагерях или не прирежут цензурой — не бросаться же под поезд, если ты не Илья Муромец, а какой-нибудь хрен с бугра? Назвали — и назвали. Живи пока...

С папой и мамой богатырю Соцреализму повезло. Он родился под знаком Буревестника на острове Капри в результате внебрачного романа популярного пролетарского писателя Максимильяна Горькина с красивейшей цыганской актрисой того ненашенского времени Ариадной Мариновой из Малого театра МХАТ имени Немировского и Станиславича-Данченко одновременно.

Параграф 2

ЧЕМОДАНЧИК С ДВОЙНЫМ ДНОМ

— Очень своевременный гомап! Пгекгасный получилса гебенок! — слегка картавя, воскликнул по сему случаю тогда еще мало кому известный богатырь-экономист Н. Ильин (сказать по правде, его вообще никто не знал) — и буквально в одну ночь, не задумываясь, накатал молочными чернилами эпохальную статью «Граф Толстой, как зеркало партийной организации и партийной литературы», в которой ударил в Царь-Колокол и призвал Всея-Русь к топору против Чудища Облого, Стозегово и Лаяйющего под лозунгом: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВМЕСТНАЯ ВЛАСТЬ!»

Под утро перечитал написанное, схватился за рано облысевшую сократовскую голову, прижмурил глаза, с наслаждением вытянулся в кресле и воскликнул:

— Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Какая глыба, а? Какой матерый человечище!.. До этого графа подлинного мужика в литературе не было!

Допил молочные чернила, скушал хлебную чернильницу и, очень довольный собою, пошел спать.

К обеду экономист Н. Ильин проснулся, упаковал «Зеркало партийной организации и литературы» в кожаный чемоданчик с двойным дном, вызвал колокольчиком своего личного шофера Гулько Макара Егорьевича и отправил его на коньках по вечному льду Чудского озера в редакцию газеты «Правда». И хотя на линии границы жандармские псы-сатрапы, обнюхав чемоданчик и ничего не найдя, с досады стукнули Макара Егорьевича револьвером по голове, и тот чуть коньки не отбросил, но все ж таки доставил второе дно по назначению, и утром в День Печати газета «Правда» вышла в свет, как и подобает.

Вот только у Макара Егорьевича с тех пор что-то с головой не в порядке.

Параграф 3

В ТО ЖЕ ЛЕТО ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

В то же лето по старому стилю, пока богатырь Соцреализм в люльке лежал и соску сосал, прочитала Всея-Русь в газете

«Правда» про зеркало Льва Толстого, наточила топор и поднялась на Чудище Облое, Стозевое и Лаяйющее. Надоело народу жить и работать на дядю — равно и за того парня. Плевали в Стозевского, били, крыли, подначивали, клеили прямо на хари предосудительные прокламации и вообще пушкинский безмолвный народ уже не молчал в тряпочку, а применял против Чудища Лаяйющего всякие глаголы великого межнационального языка, неизвестные даже живому словарию Владимира Даля, лучшего друга Пушкина — уж кто-кто, а друзья разбирались в глаголах.

Двенадцать лет как день пролетели...

Хоть бы хны!

Бывало, одну Голову срубят, тут же две другие отрастают по генетическим законам Менделя.

Ходили отважные робеспьеры к дедушке Мичурину за советом.

— Не знаю, как так получается, — честно признавался старик. — Все это вейсманизм-морганизм и томление духа, а я не теоретик, но практик. Надо бы на дрозофилах попробовать.

Таким вот Макаром.

Параграф 4

ЧУДИЩЕ ОБЛО, СТОЗЕВО И ЛАЯЙЮЩЕ

В ответ на глаголы Чудище подлое лишь лениво отгавкивалось, щеря зубы, а самых надоедливых якобинцев, как мух дрозофил, ссылало за Полярный Круг в Туруханское ханство на разведку нефтяных месторождений, откуда те тут же возвращались на попутках или собственным ходом. Их — туда, они — оттуда.

В сущности, Чудище Лаяйющее давно отжило свой век и уже не содержало в себе ценной генетической информации. Ему бы добровольно уйти с политической арены цирка — снять шаляпинским жестом мономахову шапку-ушанку, сдать ее под расписку в Музей Этнографии, Антропологии и Народов Мира и красиво удалиться, прикрыв за собой дверь, — да все как-то лень, обломовщина... Валялось Чудище на диване, все тянуло с отставкой, откладывало — то крестьянская реформа подоспела, то всенародный референдум, а то и столетний юбилей со дня смерти поэта Пушкина. А сто-

летняя война в Персидском заливе? А очередной перераздел Польши? А разрушение Берлинской стены? То — то, то — это...

И еще такое соображение:

— Как это, мол, без НАС, Обла, Стозева и Лаяйюща, наш безмолвный народ проживет? Не протянет ли ноги от голода кормилец наш?

— Всенепременно протянет, Ваше Стозевое Величество! — подгавкивали придворные псы-сатрапы и виляли хвостами во главе с фон Бункер-Бундом. — Ни Мичурин с грушами не поможет, ни квадратно-гнездовой способ Лысенко.

За народ, значит, беспокоилось Чудище. До всего ему было дело...

Но если совсем откровенно — за власть цеплялось.

А зачем ему власть? Что ему в той власти?

Параграф 5

ДРУГИМ ПУТЕМ

— Куда же вы, сударь, прете? — с досадой спрашивало Чудище, когда ему под Старый Новый Год старший брат экономиста Н. Ильина прямо под диван подложил адский механизм с дистанционным управлением, но придворные псы-сатрапы вовремя унюхали и обезвредили.

— Зачем все это? — допытывалось оно. — Перед вами же стена!

— Стена, да Берлинская! Пни, и развалится! — смело отвечал за братана экономист Н. Ильин.

— А что потом? — удивлялось Чудище.

«А потом

мы пойдем

другим

путем,» — ответил стихами экономист

Н. Ильин.

— Каким-каким? — не расслышало Чудище.

— ДГУГИМ! — с французским прононсом повторил экономист Н. Ильин, и по дну Финского залива ушел со своим шофером Макаром Егорьевичем, у которого крыша поехала, от преследования псов-сатрапов в соседнюю страну Хренландию.

Параграф 6

ЧУДЕСНЫЙ НАЦМЕН

В той соседней стране экономист Н. Ильин познакомился с одним из представителей восточного национального меньшинства, только что сосланного в Туруханское ханство за особо дерзкие ограбления почтовых дилижансов и уже успевшего удрать оттуда сюда и от вынужденного революционного безделья развлекавшегося тем, что ставил на стол ребром национальный вопрос, а тот стоял и не падал.

— Какой чудесный нацмен! Не помните ли его фамилию? — хвалил туруханца экономист Н. Ильин в письмах издаека своей ненаглядной подружке Нессе Армаггедон. — Представляете, какой богатырь — национальный вопрос на ребро поставил, а тот стоит и не падает! Вообще, погода здесь в Цюрихе хорошая, все у нас идет другим путем. Передайте нашим: единичный индивидуальный террор ничего не даст. Одного шлепнем, придет другой. Их надо всех сразу, скопом! Шаг вперед, два шага назад — и к стенке!

Параграф 7

ПЯТЕРО ПОВЕШЕННЫХ

Принесли псы-сатрапы перлюстрированное письмо Чудищу Лайяющему на диван. Прочитало Чудище, совсем озверело:

— Что за черт, какой-токой другой путь?!

Не хотелось ему применять террор и насилие, но делать нечего — приказало Чудище своим сатрапам отыскать палача и повесить старшего брата экономиста Н. Ильина плюс еще четверых маратов на Кронверкском валу Петропавловской крепости. Предупреждало ведь!

— Разве предупреждали, Ваше-ство? — переспрашивает фон Бункер-Бунд. — Очень уж талантливый этот старший брат. Реактивное движение с дистанционным управлением изобрел. Академия Наук за него ходатайствует...

— Пр-предупреждали! Брата — повесить, а академикам выдать заграничные паспорта, посадить на пароход — и в шею!

Что и было в точности исполнено.

Вот только палача не нашли, запил палач на острове Капри в гостях у своего кума Максимильяна Горькина.

— Не могу! — кричал палач Леонард Андреев, крестный отец внебрачного Соцреализма-богатыря. — Не могу вешать на веревке живых людей! Так не договаривались! Повешенные потом три дня снятся. Вешать не могу, а вот расстрелять — пожалуй.

Отказался палач Леонард Андреев. Пришлось вешать самому фон Бункер-Бунду.

Висят пятеро вольтерьянцев, ногами качают, а национальный вопрос на ребре стоит.

Параграф 8

ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ НА БЕРЛИНСКОМ ВОКЗАЛЕ

Ну тут вообще началось! Пряма-таки Французская буржуазная революция!

Народ высыпал вдоль по Питерской. Взяли Его Стозевое Величество в штыки, в топоры, в дреколье. Богатыря Герцена разбудили, и тот газетой «Правда» Ему по мордасам, по мордасам!.. Радищева Ему вспомнили, Кюхельбеккера, все дуэли Пушкина и Лермонтова. Искандер с Огарьковым Ему Царем-Колоколом хвост прищемили. Чернолюбов с Доброшевским зарядили дробью Царь-Пушку, поднесли фитиль и шарахнули, но промахнулись и попали по воробьям. Сопливый еще богатырь Соцреализм стекла бил из рогатки в Зимнем Логове: дзынь-вдрызь, дзынь-вдрызь!..

А в это время экономист Н. Ильин поспешно переехал в опечатанном бронепоезде из соседней Хренландии в еще более соседнюю Херманию, где имел на берлинском перроне у пивного кооперативного ларька историческую встречу с известнейшим херманским профессором утопического материализма Карлом Фридриксонном, в точности знавшим тот самый — ДРУГОЙ — путь (пойдешь направо, свернешь налево и так далее).

Уже смертельно больной профессор Карл Фридриксонн шепнул на ушко экономисту Н. Ильину три тайных слова, пожал на прощанье руку (мол, встретимся на баррикадах) и незаметно для кишащих на перроне филеров передал в наследство три секретные карты, в точности указующие тот самый путь; а сам выпил кружку пива и потихоньку-полегоньку

под присмотром шофера Гулько Макара Егорьевича пошкандыбал вдоль Берлинской стены помирать к себе домой на Фридрихштрассе, волоча за собой хвост о двух филерах, один из которых являлся будущим черманским рельсканцлером Гнидлером.

Параграф 9

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Экономист же Н. Ильин тоже выпил баварского пива на берлинском перроне, незаметно спрятал три заветные карты в новый кожаный чемодан с двойным дном, вернулся в опечатанный бронепоезд с кучей беспризорников на крыше и, ведомый личным шофером Гулько Макаром Егорьевичем, который когда-то служил в железнодорожном депо машинистом, прибыл на Казанский вокзал, где его встречали народные представители с хлебом-солью и с жигулевским пивом.

Там он открыл окно и бросил в толпу свежий номер «Правды» с новейшим лозунгом:

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»

Народ вначале не понял:

— Какая-какая? — переспросил народ.

— ТАКАЯ! — хитро прищурился экономист Н. Ильин, посолил ломоть хлеба и съел.

И запил пивом.

— Ага! Вот оно что! Ура! Хитер, экономист! — обрадовался народ.

— Качать экономиста! — заорали беспризорники и гроздьями повалили с крыши бронепоезда.

Всем дело нашлось — кто «ура» кричит, кто новый лозунг несет, кто каравай доедает, кто пиво допивает, кто на вокзале экономиста Н. Ильина подбрасывает.

Где пальто, где кепка, где что...

А беспризорники во главе с богатырем Соцреализмом носят толпой по городу и буржуазию козой пугают:

— У-у-у, забодаем!

Шуткуют пока.

Пока указаний не было буржуев резать.

Пусть живут пока.

Параграф 10

НАКИПЕЛО!

Наконец нашли экономисту Н. Ильину кепку, отнесли его на носилках на балкон Кшесинской, что в Доме на Набережной, и сразу взялись за дело: из дома жильцов выселили, назвали дом Штабом Восстания, подтянули броневики и эсминцы, развели мосты и костры, выпустили из бастилий всех уголовников, политических и политических уголовников, захватили Главпочтамт и Центральную Сберкассу, все газеты, кроме «Правды», прикрыли, обложили Зимнее логово флажками и назначили на завтра низвержение ниагарского водопада, везувий народного негодования и последний день помпей,— все по плану программы-максимум, как у настоящих гарибальдийцев.

— Вчера еще было-рано, сегодня — уже поздно, а завтра — в самый раз! — гадал по звездам экономист Н. Ильин, выходя с чайником кипятку на балкон бывшей благородной девицы.

— Гляди, лобастый, чайник кипит! — кричат ему снизу вооруженные до зубов рабоче-крестьянско-солдатские депутаты.— Накипело! Хлеба давай! Чаю! Масла! Мяса! Яйцев! Куда все подевалось?

— Завтра все сами возьмете в свои руки у буржуйской теңевой экономики,— твердо обещает экономист Н. Ильин.— Ничего чужого нам не надобно, все и так наше. А кипяток-с, товарищи, за углом в буфете.

— Ура-а!

Настала последняя ночь старого мира.

Параграф 11

ШТАБ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Ночь. В Доме на Набережной электричество жгут, бывшая благородная девица Кшесинская разносит крепкий чай с клюквенным повидлом. Пива — ни-ни! Не спят богатыри Такой партии, думу думают:

— Что еще подзабыли? Чем еще Облой Чудище досадить? Шепчутся по углам:

— Оторвать ей собачьи головы! — кипятится Зализный Феникс.

— Не поможет, новые отрастут, — протирает пенсне военмор Бронштейн. — Слышал, что Мичурин сказал? Он, говорит, не в курсе генетической рекомбинации.

— Тогда фитиль ей под хвост! — кипятится Овсей Антоненко, замкомпоморде (заместитель командира по морским делам).

— Вот вы и займитесь.

— А где тот чудесный нацмен? — вдруг вспоминает экономист Н. Ильин. — Что-то с памятью моей стало — опять фамилию забыл.

— В Разливе шампанских вин, — злорадно отвечает военмор Бронштейн, лучший враг Нацмена.

— А что он там делает в такое ответственное время?

— Пишет «Краткий курс истории Такой партии».

— Нашел время! А послать за ним связного!

Сказано — сделано. Посылают мальчика, Соцреализма-богатыря, тот плывет под разведенными мостами вне подозрений у псов-сатрапов — что с босяка возьмешь? — приплывает ночью в Разлив, находит наощупь шалаш, расталкивает Чудесного Нацмена и доставляет того, полусонного, в Дом на Набережной.

— Вот он! — говорит Соцреализм.

Параграф 12

ПЛАН ВОССТАНИЯ

— Спасибо, мальчик, возьми конфетку, — обрадовался экономист Н. Ильин, отвел Нацмена в уголок и тихо сказал, чтоб никто не слышал: — Никто ни хрена не умеет, никто ни за что не отвечает. Говорим много, а дела — с гулькин хрен. Вас-то, батенька, нам и не хватает.

— А что, собственно, нужно делать? — зевая, спрашивает Чудесный Нацмен со своим знаменитым восточным акцентом. — Извините, не выспался, всю ночь камни ворочал, ставил вопросы ребром.

— Вот! Вот, вот, вот! Главная, архиважнейшая сегодня работа: ставить вопросы ребром! Да вы спите, спите... А работу делайте на ходу. Скипидару Чудищу под хвост — как вы думаете?

— Уже заготовлено десять бочек скипидару. Будет нужно — еще достанем.

— Спасибо голубчик! Смолы бы ему горячей в глотку — как по-вашему?

— Вагон смолы на подходе.

— Пять с плюсом! А вы, дурочка, боялись — не выспался, говорит, не справлюсь!

— Но это еще не все, — отвечает Чудесный Нацмен и подходит с красным карандашом к земному глобусу. — Вот Парадный Подъезд... А вот Черный Ход... Надо бросить на штурм Зимнего логова батальон беспризорников. Вот тут... и тут...

— Стратег! Суворов! — восклицает экономист Н. Ильин и обращается к притихшим богатырям: — Вот кому карты профессора Фридриксонна в руки!

Хитро прищурился и уточнил:

— После моей смерти, конечно.

Параграф 13

ОТРЕЧЕНИЕ

И не выдержали нервы у Чудища Лаяющего. Услышало (да недослышало) оно про «милльен беспризорников», потеряло ориентацию, начались у него нервный тик и дрожь в коленках. Выползло Чудище из своей Могилевской ставки и сказало сквозь зубы во множественном числе о самом себе:

— МЫ, — говорит, — **ОТРЕКАЕМСЯ**. Даруем народу земли, фабрики и свободу. Нате вам, подавитесь. Берите — сколько возьмете и унесете. Смотрите только, не протяните ноги.

Слова не совсем исторические, но смысл подлинный, близкий к тексту.

И пока народ ликовал, ловил псов-сатрапов, хватал дарованное и растаскивал по домам несъедобные землю, свободу и фабрики, Чудище Стозевое притворилось шлангом, бросилось со шпилья Морского Пароходства на булыжную мостовую и, как в сказке, преобразилось в многочисленных чудищ-юдищ числом не менее полуроты лейб-гвардии Преображенского полка. Под покровом ночи эти пресловутые лейб-гвардейцы сбрили усы, повязались белыми косынками с красными крестами международных сестер милосердия, загрузили всея-русский хлеб, чай, масло, мясо и яйца

в грузовики «руссо-балт», и огородами, огородами бежали из Санкт-Петербурха в Таврию, а оттуда пароходами, пароходами эмигрировали в заморские страны: каждой Лаяющей Голове — по пароходу, на каждом пароходе — по Зеваяющей Голове.

Занялись они в тех странах коммерцией и писанием мемуаров, такси водили, в цирке выступали, груши околачивали, все пропили-проели, переженились на француженках и ассимилировались там навсегда.

Параграф 14

СВЕРШИЛОСЬ!

Радости было!

Первым делом батальон беспризорных рабочих, крестьянских и солдатских депутатов перелез через чугунные Царь-Ворота Парадного Подъезда и ворвался в Зимнее Логово. Дали сторожу в ухо, отобрали берданку, повязали псов-сатрапов, нагадили в античные вазы, подтерлись персидскими коврами и принялись палить из берданки в хрустальные люстры и в китайский фарфор-фаянс.

Народ же на улицах опять кричал «Ура!», выбрасывал собственные шапки вверх, плясал гопака и «яблочко» и с воинскими почестями хоронил пятерых повешенных, развешивая вместо них на фонарях псов-сатрапов.

Палача же Леонарда Андреева опять нигде не нашли — он сидел в шляпинской уборной во МХАТе и жаловался первому народному артисту республики:

— Не могу уснуть, — жаловался мертвецки пьяный Леонард Андреев. — Только усну — являются!

— Кто является? — спрашивал первый народный артист, прочищая перед спектаклем горло добрым глотком горилки.

— Пятеро повешенных. Стоят и в глазах двоются. Что там за шум на майдане коло бани?

— Революция идет. Ты б еще водки выпил, да повешенным налил, да стул бы им предложил. Глядишь, посидят, посидят и уйдут, — советовал народный артист и напевал, входя в роль царя Бориса:

«И мальчики

кровавые

в глазах...»

Значит, висят псы-сатрапы на Кронверкском валу, ботинками качают, а посередке — сам фон Бункер-Бунд, личный кредитор Саши Пушкина, одолживший однажды поэту 60 тысяч рублей серебром, а тот возьми и подстрелись на дуэли.

Свершилось, короче, то, о необходимости чего так долго говорил экономист Н. Ильин:

— Свөгшилось, когоче!

Параграф 15

И НА ОБЛОМКАХ САМОВЛАСТЬЯ

Что дальше было: триумфальное шествие Совместной Власти, бразильская фиеста и всенародный загул.

Все сразу надели красные ботинки и бантики. Шутки-прибаутки, смех и веселье. Запрудили улицы, пили разливанное море шампанского из подвалов Зимнего Логова.

А чем запивали? Спиртом из разгромленных складов Преображенского полка.

А чем закусывали? Кто чем — кто сухарем, кто килькой в томате, а кто и рукавом от бушлата; а вот первый народный артист республики — тот закусывал горилку красной икрой и молочным поросеночком с хреном, вытирал губы, выходил к рампе и пел: «Что день грядущий мне готовит?», тогда как голодные бояре пили за царским столом пустую воду и грызли бутафорию — им на сцене икра не положена.

Другие же в этот судьбоносный час отмечались на сцене Историй аршинными буквами — на обломках самовластья писали собственные имена:

«ЗДЕСЬ БЫЛИ ДЖОН РИД С СУПРУГОЙ».

«МАТРОС ЖЕРЕБЕНКО + ШУРОЧКА КОЛЛОН-ТАЛЬ = Л».

«Я — КОТОВСКИЙ!»

«МЫ — ИЗ КРОНШТАДТА!»

А шофер Гулько Макар Егорьевич, у которого, как известно, не все дома, подумал, подумал, окунул малярную кисть в свинцовые белила и написал:

«ТАКИМ ВОТ МАКАРОМ»

Параграф 16

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Всякое было в ту ночь.

Толпа беспризорников поймала зазевавшегося распузатого буржуя и в научных целях в назидание потомкам за-спиртовала этот превосходный экземпляр эксплуататора вместе с цилиндром и енотовой шубой в громадном стеклянном чане из-под квашеной капусты.

Потом: «Айда, братва, купаться в Разлив!»

Рванули в Петродворец, наполнили шампанским и спиртом петергофские фонтаны и прыгали со статуи Самсона, раздирающего пасть льву, сначала в шампанское, потом в спирт, из спирта — опять в шампанское. И Самсону налили, и льву... Бедный лев, бедный Самсон... Плескались, плавали наперегонки, ныряли — кто глубже. Приблизительно (---) тысяч граждан разных сословий нырнуло (статистика закрыта в железном сейфе Энкавэдэ), из них (---) тысяч не вынырнуло — только красные бантики всплыли клюквой в шампанском, как сказал бы гений Север Игорянин, лютый враг Соцреализма.

Потом — салют с фейерверком. Знатный получился салют — палили с броненосца «Потемкин» по Санкт-Петербургу из всех бортовых орудий.

В результате:

в Северной Пальмире с пригородами погибло где-то (---) тысяч вонючих мешан и вшивой интеллигенции, как сказал бы экономист Н. Ильин.

Дальнобойной морской артиллерией достали:

до Москвы — погибло около (---) тысяч представителей махрово-реакционного духовенства;

до Киева — погибло (---) тысяч с лишним людишек мелко-буржуазной психологии и продажного чиновничества;

до Одессы — погибло порядка (---) тысяч воров и обывателей;

до Новороссийска — погибло более (---) тысяч белого офицеры;

а один малахольный шальной снаряд залетел аж во Владивосток, где разорвал на куски взвод японских интервентов — погибло 33 японца во главе с офицером-самураем.

Других жертв и разрушений не отмечено. За государственную границу ни один снаряд не перелетел, дипломатических нот и протестов ни от кого не последовало — даже японский император из врожденной вежливости промолчал.

ИТОГО (кругом-бегом, без учета утонувших в спирту, не считая повешенных псов-сатрапов, 33-х японских интервентов и одного заспиртованного пузатого буржуя) **ПОГИБЛА** всего одна десятая часть населения — плюс-минус, больше-меньше, туда-сюда — 0,1 (ноль целых, одна десятая).

Не жалко.

Так что триумфальное шествие Совместной Власти прошло под сводный духовой оркестр относительно бескровно и без посторонних эксцессов.

Наконец уснули.

А утром, проснувшись с похмелья, обнаружили на стене Дома на Набережной первый декрет Совместной Власти об антиалкогольной перестройке: все, как один, бросим пить, виноградники вырубить, спирт пустить на протирку орудий средств производства для средств производства, а взамен увеличить выпуск фруктовых соков по рецептам бабушки Мичурина.

Тут бы и сказке конец, да не тут-то было...

Глава 2

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Параграф 17

ВСЕ ВПЕРЕДИ или ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ

Тем же утром Максимильян Горькин взглянул на свой барометр, изменился в лице, заплакал, выпил натошак чет-вертушку водки и, нажимая на свое замечательное волжское «О», сказал сынишке Соцреализму, который уже пописывал в Пролеткульте стишки:

— Гляди, сынок, стрелку совсем зашкалило, — сказал Буревестник. — Буря, скоро грянет буря! Больно мне за нашу

творческую интеллигенцию... А ты уж совсем большой, экой вымахал! Иди-ка ты, парень, в люди. Чую, недолго мне жить осталось — либо сам помру, либо врачи отравят, либо еще как-нибудь... Кто за меня напишет новую «Войну и мир» — ума не приложу. Оставляю тебе в наследство чистую амбарную книгу в десять тысяч страниц, ничего у меня больше нет, кроме единственного костюма и вышиванной тюбетейки. Вот тебе социальный заказ — напиши-ка ты в этой книге нашенскую, пролетарскую «Войну и мир». Попробуй. Чтоб, понимаешь, война — так уж настоящая, классовая война, а когда, понимаешь, мир — то чтоб настоящий мир, а не Брестский, похабный. Живи по «Правде», понял? Пиши правду, правду и только в «Правду». Компрене ву?

Предсказав, значит, плохую погоду и стихийные бедствия и оставив внебрачному сыну в наследство пустую амбарную книгу и литературные советы, популярный пролетарский писатель опять заплакал горькими слезами (очень уж любил плакать), выпил еще шкалик водки, разбил барометр и по настоянию своего лучшего друга экономиста Н. Ильина («Говно эта ваша творческая интеллигенция, — сказал ему экономист Н. Ильин, слушая «Аппозионату». — Разбитое кривое зеркало революции, выброшенное на свалку Истории. Езжайте-ка, батенька, к себе на Капри, не плачьте и не путайтесь под ногами со своими несвоевременными мыслями — иначе я за себя не ручаюсь»), так вот, по настоянию экономиста Н. Ильина Максимилиан Горькин, как тот жирный пингвин, уехал в тихую гавань на остров Капри прятаться от революционных цунами, лить слезы по говенной интеллигенции и лечиться от алкогольного туберкулеза.

Параграф 18

В ЛЮДЯХ

Делать нечего. Спрятал Соцреализм Максимильяныч на груди амбарную книгу в красном сафьяновом переплете, заточил чернильный карандаш и отправился в люди.

Идет, бредет, шагает по Москве. Не ворует. Перебивается с хлеба на воду. Скучно. Люди всякие вокруг снуют, футуристы, диссиденты, попутчики. Знакомые беспризорники, с кем Соцреализм Зимнее Логово брал.

Соцреализм их в глаза не замечает. Делает вид, что гуляет по Москве, а сам изучает жизнь, как она есть, ищет ответы на большие вопросы.

А люди вокруг не знают, что делать. Землю, фабрики и свободу расхватили, а что с этим добром делать — не знают.

«В самом деле: что делать? — размышляет Соцреализм.— Ну, по винтикам, по кирпичикам разнесли макаронную фабрику по домам, приватизировали. Ну и?.. Где макароны?.. Ну, принес ты домой мешок земли, лучшего чернозема. Ну, два мешка, ну, телегу... Макароны же из земли не вырастут. Ну, взял ты дарованную свободу, а свобода такой предмет: хочешь — гуляй, гуляй — не хочу. Оно же все несъедобное — земля, фабрики и свобода! Где обещанные хлеб? чай? масло? мясо? молоко?.. Экономист Н. Ильин обещал: «Завтра все возьмете в свои руки». Где ж это ВСЕ? Где это ВСЕ взять, и куда ОНО к черту подевалось?»

Как вдруг навстречу Соцреализму катится крученный Давид Бурлюк в стетсоне и в тапочках на босу ногу.

Параграф 19

ДЫР, БУЛ, ЩУР

— Привет птенцу Буревестника! — машет стетсоном Давид Бурлюк.— Где пропадаешь, дыр, бул, щур?

Не отвечает Соцреализм-богатырь, нос воротит.

— Поехали к Репину спаржу жрать. И самогон у старика найдется, бул, щир, дыр!

Вот и ответ: где взять, где взять?.. У Ильи Ефимыча Репина, щил, был, дыр.

Молчит богатырь Соцреализм, воротит нос в противоположную сторону.

— Что у тебя с клювом случилось, — удивляется Бурлюк.— Ты чего клюв задрал, жир, дыл, был?

Надо отвечать — не отцепится.

— Хожу тут, матерьял собираю, — цедит сквозь зубы Соцреализм.— Собрался «Войну и мир» писать.

Давид Бурлюк так изумился, что плюнул на мостовую и уехал по израильской визе в Северо-Американские Штаты и неплохо провел там время, предназначенное ему судьбой — жил, был, пил.

Параграф 20

РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦРЕАЛИЗМА
В ТОЛПЕ НАРОДА

«Всегда так было: лица сомнительного происхождения приезжают и уезжают, а русский человек остается с задран-ным носом,— подумал богатырь Соцреализм, неодобри-тельно глядя вслед тапочкам Бурлюка.— Но о чем это я?.. Все о том же: что делать? Где взять масло, хлеб, молоко — все эти съедобные предметы? Каждый в отдельности точно знает, что нужно делать СВОЕ ДЕЛО — пахать да сеять, точить да сверлить, торговать да писать свою «Войну и мир» — хотя по-следнее не съедобно, но допустим,— а потом уже смело гу-лять да плясать. То есть, по профессору Карлу Фридриксон-ну: требуется создавать то, чего еще нету — продукт; и проедать прибавочную стоимость. До чего просто! А что на деле? А на деле продуктов нет. Каждый знает, что каждый должен делать свое дело, только не он сам. Каждый сам за се-бя, и всем скопом — никак! Ну, никак! Если всех людей вме-сте сложить, арифметическая сумма не получается. А полу-чаются — штабеля».

Параграф 21

НЕ ЖАЛЕЮ,
НЕ ЗОВУ,
НЕ ПЛАЧУ

Вдруг, откуда ни возьмись, ползет навстречу пьяненький с утра Серега, еле шевелит языком, приглашает в трактир, червонцы есть, он угощает.

Не видит богатырь Соцреализм старого друга, в упор не замечает, переходит на другую сторону улицы. Серега хоть и коренного происхождения, но Соцреализму с пьяным имажинистом не по пути. А хоть бы и с трезвым.

— Мы идем ДРУГИМ путем,— кричит он Сереге с того бе-рега улицы.

Серега так обозлился, что немного протрезвел, кое-как доплелся до своего знаменитого «Англеттера», выхлестал на пару с Аськой Дункан полный чайник водки, после чего по-пьянке решили оригинально расстаться с жизнью, повесив-

пшись обнаженными в одной петле, совершая при этом последний акт любви, что немедленно и сделали.

Но веревка, по счастью, оборвалась, и половой акт пришлось продолжать там, где ему и положено быть — на полу.

Там же и уснули, обнявшись.

Параграф 22

НАРОД — ГОЛОВА ДВА УХА

И вот что еще непонятно Соцреализму-богатырю: народ — он, вроде, один. Голова два уха, как у Сереги. А никак между собой договориться не может.

Вопрос: почему?

Ответ: потому что.

Потому что народ состоит из разных индивидуев. Каждый в отдельности со своей головой и ушами. Как их всех привести к общему знаменателю, если один на печи лежит, второй — бывший жандармский офицер, третий загулял, четвертый в больнице фельдшером, пятый о чем-то сильно задумался, у шестого — непроизносимая фамилия, седьмому давно в дурдом пора, а восьмой водку хлещет в буфете, как чеховский телеграфист, оплакивая безвременную кончину первой кинозвезды Вены Горячей. И прочие. И всех таких прочих — миллионы, яко грязи. Нас тьмы и тьмы, и тьмы...

А вот, например, бывший товарищ министра переходного временного кабинета — тот вообще затаил лютую злобу на Совместную власть и на ее народных совместителей. Ну, с этим полегче, этого сразу к стенке. А вот, например, что за курчавая личность у костра греется? Кто таков?

Параграф 23

ЗДРАВСТВУЙТЕ, АЛЕКСАНДР БЛОК!

Пригляделся Соцреализм: да это же знаменитый попутчик Александр Блок!

С ним, конечно, тоже не по пути, но проходить мимо как-то неудобно. Все-таки Блок. «Скифы» все-таки:

«Мильены

нас.

Нас

тьмы

и тьмы,

и тьмы...»

— Здравствуйте, дорогой Соцреализм Максимильянович,— вежливо, как это только он один умеет, здоровается Александр Блок, потирая над костром озябшие руки.— Слыхали, у меня мужички в деревне библиотеку сожгли вместе с усадьбой. Вот, смотрю на огонь и думаю: хорошо это или плохо — когда книги жгут? Как по-вашему?

Тоже вопросик: что такое хорошо, и что такое плохо?

Молчит Соцреализм. Что тут скажешь?.. Как для кого... У мужичков классовое чутье на блоков, на библиотеки и на усадьбы, да как объяснишь это Александру Блоку?

— Как здоровье вашего многоуважаемого батюшки Максимильяна Горькина? — не унимается от вежливости Александр Блок.

А сам, между прочим, очень болезненно выглядит. Видать, не жилец на этом свете, лучше бы о собственном здоровье позаботился, а Максимильяна Горькина врачи как-нибудь сами ухайдокают.

— Почему не видно вашего батюшки во «Всемирной литературе»? Нам там селедку недавно выдали, по мешку селедки. Мне, Кюхельбеккеру и Крылову Ивану Андреичу. Ничего, можно жить — хорошая селедка.

«Заговаривается Блок,— соображает Соцреализм-богатырь.— Далась ему эта селедка. Надо бы поздороваться, неудобно молчать. Блок как-никак... Блок — не Бурлюк, надо бы с Блоком посоветоваться насчет «Войны и мира»...»

Вдруг взял да и рявкнул:

— Здравствуйте, Александр Блок!

Аж проходившая мимо костлявая лошадь со страху в костер упала.

А Блок так испугался, что схватил свой мешок с селедкой, вернулся домой, прилег на диван и... помер.

Было ровно двенадцать.

Параграф 24

РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦРЕАЛИЗМА
В ТОЛПЕ НАРОДА

(окончание)

«Кроме того, что народ состоит из разных отдельных индивидуальностей,— продолжает размышлять Соцреализм,— кроме этого, все они, черти, разных национальностей со своими межнациональными особенностями. Одни в субботу отдыхают, другие яйца красят, третьи по канату ходят, четвертые на тальянке играют, и никто работать не спешит. И всех на сегодняшний день триста миллионов, за всеми глаз да глаз нужен. А ворья, жулья и хулиганья — в два раза больше. Ворье с жульем — тоже люди, тоже народ. Народ — он хоть и один, но разный. Народ друг друга понять не может, где уж тут враг врага... Одним словом. татаро-монголы. Европа-Азия. И все поголовно до зубов вооружены еще со времен наполеоновского нашествия. Совсем народишко озверел, так и зыркает по сторонам — кому бы в рыло дать?»

Параграф 25

ГРАЖДАНКА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ПОЛА

И только-только Соцреализм-богатырь закончил последнее размышление, как снизу, с Подола, выкатывается на Красную площадь пулеметная тачанка с какой-то расфуфыренной девкой...

Девкой — не девкой, теткой — не теткой... Соцреализму издали не разобрать...

— Гля!.. Гражданка!.. — шепчутся те, кто постарше.

Узнали!..

Те, кто постарше, сразу эту ведьму узнали — по памятной революции 905-го года, развязанной сыцилистами и скубентами при великой княгине Ольге — сразу ее признали, во всяк на свой вкус и лад и с собственной точки зрения. Гражданка была в модной во все времена комиссарской кожанке, с маузером в одной руке и с оливковой веткой в другой (не в знак мира, а для отмахиванья от мух), на боку — казачья нагайка, на правой ноге — кирзовый

прохудившийся сапог, левая же ножка затянута в фильдеперсовый чулок с красно-революционной подвязкой. Шляпка у нее была от Диора, украденная на дешевой распродаже барахла из Зимнего Логова, конские патлы — от нигилистов и диссидентов вместе взятых, а лицо имело выражение то ли фараоновой мумии, то ли святых киево-печерских мощей без признаков пола. Соцреализму привиделась даже точеная девичья грудь, стыдливо выглянувшая из-под римской тоги, но он глаза отвел, видение отогнал и в амбарную книгу не зарисовал, чтобы не быть обвиненным в натурализме в очередной речи какого-нибудь нежданова товарища. Другие ценители женской красоты обратили внимание на рубенсовские формы Гражданки, напомнившие им, особенно снизу, чуть ли не фигуру Катерины-императрицы; третьи, наоборот, наблюдали макаронную курсистку, с зажженной цыгаркой оседлавшую бензовоз; четвертые, пятые и шестые вообще двух слов связать не могли и восторгались так:

— Гля!..

— Фря!..

— Тля!..

— Бля!..

В общем, все воспринимали Гражданку по-разному, и каждый по-своему.

А чеховскому телеграфисту даже примерещилась составившая из небытия Венера Горячая, промелькнувшая однажды перед ним в освещенном окне вечернего транссибирского экспресса «Москва—Воронеж» на маленькой станции Борщаговка, и от избытка переполнивших его чувств телеграфист застрелился прямо в толпе из дуэльного пушкинского пистолета. (Кстати, именно этот выстрел из украденного с дешевой распродажи неудачливого пистолета положил начало гражданской войне, а не холостяцкий залп с броненосца «Потемкин», как это безответственно утверждает «Краткий курс ТАКОЙ партии».)

Параграф 26

НАБЛЮДЕНИЯ ОТ ЦАРЯ-ФОНАРЯ

Услыхав выстрел и унюхав запах крови, тут же взялись друг друга угощать — брат пошел на брата, сват — на свата,

товарищи — на товарищей. И понеслось полноводьем народное течение. Ты ему:

— Товарищ!

Он тебе:

— Какой я тебе товарищ?

И в рыло.

Таким вот Макаром.

Видя такое дело, Соцреализм залез на фонарь (литой, чугунный такой Царь-Фонарь с канделябрами и завитушками торчал у входа в ЦУМ со времен Иоана Грозного — его потом перенесли на дачу Нацмена у озера Рица перед исторической встречей с херманским рельсканцлером Гнидлером; фонарь, о котором Искандер с Огаревым однажды крылато произнесли: «В нашем царстве-государстве есть три реликвии: Царь-Пушка, которая никогда не стреляла, Царь-Колокол, который никогда не звонил, и Царь-Фонарь, который никогда не светил».) — так вот, залез богатырь-Соцреализм на Царь-Фонарь и с высоты наблюдает: кто чего делает, что говорит и о чем думает.

Видит: пока он лез на Фонарь, пропустил гранд-стриптиз: Гражданка разбросала свою одежду в толпу, обнаженная пляшет с факелом на бензовозе и кричит:

— Не замай! — кричит. — А то взорву!

А кругом, между прочим, исторические ценности: Янтарная комната, библиотека Ярослава Мудрого, гражданин Минин и князь Пожарский о чем-то тихо беседуют.

— Опять пошли смутные времена, — поводит рукой гражданин Минин.

— Пора уходить на Дон, к Каледину, — отвечает князь Пожарский.

Декаденты им снизу кричат:

«Подумаешь,

они

спасли

Расею!

А может,

лучше

было

не спасать?»

А тут еще не вовремя Блока хоронят. Оказывается, умер Александр Блок. Принес домой мешок с селедкой, лег на диван

и... помер. Ну, сожгли у него мужички библиотеку с усадьбой. Ну, сожгли. Хорошо это или плохо?.. Жалко, конечно, библиотеку, но нельзя же так расстраиваться!

Гайдар шагает впереди гроба, за ним — вся редакция «Мировой литературы» с бумажными венками и с мешками с седелкой, позади футуристы с водосточными трубами, играют ноктюрны. Серега с Аськой Дункан поотстали, хлещут водку из чайника, а Владим Владимыч в желтой кофте с черной бабочкой громоподобно читает свое новое стихотворение, написанное своей знаменитой лесенкой, что по рублю за строчку:

«Вы
ушли,
как
говорится,
в мир
иной...»

— Какой-какой? — спрашивает его Серега.

— ИНОЙ, — отвечает Владим Владимыч.

Совсем как экономист Н. Ильин.

Параграф 27

НАД СВАЛКОЙ

Похороны похоронами, а голая Гражданка вовсе не шутит. Какой-то бывший жандармский офицер держится за сердце и по старорежимной привычке уговаривает гражданку:

— Христом-Богом прошу, уймитесь, Гражданка! Слезьте с факелом с люка бензовоза! Кругом исторические ценности, не считая людей!

Куда там! Гражданке-то что, она психованная. Она все взрывает и дальше поскачет.

Передние, которые чистенькие и живут в центре, прут от бензовоза подальше, во внутреннюю эмиграцию, а задние, с городских слободок и спальных массивов, напирают наоборот, вперед, к историческим ценностям. Типичная ситуация любой гражданской войны по экономисту Н. Ильину:

«Эти уже не хотят, а те еще не могут».

Свалка. Давка. Круговорот людей в природе.

Фельдшер кричит:

— Вся Власть Учредительному Собранию!

Ворье орет:

— Держи вора!

А само по карманам шмонает.

Депутаты объявили перерыв до вечернего заседания и бьют друг друга на Лобном месте.

Любо, братцы!

Морская пехота перекрыла бэтэрами все входы и выходы, обнажила саперные лопаты, никого с площади не выпускает и свое требует:

— Даеть этакую мать порядка!

А человек, пожелавший остаться неизвестным, вот что обо всем этом думает:

«Что-то я не расслышалъ — какую-какую мать? — думаетъ этотъ достойный человекъ. — Зачемъ я сюда пришелъ, дуракъ набитый? Сиделъ бы дома на диване, а еще лучше — совсемъ не появлялся на светъ. Да пошли они все къ этой самой матери со своей Гражданкой, Совместной Властью и Учредительнымъ Собраниемъ! Я, — думаетъ этотъ индивидуумъ, — я свободная личность во всехъ пяти измеренияхъ: въ длину, въ ширину, въ высоту, во времени и, главное, въ душе. Въ ихней дурацкой свалке я никакого участия не принимаю. Я — НАДЪ свалкой! И «ерь» я буду ставить, где захочу, какъ завещалъ Левъ Толстой. А букву «Е» — съ двумя точечками наверху, по Солженицыну. И никто меня не заставитъ! Я — НАДЪ СВАЛКОЙ! Захо-чу сейчасъ — и взлечу. Улягусь вонъ на томъ облаке, какъ на своемъ диване, подопру рукой подбородокъ, буду гля-деть свысока на эту свалку и обдумывать больные вопросы современности, перечень которыхъ у меня всегда съ собой въ правомъ кармане».

Перечень больных вопросов любой современности — это уже много. Но как только этот достойнейший обладатель пер-ечня взлетел, чтобы улечься на облачке и сверху подумать над ответами, как только он оторвался от Земли и не спеша стал подниматься над свалкой, как снизу его грубо схватили за ноги и заорали:

— Стой! Куда?!

— Ты кто?! Документы!

За левую ногу его держал красный, как помидор, сотрудник Энкавэдэ, за правую — белый, как мел, офицер деникинской контрразведки. Гражданин рвался в небо, но его поставили на булыжную мостовую и задали самый-самый-самый больной вопрос современности:

— Ты за кого?

Летающий гражданин хотел было спокойно объяснить, что он собрался произвести первый в мире полет человека по воздуху без летательного аппарата, что он свободен во всех пяти измерениях, что ОНЪ — НАДЪ СВАЛКОЙ, что полет — это его естественное состояние... Но неожиданно для себя он вдруг затрепыхался, замахал, как птица, руками и закричал:

— Да пошли вы все к этакой матери!

И его с двух сторон за такой ответ как держали за ноги, так и разорвали на две части, как вареного цыпленка.

Но вопросы остались.

Параграфъ 28

ПЕРЕЧЕНЬ СОРОКА ДВУХЪ БОЛЬНЫХЪ ВОПРОСОВЪ СОВРЕМЕННОСТИ, ОБНАРУЖЕННЫЙ ВЪ ПРАВОМЪ КАРМАНЕ НЕИЗВЕСТНОГО ЛЕТАЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

1. КТО ПРАВЪ?

2. КТО ВИНОВАТЬ?

3. ДОКОЛЕ? Вариантъ: ДО КАКИХЪ ПОРЪ?

4. ЧЕГО ТЕБЕ НАДО? (Въ ответъ сразу проси чего-нибудь. Примечания Летающаго Человека.)

5. КАМО ГРЯДЕШИ?

6. ШТО ДЕЛАТЬ?

7. ЧТО ЖЪ ЭТО ДЕЛАЕТСЯ, ГРАЖДАНЕ? (Этотъ вопросъ задается съ вытаращенными глазами и разведенными пошире руками. Не путать съ вопросомъ «Што делать?»)

8. КТО ТАМЪ? (Возможные ответы: «Полиция!», «Дворник!», «Энкавэдэ!»)

9. ОЙ, А КТО КЪ НАМЪ ПРИШЕЛЪ? (Не путать съ вопросомъ «Кто тамъ?»)

10. ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ? (На то и напоролись, понятно.)

11. КАКЪ ДАЛЬШЕ ЖИТЬ?

12. ЧТО ЗАВТРА КУШАТЬ БУДЕМЪ?

13. ВЕРУЕШЬ?

14. КУДА ПРЕШЬ?

15. ТРЕТЬИМЪ БУДЕШЬ? (Хороший, добрый вопросъ. Отвечать надобно уважительно: «Я бь съ удовольствием, но...»)

16. ЧТО СЪ НАМИ ПРОИСХОДИТЬ?

17. КТО КРАЙНИЙ? Вариантъ: КТО ПОСЛЕДНИЙ? (Дождавшись ответа, надобно сказать: «Я за вами.»)

18. А ТЫ ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМЪ?

19. ТЫ ЗА КОГО? (Очень больной вопросъ.)

20. ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЗЕМЛЯ РУССКАЯ?

21. КУДА ЖЪ НАМЪ ПЛЫТЬ?

22. НЕТЬ ЛИ РОДСТВЕННИКОВЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ?

23. СТОЙ, КТО ИДЕТЬ? (Быстро говори пароль — если знаешь.)

24. А НЕ ЕВРЕЙ ЛИ ВЫ? (Вспомнить тамъ же: «Почему нетъ въ продаже подсолнечного масла?»)

25. ЗАЧЕМЪ ПРИШЛИ МЫ ВЪ ЭТОТЪ МИРЪ?

26. ЗА ЧТО?

27. ТЫ КТО ТАКОЙ? (На этот вопрос отвечают этим же вопросом: «А ТЫ КТО ТАКОЙ?»)

28. КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

29. ПОЧЕМЪ ПУДЪ СОЛИ? Вариант: ПОЧЕМЪ ФУНТЬ ЛИХА?

30. КАКЪ НАМЪ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИНЬ?

31. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

32. СЪ КЕМЪ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?

33. КТО ВЫ, ДОКТОРЪ ЗОРГЕ?

34. И КУДА ВСЕ ПОДЕВАЛОСЬ? (Сравни: «Что жь это делается, граждане?»)

35. КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?

36. КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

37. КТО НАПИСАЛЪ РОМАНЪ «ТИХИЙ ДОНЪ»?

38. ПОЧЕМУ ВЫМЕРЛИ ДИНОЗАВРЫ?

39. КТО СОЧИНЯЕТЪ АНЕКДОТЫ?

40. КАКЪ НАМЪ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?

41. НУ, И ЧТО ДАЛЬШЕ?

42. Самый придурковатый вопросъ:

А ЧТО ХОТЕЛЪ СКАЗАТЬ АВТОРЪ ЭТИМЪ СВОИМЪ ПРОИЗВЕДЕНИЕМЪ?

Параграф 29

ОДИН ОТВЕТ НА ВСЕ БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Столько больных вопросов, что даже Лев Николаевич на пару с Александром Исаичем не разгребут. Где уж этой психованной Гражданке. Ответов много, а ответ на все вопросы подавай один, чтобы все понимали. Кто этот ответ ответит, тот и козырный туз. Но никто отвечать не хочет, все только спрашивают, а бывшие псы-сатрапы таинственно молчат и ботинками качают.

Тогда за дело берется Гражданка. Вместо ответа она из пулемета «Максим» начинает приводить всех к общему знаменателю и складывать в штабеля, но толпа все прибывает и прибывает, и девятый вал толпы еще даже не наступил, всех не сразу перестреляешь — народу у нас завсегда много водится, плюс приезжие, плюс иностранцы, плюс лица неопределенной национальности. И все, конечно, сразу бегут к ЦУМу, к ГУМу, к «Детскому миру» и спрашивают:

— Что дают?

Вот и еще один больной вопрос, не учтенный в перечне Летающего Человека:

ЧТО ДАЮТЬ?

А вот и ответ:

ПУЛЮ ВЪ ЛОБЪ.

Параграф 30

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Кровавая жатва продолжается полным ходом, похоронных комбайнов не хватает. Беспризорники ночуют в котлах, генералы на белых конях рубят толпу в капусту. Национальный вопрос стоит на ребре и не падает — стреляют всех, кто под руку подвернулся: полян и древлян, чудь и мерь, мордву и чухонцев, негров и китайцев из Интернациональной бригады, цыган и армян, татаров и монголов, но прежде всего, конечно, лиц неопределенной национальности, хотя тех уже и не видно — уехали? попрятались? ассимилировались?

Вопросы, вопросы...

Но некогда разбирать — бей всех, кто от Агдама и Евы! Кровь всех цветов и оттенков течет вдоль кремлевской стены и по трубопроводу уходит в Каспийское море. Прилетает на «Фармане» герр Уэллс, садит свою этажерку прямо на Красной площади и пробирается между трупами на прием к кремлевскому мечтателю, брезгливо хлюпая ботинками в лужах крови. Что же он видит? Кругом разруха, на запасном пути обглоданный скелет бронепоезда, фабрики разворованы, земля утрамбована, продовольственные склады разграблены, дрова не подвезены, кругом стрельба, обыватель хмур.

У дверей с табличкой «Кремлевский мечтатель» стоит с саблей наголо шофер Гулько Макар Егорьевич — тот самый, стукнутый псами-сатрапами наганом по голове, с тех пор он что-то не в себе.

— Ты кто? — спрашивает Макар Егорьевич, награжденный за тот давнишний подвиг позолоченной именной саблей, и слышит в ответ:

— Герр Уэллс, основоположник научной фантастики.

— Ага. Есть такой. Пропуск выписано, заходите, — салюует саблей шофер Гулько.

Заходит.

Встречает герра Уэллса очень простой человек — галстучек, пиджачок, ботиночки, пальтецо, зато на громаднейшей голове — кепка 68-го размера, с громаднейшей пуговицей.

— Что скажете? — спрашивает его кремлевский мечтатель, он же экономист Н. Ильин.

— Россия, — по-английски говорит герр Уэллс, снимая буржуйский котелок, — во мгле! А Максимильтян Горькин на острове Капри, как последний босьяк, ходит в одном костюме и в тюбетейке и плачет. И люди у вас какие-то хмурые! Хоть бы один улыбнулся.

— Это очень плохо, — по-английски же отвечает кремлевский мечтатель (он все языки знал!) — Ну, ничего, ничего! Приезжайте к нам через десять лет, непременно приезжайте! И тогда сами все увидите!

Вот у кого на все есть ответ:

— Приезжайте к нам через десять лет! А лучше всего — через двадцать! — отвечает экономист Н. Ильин, но секретные карты профессора Карла Фридриксонна пока не раскры-

вает.— Нет, вы точно скажите: приедете или нет? Я вам новый пропуск выпишу, буду ждать!

— Хорошо, приеду, посмотрю.

А кремлевский мечтатель провожает писателя-фантаста до дверей и думает так:

«Через двадцать лет или ишак сдохнет, или герр Уэллс помрет.»

Параграф 31

СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

В общем, царевала эта Гражданка три дня, три месяца и три года, и народу от ее красного маникюра полегло столько, что никакому Чудищу Лаяйющему в кошмарном сне не приснится. А если считать и неродившихся — то умножай на два.

Устал, измучился народ.

— Кончать,— говорит,— надо эту Гражданку. А то живого народа вообще не останется. Серпом по молоту! И штык в землю!

Поумнел, значит, народ.

Видя такое всеобщее к себе уважение, Гражданка без боя перешла бывшую государственную границу и поскакала в Херманию к рельсканцлеру Гнидлеру за подмогой, но тот как раз занимался аншлюссом с Австрией, поэтому: «извините, мадам, как-нибудь в другой раз».

Тогда Гражданка приклеила усы-колечком, надела соломенное сомбреро и отправилась пароходом в Мексику экспортировать революцию и наводить порядок среди тамошних кактусов. С тех пор носит эту бессмертную гражданку по белу свету до сего дня. Верная примета — там, где свои начинают бить своих, там, значит, объявилась Гражданка в одном кирзовом сапоге и с оливковой веткой в руке.

А народ — штык в землю и разбежался по хатам, подвалам, да по коммунальным квартирам. Раненого Соцреализма упавшего с Царя-Фонаря, отнесли в кремлевскую больницу, как внебрачного сына самого Максимильяна Горькина,— отнесли и разбежались. Устал народ. Надоело народу вопросы спрашивать — что да почему. Так устал народ,

что надоело без работы болтаться. Занялся народ своим делом — сеет да пашет, точит да сверлит, торгует да лечит, а кто ничего не умеет, тот так живет, бизнес делает. В перерывах же от трудов пляшут и пьют вонючую буряковку в нарушение декрета о самогоноварении.

Параграф 32

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

или

СКОЛЬКО ЖЕ ВСЕ ЖЕ ПОЛЕГЛО НАРОДУ?

В официально-национальной последовательности:

РУССКИХ: около (статистика закрыта) миллионов человек

УКРАИНЦЕВ: приблизительно (-) миллионов человек

БЕЛОРУССОВ: порядка (-) миллионов человек

УЗБЕКОВ: более (-) миллионов человек

КАЗАХОВ: примерно (-) миллионов человек

ГРУЗИН: почти (-) миллионов человек

АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ: (-) с лишним миллионов человек

ЛИТОВЦЕВ: ориентировочно (-) миллионов человек

МОЛДАВАН: по непроверенным данным (-) миллионов человек

ЛАТЫШЕЙ: круглым счетом (-) миллионов человек

КИРГИЗОВ: что-то (-) миллионов человек

ТАДЖИКОВ: где-то (-) миллионов человек

АРМЯН: в общем (-) миллионов человек

ТУРКМЕН: не менее (-) миллионов человек

ЭСТОНЦЕВ: этак (-) миллионов человек

РАЗНЫХ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ (с лицами неопределенной национальности): в общем и целом погибло столько, что не поддается исчислению.

ИТОГО: погибла плюс-минус **ПОЛОВИНА НАСЕЛЕНИЯ** (или около этого).

Народу осталось: **ЕЩЕ ДОСТАТОЧНО.**

Глава 3

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО
или
ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВМЕСТНОЙ ВЛАСТИ

Параграф 33

ГВОЗДИ
БЫ
ДЕЛАТЬ
ИЗ
ЭТИХ
ЛЮДЕЙ

С тех пор твердо воцарилась на Всея-Руси Совместная Власть. Трон продали в Херманию за валюту, мономахову шапку-ушанку тоже хотели было продать в Хренландию, но передумали и водрузили ее вместо кепки на голову экономиста Н.Ильина, а кепку шоферу Гулько отдали, Макару Егорьевичу. Уселся, значит, экономист Н. Ильин на простом гнутом стуле в кремлевских палатах вместо Чудища Обла, сидит с красным бантом в петлице и с самыми лучшими побуждениями — чтобы всем было хорошо через десять лет.

В крайнем случае, через двадцать, когда герр Уэллс пожалует с повторной ревизией. Нынешнее поколение совместных людей будет жить лучше всех — приезжайте к нам, все сами увидите.

Сидит. Мечтает. Поставил под стул кожаный двойной чемодан с тремя секретными картами профессора Карла Фридриксонна, никому не показывает. Вокруг Кремлевского Мечтателя за круглым столом сидят Народные Совместители в составе двенадцати человек, а за ними еще двенадцать стоят с совещательными голосами.

«Если б
 не было
 в мире
 гвоздей,
 гвозди
 бы
 делать
 из
 этих
 людей»,—

сказал бы о них Владим Владимыч, лучший поэт Совместной Эпохи, если бы написал эти строки.

— Не знаю, как там насчет поэзии, а насчет политики это совершенно правильно! — ответил бы ему экономист Н. Ильин на страницах «Правды», если бы прочитал эту лесенку.

Параграф 34 ОБОГАЩАЙТЕСЬ!

Сидят.
 Заседают.
 Котелки варят.
 Государственную думу думают.
 Решают повестку дня:

«ЧТО ДЕЛАТЬ С НАРОДОМ?»

Докладывает академик Крыж-Ановский:

— Попрятался народ по хатам, подвалам да по коммунальным квартирам, в себя ушел. Сидит народ в темноте, при лучине, все под себя гребет, веселится и ликует, на Совместную Власть кладет с прибором. На нас с вами, значит,— докладывает академик, которого еще Чудище в шею гнало, да не догнало.— В гробу народ видел Совместную Власть и ее Народных Совместителей. Взгляните на товарища Степашка, совместителя здравоохранения — от голода то и дело в обморок падает... Вот, опять упал! Совместитель просвящения товарищ Луначальский так исхудал, что пенсне с носа спадает. Комендант Кремля Понч-Пруевич с хлеба

на кипяток перебивается. Как дальше жить? Дальше так жить нельзя. Свое здоровье надо беречь.

— Что вы конкретно предлагаете насчет здоровья Народных Совместителей? — с кавказским акцентом спрашивает Чудесный Нацмен, замещающий экономиста Н. Ильина, когда тот гриппует.

— Повысить совместные пайки. Даешь хлеб, чай, сахар, масло, молоко, мясо, рыбу, овощи, фрукты и яйца!

— Принято! Теперь ставлю вопрос ребром: ЧТО БУДЕМ ДЕЛАТЬ С НАРОДОМ?

— Как? Не расслышал...

— С народом, спрашиваю, что делать? Не слушается!

— В Чека его! — предлагает Зализный Феникс.

— На Соловки его! — волнуются совместители.

Одни советуют так, другие — этак. Третьи одно предлагают, четвертые — другое. А тут еще Рыгов с Бухаевым заладили, как попугаи:

— Обогащайтесь, обогащайтесь, обогащайтесь!

— Это зачем? — удивляется военмор Бронштейн.

— Пускай народ обогатится, а потом мы его грабанем! — объясняют Рыгов с Бухаевым.

— Нет! Ни в коем случае! — возражает Чудесный Нацмен. — Сначала мы его грабанем, а потом пускай обогащается. А потом мы его опять грабанем.

Распри, дискуссии...

Кто прав — непонятно. Власть-то Совместная. Концов не найдешь.

Таким вот Макаром.

А экономист Н. Ильин хитро на всех посматривает, но карты Карла Фридриксонна пока не раскрывает.

Параграф 35

ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Приплывает на «Челюскине» лауреат Шнобелевской премии Фриц Нонсенс, известнейший хренландский полярник (вроде нашего Папанова, но не такой толстый) и говорит:

— Да у вас же тут голодающие Поволжья! — хватается за голову этот разный и прочий швед. — Как же так?!

— Неурожай у нас,— скорбно объясняет экономист Н.Ильин.— Зона рискованного земледелия. Идемте в буфет... Вот, извольте посмотреть, сами перебиваемся с черного хлеба на морковный кофе. Совок Степашка в обморок падает — вот, лежит. У Горькина осталась одна тюбетейка. Угощайтесь, чем богаты — кружка пива, грибки соленые... Не бойтесь, не отравленные. Нам нужны хлеб, чай, сахар, масло, молоко, мясо, рыба, овощи, фрукты и яйца. Вот список. Деликатесов нам не надо, не время сейчас для деликатесов. Омаров и устриц будем при коммунизме есть.

— Значит, нужно вводить новую экономическую политику! — горячится Фриц Нонсенс, пряча список в портфель.

— Плюс электрификацию всей страны! — добавляет экономист Н. Ильин.— Приезжайте к нам через двадцать лет... А лучше через тридцать. Сами увидите — нынешнее поколение совместных людей будет жить при электрификации.

Уплыл удрученный Фриц Нонсенс на ледоколе «Челюскин», попал во льды и затонул, но продовольствие по списку прислать успел.

Только народ это продовольствие и видел.

Параграф 36

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ, А ТАМ ХОТЬ ТРАВА НЕ РАСТИ

Никак не могут найти Народные Совместители всеобщий всенародный знаменатель. Не до народа им, международное положение не тово, рельсканцлер Гнидлер воду баламутит — гляди в оба, чтобы самим не слететь.

А народ все хуже живет и хуже. Хуже даже, чем при Чудище Лаяйющем.

— При Чудище еще ничего жилось,— вспоминает народ.— Хорошо жилось-то при Чудище! Кур держали, коров, калачи по воскресеньям кушали. Уговор был такой: ты эту Чудищу пой-корми, и она к тебе с пониманием. Спору нет, на шее народной она сидела — на то она и Чудища Лаяйющая, чтобы на шее сидеть. И девицами не гнушалась. Бывало, завалится на ночь в деревню, а утром в Зимнем Логове императрица посуду бьет: явились не запылились, Ваше Королевское Величество! Ска-андал! Оно конечно: и псов-сатра-

пов пой-корми, и лошадям ихним овса давай... Зато имели к народу культурное обхождение. Приедут, всех облаяют, девиц попортят, заберут не более того, что им надобно, мужикам всыплют розги по первое число, и живи себе до очередного первого числа. Культурно все. И девицы совсем не против.

Совсем устал народ. Историю свою забывать стал — как жилось-то хорошо при Царе-Горохе. Тогда хоть горох был, а тут — Царь-Голод!

— Ладно,— смекает народ.— Мы люди простые, не гордые. Надо идти кланяться. Лишь бы не было войны. А то опять Гражданка пожалует.

Параграф 37

ХОДОКИ

Избрал народ депутатов — у кого спина гнучая, тому поклоны бить.

Выпал тяжкий жребий Ивану, Петру да Сидору Аверьянычу, старосте села Грязные Лужи. Приодели ходоков победнее — лапти-шмапти, онучи-вонючи, рваные зипуны да треухи, пришли через всю страну в субботу утром к Спасской башне Кремля, глядят и видят: на макушке вместо двуглавого орла звезда о пяти рогах красным огнем горит. Слышат: куранты «Интернационал» бьют: «Вставай, мол, проклятый! Подъем! На субботник пора!» Кремлевские курсанты, как заводные куклы, по площади маршируют с винтовками со штыками, ноги выше крыши задирают, как при Николае Палкине (крутой был царюга, а вишь, помогал Пушкину стихи писать: «Бориса Годунова», — говорит, — ты мне, Пушкин, подправь к понедельнику. Вот тут и тут... И концовку переделай. Что это у тебя «веселится и ликует весь народ»? С чего бы это ему веселиться? Народ пусть безмолвствует. Понял, да?»

А тут еще бабы с тряпками, задрав подолаы, кровь человеческую с мостовой отмывают после гражданской войны. Субботник полным ходом идет... В общем, записались ходоки у шофера Гулько Макара Егорьевича, который на часах стоял в столь ранний час, на прием к экономисту Н. Ильину.

Видят: отказа нет. Не орет на них личный шофер экономиста: «Куда прешь, дурак?»

Хороший признак. Переглянулись ходоки. Перекрестились на рубиновую звезду.

Вошли.

Параграф 38

ЧАЙНИК СО СВИСТКОМ

Не успели еще ходоки в ножки бухнуться, а экономист Н. Ильин выбегает из-за письменного стола, где диктует Нессе Армаггедон «Очередные задачи Совместной Власти», и очень любезно спрашивает:

— Зачем пожаловали, мужички? Присаживайтесь. Сейчас кипяточку принесут, будем чай пить.

Очень уж экономист Н. Ильин чай любил, не мог уже без чифира жить. Если едет куда-нибудь на фронт — за ним чайник везут в бронепоезде.

Уселись Иван, Петро да Сидор Аверьяныч, староста Грязных Луж, в мягкие кресла с крахмальными наволочками. Придворный кремлевский художник Бродский уже тут как тут со своей палитрой — краски размешивает, полотно на подрамник натягивает. А Неська Армаггедон, подружка экономиста Н. Ильина, вносит чайник с кипятком, а чайник не простой — со свистком. Чайник кипит — свисток свистит!

От такого благородного обхождения совсем распарились ходоки. Так бы всю жизнь и сидели в креслах. Опять переглядываются: чудно, за людей их здесь принимают, что ли? Да еще расспрашивают:

— А что вы, мужички, думаете о Брестском похабном миру? А о Карибском непечатном кризисе каково ваше мнение? Говорите правду, не бойтесь.

Каково?!..

И бабенка у кремлевского мечтателя ничево, вот только фамилия страшенькая. Чай в блюдцах разносит, с баранками, в мужской разговор не встретит, свое место знает. Потеряли ходоки бдительность, стали резать правду-матку в глаза:

— Оно-то, конечно, так... — режет Иван на столе шмат сала. — И не иначе.

— А как? — интересуется экономист Н. Ильин. — Как вы оцениваете очередной виток спирали гонки вооружений?

— Ежели так, то пожалуйста,— ломает Петро белый хлеб ломтями.

— А как именно? — уточняет экономист Н. Ильин.

— Стоп, мужики,— достает Сидор Аверьяныч зеленый штоф с буряковкой.— Дайте я скажу.

— А мы вас внимательно выслушаем,— принохивается к штофу экономист Н. Ильин.

Параграф 39

ХИЖИНЫ — ДВОРЦАМ, ДВОРЦЫ — ХИЖИНАМ

— Надоело! — говорит Сидор Аверьяныч, староста Грязных Луж.— Устал народ хуже, чем при Чудище Лаяйющем. Спасу нет от твоего Чудесного Нацмена. Ух и грозный Нацмен, хуже Демона Революции! Всех достал! Продразверсткой заел, в колхозы загнал, пятилеткой в четыре года забодал. Национальный вопрос на ребро поставил и укатал, как асфальтный каток. Совсем ухайдокал христианское население. А ты, видать, добрый и ничево о том не знаешь. И бабенка твоя ничево, с библейской фамилией. Не еврейка ли, случайно?.. Ну да ничево. А ты сам, случайно, не тово... А хоть бы и так — ничаво. Ты — экономист, она — экономка. Естество требует. Ничаво. Шведы нами володели, да не выволодели. Татары правили, да не выправили. Поляки руководили, да не выруководили. Немцы царевали, да не выпцаревали. Властвуй над нами, лобастый. Твоя взяла, твой черед пришел. Будешь у нас за Стеньку Разина, вождем мирового пролетариата и беднейшего христианства. Как же без Стеньки?.. Но так, чтобы без дураков! Чтоб земля — христианам, фабрики — рабочим, а дворцы — хижинам, как обещал. И чтоб лампочка Ильича в каждой хате, чтоб ночью «Правду» читать. А за это будут тебе от нас всякие льготы. Мы тебя поить и кормить будем, и экономку твою, и шофера твоего, и всех твоих совместителей поить и кормить будем. Хлеб, масло, мясо и яйца — предоставим по списку. А уж чай — сам покупай в Китае. Договорились?

— Пожалуй, договорились,— раздумчиво отвечает экономист Н. Ильин.

— И девиц нетронутых, коль надо, будем поставлять в твой Совместный Комитет в разумной потребности,— совсем расщедрились ходоки.— По рукам?

— По рукам!

И как экономист Н. Ильин ни отказывался — мол, «не пью, ни-ни, врачи запретили!» — распили с ним ходоки по стакану вонючей буряковки, заели хлебом с салом, и художника Бродского угостили, и Нессю Армагтедон по спине похлопали. Проводила она ходоков до порога, фыркнула им вслед, как кобыла, а опьяневший Кремлевский Мечтатель вызвал на ковер Чудесного Нацмена, чтобы задать ему перцу.

Параграф 40

ТЕМ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ЭТОЙ ПУБЛИКИ

Входит Чудесный Нацмен.

— Жалуются на вас ходоки из Грязных Луж! — строго говорит экономист Н. Ильин.

— Ишь ты, какие! — удивляется Нацмен.

— Сделаем так... — строго приказывает экономист Н. Ильин. — Грязные Лужи переименуем в Красные. А штатному палачу передайте: ходоков этих, не медля ни минутки, привести в общему знаменателю и захоронить в кремлевской стене за нарушение запрещения самогоноварения. Все имущество — экспроприировать. Никакие они не ходоки, а мироеды-кровососы. Чем больше мы расстреляем этой публики, тем лучше для этой публики. А я пойду на субботник бревна таскать.

Что и было незамедлительно исполнено: не успели Иван, Петро и Сидор Аверьяныч, староста Красных Луж, выйти из Боровицких ворот, как были приведены кремлевскими курсантами к общему знаменателю у кремлевской стены вместе с подвернувшимся под руку штатным палачом Леонардом Андреевым. Родного дядюшку Соцреализма шлепнули за то, что тот опять напился и распустил сопли:

— Не могу! — кричал Леонард Андреев на Лобном месте. — Не могу расстреливать живых людей, душа не позволяет! Даешь электрический стул! Душа требует гуманизации смертной казни!

— Требуется? — переспросил кремлевский латышский стрелок, плохо понимавший язык межнационального общения. — Если требует, значит, получай. Сам напросился.

Параграф 41

С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД!

На следующий день стало экономисту Н. Ильину очень плохо — то ли от ходоковской вонючей буряковки, то ли от тягания бревна на всесоюзном субботнике, то ли еще от чего. Рвота, понос, конечности отнимаются, даже чифир не помогает. Шофер Гулько Макар Егорьевич с ног сбился гонять в автомобиле в аптеку за лекарствами.

Неважные, прямо скажем, дела, не бережем мы свое здоровье.

Хорошо. Взял экономист Н. Ильин очередной профсоюзный отпуск и отправился с личным шофером Гулько Макаром Егорьевичем в автомобиле на остров Капри к Максимилиану Горькому подлечиться на этом средиземноморском курорте. Приплыл он, значит, на Капри и начал вроде бы выздоравливать, но черт его дернул сыграть партию в шахматы с другом Горькина, французским гуманистом Ролен Романом. Зевнул экономист детский мат в три хода, и стало ему совсем нехорошо, хотя в шахматы он играл неплохо. Пришла, значит, пора, и медицина умыла руки. Собрался экономист Н. Ильин помирать. С вещами, значит, на выход.

Стал он в последний раз собирать в дальнюю дорогу свой знаменитый кожаный чемоданчик с двойным дном, тайну которого псы-сатрапы так и не раскрыли. Да и как раскрыешь: сверху там бельишко, электробритва, мыло и бутерброды, — а под ними чего только нет! Все музейные экспонаты: и первый пожелтевший номер газеты «Правда», и любимая книга «Что делать?», и групповая фотография юных революционеров из кружка «За освобождение рабочего класса от люмпен-пролетариата», и множество всякого личного милого хлама, который таскаешь за собой всю жизнь — и съесть нельзя, и выбросить жалко. Но главная тайна — в самом низу на втором дне: три секретные карты профессора Карла Фридрихсона.

Параграф 42

ДВОЕ ВО ФРЕНЧАХ НА ДРУЖЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ

— А где же тот Чудесный Нацмен? Совсем с памятью плохо стало, опять позабыл фамилию, — жалуется экономист

Н. Ильин своему шоферу Гулько Макару Егорьевичу, которого после безвременной кончины Несси Армаггедон назначили по совместительству сестрой милосердия для Кремлевского Мечтателя. — Пусть приедет на Капри попрощаться и пусть привезет яду хорошего, чтоб мне не мучиться. А я ему за это по секрету три слова скажу.

Хорошо. Последнее желание покойного — закон для подчиненных. Шофер Гулько, которого звали Макар Егорьевич, смахнул скупую мужскую слезу и отправился с докладом к Максимилиану Горькину. Тот сразу же начал плакать и звонить по вертушке в Москву, в орготдел ТАКОЙ партии. В Кремле — полный переполох. Остров Капри — это не в Ялту съездить. Задача!.. Не вдаваясь в подробности: Чудесному Нацмену выписывается партийная зарубежная командировка, выдается фальшивый паспорт на имя швейцарского социал-демократа Мануэля Диас Рамиреса, и он разными потайными ходами и конспиративными путями отправляется через охваченную пламенем мировой войны Европу на остров Капри с двухсотграммовой баночкой цианистого калия.

Кое-как добрался.

Кругом пальмы, маслины, кипармы... В последний раз сфотографировались верные друзья под старой оливой на историческую фотографию — Чудесный Нацмен в белом френче, Кремлевский Мечтатель во френче цвета хаки — и передал экономист Н. Ильин из рук в руки свое знаменитое завещание в виде тайного письма к ТАКОМУ-ТО съезду ТАКОЙ партии.

Параграф 43

ТРИ ЦИТАТЫ ИЗ ПИСЬМА К СЪЕЗДУ

Начало 1-ой цитаты:

«Нас мало, — пишет экономист Н. Ильин, — но мы в тельняшках. Мы составляем очень тонкий слой среди громаднейшего населения этой страны. Плохо дело. Даже не знаю, куда мы влезли, что будет дальше, и как нам расхлебать эту кашу. Нам нужно в корне изменить нашу точку зрения на социализм. Наденьте очки, товарищи! В ТАКУЮ партию пролазят всякие посторонние людишки. От-

куда они взялись?! Так и лезут, пролазы! Ненавижу! Гнилая вшивая интеллигенция лезет, либеральная буржуазия, мелкие кустари, бывшие дворяне, холопы, лакеи, проститутки, ворье, жулье и хулиганье, люмпен-пролетариат и всякие мещанские рыла так и прут! К нашей правящей ТАКОЙ партии примазываются серые обыватели, дремучие аборигены-землепашцы с мелкобуржуазной психологией и прочая публика. Где они раньше были?.. В 905-м году при княгине Ольге их в ТАКУЮ партию на аркане не могли затащить, а сейчас так и прут на готовенькое! Предвижу времена, когда в ТАКУЮ партию запишется все население этой страны, и наша партия из ТАКОЙ превратится в РАСТАКУЮ, как невинная девица в раздолбанную шлюху».

Конец 1-ой цитаты.

Начало 2-ой цитаты:

«В чем наше спасение? — спрашивает умирающий на Капри экономист Н. Ильин. И сам же отвечает: — В новом арифметическом мышлении. Нам надо немедленно научиться приводить всех к общему знаменателю. Всех, не взирая на лица! Чем больше народу будет приведено к общему знаменателю, тем лучше они запомнят. Это с одной стороны, — пишет экономист Н. Ильин. — С другой стороны: не очень-то мне нравятся исторически-сложившиеся дружеские отношения в нашем Совместном Комитете. Пусть товарищи на меня не обижаются, но эти отношения находятся на уровне прежней лакейской или нынешней коммунальной кухни, где любая смазливая кухарка поверила, что может управлять государством. Драть ее надо, дуру! А вы чем занимаетесь, товарищи?.. Вчера Чудесный Нацмен плюнул в борщ Демону Революции, а сегодня Демон Революции подбросил под дверь Чудесного Нацмена дохлую крысу.

Все это, конечно, мелочи по сравнению с мировой революцией, но это такие мелочи, которые в будущем могут иметь решающее значение. Далее. Товарищ Бухаев, являясь всеобщим любимцем ТАКОЙ партии и просто порядочным человеком (а порядочный человек сегодня — атавизм и реликт), не вполне обучен грамоте. В слове «эмпириокритицизм»

он делает сразу 7 (семь!) орфографических ошибок: «империякрецитисм»!.. Каково?!.. Не знаю даже, закончил ли он гимназию,— а безграмотный человек, как известно, стоит вне политики.

Теперь о Знаменеве с Киновьевым. Эта неразлучная парочка не случайный эпизод устроила в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое. Я все помню! Нам надо в три... нет, в пять, в десять раз увеличить Совместный Комитет за счет рабочих от станка. Спрашиваете, а кто же будет стоять у станка? За станки поставить беднейших крестьян от сохи. А кто будет землю пахать? А интеллигентская прослойка у нас на что? Вот тогда мы и будем застрахованы от всяких случайностей».

Конец 2-й цитаты.

Начало 3-й цитаты, самой важной и самой загадочной из рукописного наследия экономиста Н. Ильина:

«ВАЖНЕЙШИМ ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ДЛЯ НАС ЯВЛЯЕТСЯ КИНО, ПОЭТОМУ НАМ НУЖЕН СТРОЙ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ КИНООПЕРАТОРОВ.»

Конец 3-й цитаты.

Параграф 44

АЛГЕБРА РЕВОЛЮЦИИ

— Это понятно, это арифметика,— немного разочарованно сказал Чудесный Нацмен.— Хотелось бы заглянуть в козырные карты профессора Фридриксонна.

— Правильно, голубчик! — усмехнулся экономист Н. Ильин.— Сейчас мы займемся алгеброй революции. Доستانьте из-под кровати двойной чемоданчик. Откройте первую козырную карту... Какая первая карта?

— Трефовая дама.

— Запомните слово: ВРАТЬ. Вторая?

— Трефовый король.

— ВРАТЬ В КВАДРАТЕ. Третья?

— Трефовый туз.

— ВРАТЬ В КУБЕ. Теперь запомните алгебраическую формулу: «ВРАТЬ плюс ВРАТЬ В КВАДРАТЕ плюс ВРАТЬ В КУБЕ настоящим образом и в высшей степени». Повторите!

— «ВРАТЬ плюс ВРАТЬ В КВАДРАТЕ плюс ВРАТЬ В КУБЕ», — клятвенно повторил Чудесный Нацмен у постели умирающего Кремлевского Мечтателя, но вид у Нацмена остался немного разочарованным.

— Ну и, конечно, приводить всех к общему знаменателю, — успокоил наследника экономист Н. Ильин и улыбнулся как-то по-детски. — Учитесь говорить то, что должно быть, а не то, что есть. Любую чепуху. Например: «Жить стало лучше, жить стало веселей». А тех, кто не поверит — сокращать. Если невеселый и хмурый идет по улице — значит, не верит. Такого сокращать на месте.

— Это хорошо, это правильно! — горячо согласился Чудесный Нацмен. — Вот только...

— Что? Не стесняйтесь, спрашивайте.

— Всех не пересокращаешь.

— Всех и не требуется. Но к этому надо стремиться. Чем больше народа мы сократим, тем больше будет хлеба, чая, масла, мяса и молока на душу населения. Логично? Представляете, какая наступит распрекрасная жизнь? Мы увидим небо в алмазах!.. Вообще, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, а сегодня гладить по головкам никого нельзя — руку откусят. Надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная! Сейчас всех нужно приводить к общему знаменателю и сокращать дробью.

— Дробью? — переспросил Чудесный Нацмен.

— Ну, технологию сокращения я точно не знаю. Чем там у вас сокращают в подвалах Энкаведе? Пулями? А еще лучше — пулеметами! Так и передайте по цепи.

Параграф 45

ЕСЛИ ДРУГ НЕ СДАЕТСЯ

С этими словами экономист Н. Ильин попросил цианистого калия, разбавил его в чифире, мысленно перекрестился, выпил и безболезненно скончался на руках у Чудесного

Нацмена, фамилию которого так и не вспомнил, а может быть, никогда и не знал. Нацмен закрыл ему глаза двумя пальцами, намотал себе на ус алгебраическую формулу, спрятал в рукав три козырные карты и секретно приказал медицинским светилам залечить до смерти пролетарского писателя Максимильяна Горькина, который, обливаясь слезами, случайно подслушал из-за портьеры тайну последней исповеди.

Что и было безукоризненно исполнено по всем гиппократовым правилам врачебной этики.

— Если друг не сдастся... — вздохнул Чудесный Нацмен.

Говорят, что в момент смерти Кремлевского Мечтателя со Спасской башни Кремля упала рубиновая звезда и раскололась на 12000 осколков, что над Туруханским Ханством взорвался тунгусский метеорит и сдвинул на полградуса в сторону земную ось, что все киты-толстолобики из Атлантики вошли в Средиземное море и три дня подряд пускали фонтаны у острова Капри и что один престарелый негр из Северо-Американских Штатов вдруг ни с того ни с сего заговорил по-русски — всем этим слухам не очень-то нужно верить.

Параграф 46

КАК МЫ ЗДЕСЬ БЕЗ ВАС? КАК ВЫ ТАМ БЕЗ НАС?

Осиротела страна — не стало Кремлевского Мечтателя.

Горе-то, горе какое! Слезы, рыдания, вселенский плач пронесли по Всея-Руси. И опять вопросы, вопросы:

— КАК МЫ ЗДЕСЬ БЕЗ ВАС?

— КАК ВЫ ТАМ БЕЗ НАС?

На острове Капри итальянские рыбаки забальзамировали тело экономиста Н. Ильина благовониями, положили в стеклянный гроб и отправили на броненосце «Потемкине» в Одессу. Зима выдалась такой лютой, что ледокол «Имени ТАКОГО-ТО съезда», ведомый шофером Гулько Макаром Егорьевичем, тревожными гудками прокладывал «Потемкину» путь по Черному морю, боясь налететь в тумане на айсберг, а тела турецких перебежчиков, спешивших на похороны из Стамбула в Одессу, вмерзали в лед. Даже Черное море промерзло до дна, но народные массы выстроились через всю европейскую часть страны от Одессы до самого Мур-

манска, откуда на похороны не выпускали английские интервенты под командованием похожего на бульдога лорда Чертчилля, злейшего врага Совместной Власти, дай ему Бог здоровья! Он еще побывает во Всея-Руси, посмотрит еще в глаза караулу!

Тем временем в Одесской опере тело Кремлевского Мечтателя отпевали прыщавые тенора Лемешко, Козлов и Собинович, зато первый народный артист республики уплыл в европы за длинным рублем на эскадре из трех ледоколов — на первом ледоколе уплыли ученые и философы, на втором — юристы и медики, на третьем — художники и поэты. ВСЕГО: 98765 килограммов отборных мозгов. Оттуда никто уже не вернулся, все подверглись укусу ядовитейшей крапчатой ностальгии, долго там мучались, лечились запоями на свои скудные Шнобелевские премии и в конце концов окончательно вымерли, исчезли с лица Земли, как юрские динозавры; а сегодня скелеты бердяевых, бунинных и сикорских собирают по косточкам и выставляют в палеонтологических музеях.

Параграф 47

ХОРОНИЛИ ДА НЕДОПОХОРОНИЛИ

Простоял стеклянный гроб в Одесской опере всю зиму с ноября по апрель. Тенора пели, караул устал, Владим Владимыч себя под Н. Ильиным чистил. 10 миллионов человек в этой лютой очередюге замерзли насмерть, 15-ти миллионам произвели ампутацию обмороженных конечностей (и пошли по стране безногие, безрукие, безголовые), а 20 миллионов благополучно вернувшихся с похорон обнаружили свои квартиры конфискованными и начисто опустошенными ворьем и жульем.

Пришлось Совместной Власти переселять потерпевших в Туруханское ханство, а их квартиры отдавать ворью, жулью и совместителям ТАКОЙ партии. Зато по весне, когда солнышко пригрело, ледники отступили, а тело вспотело, назначили новую контрибуцию: опять построилось население в живой конвейер от Мурманска до Одессы и по колено в грязи, передавая над головами стеклянный гроб, перенесли его зачем-то на балкон девицы Кшесинской, где он до сих пор

стоит в холодильнике, невзирая на просьбы родственников о предании тела экономиста Н. Ильина земле — на родине, в столице Астраханского ханства, рядом с предками рыбаками и бахчеводами.

Хоронили, хоронили, да недопохоронили.
Вот и все.

Глава 4

ЧЕРЕЗ
ЧЕТЫРЕ
ГОДА
ЗДЕСЬ
БУДЕТ
ГОРОД-
САД

Параграф 48

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Все, да не все.

Со смертью Кремлевского Мечтателя жизнь на Земле почему-то не сразу кончилась... (Впрочем, когда экономиста Н. Ильина еще на свете не было — люди как-то жили; когда экономиста не стало — тоже ведь жить хочется?..)

Отшумело празднование похоронных торжеств, отгремели салюты, отлились слезы, отгудели фабрики и бронепоезда, начались трудовые будни.

А где же богатырь Соцреализм, упавший с Царя-Фонаря в самом начале гражданской войны и доставленный в 4-е отделение кремлевской больницы по праву внебрачного сына пролетарского писателя Горькина?

Отлежался. Вылечили его врачи-вредители. Обитает Соцреализм в сыром подвале в центре Москвы, на улице имени своего отца, с продувными удобствами во дворе. Не отступился, пишет в уме пролетарскую «Войну и мир», но что-то ему не пишется — образы всякие, концепции и главные герои в амбарную книгу никак не лезут. Чиста и девственна

пробитая пулей амбарная книга в десять тысяч страниц. Не тронули ее при обысках ни белые, ни красные, ни ульт-рафиолетовые, и даже черный арап Врангель приказал своей контрразведке:

— Отдайте этому придурку книгу, пусть выполняет соци-альный заказ. Авось...

Как вдруг постучалась три раза в дверь Соцреализма но-вая Эпоха:

— Тук-тук-тук!

Пришла пора выходить на арену цирка. Ваш выход! По-жалуйте на манеж!

Параграф 49

НОВАЯ ЭПОХА или ХМУРОЕ УТРО

Заспешил Соцреализм-богатырь открывать дверь, наде-ясь, что пришла к нему наконец-то в гости одинокая соседка Эпоха Кузьминична, недавно поселившаяся над ним в трех-комнатной квартире, первая шлюха 4-го отделения кремлев-ской больницы, где он лечился. Стукачка, каких мало — за-ложила недавно в Энкаведе группу врачей-вредителей, залечивших до смерти Горькина, Фрундзе; Врожуникидзе и, конечно, дедушку Мичурина, за что и получила ордер на жилплощадь и орден «Экономиста Н. Ильина» на свою пше-ничную грудь молочно-восковой спелости (давно Соцреа-лизм хотел к ней прильнуть).

А Эпоха уже бьет в дверь сапогами...

Торопливо открыл дверь, смотрит — не она. Видит — те-лефонисты стоят. У одного телефонный провод в руках, у другого в руках телефонный аппарат-вертушка. Ясно: энка-ведисты под телефонистов маскируются.

— Такой-то? — спрашивает тот, кто с проводом.

— Ну.

— Не нукай, не запрягал. Кто еще, кроме тебя, прожи-вает в квартире? — интересуется другой, с телефонным ап-паратом.

— Разве это квартира? — удивляется Соцреализм.— Это бывший овощной склад. Здесь при бывшем режиме бывший купец Рудольф Германович Гесс капусту мочил. И яблоки.

— Какие еще яблоки?

— Не знаю точно. Мичуринские. И антоновские.

— Атамана Антонова яблочки? Белогвардейские яблочки, значит? Все ты знаешь! А о купце Гессе мы с тобой в другом месте поговорим. И кто замочил дедушку Мичурина — тоже выложишь, будь спок!

Параграф 50

ТРИ ДНЯ И ТРИ НОЧИ

или

КТО СОЧИНЯЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ?

Заглянули телефонисты за печку, под раскладушку, ничего не обнаружили. Протянули они в подвал телефонный провод, установили вертушку, посадили богатыря-Соцреализма под домашний арест, назначили его подсадной уткой и приказали не спать, со стула не вставать и никуда не ходить, даже во двор в продувную уборную.

Можно только изредка крикать. Тут у них засада. Ждут они из Хермании бывшего купца Гесса, сброшенного сегодня ночью с парашютом для покушения на жизнь самого Генерального Совместителиуса. Рудольф Германович непременно должен сюда наведаться, посетить родные пенаты. Это как дважды два четыре — тоска, ностальгия, родная уборная во дворе, а в Москве, как известно, даже отлить негде.

— Тут мы его в уборной и цап-царап!

Ладно. Сидят в засаде. Крикают.

Проходит первый день.

Нету парашютиста Гесса с его ностальгией, не спешит посетить родную уборную.

— Ты кто такой? — от нечего делать интересуются телефонисты-энкаведисты.

— В каком смысле? — уточняет Соцреализм.

— По-русски не понимаешь? Ты. Кто. Такой.

— Человек я. Продукт переходной эпохи. Ее типичный представитель.

— Ты, продукт, человеком не прикидывайся! Почему ты, представитель, дома сидишь и на работу не ходишь?

— Потому что нахожусь под домашним арестом.

— Ты кто, спрашиваем? Кого представляешь? В каком профсоюзе состоишь? — злятся телефонисты.

— Литератор я, — с достоинством отвечает Соцреализм. — Из династии пролетарских писателей.

— Мать твою дивизию... Сочинитель, значит?

— Ну.

Второй день тянется, а херманского парашютиста Гесса все нет и нет.

— Скучно что-то, — зевают телефонисты. — Что бы такое придумать, чтоб время зря не терять?.. Сейчас мы на тебя компромат соберем. Давай, выкладывай имена и фамилии.

— Не знаю я никаких имен и фамилий.

— Вот и врешь! Серегу знаешь? А Блока? А Бурлюка? Скажешь «нет»?

— Ну.

— Гну. Давай, выкладывай! Если сам сочиняешь — значит, что-то знаешь. Анекдоты знаешь?

— Этого добра выше крыши.

— Давай, рассказывай.

— «Уехал муж в командировку...»

— Не то! Давай политические анекдоты. А мы их в эту книгу дырявую записывать будем. Потом издашь, как собственное сочинение.

— Про Чапаева подойдут? — спрашивает Соцреализм, впервые польщенный читательским вниманием.

— Про Василия Иваныча? Именно то, что нужно! Сочинение и распространение контрреволюционной пропаганды! — радуются телефонисты-энкаведисты. — Пока не расскажешь десять тысяч политических анекдотов, со стула не встанешь.

Таким вот Макаром.

Третий день настал. На отрывном календаре уже 21-е июня. На подсадную утку никто не бросается — ни Блок, ни Бурлюк, ни парашютист Гесс, ни соседка Эпоха Кузьминична (она уже, наверное, на всех настучала) — на явочную квартиру никто не является, лишь со двора доносится унылый голос наемного странствующего палача с переносной гильотинкой:

— Кому руки, ноги, головы рубить?.. Кому руки, ноги, головы рубить?..

Сидит Соцреализм на стуле и, как заведенный, травит политические анекдоты... 674-й... 793-й... 836-й... Амбарная книга уже полна и на вышку тянет. А что Соцреализму терять? Кроме сырого подвала, разве что продувное удобство во дворе.

Сидит. Так сидит, что к стулу приклеился, мочевой пузырь живот раздул, кран-гидрант вот-вот сорвется с резьбы и затопит подвал, а пытка анекдотами продолжается. Десять тысяч политических анекдотов — не комар заплакал. Энкаведистам же все нипочем — один на раскладушке развалился, другой записывает показания в амбарную книгу. И наоборот — один протокол ведет, другой отдыхает.

Как вдруг раздается телефонный звонок.

Параграф 51

ПРОДУКТ ЭПОХИ

или

РАЗГОВОР ПО КРЕМЛЕВСКОМУ ТЕЛЕФОНУ

— Бери трубку, продукт эпохи! — метушатся телефонисты-энкаведисты. — Приглашай его сюда на свидание! Быстро! Говори подлиннее — надо засечь этого фрукта на телефонной станции!

— Продукт эпохи у аппарата, — еле ворочает языком бедный Соцреализм-богатырь, из последних сил сжимая между ногами свой кран-гидрант, чтоб, не дай Бог, не прорвало и не затопило подвал.

— Где это вы пропадаете, типичный представитель? Почему в гости не заходите? — спрашивает в трубке очень знакомый голос с приятным восточным акцентом.

— Совсем пропадаю, товарищ Генеральный Совместителиусс! — хрипит Соцреализм.

— А в чем, собственно, дело? Объясните спокойно. Чем смогу — помогу.

— Сил моих нет! Ваши телефонисты три дня и три ночи до ветру не пускают!

— А что они у вас делают?

— Ждут из Хермании какого-то Гесса, сброшенного с парашютом!

— Успокойтесь. И успокойте товарищей. Передайте им, что Рудольф Гесс благополучно приземлился в Лондоне. Парашют — отдельно, Гесс — отдельно. Сходите во двор по своей нужде — это дело государственной важности. А я пока подожду у телефона.

Параграф 52

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Обернулся Соцреализм-богатырь, хотел порадовать своих друзей-телефонистов хорошей новостью из Кремля, передать им привет от Чудесного Нацмена, но тех уже как ветром сдуло. И след простыл. Были — и нету, лишь амбарная книга шуршит политическими анекдотами на раскладушке.

Пора и о себе подумать. Вылетел Соцреализм-богатырь во двор, вытаскивая на ходу свой опухший пожарный кран-гидрант. Во дворе тоже никого не видно, кроме подслеповатого странствующего палача с переносной гильотинкой, да чувствуется еще едва уловимый запах от наложенных с великого страху штанов промчавшихся по двору телефонистов. Понял Соцреализм, что до продувной уборной ему не добежать, и принялся справлять дело государственной важности прямо под дворовым средневековым забором, чудом спасшимся от наполеоновского пожара.

Стоит, значит, задумался. Справляет нужду богатырскую. Ручей журчит в подворотню, из подворотни потоком выносятся на улицу и, сметая все на своем пути, впадает в Москва-реку. Чудесный Нацмен у телефона ждет. Эпоха Кузьминична из-за шторы изумленно глядит на диво-дивное. А забор уже плывет, поплыл, за ним плывет допетровская уборная, пережившая все гражданские смуты и вражеские нашествия — чуть что, все к ней бегут! Странствующий палач из уборной благим матом вопит:

— Тону! Спасите!

Большому кораблю — большое плаванье!

Уже географы рассуждают именем какого народного со-вместителя новую речушку назвать, а Соцреализм-богатырь все думу думает: «Новая Эпоха — она сегодня не в дверь стучит, а звонит по кремлевскому телефону».

Параграф 53

РАЗГОВОР ПО КРЕМЛЕВСКОМУ ТЕЛЕФОНУ

(продолжение)

Может час прошел, может — два. Отлил, застегнул штаны, вернулся в подвал и продолжил телефонный разговор:

— На душе полегчало, товарищ Генеральный Совместителюсс!

— Какие у вас еще проблемы? — ласково спрашивает Чудесный Нацмен, раскуривая телефонную трубку. — Не стесняйтесь, облегчайте душу до дна. Можете по большой нужде сходить, я подожду... Нет?.. Ну, тогда просите у меня, что хотите, и режьте мне правду-матку в глаза, а то скучно что-то.

— В сыром подвале живу! — пользуется случаем Соцреализм-богатырь. — Все в людях да в людях, как завещал отец. А ордер во дворец мне ваши телефонисты не выдают, как внебрачному сыну пролетарского писателя! Не положено, говорят, внебрачному!

— Ну, ордер во дворец — это не ордер на арест! Что-нибудь придумаем. А вот слух до меня дошел, что обижены вы на Совместную Власть, собираетесь эмигрировать на остров Капри... Нет?.. На «нет» и суда нет. А как вы относитесь к Пастернаку?.. Тоже «нет»?.. Не кушали никогда?.. Хорошо. Выходите на угол Горькина и Тверской-Ямской, там в проходном дворе вас ожидает черный автомобиль типа «ЗИС». Смело открывайте дверь и садитесь, вас знают в лицо.

И положил в Кремле трубку.

Параграф 54

ЭПОХА МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Восстал Соцреализм-богатырь из сырого подвала, как из гроба. Повел плечами, как Илья Муромец в тридцать три года: в жизни всегда есть место подвигу — только не зевай! Надел ботинки «прощай молодость», окропил подвал керосином из примуса, разжег простреленную амбарную книгу с политическими анекдотами, бросил книгу на пол, закрыл дверь на ключ, вышел во двор и утопил ключ в богатырском ручье.

Прощай детство, в людях и его университеты!

Вышел Соцреализм на улицу имени Горькина, конспиративно огляделся по сторонам, слежки и хвостов не обнаружил. Зато видит — со всех углов смотрят на него с портретов Народные Совместители из Совместного Комитета: с усами, в пенсне, с бородками-козликом, в картузах и в фуражках или попросту лысые. Не поймешь где-кто — одних снимают, других вешают. Так сплотились вокруг себя, что все на одно лицо, вроде Чудища Лаяйющего, — наверно, чтобы народ уз-

навал: кому хлеб отдавать, молоко, масло, мясо и далее по списку.

На каждом же перекрестке какие-то гранитные макары стоят с острова Пасхи: профессор Карл Фридриксонн с полным гранитным собранием сочинений, экономист Н. Ильин дорогу вперед перстом указывает, Чудесный Нацмен с телефонной трубкой, шинель снял, жарко; еще дальше — Максимильян Горькин в тюбетейке и в единственном пиджаке.

Куда ни плюнь — попадешь в портрет, куда ни кинь — торчит какое-то многопудье. Лафа художникам и скульпторам в Эру Художественного Оформления и в Эпоху Монументальной Пропаганды!

Параграф 55

ЛОШАДЬ УПАЛА!

Смотрит Соцреализм дальше: улица корчится безъязыкая, мерной поступью идут по улице трудовые будни. Черны вороны разъездились, везут добычу из Бутырок в Кресты, из Матросской тишины на Лукьяновку. Счастливая дворняга крадется вдоль стен с человеческой берцовой костью в зубах, под стеной валяется чье-то мертвое тело в фуфайке — черт его разберет, то ли тело спяну померло, то ли с голодухи, то ли на месте приведено к общему знаменателю за появление на улице в хмуром виде.

Костлявая лошадь, что и при Блоке, опять упала посреди трамвайных путей, а здоровенный Владим Владимыч, лучший поэт-лауреат Совместной Эпохи, склонился над ней и причитает своей знаменитой лесенкой, что по рублю за строчку:

«Лошадь
упала!
Упала
лошадь!
Лошадь,
не надо.
Лошадь,
слушайте...
Простите,
товарищ
лошадь!»

«Вот и одиннадцать рублей заработано», — прикидывает из-за угла фининспектор.

Веселый народ в промасленных спецовках с работы на работу спешит, старательно обходит хмурое тело в фуфайке, сам себе улыбается, в глаза друг другу не смотрит. У памятника Кремлевскому Мечтателю под грязною телегою рабочие лежат, и лозунг на телеге гласит:

«ЧЕРЕЗ
ЧЕТЫРЕ
ГОДА
ЗДЕСЬ
БУДЕТ
ГОРОД-
САД!»

«Вот и еще семь рубликов привалило!» — радуется фининспектор.

Ну и жуткая очередина загибается в Елисеевский магазин. Слышны гармошка, шутки, смех. Заходит народ с карточками за хлебом, выходит народ без хлеба с карточками.

— Карточки на хлеб потерялись! — хохочет кто-то.

Похоже, спятил.

А в проходном дворе на Горькина и Тверской-Ямской притаился в подворотне черный бронированный «ЗИС» во главе с шофером Гулько Макаром Егорьевичем — тем самым, который экономиста Н. Ильина по дорогам жизни возил.

Параграф 56

НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА

Садится Соцреализм-богатырь на заднее сиденье «ЗИСа» как к себе домой и говорит:

— Давай, космонавт, потихонечку трогай! — говорит он шоферу Гулько Макару Егорьевичу, который однажды экономиста Н. Ильина в Беловежскую пуцу на охоту возил, на зубра, а тот зубра пожалел — всех зубров! Добрый был человек — люблю, говорит, зубров, не могу по живым зубрам стрелять!

— И песню в пути не забудь! — говорит Соцреализм, раз-
вываясь на заднем сиденьи.

Тронулись.

Врубил шофер Гулько, который экономиста Н. Ильина из чайной ложечки кормил, когда тот грипповал, гимн зеков «Будь проклята ты, Колыма», едут. Недоволен Макар Егорьевич, в гробу он видал таких богатырей.

Заворачивают за угол, а там... Съезд и столпотворение пожарных машин! Пожарники рукавами соцреализмовый подвал тушат, но тщетно — горит подвал синим пламенем! Эпоха Кузьминична, соседка сверху, на которую огонь снизу набросился, мечется, как икра, пожарников за рукава хватает, кричит-надрывается:

— Я материально ответственное лицо! У меня там полная чаша казенного имущества! А главное — пишущая машинка «Ундервуд»! Иначе я под трамвай брошусь, и мне голову отрежет!

Не иначе, нелегального Булгакова читала. Видать, у нее там тайная нехорошая телефонизированная квартира.

«Так ей и надо! — злорадно размышляет Соцреализм-богатырь. — Больше на людей стучать не будет. А орден «Экономиста Н. Ильина» на грудь нацепить не забыла, зараза!»

— Далеко ли едем, товарищ? — интересуется Соцреализм у шофера Гулько, который работу экономиста Н. Ильина «Как нам геогганизовать габкгин?» на машинке перепечатывал и в «Правду» относил, но в машинке буквы «р» не было, и никто ничего в той работе не понял.

Параграф 57

КАМО ГРЯДЕШИ?

Не отвечает шофер Гулько, которому экономист Н. Ильин со своего плеча старое пальто с дыркой от пули Фаи Каплан подарил. И кепку со своей сократовой головы — да велика оказалась кепка шоферу.

— Вечером ко мне гости придут, надо бы обернуться к вечеру, — заводит разговоры Соцреализм. Молчит Гулько Макар Егорьевич, который экономиста Н. Ильина в детстве на коленях нянчил и козой пугал. Молчит, глядит на дорогу.

— Гости придут, а меня дома нет, — вздыхает Соцреализм.

— Дама сердца, что ли, придет? — догадался вечно молчаливый шофер Гулько, у которого после революции с женщинами

стало совсем туго — двадцать пять часов в сутки работает, забыл, бедняга, как койка выглядит. Иногда, правда, поспит на заднем сиденье «ЗИСа» с открытыми глазами, и опять за банку.

— Соседка сверху, — охотно отвечает Соцреализм. — Эпоха Кузьминична. Первая шлюха 4-го отделения.

— Слыхал об такой, — подтверждает шофер Гулько, который однажды экономиста Н. Ильина под Брестом из-под германского обстрела вывез.

И опять молчит.

— Куда едем-то? — допытывается Соцреализм.

— В Абхазию, — неохотно отвечает Макар Егорьевич, которого экономист Н. Ильин за молчанье и личную преданность наградил именным браунингом и позолоченной саблей.

— Куда-куда?!

— В Абхазию. На озеро Рица.

— Врешь!

— Запомни — я всегда говорю правду, — угрюмо отвечает Макар Егорьевич, бывший личный шофер Кремлевского Мечтателя, а ныне персональный водитель Чудесного Нацмена.

Молча едут в Абхазию.

А известная лошадь, видя такое дело, заржала, поднялась с трамвайных путей и пошла, пошла, заскакала, как жеребенок. Тоже, видать, стукачка.

Глава 5

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Параграф 58

ГДЕ ДЕМОН РЕВОЛЮЦИИ?

или

КУДА ВСЕ ПОДЕВАЛИСЬ?

Долго ли, коротко ли, но где-то через час молча проехали по пустому шоссе сквозь строй телефонистов в Абхазию.

Там за колючим забором двухэтажная дачка стоит. Скромная. Чугунные царские ворота из Зимнего Логова.

Царь-Фонарь, с которого богатырь Соцреализм на Гражданку упал. Под Царем-Фонарем встречает его Чудесный Нацмен в галифе, в сапогах и в своем знаменитом белом френче, а за его спиной — Совместный Комитет в полном составе: здесь и дедушка Калининш без бабушки, тут и меткий стрелок маршал Ворошилин, который доброго коня на железный танк не сменял, и 1-й машинист метростроя Моисей Калганович, и Мыкита-шахтер, шахту которого археологи до сих пор не могут раскопать, — этих Соцреализм по совместному портрету знает.

А где другие?

Рыгов с Бухаевым, любимчиком ТАКОЙ партии, — где?

Где сержант Врожуникидзе, совместитель тяжелой промышленности, который однажды дал в рожу меньшевику Дану Берлибману, за что его экономист Н. Ильин чуть было не попер из ТАКОЙ партии, но в последний момент пожалел и погрозил пальцем:

— Нехорошо драться, Сережа!

Неразлучных Знаменева с Киновьевым, которые не случайный эпизод устроили в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое, тоже нигде не видно...

Где Демон Революции военмор Бронштейн?

Куда запропастился замкомпоморде Овсей Антоненко, который в Зимнем Логове арестовал сторожа?

Вместо них — другие, новенькие... А за другими — толпа кандидатов с совещательными голосами. Ни сосчитать, ни запомнить...

Параграф 59

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

— Вот он, последний живой герой штурма Зимнего Логова! — восклицает Чудесный Нацмен и взасос целует Соцреализма-богатыря. — Читали его фундаментальный труд «Как ренегат Каутский воюет против врагов народа»?.. Читали, спрашиваю, или нет? Говорите правду, а то хуже будет!

— Читали... — недружно отвечают Народные Совместители.

— Не обманывайте! Если читали — перескажите содержание. О чем там написано? Всем смотреть мне в глаза!

Молчат. Глаза таращат.

— Вот возьмите и прочитайте! А я проверю! — грозит Чудесный Нацмен. — Знаю я вас, иудушек. Все вы меня обманываете. А вот он никогда не врет. У него метод такой — резать правду в глаза. Мне сегодня по телефону говорит — пойду, говорит, схожу по малой нужде. Безо всякой там дипломатии — пойду, говорит, схожу, а вы подождите у телефона... — Чудесный Нацмен заплакал от смеха и утер слезы рукавом френча, откуда выпала треновая дама. — Накинъ-ка, Макар Егорьевич, на меня шинель, что-то стало холодать... Вот он какой, Соцреализм-богатырь! Весь в отца! Я ему жизнью обязан, он меня из Разлива спас, когда сионист Юдения на Питер пер. Потом он полком командовал против хана Колчака, комиссарил в Краснознаменной Чапаевской дивизии имени Зализного Феникса, лично порубил пашкой десять... нет, двадцать тысяч белогвардейского офицера, узкоколейку БАМ в вечной мерзлоте прорубил. Анкету его читали? Говорите правду — читали или нет? Не слышу!

— Ознакомились, — пугливо высунулся чей-то голос.

— Ознакомились... — передразнил Чудесный Нацмен. — Сейчас я проверю. Если вы ознакомились с анкетой, скажите мне: что он делал после узкоколейки?.. А? В анкете написано.

Молчат Народные Совместители.

— А потом он в сыром подвале «Как раскололся стул» писал! — не на шутку разозлился Чудесный Нацмен. — Сними-ка, Макар Егорьевич, с меня шинель, что-то в пот бросило. Кто сказал это слово?

Молчат Совместители. Не знают: какое именно слово? В межнациональном языке слов много...

— Кто сказал «знакомились»? — настаивает Нацмен. — Пусть выйдет тот, кто сказал это слово. Ему за это ничего не будет, я только на него погляжу.

Молчат.

— Найди и шлепни. Чтобы впредь не обманывал, — приказывает Чудесный Нацмен шоферу Гулько Макару Егорьевичу, который на заре века возил через границу любовные записочки от экономиста Н. Ильина к Нессе Армагедон. Славное было времечко — пьянка, банка, охранка...

Параграф 60

ВО ВЕСЬ СОВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ГОЛОС

«Вот врет — так врет! — премного удивляется Соцреализм-богатырь, наблюдая, как шофер Гулько Макар Егорьевич, у которого рука на муху не поднималась, тащит за шиворот к забору толстенького и усатенького народного совместителя с совещательным голосом.— Знатно врет! Не рубал я пашкой Юденича, не командовал чапаевской дивизией, с Колчаком водку не пил!»

А Чудесный Нацмен будто мысли читает:

— Ничего, привыкай. Здесь у меня все врут в меру своих способностей. Пусть, пускай врут. Минус на минус дает плюс, вранье на вранье — правду. Правда всегда вылезет. Идем, Серафимович ты мой дорогой, купаться на озеро Рица. Есть ТАКОЕ озеро. Надо с тобой о том о сем потолковать. А этих козлов мы по дороге потеряем. Надоели. Может, расстрелять их всех к чертовой матери? И новых набрать — от сохи и станка? Как ты думаешь?

— Не надо, пусть живут,— пугается Соцреализм.

— А ты добрый... Ну, как знаешь. Ладно, живите пока. И скажите ему «спасибо».

— Спасибо! — во весь голос благодарят Народные Совместители.

Идут, значит, на озеро Рица, беседуют.

А шофер Гулько Макар Егорьевич, который экономиста Н. Ильина на заводе Михельсона от файкиной отравленной пули прикрыл, заводит мотор черного «ЗИСа» на полные обороты и не без удовольствия шлепает под забором толстенького усатенького беднягу с совещательным голосом.

И правильно, поделом ему: не обманывай.

Нехорошо это.

Впредь не будешь обманывать.

Параграф 61

НА ОЗЕРЕ РИЦА — ВАЖНЫЕ ЛИЦА

Пришли на озеро Рица по взлетной полосе для тяжелых бомбардировщиков, замаскированной под обычное шоссе.

Суббота, 21 июня. За Полярным кругом в Туруханском ханстве еще зима, а тут кусточки, пальмы, тропики — не хуже, чем на острове Капри. Личный пляж Чудесного Нацмена с искусственным подогревом обвит колючей проволокой, за каждым кустом — охрана, на каждой пальме — по телефонисту, и все прикидываются финиками. Ни души не видно на личном пляже Нацмена, зато вокруг на берегу тьма народа, и народ непростой...

Слева лежит рать несметная — Народные Совместители от сохи и станка с решающими голосами. Кроме уже названных дедушки Калининша, маршала Воромылова, машиниста Кагановера и Мыкиты-шахтера, ожидают здесь своей участи богатыри без определенных занятий: Серб Молотов с чугуновой задницей, Мико Анастасов с зонтиком, бровеносный Ильин-второй, Андрей Сусло, Антон Горемыко, примкнувший к ним Устин-кучер (номенклатурный список можно продолжать до бесконечности) — несут свой крест, загорают, ждут, куда пошлют.

Это свои. Они слева.

Справа отдыхают пламенные зарубежные совместители: Ультер Вальбрихт, Янош Гуска, Гирия Кадар, Жорж Удеж, Теодор Живчик, Круиз Корвалол, Иржи Хронникер, Николаша Кондуктореску, Штанислав Гомункул, Гротто Вротеволь, Жан-Жак Дюпло, Ким Ирис Кин, де'Цибел и так далее; имя им — «легион».

На женском пляже принимают воздушные ванны: Шура Коллон-Таль, Вероника Фигвам, Анжелика Девиц, Васса Железнова, Крала Цепки, Жоржетта Маршель (француженка), Пальмира Тольятти (италианка), Роза Лихтенштейн из одноименного княжества и еще ровно 366 прехорошеньких подружек недавно расстрелянного (шофером Гулько Макаром Егорьевичем, который, как известно, мухи не обидит, но тут особый случай) полового маньяка Лаврика-Павлика, собравшего этот гарем в расчете на каждый день високосного года — совсем рехнулся, бедняга, на половой почве.

Ну и, конечно, творческий пляж для нудистов-писателей: дядя Степа там, тетя Вера, Акын Бабаев, Расол с'Утраев, Левон Хвейхтхвангерр, Анри Барбаросс, Пабло Нерыжий, Штефан Цвах, Теодор Цвайзер — строчат на пляже собственные «Войны и миры» о триумфальном шествии Совместной Власти и ее Чудесного Нацмена. Вот только жаль, что герр Уэллс померли и не приехали через двадцать лет на открытие «Братской ГЭС».

Параграф 62

«ПРИБЫЛ
ИЗ
ХЕРМАНИИ
ПОСОЛ,
СУКА,
ПАДЛА,
ТРАХНУТЫЙ
КОЗЕЛ»

(Народная песня)

Но главные исторические события разворачиваются на том берегу озера Рица — там уже третий день нудится от безделья дружественная херманская делегация родственной ТАКОЙ-ТО партии, и все ее члены почему-то начинают на «Г»: Гнидлер, Гренинг, Греббель и Гимлерд. А только что прибывший посол Грыббентроп вот что докладывает:

— Что делать, партайгеноссе? Не идет Чертчилль на мирные переговоры с Гессом.

— А какое сегодня число? — меланхолично спрашивает рельсканцлер Гнидлер.

— 21 июня, суббота, — отвечает увешанный орденами псырьцарь Герман Гренинг, рожу которого Пабло Пикассо разрисовал шпагой на студенческой дуэли.

— Сегодня день переходит в ночь, — подсказывает агитатор и пропагандист ТАКОЙ-ТО партии Греббельс. — К тому же у них Всесоюзный субботник...

— А завтра — воскресенье, выходной день. В самый раз... — подталкивает рельсканцлера в бок шеф Попопопо (Полиция по поддержанию порядка — нечто вроде нашего Энкаведе) Генрих Гимлерд (некто вроде нашего Лаврика-Павлика).

«Значит,
завтра
война,
значит,
завтра

в поход!» — принимает историческое решение рельсканцлер Гнидлер.

Хорошо устроились, псы-рыцари — костерок, шашлычок, рыбалка. Шнапс пьют, козла забивают, ожидают прибытия

транспортного бомбардировщика «юнкерса», чтобы смыться на Фридрихштрассе и совершить внезапное нападение на дружелюбного и доверчивого Чудесного Нацмена. У них за Берлинской стеной уже все подготовлено: гауляйтер Фонбок идет на Москву, гунн де'Риан — на Питер, а фельд-маршал Раймонд Паулюс — на Киев. Все три соловья-разбойника встречаются за Уралом в Нижнем Тагиле и — капут Всея-Руси!

Таким вот Макаром.

Но погода пока, слава Богу, нелетная.

Параграф 63

ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ, БЛИН?

— Красивые здесь места, люблю, — тем временем говорит Чудесный Нацмен Соцреализму-богатырю. — Смотри: природа! Средняя полоса Всея-Руси. Родина. Родился я здесь. Незаконно родился, как и ты. Детства не было, сразу началась конспирация. В твоих глазах вопрос вижу: отец мой незаконный кто, спрашиваешь?.. Помогите мне, Макар Егорьевич, шнурки завязать на плавках... и ступай, ступай, нам поговорить надо... Тебе одному скажу по секрету: Пржевальский мой отец. Великий путешественник, генерал-лейтенант Пржевальский. Не веришь? Смотри — фас... Смотри — профиль... Похож? Похож! Смотри, на том берегу — костерок, рыбалка... Живут же люди, и никакой тебе политики. Уху едят. Запах какой, а?.. В этом озере чудовище водится — лохнесский плезиозавр. Взят под государственную охрану. Снежный человек здесь по ночам бродит, следы оставляет на пляже, сам видел. А кто он — снежный человек? Наш непосредственный предок, неандерталец. Боюсь, как бы телефонисты его не расстреляли. Люблю животный мир и наших непосредственных предков. Свою родословную надо знать, мы не Иваны, не помнящие родства... А до революции здесь тунгусский метеорит упал, прямо в озеро. На дне лежит, а водолазы найти не могут. Хороший край. Идиллия, утопия и аркадия. Рай земной. Но портят этот пейзаж турки с месхетинцами, чечены с ингушами, ханты с мансами и татары с монголами. Поволжские немцы с евреями все тут заволокли. Собрать бы их всех в теплушки да отправить в Туруханское ханство, да вот руки до всего не доходят, габота у меня адски тгудная,

хочется людей гладить по головкам, а их надо бить, бить в могду безжалостно! — вдруг заговорил Чудесный Нацмен голосом Кремлевского Мечтателя.

Потом как-то по-детски беспомощно улыбнулся и повторил: — Адски тгудная у меня габота.

«Опять брешет...— тоскливо удивляется Соцреализм.— Спятил он, что ли?.. Какая-такая средняя полоса?.. Неандертальцы?.. Метеориты?.. Пржевальский?.. Где тут плезиозавры?.. Где? Разве что телефонисты подводную лодку в озеро Рица запустили...»

— Не веришь? — читает мысли Чудесный Нацмен.— Мне не веришь? Неправильно делаешь. И я прежде никому не верил, ни единому слову, а потом понял: неправильно делаю, нехорошо. Пусть люди врут, а им верить надо. Верить! Доверять! И все тогда будет правдой, как учил меня экономист Н. Ильин. Ты почему не раздеваешься? Смотри, день какой! 21-е июня, самый длинный день в году. Последний нынешний денечек. Заболел, что ли?

— Плавки не захватил.

— Здесь можно и без плавков, никто не смотрит. А хочешь, Макар Егорьевич твои плавки из Москвы самолетом доставит?

— Нету уже тех плавков. Сгорели.

— Что значит «нету»? Для ТАКОЙ партии «нету» не бывает. Если нужно — все есть. Смотри...

Чудесный Нацмен щелкнул пальцами, и на пляже опять возник шофер Макар Егорьевич, который экономисту Н. Ильину доставил в шушенскую ссылку целую телегу книг профессора Карла Фридрихсона, — возник с плавками в одной руке и с простреленной и обгоревшей амбарной книгой — в другой.

Параграф 64

ЕЩЕ ОДИН ЗЛОБОДНЕВНЫЙ ВОПРОС:

КТО НАПИСАЛ «ТИХИЙ ДОН»?

— Вот его плавки, — недовольно бурчит шофер Гулько Макар Егорьевич, который для экономиста Н. Ильина после гражданской войны чайник водки на пустой чайник со свистком у Сереги обменял, и показывает Чудесному Нацмену

самопальные плавки с серпом и молотом на левой ягодице и со звездно-полосатым флагом — на правой.

— Это что? — удивляется плавкам Нацмен. — А, знаю! Встреча на Эльбе. А это что? — спрашивает он, показывая на обгоревшую амбарную книгу. — Тоже знаю. Это вещественное доказательство. Сжечь хотел, но не вышло — анекдоты не горят. Значит, ты коллекционируешь антисовместные анекдоты? Нет?.. Как «нет»?!.. Я же тебе объяснил — не люблю, когда обманывают! Нехорошо обманывать!

Отступать некуда, надо врать.

— Я анекдоты не коллекционирую, — отвечает богатырь Соцреализм. — Я их сам сочиняю.

Чудесный Нацмен перевернулся на спинку на подогретом песочке и стал высматривать в небесах — не пролетит ли транспортный «юнкерс» за дружественной германской делегацией? Но погода оставалась нелетной.

— Значит, это ты про меня анекдоты сочиняешь? — спросил он и дунул на шофера Гулько Макара Егорьевича, который после освобождения крепостных крестьян работал истопником в Симбирской гимназии при Керенском-старшем.

И Макар Егорыч опять исчез.

— А я ищу, ищу — кто это такой смелый про меня анекдоты сочиняет? И никак не могу найти. Думал — фольклор, народное творчество... Вот он где, сочинитель!

— Я не только анекдоты, — расхрабрился врать Соцреализм. — Я много всего сочиняю.

— Ну, перечисли. Может быть, я читал. Я люблю буквы читать.

— Все сразу не вспомнить. «Чугунный поток» — я написал. А еще — «Раствор». И «Краснодон» — тоже.

— Ты ври, да не завирайся, — погрозил пальцем Чудесный Нацмен. — «Краснодон» написал Фадей Александров, Первый Совместитель Союза Литераторов. Жаль, плохо врать умел. Врет и оглядывается. Я ему объясняю: «Не умеешь, не берись!» А он себе пулю в лоб.

— Я за него батальные сцены писал, — настаивает Соцреализм.

— А «Хождение по кругу» кто написал?

— Я.

— Молодец — уверенно отвечаешь. А «Тихий Дон» кто написал? — спросил Чудесный Нацмен, зловеще сверкнув янтарными глазами.

— В соавторстве с Шороховым. Я ему объяснил, как надо — мол, так и так, а сам уехал в Одессу снимать кинофильм «Броненосец «Потемкин».

— Ты у нас еще и кинорежиссер?!

— Я.

Параграф 65

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Чудесный Нацмен беспомощно огляделся по сторонам, разыскивая на пляже шофера Гулько Макара Егорьевича, который на следующий день после вооруженного восстания экономисту Н. Ильину вычистил ботинки до зеркального блеска, а тот заглянул в них, обиделся и сказал: «Запомните, Макар Егорьевич: мы — не рабы, рабы — не мы!», ботинки в тот день не надел и пошел в Совместный Комитет в одних носках.

Шофер Гулько сразу и возник с махровым полотенцем в руках.

— Накинь-ка, Макар Егорьевич, на меня шинель — погода что-то нелетная.

И шинель возникла.

— Шлепнул? — спрашивает Чудесный Нацмен, кутаясь в шинель.

— Ну,— с большим трудом отвечает молчаливый шофер Гулько, из которого лишнего слова под пыткой не вытянуть, хоть режь.

— А ты Расскажи, Расскажи, Макар Егорьевич, как именно ты его шлепнул? С подробностями. Мне все интересно.

— Ну... Завел мотор и шлепнул.

— А мотор зачем?

— Ну... Чтобы выстрела не было слышно.

— Постой, постой...— удивляется Чудесный Нацмен.— При чем тут выстрел?.. Ничего не понимаю... Какой выстрел?.. Зачем выстрел?..

— Вы приказали,— отвечает шофер Гулько Макар Егорьевич, который свой именной браунинг каждый день часовым маслом смазывал, как куранты, на всякий случай.

— Что я тебе приказал?!

— Найти и шлепнуть.

— А ты что сделал?!

— Это самое.

— Ты что, межнациональный язык не понимаешь-шь?! — зашипел Чудесный Нацмен, опять оглядываясь по сторонам и призывая Бога в свидетели. — Я тебе приказал «шлепнуть», а ты что сделал?! Уголовник! Человека ни за что убил! Что люди о нас подумают? Под суд пойдешь! Единственную жизнь у человека отнял! Ты хоть знаешь фамилию кого застрелил?

— Жданова.

— Полюбуйтесь — Жданова застрелил! Кто теперь вместо Жданова будет врать мне о журналах «Нева» и «Новый мир»? А если завтра — война? А? — спросил Чудесный Нацмен, заглядывая в невинно-голубые глаза Соцреализма. — А?

Параграф 66

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

— Ты меня «Броненосцем «Потемкиным» наповал убил! — продолжал Чудесный Нацмен, не дождавшись ответа на свое «а?». — Вот кто мне будет врать вместо Жданова на идеологическом фронте — ты! Служебный «ЗИС», кремлевский паек, персональный оклад. Говори «да», соглашайся. Раньше я экономиста Н. Ильина не до конца понимал, а сейчас до конца понял. «Есть ТАКАЯ партия!» — сказал экономист Н. Ильин. Помнишь?.. Зачем он это сказал? А ЗАТЕМ. Что-то нужно было сказать, промолчать нельзя, а в голову после пива ничего не лезет. Вот и сказанул. И что?.. А ничего. Сошло за первый сорт. Непредсказуемость — вот смысл. Бог кидает кости. Немотивированность поступков. Мотивированность непоступков. Сегодня мне кто-нибудь пакость делает — а я его награжу. Завтра мне кто-нибудь услугу окажет — а я его на цугундер... Понял основополагающий метод ответов на большие вопросы современности? Партия у нас какая? ТАКАЯ. Зачем? ЗАТЕМ. Куда? ВПЕРЕД. Когда? ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. Таким вот Макаром. Хочешь, сейчас этот метод на Макаре Егорьевиче испробуем?

— Скажи мне, Макар Егорьевич, — продолжал Чудесный Нацмен, — нужен ли нам строй цивилизованных кинооператоров? Нужен или не нужен? Не вороти рыло... Попробуй, соври разок. Молчишь ты, Макар Егорьевич. Не умеешь врать, не умеешь ставить вопросы ребром. Сколько раз я тебе объяснял, а ты врать не научился. Неграмотный ты человек. Экономист Н. Ильин так сказал: «Неграмотный человек — не человек». Вот потому ты за мной шинель таскаешь, а не я за тобой. Ну, Бог с тобой!.. Сегодня какое июня? Двадцать первое? Что за Черт — все двадцать первое и двадцать первое. Иди, Макар Егорьевич, подготовься к тому, о чем нас Рикард Сорго вовремя предупредил. Почисти мне назавтра хромовые сапоги и мундир, завтра великий день. Полотенце оставь, я искупаюсь.

Чудесный Нацмен пошлепал себя по ляжкам, вбежал с разбегу в озеро Рица, нырнул-вынырнул, пустил фонтан из моржовых усов и саженками поплыл на середину озера.

Параграф 67

СВЕРШИЛОСЬ!

Вот и сбылась судьба Соцреализма-богатыря...

«Свершилось! — как любил говаривать экономист Н. Ильин. — Чего еще надо?»

— Довольны, Ваше Превосходительство? — спрашивает его шофер Гулько Макар Егорьевич, который в историческую ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое отнес на почту срочную телеграмму экономиста Н. Ильина:

**«ПРИЕЗЖАЕМ ЛЕНИНГРАД БРОНЕПОЕЗДОМ
N12-22 ТАКОГО-ТО ВО СТОЛЬКО-ТО ТЧК
ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО ТЧК
ЦЕЛЮЮ ТЧК ДУСЯ ТЧК»**

Доволен ли?

— Нет ли у тебя, дядя, чего-нибудь перекусить? — отвечает Соцреализм-богатырь. — Не завалился ли у тебя какой-нибудь бутерброд с ливерной колбасой?

— Бутерброд? — задумчиво переспрашивает шофер Гулько, который каждое утро покупал экономисту Н. Ильину в

киоске за свои денежки свежую газету «Правда», а тот как всегда должок забывал отдать.

Переспросив это, Макар Егорьевич начинает перетряхивать одежду Чудесного Нацмена — заглядывает в сапоги, выворачивает карманы галифе, вытряхивает из рукава френча три потертые козырные карты профессора Карла Фридрих-сонна и прячет себе в карман.

— Все, кажись... — озабоченно бормочет шофер Гулько, который стеклянный гроб с телом экономиста Н. Ильина на собственном горбу тащил на балкон Кшесинской (на шестой-то этаж!). — Что ты спросил? Повтори, у меня с дореволюции с головой не в порядке.

— Пожрать, спрашиваю... — повторяет Соцреализм, ошарашенный таким бесцеремонным обыском личных вещей Чудесного Нацмена.

— В машине сухарь с огурцом завалялся. Поесть некогда, — отвечает Макар Егорьевич, который в шушенской ссылке выиграл у экономиста Н. Ильина партию в стоклеточные шашки и всю жизнь с приятствием вспоминал об этом событии.

С этими словами шофер Гулько, которого Лаврик-Павлик лично допрашивал («Куда ты, Макар, телят гонял?» — но Макар никого не выдал), наставляет на богатыря Соцреализма именной браунинг, тащит за шиворот к автомобилю, бросает его на заднее сиденье «ЗИСа» и заводит кривой железякой мотор, под звуки которого он сегодня не без удовольствия Жданова шлепнул.

Параграф 68

Я — СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА

— Теперь держись! Пора отсюда когти рвать, здесь сейчас ТАКОЕ начнется! — говорит шофер Гулько, под которого сам друг Лаврик-Павлик глубокую яму копал, да недовыкопал — не сделана еще Царь-Лопата, чтоб Макару Егорьевичу яму выкопать. — Ключ на старт! От винта! Поехали!

Что-то у него с головой не в порядке.

Рванули с места на третьей скорости, прорвали «ЗИСом» колючую проволоку и понеслись по взлетной полосе для тя-

железых бомбардировщиков, плавно переходящей в правительственное шоссе. За каждым кустом телефонисты им честь отдают — думают, что сам Чудесный Нацмен на фронт собрался.

Ушли от погони вроде.

Впрочем, никто и не гнался.

— Слухай, хлопец, сюда, — говорит Макар Егорьевич, которого заплечных дел мастера в белых халатах однажды отравили в дурдом, но он с этапа сбежал. — Слухай и запоминай. Если со мной что случится — передашь нашим во 2-й таксопарк. Я — сын трудового народа. Ты — сын пролетарского писателя. Значит, мы с тобой рабочий класс. А он — сын Пржевальского. Нам с тобой нечего терять, кроме своих жизней, а сейчас жизнь у нас такая: тикать как можно дальше от эпицентра. Ты жуй сухарь и огурцом закусывай... Думаешь, Пржевальский куда поплыл? Купаться поплыл, думаешь? Не угадал. Он вчера херманцам в преферанс Расею продал, даже шулерские карты профессора Карла Фридриксонна не помогли. Играть, дурак, не умеет. Не умеешь — не садись! Ишь, гребет... Поплыл договариваться — к какому числу Москву сдавать, где за Уралом провести демаркационную линию. Ну, ничего! Сейчас МЫ их всех накроем, голубчиков! Что-то с головой у него не того.

Параграф 69

МЫ

— Кто это «МЫ», спрашиваешь? Отвечаю: мы, таксисты, передовой отряд рабочего класса. Удивлен? Сам посуди: шахтеры — они под землей, фабрично-заводские — те по цехам толкутся, а мы, таксисты, — везде, вольный народ, его наиболее свободные представители. Мы всех возим, на нас все ездят — выходит, мы и есть та самая диктатура пролетариата, о необходимости которой говорил экономист Н. Ильин. У нас в гараже сам Стаканов работает, до пенсии дорабатывает, — зачинатель стакановского движения. Значит, нам и карты в руки.

Теперь слушай дальше: в прошлом году везу я домой из Политбюро пьяненького академика Йоффе, как вдруг он потрезвому мне говорит:

«Макар Егорьевич,— говорит,— дело спешное. Передайте нашему дорогому и чудесному Нацмену, что Германия ни с того ни с сего засекретила свой атомный проект, а моя тайная связь с фон Гондольвельзенбергером прервалась. Передайте ему, он поймет».

Опять притворился пьяным, вошел в лифт, и с тех пор я академика Йоффе не видел, а только слышал, что нашли его в ту ночь мертвым в шахте лифта.

А я прямиком поехал в гараж, вызвал в курилку Андрея Митрича Сахаркова-Цукермана, слесаря, и Альберта Германовича Драйнштейна, механика. Ребята, скажу тебе!.. Кулибины! Богатыри — не мы! Придумали вдвоем частную теорию относительности — Вселенная, говорят, расширяется, как мыльный пузырь, братья-близнецы в разных системах отсчета времени никогда не встретятся, а поезд движется по отношению к Земле точно так же, как Земля по отношению к поезду! А?.. Проверили свою теорию в лучах Меркурия — все сходится: $E = MC^2$ квадрат! Стаканов, зачинатель стакановского движения, им стакан поднес. Отправили эту формулу в патентное бюро, ждут... И дождались: является в гараж майор-телефонист, собирает общее собрание 2-го таксомоторного парка и заявляет: мол, завелись тут среди вас фундаменталисты-теоретики, враги всенародной собственности и Совместной власти: говорят, что все относительно — отнес, унес, вынес... Каково? Обсудить! Осудить!

Осудили Андрюху и Алика товарищеским судом на год принудительных работ с перечислением зарплаты в фонд патентного бюро — спасибо, что не в ГУЛАГ. Так вот, закуривают они «Беломорканал», а я говорю все как есть:

«Германия засекретила свой атомный проект, академик Еффе найден мертвым в собственной шахте лифта, а связь с фон Гондольвельзенбергером прервана. Что будем делать?»

«А ты не знаешь? Писать письмо Президенту Северо-Американских Штатов», — ответил Алик Драйнштейн. Плюнул, и окуроч растер.

«Я — «за!» — поддержал его Андрюша Сахарков-Цукерман.

Пошли в бытовку, уселись писать письмо:

«Дорогой Президент! Германия засекретила свой атомный проект, как в свое время братья Черепановы засекретили паровую машину. Имеющий уши — да слышит. Умный — да поймет...»

Передали письмо с Чкаловым через Северный полюс, ждем ответа. Приезжает Бернард Шоу, привозит ответ: Пре-

зидент ни в какую — нет, мол, средств: нужно строить заводы, делить уран-235, обогащать уран-237 и так далее.

Хорошо. Уговорили Бернарда Шоу подождать, собрали с таксистов по штуке, у Стаканова не было — за него дали, подкупили Президента рублем, наняли лучших ядерщиков, все просчитали, провели испытания изделия, все чин-чинарем — как вдруг Президент опять передумал: собрался сбрасывать наше изделие на Японские острова!

Мы в крик, Стаканов громче всех: почему на японцев?! МЫ деньги платили, мы для СЕБЯ заказывали, чтоб ИХ ВСЕХ одним махом накрыть на озере Рица! Вчера — рано, завтра — поздно, значит — сегодня!.. А закончилось вот чем... Гляди — летит! Летит!!! Получилось!!!..

...Высоко-высоко в безоблачном небе над озером Рица летела такая долгожданная президентская «летающая крепость «Б-29» с изделием на борту...

— Вспышка справа! Ложись головой к эпицентру! — заорал шофер Гулько, когда в небе сверкнуло второе солнце...

Параграф 70

КТО ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ЭТОЙ ПОВЕСТИ?

Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши, и все дурны.

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен, — шофер Гулько Макар Егорьевич, председатель профсоюза 2-го таксомоторного парка, который 21-го июня Расею от войны спас.

НЕ БЫЛО ВОЙНЫ. ВСЕ СЧАСТЛИВО ЗАВЕРШИЛОСЬ.

С тех пор зажил народ под диктатурой таксистов.

Правят Расеєю таксисты. Сидят, рулят. Куда хотят — туда и везут. И никто им не указ. Хочу — везу, хочу — не везу. Хочешь — едь, хочешь — иди пешком.

Чем плохо?

Хорошо!

А народ?

А что — «народ»?.. Народ — как народ. Народ, как всегда: голова два уха. Народ таксистам на чай дает, а хлеб, молоко, масло, мясо и яйца таксисты у народа покупают — так деньги и обращаются вокруг своей оси.

Ничего, жить можно.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ.

А через много-много лет отважные археологи, искавшие шахту Мыкиты-шахтера, раскопали кратер озера Рнца и нашли там Царь-Фонарь, светившийся от радиации, чайник со свистком да простреленную амбарную книгу с десятью тысячами политических анекдотов, оставшимися от Соцреализма вместо «Войны и мира» на потеху всем временам и народам, которые придут после нас.

Таким вот Макаром.

ИВАН-ДУРАК или ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КГБ

Из исторических сказок Змея Горыныча

1

В свои неполные 16 лет этрусская княжна Василиса Прекрасная была похищена из родительского дома атлантообразным циклопом без имени, роду и племени и унесена за тридевять земель на Канальские острова, что прикрывали в те времена путь к Атлантиде. Циклоп с вожделием разорвал на пленнице джинсовый сарафан, швырнул ее на золотую кровать с пуховой периной и приступил к делу.

Запомним: Земля тогда была помельче, Атлантического океана еще не было, Понт Эвксинский напоминал большую гоголевскую лужу, а Босфорско-Дарданелльская канава соединяла эту лужу со Средиземным ставком.

Но сперва покончим с циклопом.

2

Циклоп оказался побочным продуктом какой-то очередной вонючей АЭС, хотя работал под натурального атланта: носил фетровую шляпу с павлиньим пером, сморкался в носовой платок и говорил на разных языках. Не сразу распознали его псевдоатлантическую суть — атланты таких техногенных двойников отлавливают и используют в качестве дефицитной добавки к ракетному топливу.

Поначалу, как и подобает солидному жениху, техноген выказывал самые серьезные намерения: засылал в Этруссию сватов, обещал княжне небо в алмазах и райскую жизнь у молочных рек с кисельными берегами где-то на Кольцах Урана, но так и не добился взаимности. Получив вместо рушников гарбуз, циклоп озверел и показал себя во всей красе — ради своей похоти разорил полцарства-государства, пожег три княжества и угробил уйму народу. Поставил ультиматум ребром: пока не приведут княжну, подавай ему каждую ночь в постель нецеловану красну девицу.

Смешного мало...

Подавали...

А что было делать — ни меч-кладенец не брал одноглазого, ни пуля-дура, ни штык-молодец. Вообще, нашествия техногенных циклопов, драконов и гигантских слизистых чудищ-юдищ из нашего светлого будущего были в те времена обычным делом — ползет такое жирное, безголовое, и жрет чернозем с глиной, оставляя за собой глубокий пустой овраг; ну и жизнь человеческая недорого стоила: за один фунт изюму наемные соловьи-разбойники могли насмерть убить, а за понюх табаку — на всю жизнь покалечить.

Такие цены.

Циклоп оказался диким, глупым, толстокожим, необразованным и, вдобавок к букету, неспособным на ЭТО дело... Велит девице раздеться и всю ночь напролет таращит на нее единственный глаз, пускает слюни, возится да елозит, а что дальше делать — не знает. А может и знает, но не может. Куда ему, техногенному! Спасибо, хоть отпускает живьем домой. А дома — никто замуж не берет, и пальцами показывают. Девушки поначалу хихикают, а потом в слезы:

— Невинные мы, непорченные, непорочные!

Но поздно: сопливые отроки уже вымазали ворота дегтем, а пуще всех старается богатыренок Ивашка-дурашка — несет, сломя голову, во главе малолетней оравы с ведром и квачом, как с флагом.

Хоть бы за дело, а то обидно, и срам один. И никому ничего не докажешь, циклоп справок не дает. А Ивашке-дурашке девушки обещали отрезать оный отросток, когда подрастет.

Смешного мало...

Ничего смешного тут нет...

Не знали этрусские богатыри, как отделаться от этой напасти. Послали в Атлантиду гонца-скарабея жаловаться на произвол: «снизойдите, заберите супостата на топливо»; но гонец где-то по дороге запил и сгинул. Послали второго — запросил в Царь-Граде политического убежища. Третий, олимпийский чемпион в марафоне, был почти у цели, даже наблюдал в бинокль атлантские Воздушные Замки и одноглазых атлантов, держащих небо...

Но приплыла из гольфстримского пролива бутылка из-под шампанского, а в ней записка:

«Тону иду ко дну сообщите в КГБ»

И все...

А что именно сообщить в Кагэбэ? Давненько что-то к ним в Этруссию никто из племени Кагэбэ не навещался...

Надеялись современники Василисы, что младая княжна сама сообразит, что к чему... Намекали даже:

— Чего тебе стоит, а?

Но та — ни в какую!

— Девичья честь, — говорит, — дороже!

«Ишь ты, какая! — молча сокрушались богатыри. — Небось не убудет, если заради спасения этрусской нации даст разок одноглазому».

Хотели, значит, сразу убить двух зайцев: и девичьей честью, как щитом, оборониться, и собственное алиби в глазах потомков соблюсти.

— Хрен с ней — сколько той чести? Отправьте меня! — вызывалась Дунька Шалая Дура. — Уж я циклопа вокруг пальца обведу, уж я ему это дело оторву, уж я нацию спасу!

— Уж, — отвечали богатыри. — Не, ты не годишься. Тут нужна непорочная Жанна д'Арк.

Обижалась Дунька-шалая: мол, это еще с гинекологом глянуть надо, какая-то такая княжна непорочная; и никто не ведал, что первой тайной девичьей любовью влюбилась Василиса Прекрасная в Ивана-дурака. То ЭТАК глянет в глаза при встрече (у ней глаза синие-синие, и у него тоже), то случайно к руке прикоснется... Однажды так осмелела, что бицепс пощупала:

— Ух ты, какой!

Хотелось ей любви и защиты, да не созрел еще Ванька для этого дела — для настоящей любви, то есть. О чем-то, конечно, он смутно догадывался, что-то предчувствовал; мимоходом нескольких девок успел попортить — да все не то; зато к Василисе питал нежное уважение за ее беззащитность и строгость нрава — за то, что семечки не лузгает где ни попадя, подол в насмешку, как Дунька-шалая, не задирает, к циклопу на поругание не идет. Ему присесть бы на пеньке, разобраться в себе да заманить княжну на сеновал (она бы сама пошла), да ласково привести в исполнение (чему быть, того не миновать, — тут и сказке конец), да где ему, дураку, в его-то годы, разбираться в темных лабиринтах психоанализа. Чужая душа — потемки, а своя — ночь беспросветная.

Все от княжны отвернулись, некому стало ее защитить. Ее отец, светлейший князь Василий Ардалионович Рюрик

(из латышских стрелков-варягов) погиб в битве с драконом Реактором Четвертым; а матушка княгиня Розалинда Силантьевна Хазарская (из тех, «неразумных хазаров»), скончалась от тоски по мужу и от радиационных последствий этой же битвы, когда Василисе едва исполнилось пять лет. Так что этрусские богатыри втихаря порадовались такому исходу — похищение Василисы Васильевны произошло не без их молчаливого попустительства (можно так промолчать, что яснее слов будет) — и, засучив рукава, в который раз принялись за восстановление порушенного народного хозяйства.

Откуда им было знать, что обнаженные красоты Василисы Прекрасной так прельстили выдавшего виды техногена, что тот совсем оплошал, потерял голову вместе с фетровой шляпой и под утро уснул у нее на груди, закрыв единственный, никогда не закрывавшийся глаз и позабыв в кармане камзола лазерное зеркальце в титановой оправе. Василиса лежала под ним ни жива, ни мертва. Из сопла циклопа выдувались искры, от храпа содрогался Воздушный Замок, храп был слышен в самой Атлантиде. Ощущение такое, будто угодила под паровоз, но главная девичья драгоценность оставалась при ней в полной целости и сохранности, а рыдать по разорванному пакистанскому сарафану не было никакого времени. Василиса выдралась из-под зловонного чудовища, овладела его могущественным оружием, едва дождалась восхода солнца и первым же солнечным зайчиком сожгла циклопа к чертовой матери вместе с периной и золотой кроватью.

Осталась от кровати застывшая золотая лужа, а от циклопа: фетровая шляпа, волшебное зеркальце и сожженное, но не сгоревшее «Дело о Четвертом Реакторе» в архивах племени Кагэбэ на Лубянке — дела Кагэбэ не горят, как известно.

3

Откроем «Дело»...

Прав, безусловно прав старший оперуполномоченный Кагэбэ. Всеволод Чердаков в том, что именно в память о подвиге Василисы Васильевны Рюрикс (она же Прекрасная, она же премудрая) древние египтяне установили в Нубийской пустыне нержавеющую стелу из химически чистого

железа, а древние римляне переименовали Василису в Европу, а техногенного циклопа — в божественного аписа. Эллинская легенда о похищении Елены Прекрасной — из той же оперы. Бесконечно прав старший опер Всеволод Чердаков — в основе всех позднейших сюжетов о любовных хищениях с международными осложнениями лежит история этрусской Василисы Прекрасной («этрусски», по теории Чердакова, разговорное сокращение от «это русские»).

Прав кагэбист, создавший свою лингвистическую теорию не в тиши мягкого кабинета, а в полевых условиях пространственновременной дыры от провалившегося в века Саркофага. Кстати, Киеву опять повезло: в результате знаменитого Карпатского землетрясения 199... года, Четвертый Реактор заодно с Саркофагом хитроумно рванули на волю сквозь земной разлом в обратном направлении пространства-времени, прободав сквозную дыру аж до самых шумеров. Ищи-свищи! А из той дыры, как из рваной торбы, в Этруссию посыпались оборванцы-богатыри всех времен и народов на любой причудливый женский вкус.

Прав, прав Всеволод Чердаков! Таких бы спецов нам побольше — горя бы не знали.

Закроем «Дело».

4

Что происходило в дальнейшем на родине Василисы Васильевны — тоже доподлинно известно.

Кое-как отстроившись с братской помощью племени Кагэбэ через пять лет за четыре года, узнали богатыри от проезжих гишпанских купцов-близнецов, перегонявших велосипеды в Армению, о гибели супостата и о воцарении Василисы Прекрасной над Канальскими островами.

Сказывали купцы-близнецы, слезая с верблюдов и развязывая кушаки:

— Обижена ваша Василиса Васильевна на весь белый свет. Даров не принимает, дипломатических сношений ни с кем не устанавливает, зато по дешевке поставляет в Атлантиду девиц легкого поведения, сбивая цены на мировом рынке.

И еще сказывали купцы-близнецы, не закусывая после первой чарки:

— Двинулась ваша Василиса Васильевна на сексуальной почве почище того циклопа. Наложила на Гишпанию непристойную дань — подавай ей каждую ночь нового жениха

в раскладную койку. Не любит, вишь, в золотых кроватях разнеживаться. «И чтоб был,— кричит,— как огурчик!» Губа не дура! А с первым лучом солнца, коль не угодил жених, того служанки-амазонки — со скалы да в море с камнем на шее. Никто еще не угодил, рассказывают.

— Урезоньте ее! — слезно просят гишпанские купцы-близнецы братья Изюм и Шолом Фордмазоны, закусывая после второй чарки кошерным бройлерным куренком. — Это ж поголовное выбивание гишпанского семенного фонда! На вас одна надежда!

Почесали богатыри в затылках. Вспомнили, как обидели сироту... Вот и комплексует она.

— Нехорошо получается,— задумался Иван-дурак, вымахавший к тому времени в первостатейного племенного быка-производителя — лишь железного кольца в ноздрю не хватает. — Не пассаран получается.

А братья Изюм и Шолом развязали языки и рассказывают после третьей чарки, закусывая хлебом-солью и шматом сала:

— Слух идет по Древневековью: запаслись атланты достаточным топливом и наострили лыжи на свои Кольца Урана. Надоело атлантам чужое небо держать, надоело торчать затычкой в чужой озоновой дыре. «С озоном у вас,— говорят,— порядок. С временем у вас,— говорят,— непорядок. Временная дыра у вас». Время наше им, вишь, не нравится. Бросают нас на произвол судьбы, черт с вами, вот вам дорога к непочатому континенту.

— Налей, Дунька, фармазонам на коня... На верблюда, то бишь,— велит Иван-дурак. — Авось чего еще вспомнят.

Выпили купцы на верблюда, похлопали Дуньку-шалую пониже спины:

— Хороша Дуняша, жаль, что не наша! — и рассказывают Ивану на ухо:

— Пойди туда (не слышно «куда»), зайди к тому (не слышно «к кому»), скажи, что после исходов атлантов развернется новый океан, и случится потоп не хуже библейского. Там знают, что делать. На, закури «Кэмел».

Закурил Иван заморское зелье, призадумался.

Поздно понял Иван свою ошибку: промашка вышла, не ему досталась Василиса Прекрасная... Больно стало Ивану,

загрустил Иван; а гишпанские верблюды напились днепровской воды, отбились от Полкана и Шарика, ушел караван к горе Арарат, где братья Фордмазоны угодили в плен к янычарам, пришлось ко двору, возвысились до тайных советников Осман-паши, сказывали ему сказки, жили припеваючи и положили начало двум многочисленным племенам: известным затурканным евреям — родоначальник Изюм, и знаменитым франкмассонам, от которых все беды в мире — отец-основатель Шолом.

Тем временем взглянули богатыри свежим взглядом на свои шлакоблочные хоромы-хрущобы Второго татаро-монгольского домостроительного комбината «Имени шахтера Мамая», на терема, покрытые картонным шифером, на мазанки под гнилой соломкой... Заскучали богатыри. Стало им себя жаль.

Чувствуют, чего-то им не хватает в этой жизни, а чего — не понятно.

— Слышь, атланты уходят... — говорит Емельян, который однажды говорящую щуку из колодца времени вытащил, а потом на радостях спяну на печи по Этруссии ездил.

— Слышу, не глухой, — отвечает Демьян, который ту волшебную щуку в уху запустил и богатырей той ухой так угощал, что все потравились.

— Кому ж, интересно, достанется атлантическое наследство?

— Василиске нашей, Прекрасной, кому ж еще? — бережит богатырям душу боцман Себастьян, известный авантюрист, сбжавший из экспедиции Христофора Колумба и затаивший зуб на самого адмирала. — У нее ж волшебное зеркальце — забыли? Это ж тебе не автомат Калашникова!

Вот чего не хватает богатырям — лазерного зеркальца в титановой оправе.

— С таким оружием — да на ведмедя! — размечтался Роман (генетический корень будущей царской династии).

— С таким оружием — да на циклопа! — витает в облаках Ульянов (находка для Института марксизма-ленинизма — пращур семьи Ульяновых).

— С таким оружием — да на атланта! — строит воздушные замки Ян (Яшкина фамилия вообще была дьявольской, проносились с оглядкой и сплевывалась через левое плечо: Бронштейн!) А красные девицы тыквенные семечки лузгают и над ними смеются:

— Тю, дурни! Развоевались!

— Раздел Атлантиды — это им не щук потрошить и не Дуньку делить!

Иван же дурак притушил окурок и молвил так:

— Делать нечего, придется нам, братья, спасти гишпанский семенной фонд. Надобно построить морскую флотилию, отправиться на Канальские острова, бухнуться головой в ножки матушке Василисе Васильевне, признаться ей во всенародной любви и умолить ее вернуться в Этруссию...

Прикинули богатыри: а что, умно! Фонд — фондом, не в гишпанском семенном фонде дело... Иван не совсем дурак — родимые морские царицы с волшебными зеркальцами на дорогах не валяются...

— Ну, решили? — торопит Иван.

— Не нукай, не запрягал. А кто будет головой об пол в ножки бухаться?

Боязно богатырям. Подумать надо.

А вдруг, не дай Боже, глянет на них Василиса Васильевна и вспомнит, как пять лет назад всем народом подбивали ее отдаться одноглазому?... А помнит ведь, не забыла... Страшно подумать! Как сверкнет синими-синими очами, как вытящит из шикарной своей запазухи волшебное зеркальце...

— Головой об пол бухаться — это я на себя беру, — отвечает Иван-дурак. — Будет вам половой акт.

Понятно богатырям: у Ивана-дурака свой дурацкий интерес. Не нужно Ивану волшебное зеркальце, а нужен Ивану половой акт. Охота Ивану-дураку отведать настоящей любви с Василисой Прекрасной в Воздушном Замке на походной койке.

— Да перед Ванькой ни одна баба не устоит, любая даст — хоть Дунька-шалая, хоть царица морская! — убеждает богатырей Христофоров боцман. — Скажем ей: гляди, чем плох? Во, вымахал! Хоть в зубы гляди, хоть куда... Возьми, не бойся, пощупай. Попробуй на вкус, на цвет. Испытай! Если Ванька не подойдет — другие найдутся. Выбирай мужа-регента при царской своей особе. Володей нами! А не то — не глянем, что царица морская, а всей командой устроим тебе всенародную любовь. Тоже мне, гишпанская королева! Гляди, все как на подбор: Баян-стихоплет, Емельян-балбес, Кирсан-истукан, Колян-жлоб, Лукодьян-вахлак, Прохан-придуток, Роман-буян, Саливан-бревно, Ульянов-жиган, Харлам-кулак, Яшка Бронштейн — тьфу,

тьфу, тьфу — и множество других женихов, яко грязи. Всех со скалы не перебросает, кого-нибудь да оставишь на развод, новых богатырей народим.

Себастьян-боцман — известный хам. Ему легко говорить — народим. Боцман не жених, а пропойца.

— А коль на развод не оставит?

— Тогда подадим в Кагэбэ заявку на быков-производителей из Рязанского военно-политического училища, — отвечает Иван-дурак.

— А где флот возьмем, если строить лень?

— Я вам достану.

У Ивана-дурака на все есть ответ.

Ладно, в могиле прохладно. Любовь любовью, а надо бы Ивана женить, чтоб девок поменьше портил, да заодно сообщить в Кагэбэ: библейский потоп на носу, там знают что делать. Пусть спасают Этруссию от наводнения.

Сочинили челобитное заявление: «Нижайше просим воспомоществовать нашей скудности...», снарядили Ивана победнее — телогрейка, лапти, сума переметная; ушел Иван-дурак в дыру времени: туда — не знает куда, за тем — не знает за чем.

Взялся — ходи. Как в шахматах.

Быстро сказка сказывается...

6

Ушел, значит, Иван-дурак в столицу нашей родины Москву и сгинул. Нету его месяц, второй...

Загрустили красны девицы по Ивану, вспоминают ненаглядного. Всем Ванятка хорош — на спор лбом расшибет дубовый стол, добрый конь под ним прогибается, а более ведра горилки Иван не пьет, во всем меру знает, да не в постели — в постели он словно буйный тур, нет ему равных в Этруссии: бьет копытом, бодает рогом, куда там Зевесову апису! Приговор свой девицы помнят, да кто ж возьмет такой грех на душу?..

(Было дело: наточили вострый ножик, подослали ему Дуньку Дуру Шалую; вернулась Дунька поутру чуть жива, упала на пороге, ножик обронила, проспала весь день до вечера, а проснувшись, сказала, дрожа в коленках: «Красота, — сказала Дунька, — спасет мир. Не могу такую красоту по живому резать».)

Нет Ивана. Третий месяц пьют богатыри горькую, третью Луну пропивают. Луна заглядывает в колодец времени — ау, Иван! Не видно Ивана. Всю горькую из цистерны выпили, что в прошлую навигацию им из Кагэбэ доставили. Зима на носу, белы мухи кружат, а тут девки младые взяли за моду из дому тикать.

Одна удрала, вторая...

— Куды?!

Отвечают Глаша-холера и Даша-фанера:

— На кудыкину гору рвать помидору. К матушке Василисе Васильевне Рюрикс на Канальские острова в услужанки-амазонки. Имеем приглашение, да-с! Она и приголубит, и замуж за атланта выдаст с неслабым приданым. От вас дожدهшься!.. Не хотим в этой временной дыре прозябать. Хотим носить французские бюстгальтеры, видеть небо в алмазах, купаться в молочных реках, пить шампанское «Мадам Помпадур» и закусывать кисельными берегами.

— Вот дуры-то! Амазонки-лесбиянки! Киселя вам лаптем хлебать не перехлебать, во французских бюстгальтерах воду носить не переносить!

— От таких слышим! Прощайте! А Ивану-дураку, кобелю, передайте: все одно ему это делоотрежем!

— От, дешевки!

— Жмоты!

Последнее слово всегда за ними.

Пятая удрала, шестая — Танька-пустая и Сонька-толстая. Совсем обеспокоились богатыри. Кричат в колодец времени:

— Эй, Иван! Чтой-то стало холодать! Поспешить надобно! Давай флотилию, слышь?

А из колодца шепелявое эхо:

— Шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш-шиш--шиш...

Видать, долго дело делается... Родить можно! Богатырям хуже нет, чем ждать, рожать и догонять. Богатырям уже невтерпех.

Весна пришла, лютики-цветочки, самое время для половых актов и атлантических походов. Девиц на цепи держат, чтоб не бегали. Куда там! По утру просыпаются — десятая удрала, одиннадцатая — Роза-заноза и Муза-стервоза. Кричат богатыри в колодец времени (большой такой колодец, квадратный, из него разрушенный саркофаг до сих пор торчит):

— Чаво так долго, Иван?

А эхо им отвечает:

— Путч у нас здесь, распад империи, переворот говна в природе. Пришла на Лубянку какая-то хунта, ревизует оперативные планы, сворачивает стратегические программы — ужас что! «Баобабы! — кричит, — Бабоебы! Комитет Государственных Безработных!» Слова-то какие знает!.. И уходят андроповские еще кадры в отставку, двух слов связать не могут, окромя: «Што делаеца, што делаеца!..» Жгут архивы, пепел летит, в Москве из-за пепла затмение солнца. Но ваше дело правое! Скажите «спасибо» оперу Чердакову — уходя в отставку, хватило ему последних сил подписать челобитную и дать той бумаге ход. Так что хунту пока обошли на повороте, крутанули колесо истории по спирали в нашу пользу. Погодьте малость еще.

— А кто это говорит?

— Много знать будете. Лучше запишите в «Повесть Временных Лет» — жил, мол, в вашем светлом будущем добрый человек Всеволод Иванович Чердаков, куратор ваш, Миклухо-Маклай, который вам к 7-му Ноября цистерну спирта пожаловал. Мух не обижал, в подвалах Энкавэдэ никого не расстреливал, а расставлял слова на бумаге, искал общие корни: Этруссия, Пруссия, Россия, Грузия... и делал из тех корней далеко идущие фальси... квалификации. Выражаем ему в веках свою благодарность.

Поковыряли богатыри в носях. Эху легко говорить — «погодьте малость еще». А тут пятнадцатая удрала, шестнадцатая — Лида-обида и Люба-либидо. А Файка-наводчица и Нинка-уборщица ждут не дождутся вызова от матушки Василисы Васильевны — как только, так сразу! Беспокоятся богатыри — это ж прямое нарушение демографического равновесия! Вроде, как у гишпанцев, но наоборот — у тех семенной фонд сеять некому, а у нас — не во что!

7

Как вдруг в одну безлунную ночь поднимается из колодца времени башенный крап, и некий незнакомец в десантном костюме «листопад» с новеньким орденом «Дружбы народов» передает этрусским богатырям в качестве безвозмездного дара в порядке помощи слаборазвитым странам три подержанных парохода Днепровской речной флотилии — «Новиков-Прибой», «Всеволод Вишневский» и «Александр

Корнейчук», а впридачу бездонный рюкзак «адидаас» с бутылочным жигулевским пивом.

— Нате, похмелитесь пока.

Принюхались богатыри — этрусским духом пахнет...

Пригляделись...

— Иван? Дурак!

— На себя не похож! — голосит Дунька-шалая.

И заводит Иван-дурак чужими словами да не свои речи:

— Канальские острова — это вам не Крыжополь, Атлантида — не Мотовиловка, непочатый мериканский континент — не кукурузный початок. Есть стратегический план... Ходи, Дунь, отсель стелить постель, не твоего ума это дело... План, говорю, такой: прорваться с боем на Канальские острова, напомнить Василисе Васильевне об ее коренном этрусском происхождении и подписать договор о дружбе и сотрудничестве на вечные времена с последующим продлением. Одним таковым государственным актом сразу решаем кучу проблем, а именно: создаем военно-морскую геополитическую ось «Этруссия — Эсэсэсэр — Атлантида», устанавливаем контроль над проливами, а в перспективе над Суэцким и Панамским каналами, и, вообще, двигаем этрусскую экспансию на Запад, в культурные страны — Рим там, Франция, вид на Мадрид, — а не в сторону вероломного Востока, как это политически безграмотно начнет происходить в Московии при царе Иоанне Грозном. Зачем нам остров Сахалин на Востоке, когда открыть его можно с Запада?

Сомневаются богатыри:

— Ты ли это, Иван?

— Я.

— Откуда ты такой умный?

— От верблюда.

— Да есть ли во всем этом резон?

— Есть. Земля-то круглая.

Все-то он знает, Иван-дурак. Да и не дурак он уже, а полномочный благодетель Кагэбэ в Этруссии, заместо ушедшего на покой Всеволода Чердакова, который только фольклор записывал, снабжал их спиртом, шифером и сарафанами, девок не замечал — тихий был человек, светлое ему будущее! Выражаем ему в летописи свою благодарность.

— Воевать-перемать пора! — опять надрывается Себастьян-боцман. — Обставим самого адмирала! Подплывет Христофор Колумб к своей Вест-Индии, а я уже там, в белом

костюме, и знать ничего не знаю: нету такой на карте! Плы-ви, адмирал, мать твою драл, обратно! Возвращается он в Гишпанию, а я уже там, в белом костюме, спасаю гишпан-ский семенной фонд. Да его на месте Кондрашка хватит! Где Кондратий?

— Кондратий в хате. Его хата с краю.

— Ну? — торопит Иван-дурак.

— Гну,— отвечают богатыри.

Боязно богатырям. Девиц вызволять — святое дело; а проливы, ось, экспансия на Запад — это уже политика, но другими средствами. И хочется, и колется, и мамка не велит. Воевать — не мать-перемать, как думает боцман. Подумать надо... Глянет на них Василиса Васильевна пламен-ным взглядом, вспомнит, как склоняли ее к половому акту с циклопом... Страшно подумать! Как вытащит из крутого декольте волшебное зеркальце, как поймает солнечного зайчика... Будет им Цусима, погибель эскадры и оптими-стическая трагедия вместе взятые.

— Значит, не желаем помогать грядущим поколениям? — прокурорским тоном спрашивает Иван-дурак и вытаскивает из рюкзака автомат Калашникова.— Это как получается? Получается, ОНИ, ваши потомки, от себя последнее отры-вают, ВАС, пращуров своих, одевают-обувают, поят-кормят, лечат-строят, а ВЫ, значит, собрались жить долго и счаст-ливо за ИХНИЙ счет? Когда будем правнукам долги отда-вать?

Такая постановка вопроса. Если так — то, конечно. Иван теперь не дурак, а Иван-атаман. Приказ есть приказ. Совесть надо иметь. Грядущим поколениям, внучатам нашим, долги отдавать надо.

Под матом боцмана и дулом автомата перебрали судовые машины, проконопатили, перекрасили, сдали пивные бу-тылки, переспал Иван с Дунькой-шалой, и с богом отдали концы.

8

Плывут.

Плавно плывут себе вниз по Славутичу из варяг в греки, а у Днепропетровских порогов опять призадумались... С Бо-гом ли плывут? Ох, осерчает матушка Василиса Васильевна, ох, осерчает! Как нахмурит брови черные, как вытащит из французского бюстгальтера колдовское зеркальце... И никого

на развод не оставит. Гишпанцев, конечно, жаль, а себя еще жальчее.

Переволокли корабли за пороги да так и плывут — с Богом ли, без Бога, — плывут и не знают, что не успеют vyplыть в Эвксинский Понт, как капитан Богдыхан сладкими речами соблазнит команду и темной ночью уведет «Новикова-Прибоя» в Колхиду за золотым руном. Руна они там не найдут (сказки все это про золотых баранов), зато Никодим-рвань, Трофим-пьянь и Максим Хрен С Ним уважительно переименуются в Никодим-хана, Трофим-хана и Максима Хусима, перемногоженятся, разведут виноград «Изабелла», будут пить долго и счастливо и поплатятся за этакое вероломство собственными потомками лишь в бериевские времена, до которых еще дожить надо.

Так оно и случилось, по вышенаписанному: ночь прошла, а «Новикова-Прибоя» и след на воде простыл.

Пуще прежнего закручинились мореплаватели. Опять за свое:

— Ох, осерчает матушка Василиса Васильевна!

Но Иван-дурак снял автомат с предохранителя:

— Не трусь, этруссичи! Вперед, на Царь-Град! Даю три дня на экспроприацию города!

Делать нечего, пошли на Царь-Град.

А что делать?

Взяли по привычке Константинополь — византийцы сами открыли ворота, чтобы не лезли через забор; три дня грабили награбленное — хозяева радушно выставили залежалый товар лицом, а все ценное надежно попрятали; снасилилничали всей флотилией трех гетер — те сами подставились с превеликим удовольствием; прибили на вратах еще один щит и уснули богатырским сном; а капитану Абраму только того и надобно — он мудрыми словами убедил команду, переименовал «Александра Корнейчука» в «Шолом Алейхема» и увел его к пляжам Тель-Авива, где запросил политического убежища. Команда с воем и плачем дала исполнить над собой обряд обрезания, пережилась на дочерях израилевых, занялась коммерцией, жила ничего себе и дала начало мировому космополитству, чтоб ему пусто было.

Остался один «Всеволод Вишневский».

На палубе — оставшийся цвет нации, полный корабль дураков; а на капитанском мостике — контр-адмирал — Иван-дурак. Стоит, в трубу глядит, командует:

— Лево руля, право руля! Держи права, болван!

А сам крупными буквами в неведомом алфавитном порядке, старательно огибая национальный вопрос, записывает в судовой журнал всех случайно оставшихся — для представления к высокой правительственной награде, не иначе.

Откроем судовой журнал «Всеволода Вишневского»...

9

СПИСОК НАЛИЧЕСТВУЮЩЕГО СОСТАВА

1. Иван-атаман
2. Адам-первач
3. Андриян-партач
4. Абдурахман-стукач
5. Аверьян-оберпалач
6. Боян-стихоплет
7. Богдан-сексот
8. Вагран-банкомет
9. Варлаам — нисколько не пьет
10. Севастьян-лоцман
11. Себастьян-боцман
12. Степан-колодник
13. Демьян-подводник
14. Душан-сводник
15. Джан — блядский угодник
16. Емельян-балбес
17. Епифан — с дуба слез
18. Фарман-летчик
19. Гурам-наводчик
20. Герман-графоман
21. Григорьян-молдаван
22. Гурьян-цыган
23. Гасан-наркоман

24. Гаолян-китаец
25. Гуан-засранец
26. Христиан — крещеный маланец
27. Аврам-хитрован
28. Адриан-болван
29. Абрахам-хам
30. Аллан-грубиян
31. Арам — Хачатурян
32. д'Артаньян-донжуан
33. Агдам — в рог дам
34. Бертран-тапер
35. Бенциан-старпер
36. Баклан-масон
37. Буридан-осел
38. Валаам-баран
39. Вардан-профан
40. Вильям-шарлатан
41. Ван — пьян в драбадан
42. Валерьян — в ж... пьян
43. Джонатан-шарманщик
44. Еруслан-карманщик
45. Жак-Жан-обманщик
46. Зурман-банщик
47. Иоанн — отставной козы барабанщик
48. Исфахан-обормот
49. Иоган-живоглот
50. Израэлян — Пол Пот
51. Индиан — за падло сойдет
52. Калям — корабельный кот
53. Кирьян-мурло
54. Киприан-фуфло
55. Касьян-смутьян
56. Кирсан-хулиган
57. Кристиан-корефан
58. Ксан-братан

59. Кориолан-истукан
60. Конан-куклуксклан
61. Куросава-сан — японский пахан
62. Колян-жлоб
63. Корвалан-русофоб
64. Куприан-толоконный лоб
65. Курбан-чурка
66. Лукьян-урка
67. Лукодьян-вахлак
68. Максимильтян-вурдалак
69. по Мартьяну плачет ГУЛАГ
70. Марьян-трус
71. Мари-Хуан — гишпанский хранцуз
72. Митрофан-баптист
73. Нурсултан-сатанист
74. Натан-троцкист
75. Октавиан-морфинист
76. Онан-онанист
77. Оман-коллорабационист
78. Осман-турок
79. Прохан-придуток
80. Пехлеван-грек
81. Полуян-абрек
82. Приян-говновоз
83. Полкан — корабельный пес
84. Роман-буян
85. Рахман-душман
86. Руслан-мент
87. Рустам — тайный агент
88. Ромэн-нацмен
89. Роллан-супермен

- 90. Салам-бревно
- 91. Саливан-дерьмо
- 92. Селифан — болотное чмо

- 93. Салтан-дуэлянт
- 94. Султан-пасквилянт

- 95. Стефан-дровосек
- 96. Северьян-генсек
- 97. Саддам-гомосек

- 98. Темиркан-шайтан
- 99. Толян-магадан
- 100. Тристан — влюбленный болван
- 101. Тигран — Петросян
- 102. Тельман — Гдлян
- 103. Ульянов-жиган
- 104. Феофан — держи карман

- 105. Фатьян-пьянь
- 106. Фанфан-рвань
- 107. Фернан-дрянь

- 108. Харлам-кулак
- 109. Хуан-батрак
- 110. Хасан-ишак
- 111. Шалам — половой маньяк

- 112. Штефан-дебил
- 113. Юлиан-некрофил
- 114. Юстиниан-славянофил

- 115. Юран-мудозвон
- 116. Ян — сам не знает кто он.

117. Да еще Ерема — не все дома. Этот в трюме кочегаром, тихий человек; он не в счет.

118. Да еще Кондратий — остался в хате. Его хата с краю; не забыть подпалить, хорошо сгорить.

Подпись:

Батька их морской — Иван-атаман.

Иван список пишет, а богатыри на Ивана волками смотрят — того и гляди, набросятся! Ворчат:

— Куда ни кинь — всюду клин. Налево пойдем — направо придем. Земля, вишь, круглая... Выходит — порочный круг. Прямо пойдем — костей не соберем. А наверху — Иван-дурак с автоматом. Богдыхан — удрал, Абрам — слинял, а мы, дураки, не успели — Царь-Град грабили!..

— Но вы же коренные этруссики! — взывает к патриотизму Иван-дурак. — А те кто? Иноверцы, инородцы и проходимцы. Иноходцы, вот! Вы должны правильно понимать всемирногишторический момент. Дыра во времени дается нам в непосредственных ощущениях с вероятностью один раз в десять миллиардов лет. Прикиньте сами, болваны: вселенные рождаются, живут и коллапсируют, а такой пространственно-временной дырищи, как наша, никто никогда не видывал. Значит что?

— Ну, что? Не знаем.

— Значит, нужно в полной мере использовать эту дыру в интересах Мировой Революции Всех Времен и Народов от неандертальцев до наших дней!

— Да на кой ляд тебе, Ванятка, всемирно-гишторическая революция? — урезонивают его. — Поплыли лучше домой, мы тебе гарну дивку найдем, с похмелюги девка хорошо помогает. Чем Дунька-шалая тебе плоха?

— А девиц-дочерей ваших кто вызволять будет? — играет Иван на отцовских чувствах.

— Наших-то? Наши дуньки в молоке не утонут, киселем не подавятся, нигде не пропадут, сами домой придут!

— А Василису Прекрасную вам не жаль? — давит на жалость Иван.

— Ну, это еще глянуть надо, какая она такая распрекрасная. Пять лет — не ближний свет. Жаль-то ее, может и жаль, да всех баб не пережалишь, а эту голыми руками не возьмешь. У нее ж волшебное зеркальце, забыл? Не меч-кладенец, не пуля-дура, не штык-молодец... — Заладили — пули-фули, штык-огурец... — играет автоматом Иван-дурак. — Сильно умные! Всех умников первыми запущу к Василисе в койку, а потомков ваших до сорокового колена сотру в порошок! У меня в Кагэбэ на всех потомков досье заведены. — Много досьев-то? — Кругом-бегом, ровным счетом — тридцать миллионов

папок с тесемками на всех Демьяновых, Емельяновых, Романовых, Ульяновых и Бронштейнов во всех веках и поколениях, не считая близких и дальних родственников — на тех отдельно. — Ого-го! — То-то! Глядите у меня! Полный вперед, болваны!

11

Из тридцати миллионов папок с тесемками откроем одну — досье на самого Ивана-дурака.

С фотографии глядит субъект с оселедцем на бритой голове, с завитой в колечки бородой и с прижмуренными от фотовспышки глазами.

Узнаем, что рост Ивана Ивановича Иванова — 2 м 11 см, размер ладоней — 49-й. Особые приметы: «глаза сине-синие, косая сажень в плечах, а специфическая мужская деталь в состоянии эрекции — длиной, примерно, по собственный локоть». (Воспроизведен стиль кагэбистского документа.) Задержан сотрудниками милиции на Киевском вокзале г. Москвы «в разорванной телогрейке, в лаптях и в крайне возбужденном состоянии от игры в наперстки. Двумя пальцами подцепил за шиворот трех шулеров, вытряхивал из них свои карбованцы и угрожал нанизать всю троицу, как баранов, на свой возбужденный вертел.» (Воспроизведен стиль милицейского документа.)

После длительных уговоров препровожден в привокзальное отделение милиции, где сходу потребовал встречи с представителем КГБ. На ответ, что сие племя недавно прекратило существование, с досады разломил головой казенный письменный стол (акт о списании прилагается).

Освидетельствован дежурным врачом и направлен в «психоневрологический диспансер». Введена лошадиная доза транквилизаторов, давшая обратный результат: гонялся за санитарами, кулаком выбил железобетонную панель в основании диспансера и, как был босиком и в больничном халате, ушел на Лубянскую площадь и с постамента бывшего памятника Дзержинскому потребовал приема в КГБ по личным вопросам.

Кричал: «Я люблю ее!»

Собрал вокруг постамента развеселую толпу. По оселедцю и бороде был опознан из окна здания на Лубянке старшим оперуполномоченным Всеволодом Чердаковым, сдававшим в тот день бывшие «дела» свои.

И далее: Иван Иванович Иванов насчет «любви» вполне успокоен. «Прошел усиленные сокращенные курсы бывшей спецшколы КГБ, истории и бывшего СССР и так называемого «марксизма-ленинизма». Обучен грамоте. В совершенстве владеет кулачными боями и четырьмя арифметическими действиями».

Усидчив (если не в возбужденном состоянии). Неубежденный атеист: гром не грянет — не перекрестится.

Принял присягу на верность: (чему? кому? — прочерк).

Присвоено внеочередное звание старшего лейтенанта бывшего КГБ. Заблаговременно награжден орденом бывшей «Дружбы народов».

Оперативные позывные (агентурная кличка): «ВАНЕК».

Задание: заброшен в Древневековые «с целью подготовки благоприятных исторических факторов для дальнейшего полноценного развития нашего Отечества». (Весьма туманно. Читай: проливы, каналы, вид на Мадрид и, главное, геополитическая ось «Этруссия — СССР — Атлантида» — без оси ни одна телега не сдвинется.)

Закроем папку с тесемками.

12

Что еще происходило в то раннее Древневековое утро — доподлинно известно.

«Всеволод Вишневский» пробирался к Геркулесовым Столпам по мелкой луже тогдашнего Средиземного моря, пугая экономическое сообщество древних греков, персов, римлян, египтян, ассирийцев, финикийцев, мидян, андромедян, иудеев, гипербореев, ганнибалов, каннибалов, шумеров, шмумеров, алеутов и обериутов — появление этого чудища было последним предзнаменованием давно обещанного всемирного наводнения; все обитатели Древневековья готовились к встрече: укрепляли берега, запасались водой и продовольствием, угоняли в горы скотину, рабов и женщин; одни лишь этрусские богатыри, будто проклятые всеми богами, уныло шли под дулом автомата навстречу потопу, твердо веруя лишь в свою оптимистическую коммунальную утопию — ту самую, при которой все как один утопают и, с песнями, скопом идут ко дну.

Весело помирать за компанию!..

Весело, хотя и ничего смешного: народу вокруг полно, а не у кого даже спросить дорогу — все рыла воротят.

Тем лучше. Обойдется Иван-дурак своим умом.

А Ванек уже предчувствовал себя полным адмиралом флота, почетным членом Академии Наук и дважды Героем (Труда и Союза) с вручением ему бронзового бюста на родине героя в поселке городского типа Ивано-Дурацке. Вокруг «Всеволода Вишневского» резвилось последнее стадо вымирающих плезиозавров, на Италийском сапоге торжественно дымил Везувий, готовый разразиться от переполнявших его чувств перед библейским наводнением; солнышко было еще молодое, девственное, незапятнанное; оно подрумянивало снизу сдобные облака, а те с ветром исполняли для Ивана-дурака в синих-синих, как глаза Василисы, древневековых небесах произвольную программу фигурного катания — то пухлую Дуньку-шалую изобразят в открытой позиции, то скачущий силуэт папиросного джигита Казбека-чебурека, а то и грандиозные, на все небо, атлантские замки, похожие на московские высотки или на башни Кремля, но с вопросительными знаками на шпильях вместо пятиконечных звезд — кто успел те звезды увидеть, тот помнит.

Будто спрашивали облака:

— Куда плывем, Иван?

Будто предупреждали облака:

— Возвращайся к Дуньке, Иван! Тикай отсюда! Не ходи туда — не знаю куда, а то угодишь в гишторию!

Но Иван не внимал вышним предупреждениям. Обойдется Иван-дурак без ценных вказивок.

А кто из нас внял бы — на месте Ивана? Кто из нас не захотел бы угодить в Гишторию? Какой патриот — а мы ли не патриоты? — не заложил бы в Кагэбэ последнюю душу, чтобы, как Иван-дурак, с высоты капитанского мостика нашего светлого будущего поучить уму-разуму своих неразумных прапращуров? Взять и бросить им вниз на палубу: «Все у вас, прадеды, через задний проход! ТО — НЕ ТО, а ЭТО — НЕ ТАК!» — «А как? — спросили бы прадеды, задрав головы и приставив ладони к ухам. — Просвети нас, темных, Ванек! Тебе сверху видней. Куда ж нам плыть?»

Отвечает уверенно:

— Туда рули! — и, как Ленин с балкона Кшесинской, указывает рукой направление. — А делать надо вот как: вот ТАК.

Понятно? Слушай сюда, объясняю сначала: ТАК, ТАК и ТАК. Ясно?.. Экие вы дурные!.. Сначала делаем ТАК-ТО, потом ЭДАК-ТО и в результате получаем ТО-ТО. Ну?.. Ну, народ! Беда мне с таким народом. Объясняю на примерах. Например: князю Игорю на половцев запретить ходить, а Баяну — песни петь, и слова не давать! Киев перенести в Москву еще до Батыева нашествия. Купим у деловаров-ирокезов Манхэттен и назовем его не Нью-Йорком, а Ново-Городом. Совершим первое кругосветное мореплавание, бесовскую энергию Ионы Грозного используем в мирных целях на строительстве Ленинграда, Петровский флот откроет у нас Австралию, а самолет Можайского взлетит еще до рождения братьев Райт. Усекли? Изменим детерминизм Гиштории! В результате, кругом на земле будет процветать Государственная Безопасность, и нынешнее поколение наконец-то будет жить в светлом будущем. Чего молчите?

Любой патриот заложил бы душу за такой монолог, но взойти на капитанский мостик Гиштории сподобился только Иван-дурак. Дуракам везет — ушел и вошел в Гишторию. Вот это уход — всем уходам УХОД, затмивший даже уход самого Великого Старца, дошедшего аж до Астапово — а до этой станции, между прочим, путь неблизкий. Пусть патриоты помирают от зависти к Ваньке-дураку, последнему представителю племени Кагэбэ — великому племени, не уступавшему когда-то по численности и занимаемой территории тем же ирокезам-деловарам, орде Чингизхана и наполеоновской Франции вместе взятым, а по численности и могуществу военно-промышленного комплекса — никакого сравнения ни в какие ворота.

Но что же Ванек услышал в ответ?

Безмолвствуют богатыри.

«Не хотим Киева в Москве, — думают про себя. — Не хотим менять детерминизм Гиштории, зачем нам это? Нам бы только горько пить, да сладко есть, да громко петь, да тихо срать, да мягко спать. И достаточно».

Ну, народ!

А что с них возьмешь, если даже отпетые корсиканские пираты, не убоавшиеся дымящего чудища и решившие взять юдище абордажем, поспешно ретировались в ближайшую гавань, разглядев на капитанском мостике «Всеволода Вишневского» косую сажень Ивана-дурака с орденом «Дружба народов». Появление этого дурака, этой дружбы народов

и этого «Всеволода Вишневого» народы Древневековья предчувствовали и опасались еще тогда...

Тогда еще!

Неглупые были люди — кому во Вселенной охота связываться с племенем Кагэбэ? Плыви, плыви, Иван...

Так что бедного Ивана-дурака пожалеть бы надо, не на тот Гишторический пароход он сел, не туда плывет пароход.

Пожалеть бы его надо, да некому.

Кроме Дуньки-шалой.

Да еще, пожалуй, пожалела бы его Василиса Васильевна Рюрикс, если б встретила. Со скалы да в море с камнем на шее.

Плывут богатыри. Все ближе и ближе к Геркулесовым Столпам подплывают. Вдруг сверху крик впередсмотрящего:

— Маяк! — кричит. — Земля!

Смотрят богатыри: торчит из воды на горизонте маяк не маяк, обелиск не обелиск, а плотницкая стамеска...

Торчит стамеска, небеса подпирает.

Что-то еще атланты выдумали?

13

Какой древневековый патриот не возжелал бы попасть из своего темного прошлого в наше светлое будущее и поучить нас, своих правнуков: «Что ж это вы, внучата? Об этом ли мы мечтали? Это ли вам завещали? Что ж это вы с почвой сделали, с корнями? Кто страну разорил, кто страну развалил, падлюки? В Москве грязь по уши, Киев — мать городов захолустных, в Питере хлеб по карточкам. Ни шила, ни мыла, редьки не стало с хреном! Мы за вас кровь проливали, мы вам Казань брали — а вы? Где Казань? Эх, вы!.. Снять бы штаны, да выпороть!»

Пусть завидуют патриоты: развяжем тесемки, откроем самое секретное досье — после него история племени Кагэбэ завершилась — досье на:

«В. В. РЮРИКС-ПРЕКРАСНУЮ»

С фотографии пристально глядит какая-то размалеванная фря, без бровей на средневековый манер, во французской короткой стрижке «под бобика», нисколько не похожая на юную княжну Василису.

Она ли это? Где толстая коса, где синие-синие глаза, где девичья краса?

Она, Василиса... Что жизнь с бабой сделала — и всего-то за одну пятилетку!.. Выцвели глаза, срезана коса...

Особые приметы: «глаза — жовто-блакитни. Правый глаз — цвета пожухлой слоновьей кости с желтыми искрами, левый — блекло-голубой». (Воспроизведен стиль кагэбистского документа.) Биография, родственники, был(а) ли за границей: читай сказку сначала.

Тайный агент Атлантиды.

Агентурная кличка: «ВАСЬ-ВАСЬ».

Задание: заброшена в Эсэсэсэр и «внедрена в высший эшелон» племени Кагэбэ (эшелон какой-то... Как видно, правительственный бронепоезд) «с целью полного разврата и окончательного развала вышеперечисленных структур» (?), а также родственного им племени Капээсэс.

Что и совершила с превеликим хладнокровием при равнодушном непротивлении высшего бронепоезда.

За этот подвиг по освобождении человечества от КГБ, КПСС и СССР Василисе Васильевне Рюрикс-Прекрасной было присвоено высшее атлантское звание «Хунта» («Царица»), а здание на Лубянке взамен Смольного (со Смольным еще решают — то ли открытый бассейн сделать, то ли овощной склад) передано под Институт благородных девиц древневекового происхождения: Любушке-голубушке, Дашеньке-зазнобушке, Палашке-милашке, Дуняше-птичке, Глаше-сестричке, Ниночке-картиночке, Полюше-лапуше, Маняше-простокваше и так далее.

Это о ней, о Василисе Васильевне, кричало эхо в колодезь времени: «Пришла на Лубянку какая-то хунта, всех трясет, ругается некультурно, ужас что!»

Это слова Вась-Вась наутро после короткой агонии и кончины КПСС вошли в Гишторию:

«НЕТУ ТАКОЙ ПАРТИИ!»

Это она возглавляла выездную парламентскую комиссию по проверке и приему всех дел племени Кагэбэ:

— Кто это выдумал? — благожелательно спрашивала она, листая досье на Ивана-дурака.

— Я, — застенчиво отвечал старший оперуполномоченный Всеволод Чердаков.

— Молодец какой! А кто закрутил Колесо Гиштории? — спрашивала Василиса Васильевна, разыскивая что-то в бывшем бериевском письменном столе.

— Тоже я! — уже храбро отвечал старший опер и мысленно подставляя грудь под орден «Дружбы народов» как минимум. — Это я закрутил Колесо Гиштории по спирали!

— Почему именно по спирали? — удивлялась Вась-Вась. — Куда же я его подевала?.. Не могу найти.

— Потому что она по спирали движется, — пояснил опер. Ему уже чудилось появление из шухляды бериевского стола Ордена Ленина.

— Кто движется?

— Что? Не понял...

— Через плечо! Кто движется по спирали, спрашиваю? — хотела нахмурить брови, да бровей нет, хмурить нечего.

— История.

— Куда ж это она движется? Нашла, наконец-то!

— Ну... Вперед и вверх. В светлое будущее.

Тут Василиса Васильевна вытащила из замусоренного всяким пыточным инструментом бериевского стола лошадиный кнут, да как заорет — аж на улице было слышно: — Да ты что, сам Господь Бог, что ли?!.. Дур-рак ты! Ой, дур-рак! Это тебе не Конституцию нарушать, а Древневековую формацию!.. Хватит держать Гишторию за дешевку! По спирали только пьяные движутся, а Гиштория движется по обстоятельствам! Понял? По камням да по ямам, а не по спирали. И движется она не вверх, не вниз и не вперед, а как Бог на душу положит, и как обстоятельства позволят! А спираль не для того дела предназначена, спираль вставляют в другое место... Показать куда? В утюг! Утюг ты глупый! Эй, люди!

Вбежали люди.

— Выпороть его на конюшне! Как это «нету конюшни»?.. Тогда в гараже! А что делать? Приказ! Люди думали — хуже будет: возьмут опера под белые руки да выбросят из окна на лубянский асфальт, будто сам выпрыгнул. А так — что ж, дело нехитрое: отвели историка в гараж и всыпали кнутом раза два, галифэ с него не снимая, чтобы не оскорблять человеческое достоинство. Не сильно, но поделом — впредь будет знать, как гонять Гишторию по спирали! Привели обратно, сидеть все же не мог, стоял на ногах. И опять вопросы, вопросы:

— А кто? А что? А почему? А кто надоумил? А подать мне сюда Ивана-дурака! Из-под земли достать!

А люди думают: «Што делаеца, што делаеца!.. Зачем временной председателыше высокой парламентской комиссии понадобился Иван-дурак? Мало что ли дураков на свете — а этого из-под земли вынь да положь. Не иначе, привести в исполнение стародавний приговор, без применения срока древности. С нее станет — возьмет и отрежет Ивану это дело прямо в бериевском кабинете. А законны ли подобные методы? А что скажет конституционная комиссия? Выбрасывать подследственного из окна — одно дело, а отрезать ему жизненный орган — совсем другое... Да и как ей подашь Ивана? Иван — эвон где... Уже у Геркулесовых Столпов. Иван уже приплыл.»

14

Приплыли богатыри.

Смотрят.

Видят: на горизонте торчит дворец не дворец, а Воздушный атлантический Замок; промеж Геркулесовых Столпов стоит лестница не лестница, а стремянка; и на ту стремянку взгромоздился атлант не атлант, а Атлантище! Такого не видывали, о таком не слыхивали! Думали — атланты помельче; а этот — страшное дело! Ни проплыть, ни проехать, ни извини-подвинься — весь Гибралтарский пролив перетгородил, на европейский Столп ящик с инструментом поставил, на африканский — узелок с обедом, что жена завернула. Внешний вид: рыболовецкие сапоги, замусоленная роба да старая шляпа — задрожали богатыри, узнали ту фетровую шляпу от погибшего циклопа-техногена. Во рту Атлантища торчат три шурупа, в глазу — параболический монокль. Облака поочередно к нему подплывают, что-то он там в облаках отверткой крутит, отвинчивает... Видать, электрик. Или сантехник. А может, и плотник: из инструментального ящика стамеска в небо вонзилась, которую за маяк приняли, — в Мадриде, небось, видна.

«С кем воевать-то? — дрожат богатыри. — С этим?...»

— Смываться надо, — шепчет Христофоров боцман.

Но поздно.

Чуткий Атлантище шепот услышал, обернулся, взглянул на «Всеволода Вишневого» сверху вниз, сверкнул на солнце

моноклем — этот прожектор посильней волшебного зеркала будет — слез со стремянки, три шурупа в пролив выплюнул. Поднялась от трех шурупов волна морская по самые трубы, бросила «Всеволода Вишневского» на Гибралтар-скалу. Богатыри в крик:

— СОС! — кричат. — СОС!

Тут и сказке бы конец, но Атлантище пальцем корабль на плаву придержал, пока вода не схлынула и всех оберитов с острова Обериос не смыла. Не стало оберитов, сгнули аки обры. Развязал Атлантище узелок с обедом, что жена приготовила. Разложил на скале пять жареных быков, поставил тыщеведерную бутылицу «Атлантического портвейна красного» да любимую атлантскую закуску — банку малахольных мексиканских кактусов, вроде наших бешеных огурцов, но ядреней. Портвейну из горла отхлебнул, кактусом похрустел, быка обглодал, кости в Гольфстрим забросил на радость жадным акулам. Поднялась от тех костей волна океанская выше крыши, но Атлантище «Всеволода Вишневского» от цунами ногой отгородил, прошла мимо волна, всех гипербореев с Борейского полуострова смыла. Не стало гипербореев, сгнули, аки обериты. Сожрал Атлантище второго быка, червячка заморил, и уже не спеша взялся за третьего.

— Кто тут у вас капитан Иван-дурак будет? — лениво спрашивает, глодая бычью ногу.

— Ну, я! — с гонором отвечает Иван-дурак.

— Ты?! Да ну?! Да не может быть! «Гэ» ты, а не капитан.

Это знать надо: «гэ» у цивилизованных атлантов самое страшное ругательство.

— Зачем пожаловал, Иван-дурак?

Молчит Иван. Что отвечать Ивану? Приплыл, дескать, двигать Гишторию по шпирали? Накручивать ее на ось «Этруссия — Эсэсэсэр — Атлантида»?

Доел Атлантище четвертого быка, так и не дождался ответа. Икнул — будто гром отдаленный пророкотал в поднебесье. Успокоил икоту глотком портвейна. Последнего быка есть не стал, возложил бычью тушу на корму корабля. От такого перегруза «Всеволод Вишневский» нос к облакам задрал, а корму опустил в пучину морскую.

Хороший знак: провиантом делится. Наелся, значит. Сытый — не злой; а все равно страшно.

Уравновесили богатыри быка на палубе, ждут — чего дальше будет?

А Атлантище поковырял в зубах заостренным бревном и стал учить Ивана-дурака уму-разуму: «Чего дрожишь, Иван? Не дрожи, не трону. Хочешь, значит, Ванюша, угодить в Гишторию? Похвальное дело, но Гиштория, Ванек, — это неизвестно как все было. ЧТО-ТО, конечно, БЫЛО, но неизвестно КАК. Запомни, Ванятка: главное в жизни не «ЧТО», а «КАК». Главное, Ванюха, не содержание, а форма. Все на свете «гэ», а интерес для Гиштории представляет только то, КАК это «гэ» видоизменяется. Что было, то было; что будет, то будет; может, вообще ничего не было, и ничего не будет. И так бывает. Смирись, не думай об этом, не бери в голову. Делай чего-нибудь руками, чтоб голова не болела. Всяких дел много, а что именно делать — тоже не имеет значения, там видно будет. Вот я — на обе руки мастер. Могу и плотником, и сантехником, и электриком. Могу дифференциальное уравнение до ума довести, могу твой корабль на орбиту забросить вместо спутника. Не бойсь, не заброшу. Могу и за бутылкой сходить, и озонову дыру заштопать. Мною любую дыру затыкают. За три тысячи верст киселя хлебать — всегда пожалуйста, хоть жена не довольна. А я ей — молчи, дура!.. И ты, Иван, не будь дураком. Умей чего-нибудь. Не хочешь на конвейере, или тачку катать — чини чего-нибудь. Или на бензоколонке. Они там... — Атлантище ткнул пальцем в небо, — они там любят, когда Иван при деле. Так им спокойней. Вот я — чиню-починяю, все умею... Все ушли, меня оставили потолок держать. Последним кого оставляют? Ивана. А как же! На Иване Земля держится. А не хочешь робить — отдохни. Ляж, полежи, они из своего будущего не видят. А увидят — скажи: отдыхаю, обедаю, наблюдаю, как оно есть в природе. Они поймут — наблюдатель. Тоже нужно. А часов не наблюдай, на время не смотри — опасно. Да и время всегда одно — без пяти минут чего-то. Ладно, мне пора. Бывай, Иван, больше не свидимся. Там, наверху... — Атлантище опять ткнул пальцем в небо и понал в подплывавшую черную тучку».

Сверкнула из тучки молния, попала в стамеску, Атлантище только плечо отдернул.

— Там, наверху, так решили: барахтайтесь тут сами, хватит мне торчать затычкой в чужой дыре. Сейчас побарахтаетесь... Бывай, Иван, здоров!

Допил Атлантище весь портвейн, ни капли богатырям не оставил (а втайне надеялись они на ту каплю!). Инструментальный ящик на плечо водрузил, на стремянку влез, дернул

что-то там за черной тучкой, будто цепочку в ватерклозете. Заурчала, забулькала черная тучка, расползлась, загремела, зарокотала...

Поднялась из нее вода занебесная — дождь в ручьи превратился, ручьи — в речные потоки. Уселся Атлантиде поскорей верхом на стремянку, сказал волшебное слово: «Ну!» и полетел по воздуху, махая створками, на Канальские острова, благо рядом. Вошел там в Воздушный Замок, включил зажигание. Взрели, загрохотали сорок тысяч техногенных циклопов, вышибли из планеты Воздушный Замок, как пробку из шампанской бутылки. Поднялась Вода до самого Неба; сошлись, закипели две Большие Воды — и не выдержала небесная механика, подвела вселенская сантехника — прорвало во всевышнем ватерклозете стяжку Пространства, вышибло клапан Времени, — распечатались две Мировые Бездны, сразились две Сотворяющие Силы: одна, Сила-силенная-обалденная, потащила «Всеволода Вишневского» в Дыру Пространства; вторая, Сила-силища-офигенная, напротив, поволокла его в Колодец Времени.

Кто перетянет — Время или Пространство?

Чувствуют богатыри — конец подкрался. Закрутило их, завертело в штопор между Временем и Пространством; не выбраться им из штопора! Плывет мимо них во Мраке и Хаосе хищная рыба-белиберда, шагают сапоги всмятку, летит дичь-перелетная, скачет сивая кобыла, катятся турусы на колесах, а впереди зияет дыра от бублика.

Нету богатырям спасения.

Как видит Иван-дурак: плывет в этом Мраке корабельный пес Полкан, держит в зубах последнюю их надежду — ту самую стяжку-черточку, соединявшую Пространство со Временем, а Время с Пространством...

Не долго думая, ухватился Иван за хвост Полкана, ухватил Аверьян Ивана за ноги, Богдан ухватил Аверьяна за плечи, Демьян ухватил Богдана, Степан — Демьяна, Касьян — Степана... Кондрашка из хаты выскочил — хватать-помогать! Иван кричит:

— Полный назад, Ерема!

Ерема — не все дома — в трюме кочегарит: полный назад!

Удержали Полкана с соломинкой...

А там и Девятый Вал Времени подоспел — подхватил ту соломинку и поволок из гишпанцев в турки, из турок в греки, а из греков уже в варяги: изменил Днепр-Славутич свое

течение, докатил богатырей до Этруссии, влился в колодец времени, как в воронку, и выбросил «Всеволода Вишневского» в Москва-реку на Речной вокзал.

15

Тут и сказке конец.

Набежали москвичи:

— Провиант доставили!

А тот жареный атлантский бык — как здание Моссовета!

Ели того быка всей Москвой три дня с утра до вечера. Всем хватило. А гостям столицы — накося-выкуси! Ели так: за ушами трещало, в рот не попадало. Так ели, что не заметили, как штатские дюжи молодцы похватали богатырей под белые руки, покидали в черны вороны, повезли на Лубянку к Василисе Васильевне.

Выходила царица морская на площадь Дзержинского.

Дураки ей в ножки головой об асфальт поклонялись. А она, богиня японская, на них не смотрит, нос воротит, молвит сквозь зубы своим людям:

— Зла на них не держу, что с дураков возьмешь? Им закон не писан. Посему — отправить их всех...

«По этапу», — думают люди.

— Кого на пенсию, кого на пособие по безработице. Ну, а этого... — указала пальцем на Ивана-дурака, — этого ко мне в кабинет.

Поник Иван головой.

«Отвоевал Иван», — думают люди.

Завели его в кабинет, усадили на диван кожаный, оставили вдвоем без свидетелей.

Подошла к дивану Василиса Васильевна, бросилась Ивану на грудь и заплакала:

— Ох, устала я, Вань! Ох, устала я с циклопами воевать и корчить из себя блядь прожженную! Я ведь, Вань, до сей поры не трогана, не целована...

И так далее...

16

Много ли, мало ли лет прошло.

Колодец времени затянуло болотом.

«Всеволода Вишневского» переименовали во «Владимира Высоцкого».

Корабельный пес Полкан дожил до глубокой собачьей старости и сдох. С почестями захоронен у ограды Цветного бульвара под развесистой липой.

Боцман Себастьянов, говорят, бросил пить-сквернословить, женился на Авдотье Шалаевой; жили они в московской коммуналке прямо напротив испанского посольства, хозяйством не обзаводились, то и дело в окно выглядывали, все ждали вызова из Испании, и как только, так сразу уехали. Дунька, говорят, довольна жизнью с гишпанцами.

Богатыри разбрелись по стране кто куда.

Емельянов лютыми зимами в Санкт-Петербурге халтурит — печи кладет, буржуйки ставит; а летом по украинской визе уезжает на Днепр-Славутич ловить говорящую щуку в болоте времени. Демьянов устроился в «Макдональде». Жарит-варит, деньги делает, друзей ухой угощает.

Романова украли памятники из общества «Память». Поят его, кормят, спать укладывают и на руках носят как генетическую хоругвь конституционной монархии.

Ульянова долго не принимали нигде на работу, и он ушел в подпольный ЦК ВКПб, расположенный в подвале на Ленинском проспекте номер 33. Когда цэкисты-вэкапэбисты выходят на демонстрацию, они поднимают Ульянова вместо запрещенного красного знамени.

Теперь о Яшке Бронштейне.

Живет он в Одессе у самого синего-синего моря. В политику не лезет, в Израиль не собирается, работает простым электриком — выкручивает где надо лишние лампочки, торгует лампочками на Привозе. Ранней весной промышляет на берегу монетками, что летом дикари бросают в море, чтобы когда-нибудь вернуться, — к весне те монетки волна выбрасывает. Попадаются даже центы, иены и пфенниги — а это уже кое-что, на водку хватает. Однажды выбросила волна на берег в Лузановке древний металлический рубль с позеленевшим лысеньким профилем Ульянова. Долго Янкель смотрел-разглядывал, никак не мог вспомнить, где видел этого человека... Хотел было вернуть бесполезный рубль синему морю, но передумал и спрятал зачем-то в карман.

Остальные — кто где. Живут себе, поживают. Никто не хочет попадать в Историю.

«Ну, а Иван-дурак и Василиса Прекрасная? — может спросить иной терпеливый читатель. — Когда же этой сказке конец наступит?»

И будет прав.

ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО — ПОКА НЕ ПО-
МЕРЛИ.

Василиса Васильевна работала директором Лубянского института «БЛАГДЕВДРЕВПРО» (Благородных Девиц Древневекового Происхождения). Невесты из института шли нарасхват — Даша, Глаша, Любаша, Маняша, Наташа и даже Параша. Иван плавал капитаном на «Владимире Высоцком», бороздил Понт Эвксинский в каботажных рейсах, ходил в Стамбул и в Испанию, а вот в Америку не хотел почему-то.

Расписались они, сыграли свадьбу, но виделись редко. Зато каждый год под Рождество уезжали под Киев в Древнюю Русь, снимали селянскую хату и все зимние каникулы без роздыху предавались НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ.

Чего и вам желаю!

Тут и сказке конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиография	5
-------------------------	---

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Дом. <i>Рассказ</i>	9
Дед Мороз. <i>Рассказ</i>	24
Производственный рассказ №1. <i>Рассказ</i>	31
Безумный король. <i>Рассказ</i>	49
Шестая глава «Дон Кихота». <i>Повесть</i>	80
Недостающее звено. <i>Рассказ</i>	129

ВТОРОЕ ИЮЛЯ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА

Второе июля четвертого года. <i>Рассказ</i>	145
---	-----

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Кащей Бессмертный — поэт бесов. <i>Рассказ</i>	185
Реквием по Сальери. <i>Рассказ</i>	210
Железный человек. <i>Рассказ</i>	233
Остров Змеиный. <i>Рассказ</i>	243
Да здравствует Нинель! <i>Рассказ</i>	251
Лишь бы не было войны. <i>Повесть</i>	292
Иван-Дурак, или Последний из КГБ. <i>Рассказ</i>	365

Литературно-художественное издание

ШТЕРН Борис Гедальевич

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ

Повести
Рассказы

Ответственный за выпуск *Р.Е. Панченко*
Художественный редактор *Б.Ф. Бублик*
Технический редактор *Л.Т. Ена*
Корректор *Н.В. Бабенко*

Сдано в набор 08 02 96 Подписано в печать 15. 02. 96.
Формат 84х108 1/32 Бумага типогр.
Гарнитура тип Таймс Печать высокая с ФПФ.
Усл печ.л 21,0 Усл. кр -отт 21,82. Уч.-изд. л. 23,7.
Тираж 16000 экз. Заказ № 6-47,

«Фолио»,

310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34

Отпечатано с готовых диапозитивов
на книжной фабрике имени М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

Штерн Б. Г.

Ш90 **Остров Змеинный: Повести, рассказы / Ред-сост. Д.Е.Громов, О.С.Ладыженский; Худож. Д.Н. Капельников. — Харьков: Фолио; Донецк: ИКФ «Сталкер», 1996. — 400 с. — (Новая русская фантастика).**

ISBN 5-7150-0381-4.

Книга киевского писателя-фантаста Бориса Штерна не оставит равнодушным самого взыскательного читателя. Тонкий юмор, мастерское владение литературным языком, оригинальность сюжетов и богатая фантазия уже успели принести Борису Штерну заслуженную известность, а также немалое количество престижных премий, в числе которых «Еврикон», «Бронзовая Улитка» и многие другие. Часть из вошедших в настоящий сборник произведений публикуется впервые.